

Мухомов

М.М.
ПРИШВИН

7

М.М.ПРИШВИН
Собрание сочинений

М.М.ПРИШВИН

Собрание сочинений

В ВОСЬМИ ТОМАХ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. В. Кожин, В. В. Круглеевская, Ю. С. Мелентьев,
В. О. Осипов, П. В. Палиевский, В. М. Песков,
Л. А. Рязанова

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1984

М.М.ПРИШВИН

Собрание сочинений

ТОМ СЕДЬМОЙ

НАТАСКА РОМКИ

ГЛАЗА ЗЕМЛИ

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1984

P2
П77

Подготовка текста и комментарии
В В Круглеевской и А А Макарова

Оформление художника
А В Лемятского

Иллюстрации художника
Ф В Домогацкого

П $\frac{4702010200-232}{028(01)-84}$ подписное

© Состав, комментарии,
оформление, иллюстрации.
Издательство «Художествен-
ная литература», 1984 г.

НАТАСКА РОМКИ

Из дневника охоты 1926—1927

3 апреля <1926>.

Щенок, еще и месяца нет, бегает, играет. Вчера он сунулся в чашку, из которой ела мать, и та зарычала и так двинула своего сосунка, что он долго визжал. Так бывает у собак.

Вчера мы отдали Рема. Кэт не хватилась его, как и тогда, когда из шести мы оставили ей двух, ей нужно только одного, чтобы высасывал молоко, вот если всех отнять и молоко будет напирать, она будет очень страдать.

Надо это заметить, как нечеловеческий мир, близкий к той пустыне, которая открывается, когда думаешь о вечном движении Земли. Это все годится для изучения мира первобытного человека.

27 июня.

ПЕРВАЯ СТОЙКА

Рома, поднимаясь по лестнице из подвала, зацепил полкирпича ногой, и тот покатился вниз, считая ступеньки, и ударился в дверь.

Рома удивился и стоял на верхней ступеньке, спустив уши на глаза. Долго смотрел, а спуститься и проверить не смел: а вдруг кирпич опять оживет и начнет его бить.

Но и оставить нельзя лежать этот подозрительный, вдруг оживший предмет. Думал он, думал, вертел головой так и так, уши ему очень мешали смотреть вниз. И так он решил, что спуститься и проверить невозможно: вот именно потому и страшно было, что кирпич не подавал никаких признаков жизни, — вещь чем мертвее лежит, тем, значит, страшнее будет, когда оживет.

Тогда Рома начал будить кирпич лаем: брехнет и прыгнет назад, брехнет и прыгнет. На лай прибежала мать, посмотрела вниз, в направлении лая Ромы, медленно со ступеньки на ступеньку стала спускаться. Рома перестал лаять и смотрел вниз, на мать. Кэт осторожно спустилась, понюхала половину кирпича, еще что-то понюхала и, посмотрев вверх на щенка, сказала ему: «Мне кажется, тут все благополучно». После этого Рома успокоился и, подождав на верх мать, прыгнул к шее и стал тереть за ухо.

30 июня

ПРАВО СОБСТВЕННИКА

Ярик нашел кость и глодал ее в траве среди цветущих ромашек. Подбежал к нему Ромка поиграть, но Ярик, предупреждая о кости, зарычал. С другой стороны зашел Ромка — Ярик рычит. Я показал Ярику любимый им белый хлеб и поманил. Он бросил кость и прибежал, и с ним Рома. Оба съели по кусочку. Ярик остался дожидаться другого кусочка, а Рома тихонечко, тихонечко, дальше, дальше, подобрался к кости и улегся грызть ее. Вероятно, воспоминание о вкусном кусочке белого хлеба не давало ему возможности отделиться совершенно грызению кости, и потому он, захватив ее в зубы, прибежал с ней на терраску к нам и, положив кость возле себя, стал просить хлеба. Ярик, увидев свою собственную кость, сделал было слабую попытку ей овладеть, но Рома слегка зарычал, и Ярик признал право собственности за Ромой. Молодым зубам, однако, долго не изгрызть такую кость. Рома через некоторое время устал. А Ярик тут же стоял над душой. Рома сделал вид, что грызет, а сам больше смотрит искоса на Ярика в ожидании, когда он удалится.

Вот показалась молочница, и Ярик, брехнув, побежал встречать ее. А Рома с костью скоро бежит в противоположную сторону, в кусты; скоро там он отыскал рыхлое

место, углубил его, перебирая передними лапами, уложил кость, закопал и, выбежав из куста, пустился к молочнице.

— Видишь, Лева,— сказал я,— у них право собственности основано на захвате: уважается не право сильного, а право захвата; кто захватил — тот и владеет, но не вечно, а пока пользуется, малейший перерыв в пользовании открывает другому возможность утвердить свою собственность.

— Не совсем справедливо,— ответил Лева,— иногда бывает совершенно необходимо перервать пользование хотя бы небольшим промежутком.

— Это можно,— говорю я,— но тут у них правило: «не проворонь!» — и умный пес, желая перервать пользование, удаляется с костью подальше и зарывает ее в землю...

5 апреля <1927>.

ИГРА С РОМКОЙ

Я подхожу к окну и стучу по стеклу пальцами. Ромка знает по стуку, что я у окна, и в несколько скачков взлетает на всю высоту штабеля лесных материалов против моего окна: он хорошо знает, что только с этой высоты он может видеть мое лицо у окна.

Несколько мгновений он вглядывается, насторожив уши, потом узнает, и голова становится гладкой, хвост вильнул несколько раз и остановился: Ромка ждет от меня какого-нибудь действия. Я молчу и не двигаюсь. Ему это нестерпимо, он вызывает меня:

— Гам!

И, насторожив уши, ждет ответа. И как только я в ответ на его «гам!» кричу свое «гам!» — стремглав бросается со всей высоты штабеля, мгновенно исчезая из поля моего зрения. Но я знаю, что он делает: он бросается к стене дома под моим окном, потом становится на задние лапы и — такой дурень! — пробует передними лапами дотянуться на всю высоту до окна, превосходящую высоту его прыжка раз в десять.

Его останавливает, однако, не высота: будь лицо мое видимо, он не посмотрел бы на высоту и во что бы то ни стало попробовал бы допрыгнуть до моего носа. Его останавливает от прыжка только то, что лицо мое снизу не видно, останавливает, что исчезла самая цель действия,

полученная от зрительного впечатления с высоты штабеля лесных заготовок.

А если исчезло лицо, то надо его скорей увидеть, проверить, все ли я еще стою у окна.

И он в три прыжка взлетает на высоту, всматривается, узнает, опускает уши, опять вызывает меня.

Я кричу ему: «Гам!» — и он снова бросается вниз, и опять исчезает, и опять появляется.

29 мая.

Серое теплое утро, растут и растут на деревьях листики: там дом закрылся, там забор, там березовая ветвь закрыла вид на всю слободу. Стало покойно, и не тянет больше вставать до свету и куда-то бежать ни свет ни заря. Так бывает у людей, когда невеста украдена и начинаются брачные ночи. Искать нечего, вокруг все такие же, как и сам.

В журнале «Краеведение», говорят, изругали «Родники Берендея» за неверное краеведение (!): это, конечно, влияние Смирнова, в котором я вскрыл весь яд «смирненного труженика науки». Мне это годится для анализа Алпатова, когда он стоит перед необходимостью удовлетвориться положением «маленького труженика».

Ходил в лесу с Ромкой. Налило воды везде больше, чем от вешнего снега. Везде цветут желтые цветы бубенчики (коровий напор). В ароматном весеннем золотистом цветке бубенчика таится часто жалящее насекомое, в украшенной множеством мелких цветов болотной кочке спит змея: сел — и она укусила.

Я до такой степени приблизился посредством охоты к жизни природы, что меня удивляет, зачем это писатели, не будучи даже поверхностно знакомы с жизнью природы, считают своей обязанностью описывать погоду, леса, реки, моря. Потому, наверно, и старцы, близкие к сокровенным сторонам жизни человека, с недоумением относятся даже к гениальным произведениям искусства: все эти Гамлеты, Отелло и т. д. тысячами в живом ежедневном виде бывают у них, они это просто видят и должны им помочь, им кажется бессмысленным тратить время только на изображение виденного (суета сует!).

1 июня.

Яркое июньское утро. Я работаю спокойно: теперь не боюсь больше что-нибудь пропустить, там сотворилось — теперь я творю.

К вечеру небо стало ровно серым, но дождь не пошел. Очень тепло, и воздух наполнен ароматом берез, тополей и черемухи. Урок на болоте Ромке: приучаю ложиться с ходу.

2 июня.

Цветет черемуха. Росисто-крепкое, ясное, прохладное утро. Вывелись вальдшнепы. Показались первые выводки тетеревей. Скворцы молодые летают. Исключительной красоты, роскошного спокойствия день.

Катынский рассказывал, что спугнутый вальдшнеп-самка тащит в лапах и своего маленького, взлетит и с ним опускается.

А еще: сорока заглянула в дырочку скворечника и хотела выхватить оттуда скворчонка, но не могла: отверстие мало. Так постоянно бывает.

По-видимому, селиться надо в бору, близость лесничего может вернуть меня к лесной теме.

19 июня.

Мы с Яловецким ездили искать место для осенней охоты на Дубне, выехали в девять утра и вернулись в понедельник 20-го в три дня. Наметили дер(евню) Александровку.

Константиновская долина реки Дубны похожа на дно озера, которое давно пересохло, и люди стали пахать на том месте, где раньше плавали.

Яловецкий влюблен в эту долину, и она действительно прекрасна, и, главное, тем, что на человеческий глаз не изменяется: «В десять лет раз заметишь, заглохла где-нибудь старая ива, и больше ничего».

1 июля.

Отправлен в «Красную ниву» рассказ «Служба Пана». Закуплен провиант в Александровку. Ставлю вопрос: совсем выкинуть из головы «Кашееву цепь» до конца охоты

или же понемногу заниматься и романом и Ромкой? Думаю не оставлять романа и в особую тетрадку накапливать материалы. Основная же работа — «Натаска Рома».

Меня беспокоит, что Ром, когда его приглашаешь на привязь, рычит и потом, положив свою огромную голову между передними лапами, смотрит страшными глазами с красными белками, вроде чумного. Вчера я решился было его побить, он зарычал сильнее и принял положение нападающего тигра. Я схватил стоявшую под рукой лопату и отвозил его. Он забился в угол и оттуда рычал. Я очень сожалею о происшедшем, но не раскаиваюсь: а если бы он бросился на меня и укусил? Пришлось бы делать прививки и собака осталась бы без натаски. Его мать тоже не позволяет себя бить, и это она меня научила обходиться с собой без плети. Попробую то же делать и с Ромкой, не бить, и держаться в этом до последней возможности.

2 июля.

Прекрасное утро и после обеда роскошный ливень. Очень боюсь, что приеду на место и делать будет нечего: бекасы в крепях, а туда теперь после таких дождей не добраться.

Рычание Ромки происходит от особенностей характера матери: если ей дать кусок хлеба, который она не может проглотить сразу и потому ляжет с ним на месте, то непременно рычит. И это так занятно, ведь только что моя же рука ей дала этот кусок, и перед этим она умоляюще столько времени сидела, и вот она уже собственница. Я не боюсь этого ворчания, очень люблю схватиться пальцами за кусок, будто отнимаю, и так немного дразнить ее. Другая особенность Кэт, что она не дает себя бить, не только бить, но даже если сказать ей грубое слово, она начинает кричать и делать такой вид, будто вот-вот бросится и разорвет. Это унаследовал Ромка — богатырь, но мы не знали. Когда однажды я подошел к нему, чтобы повязать ошейником, он зарычал на меня, как дикий зверь, барс, готовый растерзать меня. Я не заметил тогда, что возле него была кость, которую он охранял. Я схватил лопату, больше ничего не было возле, и дал ему здорово, чтобы он другой раз не смел так. Потом подошел к нему и привязал, хотя он все время ворчал. И потом глаза у него были кровавые, страшные, как у чумных собак. После водворения его на место я рассмотрел кость, из-за которой

он ворчал, вспомнил мать и понял, что напрасно я бил его и едва ли можно отучить его от наследственной привычки. Я решил брать его лаской и на другой день, лаская, уговаривая, подошел к нему с ошейником; как только он увидал ошейник, он опять зарычал. Я долго его уговаривал, кое-как привязал с риском, что искушает. Он лежал голова между лапами и смотрел на меня опять страшными глазами. Теперь уже кости не было и рефлекс злобы был прямой от ошейника. Опасаюсь, как бы не сделать еще такой ошибки, что он прогонит меня с болота.

10 июля.

С утра моросит дождь. Потом сверчки. Болотное сено думают бросить, недоступны болота. Забота, как бы спасти клевера.

Ромка положил голову между лапами и глаз не сводит с меня. Ему это ново и необыкновенно приятно быть с хозяином. Я вчера плетью заставлял его лежать в телеге, а когда шли, одергивал, чтобы приучить ходить к ноге. Он до того растерялся от счастья быть со мной, что второпях поднял ногу на мою ногу, как на дерево, и цикнул.

Началась натаска Ромки: всего будет двадцать дней.

В шесть часов дождь перестал, и я вышел с Ромкой через прогон мимо прудика. Пустил... Он отлично бегают на кругах и до того слушается и голоса и свистка, что металлический свисток я решил пускать в ход лишь в роковой момент, когда он погонит.

Мы перешли небольшое ржаное польцо, обрамленное болотным кустарником, утопающим в цветущих травах. Рожь буреет. Луговые цветы и в этот год благодаря постоянным дождям необыкновенно ярки и пышны. Мне их не хочется называть — до того обыкновенны эти названия и так мало говорит каждое в отдельности. Надо каждый из этих цветов описывать как явление, значит, давать всю обстановку и в ней разыскать такой момент, когда цветок этот является как бы героем.

Вот, например, мы шли потом довольно долго кустарниками, была ольха, ива, чахлый болотный березняк, потом начался мелкий осиновый кустарник, и как только осиновая чаща сменила березовую, вдруг там и тут за-краснела чертова теща. А когда кончился осинник с чертовой тещей и мы вышли опять на край ржаного поля,

то голубые васильки, проглядывающие в аквамарине стеблей, обласкали меня больше, чем звезды ночной порой. Я бы очень хотел в это лето каждому цветку найти его место, где он является единственным в своем роде.

Избрав себе наугад тропу в ольховом кустарнике, обливающим меня водой с головы до ног, я выбрался наконец в долину речки Вытарасовки. Дома хозяин мне сказал о ней:

— Видите, она и в Ясникове, и к нам завернула, вроде как бы вытаращилась, за то и называется Вытарасовка.

Собственно говоря, речки нет давно и признаков, долина представляет широкое болото, берег которого на одной стороне представляет кочкарник, поросший кустарником ольхи, ивы и частой березы, — очень крепкие места, прекрасные для вывода дичи. На другом берегу, верста или даже больше, пашни и села. Налево эта долина переходит, наверно, в Дубенские болота, направо она закончилась лесом, и там на горе белела в диком месте новая крыша человеческого жилища.

— Новый свет, — сказал мне после об этой крыше михайловский пастух. Я подумал, что пастух говорит иронически, и сказал: «Новый свет, значит — Америка?»

— Какая там Америка, — засмеялся пастух, — просто говоря, живет Дмитрий Иванович.

И рассказал, что Дмитрий Иванович пробовал устроить не то коммуны, не то кооператив, не то частную торговлю и назвал это «Новый свет». Несомненно, среди древних финских и славянских названий «Новый свет» начнет свое бытие, и дай бог ему новому, чтобы со временем он стал так же стар, как и они.

В воздухе свистели кроншпсы, я стал смотреть туда и услышал другой желанный крик: «Ка-чу-ка-чу!» — кричал бекас. Я увидел его. Он сложил крылья и спустился над серединой болота. Было довольно далеко, и я не мог точно определить место. Долго водил там Ромку против ветра на веревочке, наконец устал и пустил его бегать свободно, с тревогой ожидая его роковую встречу с бекасом и уповая на свой металлический свисток. Но встреча не произошла: Ромка, очевидно, еще совсем не умеет пользоваться чутьем.

Я жалел, что случайный бекас отвлек меня от крепких мест, где, несомненно, надо было теперь искать выводка. Там около этих мест топталось стадо. Я вспомнил рассказ одного охотника с Дубны, что будто бы там охотники

иногда нарочно дают пастуху на чай рубль-два, чтобы он прогнал стадо; и когда от прогона скота начнется грязь на болоте, бекасы высыпают на грязь из крепких мест.

Я подошел к пастуху, спросил. Он сказал, что только сейчас видел бекаса, и указал мне место, куда он сел. Я вошел в кочкарник с высокой травой и редкими кустами ольхи и берез. Вскоре вылетел бекас с криком «ка-чу, ка-чу» и сел неподалеку, — очевидно, гнездовой. Я навел туда Ромку, он пырлся носом и не чуял следа; бекас быстро бегал внизу между кочками в высокой траве и вылетел совсем не там, где мы искали. Переместился опять недалеко, мы пошли туда, и вдруг там метнулся над травой и опять опустился... о, великая радость! — молодой бекас. Ромка его видел и пошел было по зрячему, но, очевидно, не чуял ни верхом, ни низом: молодой бекас вылетел невидимой для него тропкой и сел, я точно заметил, возле чахлой березки, в кочках, в траве.

Я веду, очень волнуюсь, на веревочке Ромку. Мне кажется, вот он взял воздух, вот ведет, но вот он остановился... У меня сердце забилося. Но Ромка остановился... и стал есть осоку. Я взволновал его словами: «Ищи, ищи!» — он стал шарить и вдруг, взметнувшись высоко из травы, схватил в воздухе пролетавшего мимо слепня. А мы стояли на том самом месте, где опустился молодой бекас.

Я, когда волнуюсь, всегда хватаюсь за трубку, набиваю, а сам: «Ищи, ищи!» Ромка тоже взволновался, останавливается, всматривается в мое дело и... раз! выбивает носом трубку из рук. Еще совершенный дурень!

Молодого бекаса мы так и не нашли. Но раз, помню, и со старой опытной собакой в таком кочкарнике я не мог найти переместившегося молодого бекаса.

Между тем бекасиной матке стало тревожно, она сама поднялась и с криком полетела у меня над головой. Я пошел в направлении ее полета, свободно пустив Ромку, в надежде, что металлический свисток его остановит. И вдруг у него из-под носа вылетает бекас. Если бы Ромка не растерялся, он мог бы схватить его. Я успел в момент его замешательства схватить кончик веревки. Рассчитывая на молодого, я сказал: «Ищи!» Ромка сунулся носом в кочку, мгновение там задержался, и в другое мгновение я его оттащил.

Разобрав траву, я нашел гнездо с тремя яйцами, два были раздавлены носом собаки. Я наказал Ромку, уложив

его возле кочки, взял за веревочку, повел к сильно переместившейся матке, искал — не нашел, и когда соскучился, пустил Ромку свободно, и как только пустил — он стрелой пустился к гнезду; я кричал, я свистел в металлический свисток, — он летел. Я сам бежал и настиг его, когда совсем уже было подшаркал гнездо. При моем приближении он лег на спину и задрал ноги вверх.

Опасно наказывать такого молокососа — можно сразу испортить. Я только серьезно переговорил с ним и повел. И когда я отвел его далеко, уже с полверсты, и пустил понюхать место, с которого, раскидывая коленца, вырвался старый холостой бекас, Ромка опять стрелой пустился к гнезду. Но в этот раз я его удержал.

Между тем солнце так разогрело болото, такой силой осадили меня слепни, что я решил уходить скорее — да, только бы поскорее выбраться! Стал переходить чистое грозное болото с мелкой травой, не глядя на собаку от крайней усталости. Кроншнепы низко носились, раздражая криками собаку. И вот тут, нечаянно посмотрев в сторону Ромки, вижу — из-под самых его усов поднимается вялый бекасенек и летит куда-то. Я таким громким голосом крикнул, что Ромка опять перевернулся вверх брюхом. А потом, когда я обласкал его за послушание, стрелой пустился в сторону полета. Мне удалось сдержать. А потом Ромка очень усердно искал на том месте, откуда взлетел бекасенек. Мне кажется, он теперь понял запах бекаса — и в этом достижение первого урока натаски.

Два больших сомнения овладевают мной: первое — есть ли чутье у собаки, не напрасно ли я буду с ним возиться; второе — в его огромном теле, в безумно загорающихся глазах таится сдерживаемая дикая воля, — удастся ли мне повернуть этого волка себе на службу?

Я выходил из болота с отдыхом через каждые пять шагов: так было жарко, так устал в эти пять часов. С радостью вышел на суходол и пустил Ромку на широкие круги. Вдруг из куста выскакивает кошка, — не только за свисток хвататься, но даже крикнуть не успел, как Ромка ринулся.

Я нашел их на поляне, кошка сидела сгорбившись, готовясь к смертельному прыжку, выражение кошки было самое страшное, какое только может быть на свете: так иной слабейший из людей, в последнем отчаянии, чую смерть, говорит: «Не боюсь, потому что моя смерть будет и смертью твоей!»

Перед этим чудовищем в ромашках Ромка стал неподвижно с налитыми кровью глазами. Я свистнул. Я крикнул. Он медленно перевел глаза на меня. Я потряс в воздухе плетью. Он медленно, обходом куста подошел ко мне. А как исчезла кошка, я не видел.

Ромка такой видный, такой большой, что лошади его пугаются и бросаются в сторону.

Все дороги были покрыты тучами бабочек-крапивниц (красные с черным пятном). Ромка их хватал, когда они поднимались, в этот момент я наступал на веревочку от парфорса — и бабочка невредимой вылетала из огромной пасти. После двадцати — тридцати разов Ромка перестал ловить бабочек.

Стало совсем жарко, когда я вернулся домой. Хозяева лихорадочно убирают сено. Кобыла щиплет траву, а ее жеребенок стоит вплотную к ней с теневой стороны

11 июля.

ВТОРОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Встал в три утра. Вчерашние гуляки шли с косами. Спешили: день ожидается жаркий. Я вышел в четыре утра по плану моего хозяина. Вчера, выслушав меня, он сказал: — Это вам было первое обозрение, а завтра другое.

Оказалось, эта же самая речка подходит с другой стороны к самой Александровке, расплываясь здесь в огромное болото. Ходьбы до этого болота всего пять минут, вдоль изгороди. Я решил осмотреть болото и, если успею, попасть берегом его на вчерашнее место. Болото оказалось зыбучее, голое, с бочагами, оно левой стороной упиралось в лес, покрывающий берег до самой Дубны. Оттуда слышались крики журавлей. Неподалеку слетел кроншнеп, и Ромка долго нюхал наброд, шил по нем носом, как швейной машинкой. Болото покрыто низкой травой с преобладанием хвоща и прямо без зарослей переходит в суходол. Трудно было ожидать здесь встретить в это время бекасов.

Я решил суходолом сократить путь ко вчерашнему болоту. Небольшие ивовые кусты с болота, вместе с пушицей и душистой белой спиреей (медовкой) переходят и на суходол, к ним тут присоединяется поляна с клевером и погребушником. Красные клевера и желтые погребушники, сливаясь вдали, дают безжизненный цвет этим бедным

холмам с жалким редким кустарником ольхи и ивы. Огромное пространство на Руси таких пустырей с переродившейся травой. Небольшие холмики под ногой происходили, вероятно, от бывших здесь когда-то огромных деревьев. На этих кочках росло много цветов, и особенно мне бросились в глаза Анютины глазки.

Никогда не было у меня никакой Анюты, но бог знает отчего, когда я опять встречаю эти цветы, мне представляется какая-то Анюта, и я сам себе кажусь рыцарем Анютиных глазок. Правда, есть в детстве и в самой ранней юности такие тончайшие стыдливые чувства, которые остаются в себе тайными, а потом навсегда отметаются как глупость и появляются у иных разве иногда в смертный час на прощанье с чем-то единственно прекрасным в жизни...

Пока я переходил безжизненные холмы и спускался к болоту, жара усилилась и начали жиласть отвратительные потыкушки. Ромка сразу наткнулся на бекаса, вылетел сонно из-под маленького ольхового куста, окруженного кочками с высокой травой, и сел неподалеку. Раз вылетел так сонно и без крика, то можно догадаться: тут гнездо с яйцами.

Из опасения подавить яйца, как вчера, я отвел собаку в направлении переместившейся самки. Между прочим, очень важно в интересах охотничьего хозяйства установить минимум жертв при натаске собаки.

По пути к переместившейся самке в ста шагах от гнезда вылетел самец и помчался на своих легких коленцах, потом вылетела самка и опять села недалеко. Я подвел туда Ромку и пустил, он тыкался носом бессмысленно до тех пор, пока она не слетела сзади невидимо для него. При этом огорчении мне вдруг стало понятно, что значит выражение «он на своем деле собаку съел». Но перед тем, как понять значение поговорки, я пропустил через свою голову довольно сложный поток маленьких дум.

Я думал так, что ведь для книги моей решительно все равно, выйдет из Ромки собака, которую, значит, я съем, или не выйдет: книгу ведь можно написать и по отрицательным результатам. Но после того я спросил себя, что же мне хочется иметь — собаку или книгу, и что во-первых, и что во-вторых.

Когда я все взвесил, то почему-то с большим удовлетворением признал, что собака во-первых и книга во-вторых. И когда я это решил, то мне и стало совершенно

понятно выражение «он на своем деле собаку съел». Я понял, что собака должна быть мною съедена, то есть выучена артистически, поглощена мною, и тогда, во-вторых, явится книга как изложение дела, на котором я съел собаку.

Так, видно, бог не обидел меня разной ерундой, которая приходит мне в голову, когда становится скучно. Проклятые потыкушки, или «монахи», длинные, темные, прямо срывали кусочки кожи, руки были совершенно в крови, сердце от жары схватывалось в кулак. Но я не хотел возвращаться домой с одним «обозрением» и решил перемануть входящую в болото косу джунглей, чтобы поскорей попасть на то место, где вчера встретил бекасиную выводку.

Скоро, однако, я залез в такую пропасть, что пожалел. А Ромка время от времени поднимался на кочку высоко и сейчас же со страхом прижимался ко мне. Я думал — он это по глупости, но вдруг увидел прямо перед собой рога, и направо и налево торчали рога. Это коровы забрались в дебри от потыкушек и, почуяв собаку, стали на нее наседать. Угрожая плетью во все стороны, я надбавил ходу и скоро пролез в открытое болото, и только вошел в те кусты, где вчера поднял выводку, вдруг из-под носа у Ромки вылетел бекасенок. А когда я, чтобы остановить Ромку, очень громко крикнул «тубо», с того же места вылетела матка с другим бекасенком, и тут Ромка не только не бросился бежать, но сделал настоящую картинную, по всем правилам стойку.

Я подошел к нему — он стоял. Гладили по голове — стоял и смотрел в траву. Я даже подумал, не застрял ли там бекасенок, но нет, Ромка делал стойку только по месту, с которого слетели бекасы.

Много мне дала эта стойка; первое, что он понял требование, и второе, что подтвердилось мое мнение, сложенное по натаске его матери, — это что природа легавой определена на стойку, а не на побег за дичью, что гонять за дичью собаки приучаются, когда их не сразу выводят на дело, а вываживают для упражнения в поиске по полям с маленькими птичками.

От радости я не рассмотрел, куда переместились бекасы, и трудно было их искать, когда и я и собака были облеплены потыкушками.

На обратном пути мне показалось, что Ромка стал серьезнее, не хватал бабочек, не гонялся за слепнями.

Теперь только бы у него было чутье. Будет — и собаку я съем.

Я забыл записать, что сегодня Ромка с веревкой обошел два раза дерево и был задержан. Ярик в таких случаях не догадывался, и я думал, что собаки вообще и в таких случаях не находятся. Но задержанный Ромка вернулся в обратную сторону намотке и был отпущен.

Вероятно, его большая голова не пуста.

Еще я забываю, что вот уже второй раз в болоте вылетает какая-то птица иссера-черная, величиной с желну, осанка ее не болотных птиц, а скорее похожа на ястребка. Что это?

Вечер после знойного безоблачного дня стал прохладным (вот когда натаскивать надо, по вечерам!), мы сидели на лавочке и на воздухе не было ни одного комара, а хозяйка доила в хлеву и жаловалась: в хлеву теплей и комар там.

12 июля.

Найден путь к Михалевскому болоту в двадцать минут. Выхожу в три сорок из дому. Вижу, летит бекас с большого болота через кусты и садится возле деревни за рожью в поточину. Что это значит? Оставляю загадку нерешенной. Бекас домашний? Понаблюдаю. Осмотрю сегодня поточину по возвращении.

Выводок бекасов (вчерашний) нашелся, как и вчера, у крайнего к открытому болоту куста. Ромка стал. Потом взорвались бекасы. Но я не могу верно сказать, была это стойка или же он стал, прислушиваясь к крику кроншнепов или к окрикам пастухов. А бекасы просто пришились к случаю. Бекасы разлетелись. Один полетел на меня, и так хорошо, что я <чуть> не вздумал его схватить рукой — вот бы Ромке пример! В крепких местах мы ничего не нашли. Я оставил выводок с тем, чтобы пойти проверить островок на болоте, потом зайти к вчерашнему гнезду и возвратиться опять к выводку.

Виновница этих болот Вытарасовка оказалась самым маленьким ржавым ручьем, закрытым тростниками. Перехожу эту речку, дальше из болот выступают родники, возле родников сосочки, около сосочков кое-где ольховые кустики, среди них я узнаю свой, где вчера мы нашли бекасицу.

Ромка работает сегодня по-новому, огромными скачками через кочки и обрушивается с шумом в лужи. Я его не стесняю, боюсь смять поиск. Пусть рушит. Один раз, напротив, что-то причуял и долго вел, даже не поднимая нос из травы.

Старый бекас и потом бекасиха вылетели не совсем на том месте, как вчера. Гнезда не нашли и теперь. Я предполагаю, что это начинает новое гнездо та бекасиха, у которой Ромка носом подавил яйца. Я направил Ромку к переместившейся бекасихе, но она его не допустила и вылетела для него незаметно. Когда же он подошел, то вдруг стал. Я был уверен, что он стоял по ее наброду, но мне и это было очень приятно. Я подходил, он стоял по-настоящему. Я огладил его, он пошел тихонько, и вдруг вылетела болотная курочка. Он было сунулся, но по крику сразу остановился. Вот это уже достижение — первая настоящая стойка.

Мы возвратились к выводку. Я не ожидал, что за это время выводок мог собраться и как раз под тот же самый куст. Знаю, что вылетело из-под Ромки, но была ли стойка — не видал. Мне мелькнула только матка, летящая в открытое болото, и бекасенки в крепких местах. Я бросился к Ромке, он был растерян. И вдруг около самой его лапы поднимается молодой бекасенки, совершенно как старинная игрушка — птичка, летящая посредством резинки. Дурачок сел в низкой траве.

Я наметил глазами два темно-зеленых бугорка, между которыми опустил молодой, стал сажать Ромку на парфорс, и у меня рука дрожала от волнения. Я мечтал даже взять бекасенку живым, если он уткнулся, как это бывает, носом в жидкое место. Вот о чем я мечтал! Но пока я привязывал веревку, бугорки исчезли, я не мог их найти и повел Ромку приблизительно. Там, где я думал, Ромка не причуял и стоял дураком, слушая кроншнепов или пастухов. Я огладил его, он быстро двинулся вперед, веревка натянулась, Ромка зевнул, веревка прошла по траве и подкосила бекасенку. Но, к счастью пришлось, его бросило не назад, в крепь, а дальше, на совершенно голое место; в этот раз я точно заметил: бекасенки пролетел над можжевельниковым кустиком, половина которого была рыжего цвета, и опустил во вторую от кустика густозеленую кочку, торчавшую над желтым болотом. Кажется, вот теперь кончено: мой бекасенки. Мы подходим туда, в стороне срывается старый бекас, мне послышалось,

он даже крикнул, и не бекасиха, а сам, и я даже успел порадоваться, что в этот раз открыл самца возле знакомого выводка. Я очень осторожно подвожу Ромку, и он от этого дурест, то на меня посмотрит, то на небо. Он ничего не чувствует и ставит лапу на ту самую кочку, где таится бекас. Я нашептываю: «Ищи! ищи!» Он шьет машинкой — бекас не взлетает. Я шарю сам — его нет. И возле нет, нигде нет.

Я отпускаю Ромку, он забирает вправо и тут начинает понимать, то ведет, не поднимая нос из травы, то вдруг поднимает голову и нюхает воздух.

Это большое достижение: нюхает воздух. Да, он знает, что где-то близко бекас. Делает быстрый дальний круг, и вдруг из-под меня поднимается бекасиха, кричит свое «ка-чу — ка-чу» и улетает в крепь. Но куда же делся бекасенок? Я десяток раз прохожу все места, и нет. Мне остается предположить только одно, что бекасенок в очень короткое время моей подводки успел отбежать в сторону и что это он вылетел, а не как я думал — старый бекас.

Некоторое время я искал старую бекасиху, пускал Ромку по наброду, он что-то чуял, поднимал голову из травы, направлялся по воздуху, опять опускал голову. И все-таки мы ее не нашли.

Подходя к дому, я вспомнил об утреннем бекасе, прилетевшем в поточину. Пустил Ромку. Он потянулся, потом шлепнулся в воду, как лошадь, в стороне порвался старый бекас. Я пошел по веселой зеленой ручьевой чисто бекасиной траве. Ромка шлепал в кусту. Определенно теперь можно сказать только, что в присутствии бекаса впадает в состояние какой-то тревоги, не стойки, а только тревоги: то голову поднимет, то зашьет носом в траве. Вылетает бекасиха с криком «ка-чу», он смотрит ей вслед, из-под лапы вылетает маленький бекасенок, он сунулся... Я остановил. Другой вырвался...

Так старый самец, прилетевший на восходе сюда, вероятно, с большого болота, открыл мне выводок почти возле дома. Вчера мужики просили меня истребить сорочий выводок и указали как раз на это место. Вот теперь я возьму ружье, убью для Ромки молодого бекаса и скажу, что сороку убил.

Вообще бекасов теперь лучше искать не у больших болот, а в таких ручейках с веселой травой на одной стороне и с крепкой зарослью на другой.

Так кончился третий урок. Я вижу успех в понимании задания, но если не считать водяную курочку, вероятно, сидевшую под его носом, — какое же у меня доказательство чутья Ромки? Но вспоминается Кэт: не три раза, а сто водил я ее среди бекасов, и она их не чуяла, и почуяла вдруг, когда я сводил ее на куропаток. Разве тоже сводить осторожно разок по тетеревам?

Хозяева за мной так ухаживают, что мне как в хорошем санатории, не говоря уж «как дома». По случаю праздника зарезали курицу, а смешанная в дороге с песком манная крупа — отличный материал для каши-запеканки. Дверь к хозяевам часто стоит открытая. Сейчас входит хозяйская кошечка, и вдруг на нее Ромка... Сила взрыва его была так велика, что железная тяжелая двуспальная кровать, за которую он был привязан, отъехала до половины комнаты. Кошку потом с трудом нашли между листьями лимонного дерева. Да, огромный запас взрывчатых веществ таится в Ромке, когда-то удастся его обломать!

Хороша в праздничный день лесная деревня, все-то отдыхают у себя, и домики стоят на солнце такие чистые, как и в Элладе. И девушка выходит из одного домика к соседнему, стала на лавочку, потянулась к окну и в окне исчезла. Ведь так жили в своих тесных городках-деревнях и древние эллины. Вероятно, эта деревенская тишина выманила тетерку с цыплятами перейти дорогу, и что-то случилось с ней на пути: один цыпленок, чуть больше грецкого ореха, остался на дороге и запищал. Мне его подали в окошко. Я испытывал на нем терпение Ромки.

А ночью против моего окна у амбара начнется ток, страшно подумать, что будет. И замечательно, что, как у животных, токовище всегда одно и то же: старый дед рассказывал, что и он плясал у этого же самого амбара, — но амбара того не было, а ветлы те же самые. Две маленькие девочки прошлись и теперь, еще очень робко покакивая:

Милый на ногу наступит.
Он характер узнает.

Видел, прошла к колодцу эта ежегодно рождающая женщина, какие у ней груди! Но какая бы ни была сила — деревня вытянет все соки из женщины. Ведь каждый год

рождает, и кормит грудью весь год, и кормит руками артель в 11 душ, и на поле.

Федор, у которого зимой со двора волк украл его знаменитую гончую, взялся показать мне лес «Подмошник» и тропинку в нем на «Остров». Конечно, мы взяли с собой и Ромку. Вот теперь есть что рассказать, потому что в этот вечер, я думаю, если только не считаться с одним обстоятельством, Ромка вполне определился как охотничья собака: Федор указал мне тропинку на Остров, а идти туда отговорил: поздно. Он просил меня, когда я пойду на Остров, хорошо запомнить тропинку, а то она одна и другого выхода нет: кругом забучие болота, а если угодишь в сторону Дубны, то и совсем непроходимые места, и если даже и перейдешь их, то ничего не найдешь: берег Дубны состоит из плесов в забучей чаще. Мы повернули от Острова и, минуя Подмошник, вышли на знакомое мне большое забучее Александровское болото по Вытравке. Ромка, гонимый потыкушками, стурил бекаса. Федор указал мне уголок этого болота, где осенью лепится вся дичь. Потом мы свернули в Жарье на просеку, и Федор с сокрушением сердечным поведал мне трагедию одной неумной тетерки. Как же! выдумала устроить гнездо на самой просеке. Конечно, тут народ ходит, каждый сгоняет, каждый замечает. Но все-таки гнездо долго было цело, и только недавно кто-то побил яйца. Только в семь вечера болотный гнус успокоился, стало прохладно и совершенно тихо. Мне захотелось посмотреть на своих бекасов возле дома, и я, дойдя до поточины с веселой бекасиной травой, пустил Ромку.

Тогда вот и произошло то удивительное событие, о котором я хочу рассказать. Мне кажется, в этом значительную роль сыграло то, что был вечер, значит, бекасы за день дали большой наброд, и что, главное, было очень прохладно — чутьисто в воздухе, как еще не было ни разу при этой натаске, и что внимание собаки не отвлекал гнус, без которого, по правде говоря, не обходилось ни одно утро. Да, это был момент вечера, когда и человеку вдруг все запахнет (такой момент бывает и на утренней заре, когда трава обдается росой).

Ромка несколько раз ткнулся в траву, потом высоко поднял голову, задумчиво играя ноздрями, огляделся и потихоньку пошел, переступая с лапы на лапу, совершенно так же, как его ученая-разученая мать. Следуя за Ромкой, крайне взволнованный, выше колена в поточи-

не, я оглянулся на Федора, думая, что он остался на берегу. Но Федор, хотя и заячий только, но все же страстный охотник, не выдержал и босой, по брюхо в болоте, двигался возле меня.

— Видишь? — шепнул я.

— Вижу, — ответил он.

— Удивляешься?

— Удивляюсь.

Мы свернули по ручью направо, и тут Ромка остановился возле куста и долго смотрел туда, не решаясь войти. Кажется, ему даже страшно было войти в куст, и оттого его вдруг бросило от него на берег. Но быстро он вернулся и решился войти. Я следовал за ним, не выпуская конца веревочки.

С большим трудом я пролез за ним, и так мы обогнули куст и вышли опять на простор веселой ручьевой травы, и тут Ромка перевел свою огромную, высоко стоящую над болотом голову в направлении поточины, постоял, поиграл ноздрями, утвердился и, тихо переступая, пошел: раз, два, три... Впереди порвался сначала старик-бекас, отец, и махнул по-бекасиному, по зорьке, через кусты. Потом, ближе, с теканьем матка и два молодых бекасика.

Это значит, собака поставлена, и ведь без всякой придумки с заранее пойманной дичью с подвязанными крыльшками. Я даже не ознакомил Ромку с запахом убитого бекаса.

— Интересно? — сказал я Федору.

— Очень даже интересно, — ответил он.

Я, конечно, не стал говорить Федору о моем одном маленьком сомнении: ведь Ромка здесь был утром, и бекасов мы подняли с ним утром именно под этим кустом. Не шел ли теперь он по памяти, как было у меня когда-то с его матерью? Вот это сомнение оставил я до утра. Но если все будет благополучно, то, значит, собаку мне удалось поставить в три дня.

Радость моя была представлена в небе явлением цапли. Не знаю, почему так люблю ее медленный полет вечерней зарей на безоблачном небе. Всякая птица летит, значит, летит то повыше, то пониже, то вздрогнет, то свернет, а это не птица, а будто карета едет — карета радости. Это едет по небу хозяйка необозримых болот.

И я тоже хозяин. Мне кажется, люди как-то из-за комаров, слепней и потыкушек, естественных стражей девственной природы, не догадались о красоте болот, и я без

борьбы, без зависти, просто взял в свои руки великое царство...

А есть ли где-нибудь на свете девственная природа без гниуса? Все равно и тропический лес — какой-какой гадости там нет.

13 июля.

НОВОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Вчера вечером я оставил себе на ночь большой чайник крепкого чая, рассчитывая в темноте попивать из носика и так перебить предстоящую ночь ужасного тока против моего окна. По вчерашнему разу я готовился услышать пронзительный голос барышни Изюмовой. Я узнал от хозяев, что голос такой именно ее. Конечно, я все-таки лег в кровать, зная по опыту, что беспокойный сон все-таки что-то значит усталому. Я спешно заснул до Изюмовой, и вдруг она с подругами запела прекрасную русскую песню. Я сразу заснул, и утром мне объяснили хозяева: не пришли гармонисты.

Я подождал до пяти часов, чтобы успели бекасы немного набродить, и пустил на ручей Ромку. Он быстро все обшарил, ничего не нашел и выскочил на берег. Значит, вчера он шел не по памяти, и я теперь свободный человек, мне теперь не надо спешить: Ромка будет просто доходить постепенно до всего во время моих прогулок для обозрения пространств, на которых осенью буду я бить дупелей, бекасов и тетеревов.

Я пошел по зеленой дорожке кустами в Филипповское дупелиное болото. Везде по кустам были болотинки, кое-где уже с подкошенной осокой. Очень возможно, и даже будто наверно, потом, когда подрастет отава, бекасы подвалят сюда из кустов. До Филипповского болота полчаса ходьбы, под конец прекрасными поддубновскими тетеревиными местами. Болото является продолжением Ясиновско-Александрово-Михалевского, но кочковатое, как раз дупелиное, версты полторы шириной, а в длину безмерное. Пастух, завидев собаку мою, бросился ко мне. Он хочет покупать себе ружье, ведь он пастух и может обходиться без охотничьего свидетельства.

— А есть бекасы? — спросил я.

— До пропасти, — ответил пастух, — пойдем, я покажу.

Своей длинной палкой он стал показывать Ромке. Тот сначала обглядел, а потом бросился к пастуху, обнюхал его, схватил его лапами и стал обходиться, как с самкой.

— А ну тебя, — крикнул пастух. И сказал, что он будет сам искать и больше найдет, чем я с собакой.

Мы разошлись и скоро были на расстоянии с чем-то верста. Бекасов не было. И только уж когда я шел навстречу ему, он крикнул. Ромка, дойдя до места спугнутого бекаса, стал прискивать.

Подошел пастух, крайне удивленный отсутствием долгоносиков. Можно было верить, что он действительно видел, но куда они делись? Предполагаю, что в какие-то часы они вылетают сюда из крепких мест. И ставлю себе эту задачу на разрешение.

Я вернулся к Александровским полям. Лен цветет, как хорошо.

14 июля.

Я не рыбак, потому что утомляюсь следить за поплавком. Слов нет, можно, конечно, и по сторонам поглядеть, можно думать и не только о рыбе и поплавке — можно думать и о своем и по сторонам глядеть. И все-таки надо не совсем отрываться от поплавка, нельзя быть совершенно свободным при ужении, как все равно хозяйке нельзя отойти совсем далеко, если на плите молоко.

Мне это утомительно и потому, конечно, что я — не рыбак. В охоте с подружейной собакой роль поплавка играет собака, с которой никогда нельзя спускать глаз. Собака — это в сто раз утомительней, чем поплавок. Ведь только на волне бывает иногда беспокойно следить за поплавком, а на тихой воде он лежит. Собака вечно кружит, исчезает в кустах, изменяет направление, что-то причуяв по ветру бог знает откуда. Нет «тихой погоды» в обстановке охоты с собакой, нет в собаке самой того постоянства, о котором думают хозяева, получая наученную собаку из рук егеря. Собака не поплавок из пробки, она всю жизнь учится при хорошем хозяине и, натасканная прекрасно, сейчас же разучивается в неопытных руках. И весь опыт основан совершенно на том же самом, что при ужении рыбы, — глаз нельзя спускать с собаки, собака у охотника — это поплавок у рыбака.

Да, в сто раз утомительней следить за собакой, чем за поплавком, и все-таки смотреть на поплавок мне уто-

нительно, потому что я не рыбак, и я же не утомляюсь не только при охоте с подружейной собакой, но даже при натаске.

Как люблю я в этом море болот, с мокрыми внизу и слегка поросшими вверху кочками, со своим таинственным содержанием своих коридоров, бросить собаку на весь карьер и легким посвистыванием, или движением руки, или оборотом лица в другую сторону управлять, не спуская глаз с этого живого поплавок! Я люблю то волнение, когда еще молодая собака на бешеном карьере встречается с бекасом: роковая встреча! Устоит <ли> моя собака при взлете, как стояла, когда я сдерживал ее веревкой? Удержит ли ее теперь вместо веревочки мое слово? И вот охотничий поплавок остановился — это значит <в> переводе на рыбацкое: поплавок исчез под водой. Вот взорвался бекас...

Нет, я не то хочу сказать, <что> такое любимое может найти каждый страстный человек в своем деле и так представить свое ремесло, будто оно самое лучшее и только им одним можно заниматься. Силу любви своей я испытываю не по хорошему, а по тому злу, которое приходится переносить. Болотный гнус...

Вечером прошел от Михалева до Филипповской гати и дальше по жидкому болоту до Абрамова. Я думаю, что количество дичи вовсе не пропорционально площади, удобной для ее обитания, напротив, в маленьких болотцах дичи больше бывает, чем в больших. Нашли коростеля, по которому Ромка сделал стойку, а потом до самой Филипповской гати, до грязи от коровьего причала встречен был один бекас. Возле гати в трясине было два бекаса. Они несколько раз перемещались, и я воистину с ослиным терпением подводил Ромку. Мне только раз удалось добиться стойки, и то уже после взлета по месту. Вообще Ромка может причувать, сильно волнуясь, низом, по наброду, без стойки, может верхом что-то чуют, тихо брести по запаху, но вскоре терять струю... Около нашей деревни в болотных кустах, где коровье стадо устроило целое маленькое озеро грязи, нашлось несколько бекасов.

Слепни почти совсем кончились, говорят, и потыкушек значительно уменьшилось. Самое лучшее время для прогулки вечером в семь часов, когда потыкушки уже кончились, а комар не начинал.

Стараюсь с бешеного карьера переводить Ромку словом «тише» на более тихий и внимательный поиск.

Видел, как ложились белые холсты на болота. Потом вошел в этот туман. Мозгло.

Замечали вы, что когда где-то тут вот, за этим болотом, крикнут гнездовые журавли на своем болоте, то всегда кажется, будто у них там как-то совсем не по-нашему хорошо, интересно?

15 июля.

Стоят жаркие дни. По утрам роса, как после ливня. Косят болота. В четыре утра пошел на первый выводок против Михалевского болота и сначала не нашел его. Потом возле Островка Ромка причуял, и, пока ворочался в траве, вылетела сонная бекасиха и очень близко, сложив крылья вилочкой, упала в траву. А Ромка, вдруг что-то причуяв в траве, отстранился, сел и перевел глаза на меня. Оказалось: гнездо с тремя яйцами.

Нужно все-таки отдать справедливость Ромке: на редкость послушный и памятный. Потом много раз я подводил Ромку по перемещающейся самке, и подводил на веревке, и так, свободно, уговаривая на тихий ход, приближал; в лучшем случае он прихватывал и начинал шарить, а бекасиха взлетала без стойки, в худшем — он не чуял и не видел взлета, но потом, когда подходил ближе к месту, с которого она срывалась, делал настоящую стойку.

Я утешал себя тем, что трава была очень высокая, роса слишком большая и что мать Ромки целый месяц тоже не понимала, что, схватив чутьем бекаса, нужно довериться этому запаху и стоять, играя ноздрями, или двигаться вперед с крайней осторожностью, нащупывая место, от которого исходит запах.

Удивительно, как на всяком деле сначала удастся как бы вперед забежать, а потом вернуться к начальным позициям и доползать очень медленно по случайно открывшейся возможности. То была раньше «проба», а собственное учение вот только теперь и происходит. Буду теперь ждать стойку по бекасу, как он делает теперь по коростелю (коростель-то очень близко!).

Когда я вернулся (через два часа) к месту первоначального выводка, Ромка вытурил без всякой стойки коростеля, а когда я отправил его в направлении перемещенного по большим кочкам, то выводок бекасов сорвался прямо

из-под Ромкина живота. Я расплевался и не стал больше искать перемещенных.

До дому оставалось перейти ржаное поле, как вдруг Ромка сильно натянул веревочку, растянулся на траве и стал хлюпать носом. Я опустил веревку подлиннее, он пополз раскорякой в кусты, скрылся там. Потом раздалось хлопанье крыльев. Я успел разглядеть тетерку и маленького цыпленка. Вот счастье! Искать тетеревей в лесу долго я считал вредно для молодой собаки, но если даром дастся, то почему же не дать понюхать необходимую дичь Ромке. Я уложил Ромку и стал посвистывать, направо перелетела матка, налево свистел цыпленок, и такой, верно, маленький, что свистел еще без коленца; я стал ему подражать, и скоро отозвалась матка.

Когда, мне показалось, прошло довольно времени, чтобы молодые тетерева дали по росе свои бродки, я встал и отпустил, конечно на веревке, Ромку. Он сделал шаг или два — из-под ног вылетел тетеребенок, он посмотрел вслед ему налево — справа возле самых ног вылетел другой, он поглазел направо — вылетел слева. И тогда он бессмысленно запахал носом по траве, полез раскорякой, даже с криком. Потом он метался по следам туда и сюда, и там и тут, просто от шума в траве его громоздкого тела, вылетали тетеревята. Вот какой он еще, значит, совершенный осел!

Вечерняя работа по тетеревам.

Следы утренние смешались с вечерними, и Ромка, сколько ни пахал носом, ничего не мог найти на лугу возле ржи.

Потом надо непременно сделать описание этого интересного уголка природы, где на таком малом пространстве сходятся столь различные уголья: рожь и луг, суходол, и болото ручьевое, и болото боровое с мохом и ягодой.

Ромка все перенюхал возле ржи и на сухом лугу. Я перевел его для отдыха в болотце, тут спугнулся кулик. Потом из этого болотца Ромка вытянул меня в моховое и вразяжку потащил меня по траве.

У молодых легавых такое обыкновение — мчаться по тетеревиному следу как можно скорей. Вот почему и нельзя их пускать в лес. На следу, по которому тащил меня Ромка, я заметил тетеревиное перышко, вернул Ромку, показал, — он крепко понюхал; я поднял перо — он слизнул у меня его и проглотил; а после этого он перестал

тянуть, стоял и смотрел на меня, куда я пойду, потому что раз я могу достать из тетерок перо, то, уж конечно, знаю, где они... Через некоторое время мы добрались до тетерки, — верно, это другая, холостая.

После работы по тетеревам учил по крику «тише!» ходить на коротком поиске. Ромка на это поддается. но я боюсь, <не> будет ли этим сбит «естественный поиск».

16 июля.

АНОНС

Работа по бекасам от четырех до половины восьмого. Возле Филипповской гати поднялись два молодых бекаса. Ромка пошел искать и, вероятно, задел на ходу лапой: вдруг осел, согнулся, отошел шага два и сел, поглядывая на меня виновато. Бекас лежал без признаков жизни. Я поднял его, он был совершенно теплый и скоро зашевелился у меня в руках, а потом как только повеселел, то я связал ему на случай ноги. Это была драгоценная добыча для натаски.

Я десятки раз прятал бекаса между кочками и в кусту. Вот результат: стойки нет. Прицуивает через траву аршина на полтора, не больше. Часто проносится мимо. При таком чутье, если без следа найти может только мертвого, вот почему за неделю мы и не нашли ни одного молодого и все срывались раньше, чем причуивал. Но это не конец!

С матерью его было то же самое, и продолжалось до осени. Вероятно, осторожность, оглядка и особая догадка способны удесятить это чутье на аршин.

Возвращались болотом. Против Михалева из низкой травы Ромка вытурил бекасов: старого и молодого. Я прицепил веревку и стал подводить к молодому. Шагах в десяти Ромка уловил запах бекаса, но как раз в тот момент он вылетел.

Стал кружиться по коростельному следу. Я отвел и пошел искать старый первый свой выводок бекасов. Усердно искал минут двадцать, если не полчаса, а потом, когда вернулся к тропинке домой, Ромка вдруг стрелой куда-то помчался.

Свистки не помогали. Я нашел его на том самом месте, где он полчаса тому назад был отведен мной от следа коростеля. Подобное было с ним сегодня и с бекасом.

Расставаясь сегодня с бекасенком, я устроил его очень удобно в кочке под лозинкой, бекасенок до того посвежел, что пищал, и когда я его подбрасывал, то опускался, как осенний жирный дупель. После того как я устроил бекаса и пошел, Ромка охотно побежал за мной, — ведь бекас ему достаточно надоед. Так мне представлялось, на самом деле он расставался с бекасом только потому, что над ним висела моя воля. Но когда уже на довольно большом расстоянии от бекаса я встретил пастуха и стал с ним разговаривать и, значит, внимание мое по управлению собакой ослабело, Ромка стремглав покатила к бекасу.

Очень возможно, отчасти у него это возвращение происходит от наших опытов над отозванием от пищи. Одно время, подготавливая собаку к анонсу по Зворыкину, мы заставляли ее приходить с просьбой о пище за нами в другую комнату, и, когда мы разрешали, стремглав бросалась туда.

Стойкой называется положение, какое принимает собака для того, чтобы схватить при взлете притаившуюся дичь. Человек пользуется этим положением собаки, чтобы узнавать, где именно находится дичь, которую ловить (дробью) он будет сам, а собака не должна и с места тронуться. Значит, обучение собаки состоит главным образом в том, чтобы естественное состояние — готовность к прыжку — закрепить как таковое, не давая собаке после взлета птицы закончить то, к чему она приготовилась. Таким образом, стойка — это сложное состояние, в котором определяется наполовину дело природы и наполовину рука человека. И вполне понятно, почему Ромка делает стойку по коростелю, который может убежать, но не делает по бекасу, у которого связаны ноги.

Остается вопрос, почему он не делает стойки по свободному бекасу, но это, по-моему, объясняется тем, что бекас слетает раньше, чем Ромка его чувствует. Таким образом, стойка должна явиться в тот момент, когда явится способность чутьем угадывать местонахождение дичи.

Я думаю, что нормальная собака за время натаски Ромки давно бы причуивала бекасов и делала стойки, что, не будь примера Кэт, Ромку можно бы было определить как собаку с очень слабым чутьем. Но с Кэт было точно так, и потому — полное обоснование думать, что сын ее тоже обладает чутьем, но не умеет им пользоваться. Вот почему в высшей степени интересно найти тетеревиный выводок и проверить все мои рассуждения на тетеревях,

которых всякая собака чует раньше, чем они вылетят. И так, всё на разных выводах.

Шея моя распухла от комариных укусов. Не завидуют мне даже косцы болот. Козлов сказал:

— Там хоть сено возьмешь.

— А тут, — сказал я, — дорогую собаку.

— Но сами же вы сказали, — ответил хозяин, — что тут у него не совсем ладно, в носике...

Сегодня погромыхивает гром, но стало еще труднее: парит. Живу какой-то открытой жизнью, с улицы все слышно, и днем и ночью, днем больше маленькие, ночью большие.

Но основной звук, конечно, отбивание кос, похожий отчасти, когда в стороне дома при полной тишине работает жучок-пилильщик, шашель

Может быть, от перехода к одиночеству и от книги к единственному делу — «натаске Ромки» является с такой отчетливостью сознание отсутствия в моей жизни близкого, глубоко понимающего меня друга. Вот почему именно и получается это незнание до сих пор ни своих способностей, ни цены им. И я думаю, что обращение к другу («Зеленая дверь») не просто придумано. Только теперь надо бы найти образ этому другу.

ОДУМКА

Сегодня Ромка начал, как и мать его, преследовать кур и стоять над ними, не бросаясь, долго, в большом сдержанном волнении, заметном по дрожи. Вероятнее всего эта страсть пробудилась от встречи в лесу с тетеревами, и обратно через кур, очень может быть, он научится тихонько подходить к ним по следам.

Надо помнить, что многие навыки у собак, все равно как у людей, являются не прямо вслед за примером, а спустя время, в которое пример созреет в себе. Так очень может быть, что, если продержат Ромку дома недели две и вывести на бекасов, он будет их чують на большом расстоянии.

Тучи гремели сегодня. Крестьяне спешили копнить сено. Брызнул дождь, прибил пыль, смочил кусты, и больше ничего. Но по тетеревам я не пошел, слишком мокро в кустах.

17 июля.

Кончилась первая неделя натаски. Сегодня даю восьмой урок.

Работа по бекасам и тетеревам (от пяти утра до девяти утра) в Михалевском болоте и в Жарье.

Туман. Потом солнце, но после грязи легко. Очень пахнет спирея на болоте.

Называю первый мой бекасиный выводок «учебным». Повел прямо на него, и Ромка сразу смахнул сначала матку, а потом из-под лап, удивленный, выпустил бекасенка. После того я повел Ромку к Острову на гнезда. И тут он выпугнул без всякой задержки матку и, по своему обыкновению, испугался, причуяв гнездо. Я видел, что Ромка не тронул гнездо, между тем оно было обнажено, из трех яиц осталось два и лежали одно от другого на поларшина, одно яйцо было протюкнуто. Вероятно, пошевелили коровы. Я положил оба яйца рядом.

Мне пришла счастливая мысль сдерживать карьер Ромки, стараясь, чтобы он бегал близко около меня и рысью. Пусть я сомну его бешеный поиск, но иначе у него не бывает времени разбираться чутьем в запахах. После, когда он станет причуивать бекасов, можно вновь переводить его на карьер. А также в определенных бекасиных местах я не буду пользоваться веревочкой, которая часто сама сшибает бекаса, а главное, что Ромка сосредоточивается не на бекасе, а на борьбе с веревочкой. Вблизи бекасов я буду сокращать его поиск до последней степени и таким образом освобожу массу энергии для одумки.

С полчасика я занимался упражнениями и потом, рассчитывая, что выводок собрался, пошел осуществлять свой план. Сдержанный в движениях Ромка высоко задрал свою голову над травой и потянул по одному направлению. Мне сразу мелькнуло, что это не совсем обычно для него. И только подумал, вылетела бекасиха, а потом бекасенок. У меня еще осталось сомнение, движение Ромки могло быть случайным. Я решил было отложить проверку нового метода до следующего раза, так как не проследил полет бекасенка, а матка села далеко в крепь. Но вскоре Ромка сделал такое движение, как только что, и вроде как бы повел. Я крикнул — он не послушался; свистнул в свисток — он все пер туда, и когда выпер из высокой травы с высоко поднятой головой, шагах в двадцати от него на месте с очень маленькой травой сорвался бекас.

Правда, бекас мог бежать, и очень возможно, что Ромка чувял не прямо его, а только его наброд, но, во всяком случае, найденный метод для Ромки был верный, и мне открылась перспектива натаски. Слепней по прохладному утру после грозы не было совершенно, кусали только комары.

Я решил еще раз попробовать свой способ, а чтобы дать время выводку собраться, пошел в другую сторону поискать новых бекасов. К сожалению, мы вскоре нарвались на дергача или курочку и, вероятно, с семействами. Ромка зашил машинкой в осоке, изрезал себе нос осокой и страшно взволновался. И все-таки, когда я привел его к выводку, он немного повел, во всяком случае, я знал, что это по бекасу, и бекас действительно вылетел.

Мне думается теперь, что индивидуальность собак слишком разнообразна, и вот, вероятно, почему все руководства к натаске так слабы. Авторы этих книжек в большинстве случаев очень опытные и натаскивали множество собак — и пишут по воспоминаниям, нащупывая сходственные случаи для правил. Но именно потому, что индивидуальность собак чрезвычайно разнообразна, что сама натаска происходит в чрезвычайно разных условиях, едва ли возможно этим путем найти какие-нибудь твердые правила. Самое лучшее — это записать всю натаску хотя бы одной собаки изо дня в день, обрисовывать этим совершенно индивидуальность дикой собаки и потом применением приема изменять согласно новой индивидуальности.

ЩЕНЯЧЬЯ ДУША

Когда мы подходили к месту тетеревиного выводка, я немного зазевался, любясь обилием обрызганных росой мелких цветов. И вдруг увидел, что шагах в пятидесяти от меня Ромка вытянулся и, переступая с лапы на лапу, медленно скрывается за кустом. Это было страшное зрелище, потому что, если так он идет по зрячей тетерке, отводящей собаку от молодых, — все пропало! И притом именно теперь я обратил внимание, что на белой шее Ромки не было темного ошейника: вытянутая белая шея казалась огромной. Что ошейник был потерян им, это не поместилось в мое сознание, я принял то, что Ромка был совершенно свободен в своих движениях. Я гаркнул на весь лес не своим голосом: «Тубо, назад!» — и бросился

вперед, пролетев пятьдесят разделяющих нас шагов тигром.

А Ромка в это время, обезумевший от сильного тетеревиного запаха по росе и от моего крика, лежал, и притом лежал на боку, а когда я приблизился к нему, вовсе задрал ноги вверх. Вообще это особенность Ромки, что в его огромном теле до сих пор сохранилась чистая щенковая душа. У меня Лева был долго таким. .

СЛЕДЫ ЯСТРЕБА

Я кое-как без ошейника привязал Ромку на веревку, огладил его и пустил, придерживая кончик. Ром<к>а немного понюхал и быстро пустился по дорожке вдоль леса, и стал на поляне, покрытой ромашками и кустиками ивы. Он долго играл ноздрями и повел на середину поляны, и тут стал повертывать голову во все стороны, как будто старался из множества запахов, идущих со всех сторон, <выбрать> самый верный. Я был уверен, что вокруг нас разбрелся выводок. Я огладил Ромку, ободрил его, он медленно пошел и вдруг вытащил в место, осыпанное перьями тетеревенка. Ястреб, вероятно, только за несколько минут перед этим кончил свой завтрак, до того были свежи капли крови на траве и красные кусочки мяса.

После того Ромка повел, упрямо натягивая веревку до последней возможности, в кусты, через них, в мокрое осоковое болотце, разделенное стеной заросли от мохового болота с пьяникой. Став по колени в воду, высунув голову из травы, как тюлень из воды, Ромка смотрел через жидкое болото в заросли, совершенно как на самой короткой стойке, и это было бы бесконечно, если бы я не огладил его и не сказал: «Вперед».

Но он пошел не вперед, в заросли, а параллельно им по болоту, постоянно оглядываясь на заросли и останавливаясь. Так мы прошли все болото до конца, и так получалось по Ромке, что тетерев сидел один к одному вдоль всей заросли. Потом Ромка начал тотчас же обратное передвижение. Мне это наскучило, и я пригласил его следовать к зарослям. Он шел с осторожностью, и когда мы дошли, дальше следовать отказался.

Никакие уговоры не действовали, и когда я сам залез туда, он прыгнул назад.

— Не будь дураком, Роман Василич,— сказал я,— самое страшное волк, но я же тебя волку не дам.

Потом я вытащил Ромку из зарослей в моховое болото, и он зашил машинкой между кочками с пьяникой.

Получилась какая-то ерунда, и я все так объясняю: тетерева вышли на полянку, одного накрыл ястреб, другие разлетелись в кусты. После того, собирая тетеревят везде по росистой траве, много набегала матка. Возможно, она осокой провела выводок в моховое болото. Но возможно, что ребята собирали пьянику и стойка была по ребятам...

Так вот сколько всевозможных приключений является, когда натаскиваешь собаку, а потом автора понимают прямо по общим правилам!

Гнездо на Острове оказалось пустым, хотя вблизи того места вылетела не только самка, но и самец. Очевидно, вывелись. Исчезновение яйца утром и перешевеление яиц объясняются этим. А скорлупка падала в пустоту между кочками.

Хотел дать вечером урок, но пришел молочник из Константинова Даувайзер с пойнтером и просил указать выводок тетеревей, поупражнять пойнтера. Пустили по тетеревам, мчался как пуля и ничего не нашел. На болоте спугнул всех моих учебных бекасов и делал множество пустых стоек, и когда делал, хозяин, восхищаясь, обращал мое внимание. Под конец вылетел коростель, и пойнтер за ним помчался. Я успел закрыть глаза Ромке. Поиск у пойнтера широкий, шагов на триста, и ближе не подходит. Я попросил охотника взять на сворку собаку и пустил Ромку. Тогда вот и оказалось, какой Ромка послушный, какой у него прекрасный поиск. Так часто бывает, что все недоволен собой, и вдруг случается поглядеть на других — другие-то, оказывается, куда хуже!

18 июля.

По пути к филипповским бекасам запутался в лесу и открыл возле дома большое моховое болото. Так случилось, что я пришел на тропу к Михалевскому болоту и таким путем, все время упражняя Ромку на коротком поиске, дошел до той олешины, под которой в кочках спрятал тогда учебного бекаса. Ямка между кочками стала его могилой: там он лежал мертвым. Несмотря на все мои упражнения, Ромка спихнул и старого и молодого бекаса. И это было все, зачем я пришел сюда и потерял все утро.

Желая наверстать потерянное, я пошел направо от гати, в бесконечное пространство болот, стараясь придерживаться краевых зарослей. Ничего не находилось. Я решил попробовать перейти по ту сторону к кустам. Чем дальше я шел, тем сильнее ходило подо мной болото и хрипело на далеком пространстве. Поднялось множество кроншнепов и чибисов. Одного из кроншнепов, летавших возле меня кругами, я долго наблюдал, и уже не знаю чем, но он мне напомнил собой лося: такое же диво с своим кривым носом в воздухе, как лось в лесу, да и размерами, если взять из куликовых самого маленького гаршнепа, кроншнеп как лось.

ФОРМАЦИИ

Болото ходило все сильнее и сильнее, нигде я не проваливался выше колен. Истома, жуть одиночества охватила меня. Ромка бегал зря в этих огромных, совершенно пустых пространствах. В тоске я дошел до того, что называл его Романом Василичем, разговаривал с ним, как с человеком, совершенно как с другом. И вот тогда, в этой пустыне с какими-то птицами, вызывающими в памяти чередование формаций в жизни земной, как будто уцелевших чудом в живом виде от отдаленнейших времен, когда не было совсем человека, — я почувствовал творческое одиночество на земле человека, мне представилось «Я» мое как «Адамово», что я совершенно один и в тоске создаю другого, что всякий другой создается мной из себя самого в припадке тоски, выразимой только творчеством себе подобного.

— Роман Василич, — говорил я, переправляясь через речку, — как тебе не стыдно, ты перешел, бегаешь по другой сухой стороне, а я, может быть, сейчас провалюсь — и ты ничем мне не поможешь.

Эта речка вероятней всего была все та же Вытравка, но, может быть, и Кубжа. Она отделялась от остального зыбучего болота только более темной окраской покрывающих ее растений, среди которых были и кувшинки. Сплетенный корнями покров этих трав был, вероятно, тонок, и я висел в нем, как в гамаке.

Но тем не менее, постоянно разговаривая с Ромкой, я перебрался на другую сторону, совершенно сухую (Поддубовскую) вырубку, покрытую редкими березами и ковром цветущих трав.

Тут я устроился на пне, уложил Ромку, сломил веточку, стал отмахивать от него мух. Ему это до того понравилось, что он даже приподнял одну свою крышку и обнажил живот. Он был похож на ребенка, вернее на то лучшее, что осталось мне от сына, когда он был маленьким...

Множество людей мне вспоминалось, которые жили без «друзей», вернее без потребности их создавать. Конечно, их окружали какие-то люди, и близкие по образу жизни, вообще по необходимости, но этим занятым людям и в голову тогда не приходило творить друзей, у них для этого творчества не было пустоты, в которой бы под ногами качалось над бездной тонкое сплетение растений, а в воздухе носились птицы — пережиток формаций, с длинными кривыми носами.

Так я говорю: «Друг мой!» — и не вижу его лицо, и этот друг мой — это лучи души моей, которая встречает теперь собаку, и она становится другом, и так все, решительно все рождается из пустоты, из ничего, все лучшее, все высокое сознание человека на земле.

УЗНАЛ МАТЬ

Ромку я понимаю мало-помалу через мать его, на каждом шагу узнаю ее, и в своих действиях держусь этой линии. Например, вот теперь, желая прогуляться по тетеревиным местам, я пустил Ромку свободно, потому что через мать узнаю в нем послушную собаку, которая не может ничего поделывать особенного, выйти за пределы наших отношений. И когда он стал приискивать, я не надевал ошейника. По мере того как мы приближались к птице, он сильнее метался в стороны, и наконец, когда стал делать прыжки, петух взорвался в кусту.

Такое же было и с матерью, как она металась вначале, а потом как-то осенью вошел я в лес, и она сразу повела к тетеревам очень осторожно. Так будет и с ним — сразу поймет, что надо не метаться по следам и шить машинкой, а причуять по воздуху и прямо идти на птицу.

В деревне около изгороди совершенно птичьим голосом, вроде галчонка, закричал на Ромку молодой хорек. Я понял, что это один из тех, которых наши соседи поймали и прикармливали. Им нечем стало кормить, и они их выбросили. Вот это уж видно, что московские крестьяне, — подумать только, хорьков, злейших врагов кур, не убили, а выпустили на волю!

Я долго играл с хорьком, давал ему в зубы плетку, а потом подбрасывал в воздух. Он прыгал, корчился, как кошка, старался быть очень страшным, но у него плохо это выходило, потому что младенческая невинность была даже в мордочке молодого хорька, что-то очень наивное в сочетании огненно-черных глазок с белыми приплюснутыми ушами и нежным рыльцем. Я оставил его жить, сказав: «Живи, но только смотри, у моего хозяина кур не воруй!»

Зашел проверить тетеревиный выводок и опять ничего не нашел, даже следов. Очень возможно, что ястребу помогла расправиться со всеми молодыми лисица или хорек, а старики улетели в моховое болото на пьянику.

Начинаю беспокоиться, что первого августа нечего будет стрелять, бекасы молоды и не так их много. И какие бекасы первого августа? — все поддубовские выбиты скотом, на Острове, говорят, только три тетеревиных выводка и то в глуши, — на что же охотиться?

Пастух сказал, что в лесах и комар и вся муха пропадает к посеву ржи. Вот, в самом деле, естественное время в нашем краю для начала охоты. Первое августа — это слишком рано.

Вечерняя работа по бекасам (семь — девять вечера) на большом болоте. Стурил двух у закрайка: одного и, удивляясь первому, сейчас же второго. Потом вел к кустику, из которого вылетел жаворонок, я думал, поведет по жаворонку, и отозвал, а после оттуда вылетел бекас и затем другой. Еще вел далеко из болота к кустику по всем правилам, сделал перед кустом настоящую стойку. Я весь трепетал от ожидания взлета бекаса; ведь если после подводки такой и стойки да бекас вылетит, то все дело в шляпе! и тогда все это благодаря моему новому методу. Ох, и сидит этот метод у меня на горбе! Ведь чтобы он шел рысью, надо почти беспрерывно останавливать криком «тише», потом переносить дурацкую остановку и ласковым голосом повторять: «Ну, ищи, ищи!»

Так ждал я бекаса, и его не было, мне так хотелось его, что я даже кочку одну развернул и увидел там самого маленького лягушонка. Вечером над болотом летала короткая и лупоглазая сова.

В заключение Ромка самым наглым образом выпустил у себя между лапами молодого бекаса, и потом хотел его коннуть, и даже бежать!

19 июля (полпятого — девять утра).

Пройдено большое болото по берегу до Вытравки, рекой до Михалевой тропы, по Жарьей пустоши кустами, под конец пытался найти тетеревей.

ПРОБУЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Сегодня я потерял терпение и одно время должен был признать, что не я съел собаку на деле, а собака съела меня. Все вышло из-за предположения, что собака не причуивает бекасов, потому что невежлива. Я учу вежливости, то есть чтобы тише и ближе ходила. Между тем она малопомалу начинает смутно понимать свое значение, свое преимущество перед хозяином в розыске, забываться на следу, не слушая зова, свистка. Да, это не трудно — выучить молодую собаку ходить по свистку, когда она еще не понимает запах дичи: тогда собака ходит за хозяином, как теленок за маткой. А вот когда начинается своя собственная жизнь и приходится ей поступаться иногда явно тем, что она как будто лучше понимает хозяина, тогда другой разговор.

Всех четырех бекасов, найденных точно на тех местах, где были вчера, Ромка стурил без признака потяжки. По пятому вел, но сегодня это оказалась курочка. Несмотря на все мои предостережения, стурил дважды бекаса на Михалевском болоте, сделал великолепную стойку с оборачиванием головы на меня по следу слетевшего бекаса (но очень возможно, что опять тут замешана курочка). Возле Островка ничего не нашли, верно, матка увела молодых в Островок. Учебного выводка тоже не нашли. На этом месте подвел и стоял по коростелю.

Сюжет для рассказа. В охотничьих делах нет церемоний, плюньте тому в глаза, кто станет говорить, будто чутье собаки можно определить в раннем возрасте по розыску хлеба или мяса. Чутье собаки, по-моему, можно определить только во время натаски, и то не сразу, а очень постепенно, потому что как все равно у людей голос, так у собаки чутье — чтобы спеть, нужно понимание, — так и чутье у собак больше в голове, чем в носу. Вот была у меня собака Кэт, Ромкина мать, стуряла мне бекасов...

Трагедия охотника: все положил на собаку, а не знает, выйдет или не выйдет. В прежнее время егеря как посту-

пали с собаками: возьмет в натаску, попробует — не идет, и возвращает хозяину — «чутья нет». И собаку стреляют. Егерю иначе и нельзя, ему надо десять собак натаскать, и если возиться все лето с одной — сколько же надо взять за это денег? Я же не хозяину собаку натаскиваю, я — себе, и я хочу сделать себе не просто собаку, а друга. Конечно, говорят иногда, что и машина есть друг человека, я же не в этом одном вижу друга, что он мне полезен. Я люблю с собакой разговаривать: на работе — собака мне товарищ, а дома и в отдыхе — друг. Но все-таки плохая выходит дружба, если на работе такой товарищ тебе на каждом шагу изменяет и сводит с ума.

МОЯ ИДЕЯ

Трагедия в том, что человек ищет себе друга, и это действительно друг, а в деле потому и особенная ревность, что столкновение высокого идейного друга с плохим товарищем. События в натаске подводят егеря к необходимости застрелить собаку. Спасает ее мать, которую егерь вспоминает (или она показывается) в последнюю минуту. Что-нибудь подвести такое.

Если бы убил, то съела бы собака, а теперь егерь собаку съел и получил друга. Вот откуда и пошло теперь, когда говорят: «он на своем деле собаку съел». Это значит в точности: «съесть собаку и сотворить себе друга».

На Михалевском болоте сегодня паслись три журавля. Роса была совсем седая, как в сентябре, по осоке пауки развесили свои гамаки. Масса маленьких золотистых стрекоз. Потыкушки пропадают.

Река Вытравка. Вот река Дубна местами раскидывается огромными болотами, но все-таки это река настоящая, местами течет в крутых мелких берегах, и хотя не широка, но глубина в крутых берегах у нее непомерная, и после всего вливается в Волгу, — это река! А то называется тоже рекой Вытравка, которая впадает в Дубну, вот эта река во всем своем течении столь ничтожна, что почти и невидима среди огромных порожденных ею болот, а различима только от болот по более темному цвету травы по ней, и переходишь ее точно так же, как и болото, качаясь, вот-вот, думаешь, провалишься, а перейдешь: никто никогда не проваливался. Сколь ничтожна эта река, можно видеть в тех местах, где она течет в сухих берегах, до того нич-

тожна, что из-под нее произрастают не только водяные растения, а и обыкновенные травы, конский щавель, зонтики, — верно, за это и название свое получила Вытравка, значит, вся в травке. Но вот остров среди болот — деревня Александрово со своими хорошими полями; стоишь тут на высоком месте и видишь вокруг нее все болота, местами шириной в версту, а то и больше, и когда подумаешь, что все эти болота наделала ничтожная Вытравка, кружится голова, теряясь в сроках земли: сколько времени нужно было сочиться ничтожной струе, чтобы заболотить такое пространство?

От нечего делать в жару нарисовал на двух листах бекасов и приготовил два патрона десятого номера с целью проверить заряд, а также начать обстрел Ромки. Но с поля возили клевер, и мне показалось неудобным сегодня стрелять. Дома хотел попробовать в комнате стрелять пистонами. Вид ружья почему-то смутил Ромку (не помню из его детства похожего случая испуга от ружья, но очень возможно, что дети набедокурили), а когда я выстрелил, бросился под лавку и сам не свой дрожал. Я дал ему баранку (любимейшую) — не прикоснулся. С большим трудом я уговорил его съесть, а потом принялся стрелять.

Он забился опять под лавку и там лежал до семи вечера, когда я стал собираться на болото. Он вылез, как только я стал пристегивать к поясу плетъ, и заметался по комнате от радости. Я хотел окончательно его успокоить и дал баранку, но как только он увидел баранку, то сейчас же бросился под лавку: баранка ему напомнила ружье. Вот еще возня-то предстоит!

ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ

Работа по бекасам в семь-восемь вечера на бекасином болоте. Мокрое без кочек болото с ярко-зеленой тонкой и нежной осокой — самое лучшее для натаски болото, во-первых, потому что водянистое место само по себе предопределяет тихий ход собаки, во-вторых, на воде при низкой траве, конечно, легче причуять.

И вот Ромка вдруг остановился, повел в воздухе носом и стал окончательно. Потом шагах в пяти от него вылетел старый бекас и переместился глубже в болото. Вот наконец, наконец-то я дождался первой настоящей стойки по бекасу. Очень обрадовался и, конечно, очень обласкал Ромку. Он же, очевидно, запомнил, куда сел бекас, отпра-

вился прямо туда, и чем дальше, тем скорей. Свисток не помог, он, шлепая, полетел, стурил. На обратном пути стурил молодого бекаса, который мотнул через кусты на середину, и другого молодого, пересевшего недалеко в болото у маленького кустика.

Я основательно наказал Ромку, взял на сворку и стал очень осторожно, уговаривая, оглаживая, подводить. Все мои усилия были напрасны, бекаса Ромка не причуял, он вылетел и пересел недалеко. Я опять стал подводить тем же способом, уговаривая, оглаживая, и чтобы вышло естественнее, под самый конец пустил на самостоятельный розыск. Опять ничего не вышло, и опять бекас пересел в замеченное мной место. Я опять повел и спустил еще на большем расстоянии, чем в предыдущий раз. Потом с замирающим сердцем стал руководить тихим поиском; вправо прошли — нет, влево повернул — нет, опять вправо подальше, и тут Ромка что-то почуял и стал, и стоял, а я говорил: «Тубо». Он сделал шаг вперед, и бекас вылетел сзади него. Считаю сегодняшний день великим, и стойки добился, и поиск стал много осмотрительней.

20 июля.

Со дня моего приезда установилась погода ровно жаркая: день в день как в зеркало смотрятся.

Работа по бекасам на большом болоте от пятишести утра.

Потянул с края болота к вчерашним кустам, я думал, это по памяти о вчерашних бекасах, подводил прекрасно, но стойки не сделал: вылетел молодой бекас. Опять я, как вчера, направил, тихо уговаривая, к пересевшему. В первый раз причуял сверху, остановился, но вдруг запустил нос в траву, фыркнул там, и бекас вылетел. Второй раз схватил на слишком коротком расстоянии, только схватил, остановился, и он вылетел.

Теперь явно определились наилучшие условия натаски: 1) мокрое болото с короткой осокой и редкими кустиками; 2) работа над вежливостью собаки при подводке к перемещенному бекасу.

РАБОТА НА ОСТРОВЕ ПО ТЕТЕРЕВАМ

«Остров» то же, что «Частик» в верховьях Днепра. Характерна топкая «приболотица» приблизительно в версту шириной. Но моховое болото здесь слабо выражено,

местами это просто молодое березовое редколесье, сменившее бор.

На приболотице бояся не трясушки, покрытой травой, а тех мест, где скошено и люди ходили и проваливались. Я провалился до самого живота обеими ногами, и прямо не знаю, как бы удалось мне выбраться, если бы не было Ромки. Вероятно, я, погруженный в болото, коротенький, как человек с отрезанными ногами, показался ему странным, и он подошел ко мне. Его необыкновенно толстая белая шея с висящими по ней складками, как у людей за шестьдесят лет или у породистых быков, навела меня на мысль схватиться за нее. Ромка, подумав, что я хочу делать с ним что-то невероятное, сильно рванулся, и я сильнее впился пальцами в его бычьи складки, и так выбрался.

Вокруг до Острова по топким местам были ольховые заросли. Ольха — это прозрачное дерево. Правда, ведь всякое дерево потому и дерево, что основательно, то есть имеет ствол, утверждающий себя корнями в твердой земле. А ольха стоит на грязи, нигде даже не стоит, а едет по широкому плёсу на своей «плавине». Эти жидкие леса и недоступны, и обыкновенно пусты. Я их очень не люблю, они мне представляются последствием извращенно удовлетворяемых желаний.

Единственная тропа по Острову привела меня к большой, не менее полверсты в диаметре, чистой вырубке, на которой были разбросаны кое-где отдельно стоящие деревья, на которых сучья росли только по одной стороне ствола. Это произошло не от действия северных ветров, как на Севере, а от борьбы за свет между деревьями в лесу. Эти уродливые великаны представляют из себя индивидуумы, пережившие некогда большой здесь коллектив зеленого бора. Вот теперь, когда все вырублено, можно ясно видеть, какую жалкую жизнь влачил индивидуум в могучем лесном коллективе. Один из этих уродов совершенно засох, и ветер обломил его тонкую вершину, а на притупине сидел большой ястреб-тетеревятник и высматривал добычу. Проходя через вырубку, я спугнул его, а когда через три часа вернулся, он сидел по-прежнему на притупине сухого дерева. Я уже к тому времени видел у одного черного пня среди красных цветов и ромашек перья расклеванного тетеревенка, я видел <среди> раскопанных муравьиных кочек, иногда на песочке оставался след отдыхавшего тетерева, иногда дырочка в старом пне расска-

зывала, что это черныш пробил ее себе клювом и по рыхлой сердцевине выбрался вверх на край пня, и под краем висела голубая ягода пьяника, петух вытянул шею вверх достать себе голубую ягодку, может быть, для равновесия взмахнул крыльями, и тут его заметил ястреб, сидящий на притупине сухого дерева. Я думаю, он поджидал, когда петух расклюется, и потом кинулся...

Я много прочел таких историй, когда я вернулся на вырубку и встретил опять знакомого ястреба на той же самой сушине, и так мне все на этой вырубке представилось особенным царством: внизу в роскошных цветах, в зеленом свете проглянуло через листья солнце, жилились разные птицы, бегали, играли, размножались, кормились, зная, однако, что при малейшем неосторожном движении сидящий на вершине сухого дерева миг уничтожит жизнь и оставит только сухие перья на зеленой траве и капли крови на белых ромашках.

А тишина какая! Ведь уже не поет ни одна птица, и стада здесь не пасутся, и на покос никто не заходит. Только на севере, где-то у самой Дубны, опушенной непроходимыми зарослями, кричали журавли...

Я осмотрел превосходные тетеревиные места по правую и левую сторону просеки, но Ромка, причуяв след, мечется, не зная, что с ним делать, и бросается тотчас, если видит, что я удаляюсь: он верит до сих пор, что я лучше его знаю, где тетерева; благодаря этому я спокойно иду, а он бегаёт на коротких кругах. Но вот он совсем обезумел и стал метаться из стороны в сторону с треском и шумом. Тетерка откуда-то взялась над его головой, я так крикнул «тубо», что Ромка лег на ходу, так что задние ноги у него растянулись, как ноги коростеля при полете. Дурак дураком!

Но и тетерка обезумела и полетела прямо на меня, так что я невольно отклонил голову от нее, и если бы захотел, легко мог сбить ее плетью. Вероятно, цыплята были еще очень маленькие, потому, во-первых, что тетерка долго квохтала возле нас и, во-вторых, что сколько я ни топтался, так и не нашел детей: самых маленьких бывает найти нелегко.

Потом мы засели в куст, и, несмотря на то, что пересохшие мои губы издавали звуки, совсем не похожие на тетеревят, тетерка все-таки бегала вокруг, хотя и не квохтала. Замечательно, что Ромка чуял ее на большом расстоянии и водил носом и страшными глазами вслед

ее передвижению. Я убедился в этом, когда наконец после долгих усилий губы мои издали желанный звук и тетерка отозвалась, в это время Ромка именно туда и указывал, откуда слышался звук. Потом я пробовал пустить его по следу на веревке. Он тянул неимоверно, и если бы я его пустил, то рванулся бы в карьер, но я огрел его плетью, и после того некоторое время он крался нормально и, главное, не тыкался носом в траву и больше хватал по воздуху. Этот найденный мотив я и буду культивировать в дальнейшем.

Знаю по книгам, что в первое поле собаку надо натаскивать в болоте, иначе она привыкает к «нижнему чутью». Я думаю, что собака, если у нее есть сильное чутье, сама поймет и в лесу и на болоте, что верхнее чутье выгоднее. Опасным я считаю пускать по тетеревам, потому что они очень горячат собаку. Но если собака хорошо повинует, то почему бы не натаскивать и по лесной дичи? Я буду продолжать, пока в состоянии буду справляться с собакой.

ВЕЧЕР ПО БЕКАСАМ

Прекрасная подводка на пустое место. Спихнул старого очень близко. Спихнул молодого. Подвел и долго стоял по молодому, который вылетел далеко справа, наметился очень издалека на куст и рысью, не слушая моего крика, поскакал и спугнул старого бекаса. Засел на стойку в высокой траве, на топком месте, сидел буквально на заднице по курочке. В общем, стал много вежливей подводить, но часто ему «ни к чему» и потому стуривает. Постоянство чутья, очевидно, требует у собак того, что в работе людей называется терпением. Вот пример гениального терпения, это урок натаски на болоте такой, как сегодня. Я забыл еще отметить, что ведь раз пять подводил к перелетающему молодому и все было напрасно.

21 июля.

Казанская. Мужики празднуют.

Сегодня с утра наволочь. Болота, в общем, «застроились», правда, картина их совершенно изменилась, когда появились эти города стогов везде, и даже на самых зыбучих местах. Но все еще продолжают косить, и под вечер видишь людей с косами, носилками и граблями, идущих

из болот, вид этих наморенных, искусанных слепнями, комарами и мошкой людей напомнил мне рабочих в плавильном отделении чугунолитейных заводов: смотришь на них и дивишься, на что способен человек, и втайне радуешься, что самому удалось увильнуть от такого труда.

Я сказал своему хозяину о его ужасном труде, на что он мне ответил:

— Вы больше работаете и больше мучаетесь, только не замечаете за собой...

РАБОТА В БОЛОТЕ

Большое болото буду называть школой второй ступени, а Михалевское — первой. Завидев даже небольшую лужицу с бекасиной травой, Ромка останавливается и нюхает, нет ли тут бекаса.

Теперь Ромка перед болотом останавливается и, поиграв ноздрями, с высоко поднятой головой, тихо идет. Так он дотянулся до куста, впился в болото. Я уже понимаю такие стойки: коростель или курочка. Пришлось отвести его подальше. Но и тут он растянулся по траве и стал, страстно принося, змеиться, — это значит, тоже по коростелю. Я не успел отозвать его, к сожалению; в своем страстном поиске коростеля он наткнулся на бекаса старого, потом на молодого. По перемещенному молодому не сработал раз и два.

ТВЕРДАЯ СТОЙКА

Бекас улетел на суходол в кусты. Я пустил Ромку туда, не принимая никаких предосторожностей, и вот, побегав между кустами, он вдруг стал в великолепнейшей позе, какую можно только желать от легавой. «Тубо, тубо, Ромушка!» — уговаривал я его, стараясь приблизиться к нему. И достиг и погладил его рукой, и еще он долго стоял. Потом вылетел бекас в шести шагах и за двумя небольшими кустиками. Очень возможно, что он отбежал, но возможно, что и нет, Ромка смотрел не под ноги себе, как при коростелях, а именно туда, откуда бекас вылетел.

Большого желать нечего, разве только чтобы так повторялось почаще. Это событие очень большое, ведь настоящая длительная стойка по бекасу эта первая.

Когда мы вернулись к бекасу, Ромка — к кусту из которого вылетела птичка, и когда он стал, я думал — по птичке. Но вылетел из куста коростель, сел в десяти шагах, Ромка видел это, но с места не тронулся.

ЛОВЛЯ ВЕТРА

Очень важно было в это утро, что ветер был и Ромка сегодня научился ловить ветер. Схватит, остановится и пойдет, и пойдет далеко, и там остановится. Так я видел один раз, как вылетела утка, Ромка ее и не заметил, еще раз ветер привел его далеко на скошенное место, и тут возле самой травы, по скошенному все-таки, вылетел бекас и пересел в траву.

ЗА КРОНШНЕПОМ: ВРЕД НИЖНЕГО ЧУТЬЯ

А еще было: Ромка окаменел в непроходимой осоке возле маленького кустика, и я должен был туда пробираться, раз погрузился до пояса, но дошел. И вдруг что-то шлепнулось из куста в осоку и по мокрому побежало там, буль-буль! — и осока вверх по бегущим далеко шевелилась. Конечно, это была водяная курочка или коростель. А когда мы выбрались на суходол, Ромка бежал впереди, и мне было не видно его, и так пришлось, что из-за куста я увидел такую картину: впереди, удирая от собаки, бежал кроншнеп, а Ромка, погруженный в след, идет нижним чутьем и не догадывается посмотреть впереди себя: вот пример, почему необходимо отучить собаку ковыряться в следах, почему надо непременно вперед натаскивать в болоте и потом уж в лесу. Кроншнеп улетел, а Ромка так и не знал об этом и продолжал преследовать, пока не пришел к концу следа, и тут стал метаться из стороны в сторону...

ИГРА НОЗДРЯМИ

Так сегодня получилось общее впечатление, что стойка уже не редкость для Ромки теперь. А волновать его стало такое, что, если мы встречаем даже маленькую зеленую бекасиную еланку, он останавливается на краю, задирает как можно выше голову, играет ноздрями и потом очень осторожно, с таким значительным видом идет шагом в осоку.

Легкий дождик брызнул и сильно испортил мне работу по тетеревам: и мне мокро в кустах, и тетерка боится выводить маленьких на большую росу. Я осматривал Жарье. Ромка бегал свободно в кустах. И как же я испугался, когда Ромка на мой окрик не пришел, на свист не явился и тут вылетела где-то с треском и завохтала тетерка. Я ринулся к тому месту, представляя себе, что Ромка мчится за маткой. Но Ромка стоял в какой-то недоуменной позе. «Не задавил ли тетеревенка?» — подумалось.

— Ну, что же, чего стоишь, где, что у тебя? — спросил я, оглаживая и разбирая траву под его лапами.

Он подобрался и насторожился, а вслед за тем у меня из-под руки вылетел маленький, меньше дрозда, тетереенок и переместился в чащу. Я освистал выводок, отозвались и цыплята и матка, но чаща была вокруг страшная, веревка путалась, обвивая и растирая и без того уже окрасненную заднюю ногу Ромки. Я бросил искать. Мне пришло в голову, что тот выводок, тот самый первый выводок, из которого ястреб взял одного, — тот был по ту сторону ржи, этот по другую, очень возможно, «перевела». Чтобы проверить это, я отправился на другой конец поля и там ничего не понял и подумал: «Так оно и есть». А между тем, постоянно мелькая в кустах, <Ромка> не вернулся с последнего круга из чащи, за которой была та самая еланка с осокой против мохового болотца, где теперь он вел и не привел, и я подумал, что это по мальчишкам ведет, собирающим пьянику. Я крикнул — он не явился. Я свистнул, и вслед за тем взорвалась тетерка там, за чащей. Когда я выскочил из чащи, Ромка стоял в осоке против заросли, разделяющей жидкое болото от мохового. Не успел я подойти к Ромке, как тетерка опять взлетела в кустах, не более пяти шагов от Ромки: значит, в первый раз она вылетела из осоки и опустилась в правый куст, и Ромка не бросился за ней, а только подошел и опять стоял на ней, пока я не прошел и не поднял тетерку. Все-таки я надел на него ошейник с веревкой и пустил в заросли. Через некоторое время тетерка взлетела, а Ромка опять стоял в чаще неподвижно. Я думаю, что это у него отчасти результат моих упражнений с ним над курами, ведь он у меня до того застаивается над курами, что и зевает, и даже брехнет, если видит, пробежит

собака, — стоит, стоит, а сунуться никак не посмеет. Очень возможно, что тетерка ему, как курица.

Из всего этого я вывожу, что и тогда Ромка вел по осоке по выводку, а не по мальчишкам, и это значит, за рожью там другой выводок, и оба выводка с маленькими цыплятами, и если присоединить сюда тот, от которого отбился тетереенок и был пойман в деревне в Петров день, и еще на Острове, то, значит, можно думать, что первое гнездо тетеревят было уничтожено по холодной весне, и это все уже вторые, и, значит, охотиться первого августа будет не по чем. Ведь и с бекасами происходит то же самое. Надо узнать, что с утками.

Меня очень порадовал сегодняшний день и привел к раздумью о «собаку съел на своем деле». Смотрю на Ромку, представляю себе его в будущем первоклассной полевой собакой, и великое множество разных бродячих, полудиких русских собак встает в моем представлении, тех собак, которых под предлогом бешенства массами расстреливали в городах и селах. Какое жалкое зверье! Посмотрите же на этого красивого Романа Васильевича, такого умного, такого ученого, такого доброго, что редкий прохожий не скажет ему ласкового слова, — неужели же и такое организованное существо можно тоже назвать тем же именем собаки, которое дается всем тем? Нет, други мои, той собаки нет уже в моем Ромке, ту собаку я съел, а Ромка теперь уже не просто собака, собака в нем преобразена моим творчеством, она — друг человека. Вспомните, как часто мы слышим, и о человеке говорят: «Собака!» Если это не в сердцах говорится, а по правде, то, я думаю, человек этот принадлежит к тем несчастным, которые в своем творческом уме не съели собаку, а напротив, их съела собака...

ВЕЧЕРНЯЯ РАБОТА

Школа второй ступени начинает мне не нравиться, она переполнена коростелями и курочками. Не успел я пустить, как уже Ромка стал, а из куста на него даже цыкало что-то: у коростелей (тут, кажется, была курочка с детьми) крик довольно зловещий, вроде как у хорьков (конечно, тихонько, но тон такой неприятный). Я отвел от одного, он другого нашел и по пути к нему спугнул бекасов.

По мере того как Ромка начинает дальше и дальше ловить носом по ветру запахи, становится труднее повертывать его свистком или окриком. Так он плыл в осоке и все завертывал носом к более далекому, шагах в пятидесяти — шестидесяти, кусту. Мне хотелось обыскивать правильно, и я его возвращал назад. Стремление его к далекому кусту я объяснял себе его наблюдением, что дичь находится не в открытом болоте, а все больше около кустиков. Мне, наконец, надоело его возвращать, и когда он не послушался окрика, вернул его на берег болота и вздул. И все-таки, даже после этой неприятности, он опять полез к далекому кусту, и я, чтобы не повторять порки и овладеть собой, так и быть, не стал ему препятствовать. А между тем чем ближе к кусту, тем больше стал он подбираться, больше, больше, и стал. Пришлось мне лезть за ним в топину.

Лез я лез, а он все стоял. И когда я добрался, я чувствовал себя перед ним виноватым и стал оглаживать его на стойке. Ужасно он любит, если его гладят на стойке. Мне кажется, он распустил бы слюни, если бы тут не вылетела утка, старая, а потом не замелькали в осоке крошечные малыши.

Вот и утка, — тоже, значит, и у них запоздание.

22 июля.

Утром покапало, намочило кусты. После обеда побризгало еще посильней и нахмурилось.

Пастух с утра, в ожидании, пока не обсохнут кусты (самому мокро), выгнал скотину как раз на то самое место, где живут мои четыре бекаса. Посмотрим, не явятся ли после скотины новые.

Я успел слегка осмотреть болото до скота, но, к удивлению, первый раз за все время не нашел бекасов на своих местах. Около шести утра отправился на Остров и прошел его по тропе насквозь до болота Дядькино или «Вторые полосы». Между первой и второй просекой потащил меня Ромка очень сильно, я прицепил к ремешку веревку и, предполагая, что он тащит по тетеревам, стал плетью успокаивать его безумный ход врасстяжку с криком. Между прочим, это упражнение в тихой подводке к тетеревам надо начать проделывать систематически и достигнуть того же, что достигнуто уже на болоте по бекасам. Я имею себе об идеальной собаке в лесу более ясное представление, чем в болоте. Собака в лесу должна искать, как Кента,—

быстро, но на коротких кругах, в двадцати — тридцати шагах в диаметре, виться волчком. При встрече со следом собака должна серьезно его вынюхать, сделать осторожный круг, найти выход и вести чрезвычайно осторожно, переступая с лапы на лапу, вздрагивая даже, если треснет сучок.

При том, однако, собака должна быть напорна и нагонять бегущих тетеревей, а не делать беспрерывно стойки.

Все это явилось у Кенты само собой и вдруг: то носилась вроде Ромки как сумасшедшая, а то вдруг после серьезных охот на болоте пошла и по тетеревам.

Но все-таки нельзя рассчитывать на это «вдруг» у Ромки, а следует приучать. Вот почему я и наказываю его плетью.

Между тем вокруг нас стало почему-то светлее, я осмотрелся, и это оказалось вот почему: земля была покрыта кочками — подушками с голубой ягодой пьяникой. Между этими кочками росла веселая светло-зеленая осока и довольно редко друг от друга были расставлены молодые березы, вот потому и светло, что эти березки белые и внизу светло-зеленая рама осоки вокруг голубых кочек.

Идти было очень мягко. Было так тихо в этом очень пустынном уголке: ныл комар, и, верно, от такой тишины казалось, что где-то далеко в облаках пролетал аэроплан. Будь у меня вежливая собака, я мог бы подойти к птицам в упор, но Ромка совсем одурел от страсти, я хлопнул его плетью, и они услышали. Их крик был не тот солнечный звук, который слышится нам издали, а как будто в старинной усадьбе или музейном каретном сарае повернули колесо дормеза, оси которого не смазывались со времени Екатерины Второй.

Но они все же не улетели, и мы довольно долго еще шли по ним, и мох вокруг был осыпан их перьями и пухом. Они поднялись очень близко, шагах в тридцати, и в воздухе крикнули уже по-настоящему, по-журавлиному.

Эта лесная пустынька — их постоянное место кормежки. Где их маленькие? Вообще я почти ничего не знаю о жизни этой гнездующей у нас птицы, и городским людям представляется даже, что они очень далекие, удивляются даже, когда скажешь (если припомнить, то порядочно и знаю, только маленьких журавлей никогда не видал).

Открытое болото Дядькино в лесу все кочковатое, скошенные кочки такие тесные, что между ними не помещается нога, и на них не помещается и застревает между ни

ми или глубоко уходит, — эти плоские, подстриженные косой кочки, с точки зрения бегающих там между ними бекасов, похожи на башни или на небоскребы огромного города.

Я послал Ромку, но и ему нелегко было ходить. Откуда-то взялся бекас и сел возле стога. Я направлял на него Ромку, раз — возле стога и другой — по перемещенному, — ничего не вышло, вероятно, и трудно учуять, и вообще по указанию, должно быть, всем собакам трудно; собака смотрит на хозяина, стараясь вычитать из его глаз, а не напрягает все силы в чутье, когда работает сама. Но все-таки я буду продолжать эту операцию, она полезна тем конфузом, который остается у собак, когда бекас вылетает, уважением к знаниям хозяина, а кроме того, иногда ведь удается, даже с таким новичком, как Ромка.

Больше мы не нашли бекасов, и я бы не хотел их искать: очень редки. В больших болотах надо знать места дичины, их не так много, вероятно.

На обратном пути свободно пущенный Ромка спихнул черныша и после того остановился в глупом замешательстве. Я пробовал сокращать его гигантские прыжки, ходить потише, но у меня ничего не вышло, и я решил с ним более сюда не ходить.

Племянник хозяина в субботу отправляется в Сергиев. Я поручу ему привезти Кенту.

Мих. Мих. Карпов указал новый (третий) выводок тетеревей в Жарье, дети только что вывелись. Он же на днях нашел кроншнепа на яйцах и разрубил одно, чтобы узнать, на мертвых ли яйцах сидит птица до такого позднего времени. Яйцо оказалось совершенно испорченным.

Несколько лет тому назад молодого журавля поймали в Михалевском болоте. Гнездятся, вероятно, на Острове. Журавлиха на яйцах. Журавль гнездуется в глухом болоте, а пасется в степях, красуясь на длинных ногах.

До ночи и в ночь шел окладной дождь.

23 июля.

Хмурый день с нависшими неподвижными тучами, как глубокой осенью, ни тепло, ни холодно. После обеда просвечивало солнце.

Семья бекасов покинула болото второй ступени, и на всем болоте я нашел одного старика, которого Ромка

и причуял, но стойки не сделал. Здесь была мертвая стойка по коростели. Ромкина стойка до того красивая, до того «классическая», что ничего [себе?] не оставляет: такое видишь на всех охотничьих картинках, на тысячах фотографий.

После этого болота с одним бекасом мы перешли в «первую ступень». И там не нашли учебную семью, шагах в шестидесяти вылетел старик, которого потом не нашли. За дорожкой по густой осоке вылетел вялый бекас, похожий на матку, и недалеко пересел. Несмотря на довольно высокую и густую траву, Ромка сделал по нем мертвую стойку. Потом я пригласил его идти вперед, он там впереди ничего не нашел и пошел взволнованно и беспорядочно по следу до тех пор, пока бекас не вылетел. Вот теперь я хорошо понял, что Ромке не хватает «подводки» к птице, его стойка — это просто недоумение, но вовсе не сознательный момент в деле достижения дичи. Очень возможно, что некоторые из стоек, которые я считал «по коростелям», были и по бекасам, а я принимал их за «по коростелям», потому что он после стойки бросался в беспорядочный розыск. Вот это и есть главное, в чем я убедился за день: Ромка не умеет подводить по дичи. Сегодня я много истратил энергии на управление Ромкой, чтобы держать его всегда в готовности воспринимать запах дичи. Карьер, галоп, шаг — в конце концов все равно, лишь бы собака не зарывалась и всегда была в состоянии «медиума». Это сразу заметно по общему виду собаки. Во всяком случае, Ромка вполне постиг, как надо пользоваться ветром. Сегодня, когда мне приходилось идти вперед под ветер, Ромка забежал далеко вперед и потом приближался ко мне галсом «на ветер». Он это отлично усвоил.

Можно все-таки впасть в отчаяние от такого ничтожного количества дичи, — проходить по болотам с шести до десяти часов и найти всего двух бекасов! Посмотрим, что будет в августе.

Зашел в кусты по указанию М. М. Карпова, и Ромка сейчас же поднял тетерку. Я отвел его, чтобы не подавить пiskuнов. Итого, найдено пять выводков и все с крошечными цыплятками. Я уложил Ромку и подсвистал матку, она стояла на опушке в пяти шагах и смотрела долго на Ромку, а когда он заскулил, ушла в кусты и там квохтала. Я думал о слабой жизненности птенцов (тетеревей и бекасов), это столь нежные существа... Когда думаешь

о хрупкости птенцов, начинаешь понимать происхождение беззаветной стойкости, героизма их матерей. Да и вообще истоки героизма и мужества надо искать в нежности души. А чувство трагического (то есть чувство человечности) целиком происходит из жалости.

24 июля.

Утро очень хмурое, осаждается что-то мельче дождя.

Вышел в шесть часов утра краем полей и Поддубовского. Начался дождь, такой теплый, что я в одной рубашке проходил под ним до десяти утра. Был почти у Иванова, потом завернул, болото вправо, Поддубовское влево, прошел до гати, обошел кругом Филипповское и Михалевское, болотом вернулся домой. И на всем этом пространстве не нашел ни одного бекаса! Пропали и все мои «учебные» выводки. Вообще надо сказать, что гнездовые бекасы, по-видимому, куда-то переместились, но куда же? В ближайшее время надо посмотреть на той стороне Вытравки. И если не окажется там, надо бросить бекасов и натаскивать по тетеревам.

Сток по коростелям и курочкам было множество. Несколько раз подводил как будто к бекасу, долго обыскивал, не мог найти, не мог? или это ночной наброд?

В подтверждение моих догадок, что семейные бекасы перекочевали с мест гнездования к ручьям, получил сведения от Федора Ивановича, что бекасы второй ступени, штук пять, находятся на Вытравке. Точно так же надо проверить и первую ступень: сходить на родники возле Ясникова.

Видели выводок летающих кряковых — слава богу.

Интересное о журавлях. На рассвете весной и теперь журавли кричат у своих гнезд, и так по крикам можно сосчитать, сколько гнезд.

Федор знал выводок на Острове в болоте, в частом безрезнике на вырубке на кочке два больших белых яйца.

25 июля.

Утро ясно-задымленное; прекрасное, потом дождь.

Ходил в крепь на Вытравке, как указывал Федор, искать куда-то исчезнувшие выводки, но ничего не нашел. Нет, конечно, их и на открытых лугах, но, несомненно, в эти дни произошло перемещение всех выводков. В край-

них случаях охотник обращается на совет к пастухам и редко не получает от них верных указаний. Возле Ясникова я спросил пастухов, и они мне прямо указали болотце возле стада, то самое, про которое мне много раз говорили: совершенно открытое, с кочками, по которому много раз прошло стадо. По словам охотников и пастухов, это болото излюбленное бекасами (и дупелями) и с испокон веков сюда ездили охотиться. Болото в нескольких местах пересечено ручьями, впадающими в Вытравку, всюду родники, сосочки. В этом болоте мне придется бывать много раз, и я к нему еще возвращусь, такое оно типичное. Пролетного дупеля вероятней всего надо будет искать именно здесь.

На одном небольшом участке болота собралось бекасов, вероятно, больше десятка, многие из них недалеко перемещались, и вот где, кажется, было мое самое большое испытание: собака если и не съела меня, то под конец оставила еле-еле живым.

Ромка в большинстве случаев спихивал их, не причуивая, а то, причуяв, опускал нос в траву, хрипел, фыркал, и бекас улетал для него незаметно, то, схватив по воздуху, быстро мчался, и бекас взлетал где-нибудь в стороне от шлепанья. Наконец как будто дождался я мертвой стойки; уговаривая ласковыми словами, я подобрался к нему: его глаза были погружены в кочку; я разобрал траву и нашел в ней маленького лягушонка, какие бывают иногда в великом множестве после дождя и всегда мне напоминают одну из «Египетских казней», когда будто бы падал дождь из гадов. Вероятно, в детстве наш батюшка и указал мне на таких лягушат. Да, это была настоящая египетская казнь охотнику, величайшее испытание терпению человека.

Был самый трудный момент в нарастании моего раздражения, когда Ромка, вглядываясь в улетающих бекасов, обратил свое внимание на ласточек и, как бы разочарованный в возможности достигнуть бекаса, пустился за ласточками. Я его постегал раз и два, а когда ему пришлось подставить бок в третий раз под плеть, то зевнул с таким выражением, будто он на всю охоту зевнул, что не стоит умным и порядочным людям и собакам заниматься такой ерундой.

Я отупел от повторения слов «тише», «назад», «тубо», до того отупел, что перешел какую-то опасную черту, когда взрывает всего изнутри и человек, обращенный

в зверя, забивает ударом плети свое, в сущности, неповинное животное. Я эту черту перешел и одеревенел. Много помог, конечно, опыт с матерью Ромки, когда я, как говорила Ефросинья Павловна, возвращался «весь белый». Ведь непосредственно я тогда ничего не достиг, а она потом сама вдруг поняла. Вот я это все время имел в виду. Наконец я придумал способ. В тот момент, когда, по моим приметам, Ромка причуял бекаса и бросался шарить носом в траве, я кричу громовое «тубо». Ромка останавливается в недоумении, иногда в нелепой позе, нос в небо, как выпь, иногда очень похоже на стойку, даже с загнутой передней лапой. Однажды это вышло очень даже недурно, и пастухи, все время наблюдавшие эту картину, выразили большое одобрение моему искусству учить собак. Но они были неправы. Это была не стойка, не подводка. А что было раньше, и стойки и подводки, то теперь мне казалось такими пустяками, такой случайностью, о которых и говорить не стоило.

Сегодня Петя должен привести Кенту. Я жду ее с великим нетерпением. Пусть она покажет сыну подводку, и пусть он сам не причует, но по примеру поймет, как нужно подводить, какое величайшей важности существо представляет из себя бекас. А второй мой расчет на стрельбу: пускай посмотрит, как они будут падать от наших с Петей выстрелов, пускай понюхает их мертвых в траве и в сетке, а потом, может быть, и поймет, в чем тут дело.

Тут же начались стойки турухтанов. Так это и быть должно, на хорошем дупелином и бекасином болоте всегда бывают и турухтаны.

Пастушонок мне рассказывал, что сегодня утром на речке (видел) выводок тетеревей штук восемь, молодые были почти в матку. Очень возможно, что врет. Пастух указывал место выводака: по просеке идти до дороги в рожь и тут направо. Вероятно, это он про ту матку говорит, которая устроила гнездо на просеке и все его знали.

26 июля.

Хмуро с утра, прохладно, как в сентябре. Вчера пришел Петя с Кентой и с Яриком. Петя мне говорил, что он эти сорок почти верст шел с частыми перерывами от дождя, пережидал он дождь под елками, и с ним пережидали собаки, и когда он поднимался, они вскакивали

и шли с ним, как будто знали, куда и зачем надо идти. Вот это его дорогой очень занимало, что они шли в совершенно неизвестное им место, неизвестно зачем, и так бы могло быть бесконечно, сколько бы сил хватило, пока бы не умер от усталости и голода, а они бы все шли...

Но вот они входят в деревню, в дом, и тут их встретил хозяин, воспитатель, учитель, который пропадал уже третью неделю. Мать Кента встречает своего сына, Ярик — врага Ромку. Сколько в их жизни чудесного! Вокруг них собираются все деревенские дети, восхищению нет конца, и было такое замечание, сам слышал:

— Это не собаки, это игрушки!

Я же за это время до того сжился с Ромкой, что Кенту как будто несколько лет не видел и удивлялся ей, и все мне казалось, что она стала какая-то не такая.

Мы вышли не рано, под дождем, краем болота второй ступени. Там, где раньше были бекасы, я пустил Ромку, чтобы показать Пете подводки по памяти, как было прежде с его матерью. Но Ромка не пошел, как обычно, к двум березам, а куда-то вбок, но, видно, попусту. И скоро вылетел прямо с подводки без стойки, мне подумалось, молодой бекас, но Петя узнал гаршнепа. Он сел недалеко, мы хорошо заметили место и пустили туда Кенту, а Ромку пока придержали. Кента, конечно, сразу причуяла, подвела и стала твердо, Петя прихватил ее на веревку, и я стал подводить Ромку.

Во время этой подводки мы заметили самого гаршнепа, и почти у ног Ромки, причуять он его не мог, так как нос его выдался далеко вперед.

— Осади, осади, — прошептал Петя.

Я подал Ромку назад, и он сразу причуял и впился в гаршнепа глазами. Кента, конечно, тоже гипнотизировала маленькую птичку своими страшными глазами.

Гаршнеп сидел на грязной плешинке болота между травами, под углом в сорок пять градусов к нашей линии, хвостом к нам, носом к открытому болоту, нос его был настолько опущен книзу, и великолепно блестели две его золотые полосы, параллельно идущие с головы и дружно огибающие сверху бочонком, как обручами, все его тельце до хвоста: далеко его можно увидеть по этому «рыжему золоту». Гаршнеп тяжело дышал, очевидно, испуганный до последней степени.

Я предложил Пете шевельнуть его пальцем. Он тронул хвостовые перья. Гаршнеп не летел.

— А если взять? — спросил я.

— Можно, — ответил Петя и взял в руку.

Мы дали Ромке хорошенько понюхать, и когда пустили, то он не только полетел с фигурами, но даже и крякнул. По этому полету и кряканью мы предположили, что гаршнеп был старый.

Второй раз была спущена Кента и опять скоро нашла, и Ромка, подведенный, тоже учуял издали, и мы опять увидели гаршнепа сидящим открыто на островке грязи, среди воды. В этот раз Петя просто подкинул его пальцем, он пробежал немного и взлетел. Так мы шесть раз его поднимали, из них два раза Ромка нашел его совершенно самостоятельно и один раз учуял его на семь шагов через кусты и стоял твердо.

Вот когда уже не оставалось никакого сомнения и в прекрасном чутье Ромки, и в отличной его подготовке, Ромка сдал свой экзамен блестяще.

В бесконечную даль уходили стога сена на болоте, небо рассекали своим мерным полетом на два хозяйства две цапли, внизу под стогами выводок крякв кругами облетал болото.

Мы вышли на суходол отдохнуть. Кента села, вся-то мокрая. Ромка стал облизывать мать очень усердно, начиная от губ, по глазам, по шее, по спине, по животу, по сосцам, которые когда-то сосал, добрался до хвоста и тут от избытка чувств поднялся на задние лапы, а передними обнял за шею. Но последнее было лишним, сразу испортило прекрасное впечатление от первой ласки, Кента обернулась и так поучила его, что он жалобно викнул.

Потом откуда-то взялся в воздухе бекас, мы заметили, куда он сел, и пустили в том направлении Кенту. По ветру она взяла его шагов на шестьдесят, если не больше, и повела, но бекас сидел на скошенном месте и взлетел шагах в пятидесяти.

Нет ничего во всей охоте более изящного, чем подход собаки к бекасу, когда она его далеко зачует по ветру. Вот откуда вероятнее всего возникла непостижимая серому охотнику утонченность вкуса и строгое требование к породе собак. Подумайте, что происходит в таинственной глубине отношений человека и животного: человек — хозяин, учитель, воспитатель и бог. Но вот бог и раб перемениются местами, раб ведет своего господина. Необычно сладостное состояние изнутри, но извне ведь довольно глупое положение, если только собака не настолько кра-

сива, что всякий не посмотрит на охотника. Так огромное большинство охотников врет именно от скуки, — ведь если серьезно охотиться, то это очень трудно, а несерьезно ничего не попадется, скучно, и начинают врать.

При этом мне вспомнилось, как я подумал, когда Ромка десятки раз не мог причуять перемещенного бекаса, что вообще и старой собаке трудно причуять перемещенного. Мне вспомнилось это как пример самообмана, когда устал, и не можешь переносить скуки, и хочется лучшего, и тут сочиняешь себе, совершенно забывая свой большой опыт в действительности наперекор всему.

Расставаясь с этим болотом, мы крикнули Кенту, которая разбиралась в каких-то следах в осоке. Я крикнул, потому что думал, она шьет носом по наброду кроншнепов, но от моего крика из куста возле болота вылетело два петуха. Лесная тетеревиная база была довольно далеко от болота, и можно было удивляться смелости этих петухов, бродящих под дождем открытыми местами.

Потом мы перешли Вытравку и подобрались к тем местам, где вчера я встретил много бекасов. К сожалению, тут их было немного теперь, и потом на пути к нашей тропе встретил только одного. Я упражнял Ромку в подводке, следом за матерью и один раз пустил одного, и он тихо подводил, хотя окончательной стойки не сделал. Потом я пустил его в поиск свободно вместе с матерью, и он работал отлично. Ввиду безгорячности матери и его большого послушания, мне кажется, можно его на таких совместных поисках учить с большим успехом. К сожалению, пустовка Кенты хотя и кончилась и она отбивает, но для самцов еще продолжается влияние пола, так что, когда долго не находилось следов, Ромка начинал свое бесплодное ухаживание, а раз увлекся до такой степени, что воспользовался стойкой Кенты по коростелю, и мы были свидетелями собачьего пастораля: она стояла, гипнотизируя глазами невидимую дичь в траве, а Ромка сзади облизывал ее ляжки около хвостика.

27 июля.

Хмурое утро. Клеверное сено горит. У амбара ток ежедневный. Девушки выкрикивают песни свои, часто сентиментальные и напевные, стараясь отсрочить страшно грубое наступление хора мужчин. Вероятно, озорство парней рождается от ужасной скуки выслушивания тете-

рок. Сначала тихо и глухо, потом смелей и смелей, наконец, хор начинает свое наступление, и частушки умолкают<...>

Шел дождь. Тетерева прятались под кустами. Прояснivalo, они опять выходили и давали наброд, и новый дождь частью смывал следы, частью они оставались под деревьями и в густых кустах. Вот почему на Острове было очень утомительно и скучно следить за Кентой, и в конце концов часто мы оставались в дураках.

Немыслимо было пустить Ромку и вредно: в наброде необходимо разбираться нижним чутьем, и только очень опытная собака может на таком наброде не горячиться, а постепенно сдерживать себя, поднимать голову и проверять по воздуху, нет ли их уже где-нибудь вблизи.

Недалеко от того места, где я в тот раз нашел матку, мы и теперь нашли ее с одним маленьким, в воробья, тетеревенком, и было смешно смотреть, как за большой, почти в курицу, птицей спешил воробей. И тут же недалеко найден был выводок с двумя тетеревами в черном пере. По сырой погоде тетеревята так далеко разбежались, что, очень возможно, в этом выводке и еще были нами не найденные. Это был первый выводок, доказавший нам возможность встречи с уцелевшими от весенних морозов ранних гнезд. Потом, под конец, с правой стороны первой просеки, около тропы, Кента подвела к чернышу.

О СЛОВЕ «ЕЛАНЬ»

Слово «елань» я услышал здесь впервые от Федора Ивановича и просил повторить его. Но редко можно бывает добиться от туземца повторения специального слова, потому что таких слов своих коренных он как бы стыдится, их можно произносить как бы нечаянно, но сознательно нельзя. Я стал наводить Федора.

— Да вот ты сейчас рассказывал мне дорогу на Остров, что когда я пройду поле между льном и клевером, то будет тропинка в Подмошник, и потом вскоре откроется...

Я вдруг вспомнил слово:

— Ты сказал, откроется большая елань, что значит «елань»?

— Лохань,— ответил Федор.

Я потом проверил значение слова у своего хозяина, и он объяснил мне, что «елань» значит поляна в ближнем

лесу и что Федор ведь немного шепелявит, вот он застыдился, когда я пристал к нему, и так поправился на «лохань».

Я совершенно уверился в справедливости объяснения своего хозяина и, увидев на пути своем из Подмошника елань, смело пошел по ней, принимая за лесную поляну. Но не прошел я и половины, как вдруг погрузился в трясину до пояса. Вокруг не было ни одного кустика, ни одной веточки, чтобы ухватиться рукой и выбраться.

Ромка, разыскивая меня, вылетел из леса, остановился, всмотрелся в человека как бы с отрезанными ногами и принялся брехать на маленького... Никогда я не заставлял себя в таком беспомощном положении. К счастью, Ромка узнал меня скоро, бросился ко мне, я схватил его крепко за шею, он испугался, думал, что я хочу его утопить, сильно рванулся раз, два... и в третьем своем порыве вытащил меня из лохани, и я тут понял раз навсегда, что «елань» значит не лесная поляна, а просто лохань.

28 июля.

День князя Владимира. Хмуро с утра, как и вчера, только немного холоднее сегодня, окна отпотели, как в сентябре<...>

Ветер был от нас, и потому Кента не учуяла единственного бекаса на берегу болота второй ступени. Потом недалеко от мостика через Вытравку на совершенно сухом, покрытом едва заметными кочками лугу Кента стала. Я подумал — по птичке, но поднялся и сел вблизи бекаса. Мы его еще раз подняли — он сел так, что весь был виден как на выкате. Загадочное поведение бекаса вскоре объяснилось. Из болотистого Жарья вышел пастух, и за ним показалось стадо, направляемое на водопой. Бекас был вытурен, вероятно, с места гнездования стадом и пережил беду на лугу.

На Ясниковском болоте я нашел только двух бекасов, потому что тут паслась скотина. Хорошо бы здесь походить до скота.

Эти найденные два бекаса были один от другого на расстоянии не менее ста шагов, но Кента по ветру почуяла дальнего, потому что он вероятней всего сидел на кочке. Высверлив себе носом по воздуху таинственный путь, она прошла к дальнему бекасу мимо ближнего, и он снялся от нее шагах в шестидесяти.

После того я пустил Ромку, и он зашил носом по наброду ближнего бекаса, раскидывая в стороны прутик. Так он вытурил его, конечно, без стойки.

Вообще он может делать стойку по внезапно схваченному по воздуху запаху дичи, но не подводит издали. Он не может даже внешнего примера взять с матери, чтобы передвигаться, не шлепая лапами, не фыркая носом, не встряхивая ушами.

От его приближения Кента сильно вздрагивает, и тогда чувствуешь, какой напряженно-сосредоточенный процесс представляет собой эта подводка собаки к дичи.

Через три дня будет охота. Я оборву натаску Ромки из дня в день и предоставлю дальнейшее усвоение им подводки к дичи естественному ходу дела, и когда буду брать его на охоту, и он как-нибудь сразу поймет.

Сегодня благодаря северному ветру день обстоялся, хмурые утренние облака обернулись в чистые летние, белые на синем, там высоко смешиваясь с клочками облаков. С криком летали журавли, свистели кроншнепы.

Все бекасы второй ступени и с молодыми найдены в том же болоте, но в более крепком месте, где едва ли их тревожат. Вероятно, и другие выводки находятся вблизи своих мест гнездований, там, где их труднее найти.

29 июля.

БОЛЕЗНЬ РОМКИ

Он вырос на объемистом корме, ел много овсянки (ошпаривается кипятком растертый на мельнице овес). Я давал ему хлебное крошево в молоке. Он при перемене пищи стал ходить неправильно, больше жидко, часто и с глистом. Через две недели он совершенно исхудал. Я думал, это от непривычной работы: жил почти без движения, и вдруг ежедневно часов семь быстрого хода. Смолот овса и дал с молоком. На другой день он сходил правильно, большим калом, но с кровью. И теперь так пошло, если молоко и хлеб, то жидко и с глистом, а если овес, то круто, но с кровью, и крови выходит довольно много. Я предполагаю геморрой. Будем лечить так. Две недели не буду давать ему бегать. Кормить мало, но не овсом.

Утром осматривали мох с пьяникой, примыкающий к деревне, от нас с правой руки. Мох отличный, мы скоро нашли петуха и больше не смотрели, потому что Ярик для лесной охоты никуда не годится.

Вечером взяли Кенту и на сворке Ромку, чтобы, не пуская его, поупражнять на тетеревах. Сразу нашла Кента матку и потом тетеревенка величиной с дрозда. Тетеребенок забился глубоко в моховую кочку и был там в глубине ее совершенно как в гнездушке. Взяли его, дали понюхать Ромке и на глазах его пустили. Он пересел недалеко и своими тайными ходами между кочками пробежал значительное пространство. Ромка причуял его ход, но так волновался, что пускать его было опасно, да и сами мы могли наступить на кочку и придавить под ней тетеревенка. Пришлось оттянуть Ромку и пустить Кенту, которая сразу же пошла и уставила нос в точку. Сколько мы искали, разбирая мох руками с величайшей осторожностью! И все это время он смотрел на нас из-под другой кочки, прямо на нас черными живыми глазами: лежал курочкой и как будто очень спокойно глядел.

Я велел Пете отвести Кенту, а Ромку держал крепко за ошейник, и он долго стоял и дрожал. Потом я тронул тетеревенка, он не полетел. Я его погладил — сидит. Оглаживаю Ромку, оглаживаю другой рукой тетеревенка. Петя смеется. Пришлось взять в руки и пустить. Он полетел невысоко, в чаще зацепился за куст и с шумом в него погрузился. После того мы сели на моховую кочку, затаились.

Очень был тихий, ясный и прохладный вечер. Тетерка отозвалась нам необычайно громко, и вскоре засвистал тетеребенок. Так этот трудный урок обошелся без жертвы, и это вообще возможно, но только при старой опытной собаке и помощнике.

Мы думали, сколько должно погибать птенцов от неумелых рук и обычном легком отношении к жизни. Этот выводок с мелкими птенцами новое доказательство гибели гнезд от весенних морозов.

30 июля.

Очень крепкая роса. Прохладно поутру, но уже в девять утра собака разинула рот и свесила язык.

Я ходил с Кентой в ближайшем лесу. Насекомые совершенно исчезли. Запах баговника мне как морская качка: не укачивает меня, но беспокоит постоянная мысль о возможности болезни; так и во мху от этого пьяного сильного запаха все кажется, что закружится голова

и останешься тут в тишине таким же неподвижным, как моховая кочка.

Вспоминаю случай в таком лесу. Был у меня гордон Верный. Во время нашего отдыха он так крепко уснул, что мы вздумали посмеяться над стариком и тихонько отошли от него. Потом услышали мы свист тетеревенка из разбитого перед этим нами выводка. Мы стали его подсвистывать, тетеребенок пошел к нам, а Верный спит. Было очень смешно. Потом же тетеребенок приблизился к нам вплотную, и мы позвали Верного. Он не вставал. Мы пошли к нему, тронули, он поднял голову и еле-еле поднялся. Позвали его, поставили на след — не взял. Как ни бились, не мог причуять, не стал искать. И потом шел сзади. Никогда ничего такого не случалось с гордоном, и нам не оставалось никакого сомнения, что он опьянел от запаха баговника.

Кочки, покрытые голубыми ягодами пьяники и высотой в полчеловека, собака скрывается в них вся и там невидимо остается, потом неестественно высоко поднимает голову, причуяв запах по воздуху, и так ведет: у Кенты выходит подводка во мхах, как уж плавает по воде, с поднятой головой. Вот огромная кочка, и в ней будто воткнуты прямые тоненькие березки. Тут Кента опускает голову, нащупав тетерева по сквозняку в коридоре между высокими кочками.

Ромкин желудок уже исправляется. Большая искусница стала Ефросинья Павловна в деле выхаживания собак.

Вечером в половине восьмого перед закатом вышли пройтись берегом болота второй ступени. Еще испуганно налетели на нас четыре кряквы. Ярик вытурил бекаса, потом потянул с болота на суходол, и так был найден спелый выводок (четыре) тетеревей (солнце только что село — как долго они не убрались с поляны!). Потом легли на болота туманы. Вечернее безоблачное небо рассекла цапля. Это надо помнить, что часто махающая крыльями цапля — постоянное явление болотного пейзажа.

31 июля.

Солнечное утро. Утром осматривал болотные кусты в районе вчерашнего выводка, ничего не нашел. Перешел в моховое болото, где учили Ромку по тетеревам. Тут

я нашел подряд трех маток, у двух было по одному тетеревенку, у третьей два, и все маленькие. Одного из тетеревят я придавил нечаянно ногой, но не очень жалел, потому что он пойдет уже в пищу. Дома с Петей сказали друг другу «ни пуха, ни пера», и он отправился в Константиново.

1 августа.

День разрешения охоты, все равно что день Пасхи у детей, родители которых целиком преданы обряду. В радостной тревоге я проснулся в два часа ночи, было еще темно. А в три часа проснулся, вышел с собаками на улицу, и на Дубне уже была стрельба, как на фронте. Я еще вчера решил идти на бекасов, вчера узнал, что на Ясниковском болоте не пасут, и потому не надо было мне торопиться, чтобы попасть до охоты.

Я выхожу с ружьем в четыре часа двадцать минут. Солнце довольно высоко. Роса крепкая, трава от нее как алюминий. На фоне темного леса еще не исчезла легкая полоска синего тумана.

Очень возможно, что уже с тропинки по приболотице сорвется бекас, и вот я чувствую, не посрамлюсь, чем я тоже не Берендей!

Но с тропинки бекас не сорвался, а там, где был выводок бекасов, теперь разгуливало стадо. Я обошел его и, не надеясь на это болото, стал спешить через него к Ясниковскому. Только одно местечко мне захотелось осмотреть, там, где дня три тому назад мы с Петей за все утро нашли только одного вялого бекаса. Но хотя я здесь десятки раз бывал с Ромкой и почти ничего не находил, все-таки непостижимой силой оно меня привлекало своей дупелистостью. Там ивовый кустик, утонувший в осоке, там высунулась высоко грядочка тростников, между ними мох с редкой осокой, и так хорошо тонет нога: ступишь... и грязный колодец.

Тут Кента стала «заедать», потом повела, я чмокнул ногой, и вылетел дупель. Я взял его неверным выстрелом, ранил в крыло. Я был изумлен, ведь я тут три недели ходил и нигде не видел ни одного дупеля. Я уже начал думать, что мы этого дупеля в последний раз принимали за синего бекаса, но в этот момент вылетел тот самый синий бекас и с той же остожины.

От великой радости обладания дупелем я не успел стрельнуть по бекасу. Но Кента уже вела по другому через траву на скошенную полосу, и как только мы подошли к скошенному, вдруг взвились два бекаса, я выстрелил и мимо, и это было понятно; неверно стало ружье в первый раз, неверно и во второй.

Мы перешли через траву на следующую скошенную полосу, тут взвились пять бекасов, я выстрелил, и — второй раз было мимо, и еще вылетел — и еще мимо. Тогда я взял себя в руки и решил только с прицелу стрелять, и как раз как решил — вылетел дупель. Я из левого заряженного ствола с точной наводкой, отступив шагов на тридцать, верно бы стрельнул, но дупель летит, я нажимаю, он летит, навожу опять, нажимаю, и он все летит. Удивительно, как это до сих пор еще не могу приладиться сообразить в первый же момент об осечке и нажимаю, и нажимаю... Потом на следующей скошенной полосе вылетело штук десять бекасов, я с точным расчетом несколько вперед стрельнул летящего в правую сторону, и он упал, потом выбрал вдали что-то более крупное и стрельнул в угон — и это был дупель, а вправо бекас. То же и на следующей полосе, я стрелял в крупное, и это был третий дупель, и потом еще бекас.

После этого моя сумочка с восемью патронами десятого номера была расстреляна, из восьми выстрелов три промаха, три дупеля и два бекаса. На обратном пути на скошенной полосе возле ольшаника взлетел вальдшнеп, а близ стоявшей кочки медленно поднялся орел.

ЧУВСТВО ЗАКОННОСТИ

Свесив на грудь мглистую бороду, легкой юношеской поступью идет царь Берендей тропинкой в кусты, спускается в приболотицу. Есть ли на свете такое шампанское, от которого так закипает детство в старой груди, как теперь у Берендея. Есть ли невеста на свете, так украшенная цветами и бриллиантами, как украшена в это свежее утро любимая земля...

Так он проходит, и, ей-богу, мне тоже не стыдно идти ему вслед, и у меня еще очень легкая поступь, и глаза мои отдохнули от книг совершенно, ружье надежное, собака вернейшая. И самое главное, что ведь это счастье мне являлось в самых трудных для жизни условиях, в болотах, от того, что никому не нужно, что я ничего чужого не взял.

В то время, как я в утро первого августа чудесно охотился на дупелей, Петя воистину страдал на утиной охоте. Без лодки, пешком, он забрался в болото при Дубне (Константиновские плёсы), насквозь промок там, и там его захватила ночь, и весь мокрый он провел холодную болотную ночь на кочке. Он убил крякву, и пять чирков, и два бекаса. Но это была бессмысленная охота, потому что такое количество дичи легко убить на сухом месте при их перелете, а если уж заходят в плёсы (на лодке), то привозят громадное количество уток. Он рассказывал, что местный перелет уток огромный, но были моменты, когда в поле зрения не было утиных стай.

Охота на плёсах создает особый быт, и надо непременно съездить раз на эту охоту и записать.

Ильин день (2 августа — 20 июля).

Накануне утки купались (ныряли) на деревенском прудике, и это верный признак близкой непогоды. Весь день сильно парило, невозможная жара была в болотах, к вечеру собралась грозовая туча, сверкало, гремело, но дождь был только очень маленький.

Петя повел Миролюбова на Константиновские болота с Яриком. Миролюбов стрелял из ружья-браунинга, не попадал, а Пете стрелять не приходилось. Могли бы убить дупеля и штук пятнадцать бекасов.

Мы пошли с Яловецким сначала на Ясниковское болото, имея в виду потом захватить и то место, где я охотился вчера по дупелям. Я плохо выспался, был рассеян до того, что иногда стрелял, не переменяв патронов.

Мы стреляли по очереди, Яловецкий тоже мазал ужасно, и так мы поравнялись, я убил дупеля и трех бекасов, он дупеля, двух бекасов и гаршнепа. Между тем стрельбы было много, а Кента переходила от стойки к стойке с редкими промежутками в десять — пятнадцать минут. Яловецкий в совершенном восхищении от Кенты и говорил, что награда золотой медалью для нее — смешная награда. Ему особенно нравилось, что она, теряя иногда струю ветра, доносящую ей запах бекаса, всегда возвращалась назад, проверяя все пройденное с целью узнать, не остался ли бекас позади, и потом уже вновь искала запах по ветру и наступала. Она не прошла ни одной птицы, не сделала ни одной ошибки. Но меня волновало,

что она, приученная раньше подавать дичь, делала попытки стронуться с места после выстрела, хотя вначале и сразу останавливалась по крику «назад». Но чем больше она входила в охоту, чем сильнее уставала от палящей жары, тем упрямей пыталась поставить на своем и достигнуть убитой дичи. Кажется, не было разу, когда она достигла бы своего, но все-таки голос повышать приходилось мне все сильней, сильней, и, наконец, я, сам очень усталый, разволновался больше Кенты, и так она ухитрилась оставить меня два раза в дураках. Один раз я, думая, что она ведет нас по коростелю, стал отзывать ее, она не слушалась, я грозил, я ругался и, наконец, привязал ее к поясу, а через несколько шагов поднял бекаса, по которому она вела. Другой раз, предполагая, что стрелянный мной бекас спустится в кустах раненый и убежит, я стал заставлять ее искать в этом кусту, она не хотела, я десять раз, возмущенный, возвращал ее, она не подчинялась и, наконец, совсем перестав меня слушаться, на свой страх подвела к этому бекасу, перебежавшему от кустика довольно далеко.

Кента подводит к бекасу обыкновенно, высоко подняв голову, время от времени наклоняясь к земле, как бы верх низом, и низ верхом. По дупелю начинает всегда нижним чутьем, покопается немного, потом пригнетса на лапах, и, низенькая, как лисица, извивается в коридорах между кочками, иногда осторожно выглянет поверх кочек и опять спрячется и ведет в низкой горизонтали...

Особенно хороша была одна твердая стойка, когда случилось, что я очень далеко был от собаки. Кента не чувствовала меня близко и потому твердо стояла. Но как только слышала мои шаги, оглянулась и, убедившись, что я тут, возле, — тихонечко шагнула вперед раз, два — и бекас вылетел.

Желая перейти с Ясниковского болота на то, где я охотился вчера, мы перед этим хорошо отдохнули в прохладе густого ольшаника над омутами Вытравки и потом перебрались через речку. Вблизи речки нашлось тут небольшое отдельное болотце, на котором Кента закопалась и повела по дупелю. Яловецкий близко стрелял, позорно промахнулся и в совершенном отчаянии схватился за голову. Следующий выстрел был бы мой, и я направил Кенту к перемещенному дупелю. Вскоре Кента сделала стойку и повела особенно, как по коростелю, тихо наступая, преследуя бегущую дичь.

Так мы прошли довольно далеко, и я сделал предположение, что вблизи дупеля был коростель и, негодяй, отвел нас от драгоценной птицы. Я хотел было уже привязать собаку и оттащить от горячащего следа, но вдруг она поняла, что ведет ложно, что птица осталась позади, и, бросив след, стала проверять пройденное. И, сделав круг, наткнулась наконец на неподвижное, уткнулась в это носом и навела туда глаза.

Я вынул у нее из-под носа крохотного, в спичечную коробку, дупеленка с длиннейшим своим носом, с черными своими глазками. Трудно передать, как прекрасен был этот дупеленок, выражавший <это> и своим маленьким тельцем, и не по телу длинным носом, и блеском своих мокро-черных глазок, соединивших в себе одновременно как бы и значение древней культуры, и явление совершенного детства... Он еще не мог летать, и мы пустили его в траву. Благословили счастливый промах в мать его в пятнадцати шагах, поговорили о возможности близкого покоса травы и опасности выводку от кос. Потом вспомнили, что крестьяне бросятся теперь жать спелую рожь и нескоро возвратятся к этой траве. И ушли мы с этого болотца, внимательно глядя себе под ноги, чтобы не раздавить возможных других птенцов.

Но, вероятно, других больше не было, потому что, несомненно, этот птенец был уже из второго гнезда, и когда первые яйца погибнут, то потом обыкновенно бывает только одно, много — два яйца... Важно отметить, что бекасы, по росе утром высыпавшие на скошенное, в жару распределяются по одному в траве около скошенного.

3 августа.

Около полудня я выводил на болото Ромку. Он несколько позабыл мои уроки и стремился по болоту скакать. Пришлось хорошенько стегнуть его и, когда он сделался от удара робким, войти с ним в кусты. Вероятно, тут набродил петух, и усмиренный перед этим Ромка стал замечательно подводить по этим следам, и даже когда потерял или запутался в наброде, то не бросался, а ползал раскорякой, ни на мгновение не выпуская меня из виду. Очень возможно, что он будет отличной лесной собакой, и надо помнить, что если придется стегать плетью, то лучше раз, да так, чтобы помнил, чем десять раз потихоньку. Завтра у нас план с Петей. Мы идем на бекасов и стреляем

по очереди. Тот, кто не стреляет, ведет Ромку, наводит на след, подводит к убитому. Там мы будем его обстреливать.

Перед закатом солнца мы пошли на перелет туда, где Федор разодрал плёс и поставил шалаш. Какое воистину прекрасное место! Идешь — и гора перед тобой качается, добрался — и стать некуда на сухое. В болоте, однако, значительно теплее, чем на суходоле, и комар, который там уже совершенно пропал, свирепствует здесь с такой силой, что завопит и самый привычный.

Я сделал два напрасные выстрела, попробовал шестым номером на семьдесят шагов — ружье не берет: надо сделать патроны с третьим номером.

Чирки и бекасы летят значительно позднее крикв, уже в сумраке. Солнце садилось красное. Молодой месяц показался свежим огурчиком. Легли белые холсты тумана по суходолу. Я простился с высокими красно-малиновыми цветами в болотных кустах и душистыми белыми спиреями. Живые минуты природы после заката: растет, свиваясь на берегу большим белым холстом, плотный туман, кажется, вот-вот он накатит на нас и закроет нам весь горизонт. Но растущий туман по непонятым причинам вдруг начинает отступать и остается, наконец, неподвижным, обнимая лес, оставляя в своем белом море от леса верхушки только самых высоких деревьев.

Со всех сторон в воздухе закричали перелетающие бекасы, я видел их иногда очень близко на фоне красной зари летящими близко от меня, но стрелять по бекасу не из-под собаки мне кажется так же глупо, как по воробью. Один прилетел к плёсу и сел на берегу его в десяти шагах от меня. Чирок неожиданно откуда-то взялся. Я не сумел остановить его стремительный полет: считаю за самую трудную стрельбу, бекас из-под собаки пустяк.

Я робел от промаха и много пропустил, не смея вскинуть ружье, и, когда выстрелил, — опять промахнулся. Потом показалась на красном целая стая несущихся на меня чирков, еле заметной стала на голубом, опять явилась на красном, пропала на синем, на мгновение мелькнула опять близко, почти на выстрел, на красном, — совершенно стерлась, как погребенная, когда снизилась и стала мне на фоне темных болот, потом вдруг как будто вырвалась из-под земли, взмыла фонтаном возле меня над плёсом, и тут одного я взял даже на мушку, и он, падая, прошумел в тростниках и булькнул в недоступном чело-

веку омуте. Петя выслал за ним Ярика, и он скоро его оттуда принес.

Потом Петя крикнул:

— Он принес еще и чирка Яловецкого!

Я сказал:

— Понюхай, не протух ли он за два дня?

— Живой,— кричит Петя,— совершенно живой!

Я забыл еще сказать, что перед началом перелета вблизи болота, на лугу, совершенно сухом, густо покрытом подсыхающим диким клевером и погремушками, из-под стойки Ярика я убил дупеля. Откуда он взялся? Кочевал он перед вечером к местам новой корчевки, или выгнало его из крепости стадо коров? Вернее всего прокочевал, потому что ведь во всех болотах показались эти ржаные (то есть высыпающие ко времени жатвы ржи) дупеля.

Два чирка и дупель, взятые во время этой маленькой охоты вечером, были как раз нам троим на обед.

4 августа.

ОБСТРЕЛ РОМКИ

В пять утра мы выходим обстреливать Ромку, будем стрелять из-под Кенты: один стреляет, другой держит Ромку и в момент выстрела с поднятой вверх плетью велит ложиться.

Только в болотах бывает такое крепко росистое светлотуманное утро. Для опыта я тронул один куст, и от этого сильный дождь крупными каплями пролился на землю. Спускаясь по вязкой тропе приболотицы к открытому болоту, мы сделали свидетелями небесного явления, которого я всю жизнь не видел, вероятно потому, что не жили никогда в таких сплошных болотах. Перед этим солнце все пробивалось через туман, от этого нам все светлело и светлело. Вот, вероятно, ко времени нашего спуска в болото, солнце окончательно завоевало себе огромное голубое царство, а весь туман свился в огромную толстую белую радугу. Но это не была обыкновенная плоская радуга, это была большого диаметра, круглая, согнутая в отчетливую на синем плато белую дугу колонна.

Чтобы проверить себя, я спросил Петю, не различает ли он в этой дуге каких-нибудь признаков цветов радуги. Нет, Петя тоже не видел цветов. Несколько мгновений мы подумали над концами белой радуги, они были не совсем белые, как бы розовые. Потом, как в обыкновенной

радуге, ее отражение внутри дуги, явилась вторая белая радуга, и она светилась несколько сильнее. Я спросил Петю:

— А эта, по-твоему, как?

Петя ответил:

— Эта старается быть несколько похожей на радугу, но тоже у нее ничего не выходит.

Нет, мы не всегда правы, когда бываем скептиками, часто просто желудок наш бывает не совсем в порядке, когда мы презрительно говорим: «Животная радость!» Почему, почему плоха животная радость, когда она никому не мешает и является даже в никому не нужных болотах в непереносимых для множества условиях? И, наконец, почему сказать слово «жизнь» — хорошо, сказать «живет» — не плохо, а сказать «живот» до того неприлично, что в салонах его заменяют и говорят: не «живот болит», а «желудок».

Чудесная животная радость охватила все существа, когда растаяли все признаки белой радуги и каждая капля засверкала маленьким солнцем. С ног до головы орошенный, свесив на здоровый живот свою мглистую бороду, выходит царь Берендей из кустов по приболотной вязкой тропе и оставляет в стороне от тропы на кочке большую печать Берендеева царства. Журавли издали приветствуют его громкими кликами, и, не замечая нас, семь огромных проносятся у нас над головами. Конечно, мы не хотим портить им настроение своим бекасинником и пропускаем их с радостным трепетом.

Первый выстрел мой. Мы условились: кто кого обстреляет, тому на сутки переходит печать Берендея. И когда мы такую говорим ерунду, вдруг с этой вязкой тропы, в районе, где не бывает бекасов, срывается один. Наши ружья еще за плечами и собаки на веревочках. Мы спускаем Кенту, и она сейчас же ведет вязкой тропой по второму бекасу. Тут любопытно отметить, как стремятся ночью бекасы на грязь: не пропустили даже узенькую, растоптанную тропинку. Я слышал, что здешние деревенские охотники, не умеющие стрелять влет, раздражают болото, делают грязь, и в кусту ждут, когда бекасы прилетят на это место.

Я промахнулся. В момент выстрела Петя уложил Ромку легким ударом плети. Потом Петя промахнулся, и

я уложил Ромку. И так пошло, вначале мы оба плохо стреляли бекасов. Кстати, с бекасами что-то неладное. Очень возможно, что шесть утра слишком позднее время, во многих местах бекасы, много набродив, перелетели на свою дневку, и Кента мучилась в наброде попусту. Мы нашли их немного. В дупелином болоте, таком спелом, что нога даже в большую кочку проваливалась, мы нашли только одного молодого дупеля, которого Петя убил. Перейдя с этого болота на Ясниковское, вытурив коростелей, мы нашли его молодого, совершенно черного, как негра, цыпленка с куриным клювом и довольно злыми черными глазами. Потом мы обошли ту полосу, где в прошлую охоту с Яловецким нашли дупеленка, и когда через две полосы от него вылетел дупель, я решил, что это не тот, и выстрелил. Мы привязали Кенту и послали искать Ромку. Он его нашел без стойки; подстреленный в крыло, он прыгнул возле самого носа собаки, и Ромка по нашему приказанию не только не бросился за ним, а лег. Потом мы долго его держали на стойке. Вскоре вылетел другой дупель, которого, по счастью, мы не успели стрельнуть. Затем вылетело маленькое существо, принятое мною за гаршнепа. Я промахнулся в него, потому что он очень маленький, а ружье мое даже на значительном расстоянии бьет очень кучно, вблизи — пулей. Удивленный промахом, я сел отдохнуть и уложил Кенту. У Пети застрял патрон, и он пошел в кусты вырезать себе шомпол. Прошло значительное время, когда я обратил внимание на странную позу Кенты: она лежала, уставив нос в кочку. Ведь не меньше пятнадцати — двадцати минут прошло, когда я наконец обратил внимание на ее позу, догадался и вытащил из-под ее лап дупеленка, который полетел совершенно так же, как и первый, принятый мною за гаршнепа. Кента перевела нос к другой кочке, под которой стоял Ромка, и какая же уморительная у него сделалась рожа, когда из-под его пуза, между передними лапами, минуя его бегемотную пасть, пролетел дупеленок!

Очевидно, эта поляна с высокой травой и ивовыми кустами по сторонам была местом гнездования не одного дупелиного выводка, очень возможно, что и убитый мною был одним из родителей. Мы поспешили оставить это опасное место и зареклись надолго в него не ходить.

На Ясниковском болоте, усталые от жары, мы заговорились, и Кента, наверное, тоже усталая и ожаревшая, забыла о нас и удалилась на огромное расстояние. Мы за-

метили ее там далеко, подводящей к бекасу. И вот, наверно, когда бекас ей пахнул отчетливо, она вспомнила о нас и оглянулась. Как мы далеко! Я послал Петю подходить медленно, чтобы Кента не успокоилась и не рассчитывала на его скорый приход. А Кента, заметив медленное приближение и спасая себя от искушения, совсем отвернулась от своей цели и просто ждала и ждала. Только уже когда Петя был от нее совсем близко, она продолжала подводку.

Бекас вылетел от *⟨него⟩* шагах в пятидесяти, и Петя его отлично убил. Вот Ярик, он тоже долго ждет на стойке, но как-то сам по себе. А Кента ведь сознательно сотрудничает. Едва ли когда-нибудь я наживу себе другую такую собаку, и даже думаю, едва ли много есть на свете таких разумных собак! Маленькая Нерль, совершенно похожая всем на Кенту, подает мне большую надежду, но уцелеет ли она от чумы? Я буду плакать о ней.

На краю болота в сухих кочках Кента подобралась к дупелю, но он полетел так низко, что, опасаясь за Кенту, я не выстрелил, и он полетел за речку. Тут же нашелся другой дупель.

Ромка опять не сделал стойки, но не погнался за дупелем и по приказанию лег. Обстрел с последующим приказанием лечь, подтвержденный часто ударами плети, совершенно покорил этого могучего, но послушного сотрудника.

Перейдя через речку, мы скоро нашли улетевшего с болота дупеля, и я его чисто убил. Наша добыча была невелика, но приятна: три моих дупеля и у Пети дупель и бекас. Охота кончилась, и печать Берендея по уговору переходит ко мне. Но выстрел оставался за Петей. Так как болото около нашего дома было пусто, я пустил вместе с Кентой и Ромку. Долго привязанный, измученный нравственными муками при постоянном созерцании подводки и стойки матери, он ринулся в бег, но скоро от жары выпустил свой огромный язык, цветом похожий на пастилу, устал, и я взял его поиск в руки грозным приказанием: «Убери пастилу». Не было никакой надежды на дичь, но вдруг Ромка растянулся на ходу и довольно нелепо, на карачках, стал подводить. Потом вылетел бекас, и вот это было отлично, что Петя его убил. Мы послали Ромку искать своего бекаса, он далеко почуял и сделал свою столь картинную стойку. Так чудесно закончился обстрел Ромки, и явилась возможность даже с ним одним идти на охоту: пусть он иногда будет и стуривать бекасов,

но все равно же их можно бить и так приучать на практике Ромку к осторожной, разумной подводке. Самое главное, что он абсолютно послушен и стрелять можно, не опасаясь, что он побежит. Шестая убитая птица поравняла нас с Кентой, и, таким образом, печать Берендея осталась на кочке.

5 августа.

ОХОТА С РОМКОЙ

Прямо после праздника (Ильин день), с четвертого августа закипела жатва. Стоят все знойные дни. Сегодня ночью был дождь.

Мой опыт охоты с Ромкой по бекасам до того не удался, что, кажется, это вышел самый несчастный день за все время натаски; и ни разу я не был так близок к мысли, что вся работа моя была впустую и что ничего не выйдет из этой тяжелой головастой собаки.

Сначала все было хорошо. Еще на тропе Берендея, где мы вчера спугнули бекаса, Ромка что-то учуял, завозился, вылетел бекас, и я на глазах собаки убил его, и он, причуяв убитого, сделал по нем стойку. Потом мы долго ходили возле Филипповского и ничего не нашли. Наконец я подошел на обратном пути к своему болоту, но ближе к Михневу, где еще не бывал. Здесь Ромка, причуяв наброд бекасов, пустился по наброду с такой быстротой, что я не мог поспеть за ним, и он без стойки стурил бекасиную матку с выводком. Я узнал этот выводок, знакомый мне, еще когда он был в яйцах около Островка, а может быть, это был и учебный выводок, вдруг пропавший: тот или другой непременно, потому что и Островок, и ольховый лесок были очень близко. Ни крики мои, ни свистки не действовали на Ромку, когда он летел по наброду, и только уже когда он, одураченный взлетом бекасов, опомнился — услышал и мой голос, и мои свистки, и, конечно, узнал хорошо полное действие моей плетки. Хочется при этом еще раз сказать о совершенно исчезающем значении комнатной дрессировки. Не только комнатная, но и полевая натаска изменяет совершенно свою картину, когда пробуждаются свои глубокие инстинкты. Можно даже вполне сделать собаку готовой для охоты, можно охотиться с ней прекрасно — и вдруг какой-нибудь случай вернет, какой-нибудь непобедимый инстинкт, и вся работа пропала.

Поиск собаки — это все равно, что стиль у писателя. Несомненно, что как человек сам с собой, так и писатель рождается со своим слогом. Но необходимо, однако, изломать этот природный стиль совершенно, чтобы потом он возродился преображенный культурой и сделался собственным стилем, а не просто слогом, потому что стиль предполагает усвоенную (у-своен-ную — ставшей своей) культуру.

Мысль эта мелькнула мне как спасение, когда я сел отдохнуть после экзекуции: спасение от собаки, которая терзала меня. После того, наметив кустик, куда переместились бекасы, я начал ломать вдребезги поиск Ромки, заставляя ходить его лентами тихо, вправо и влево, не более как в десяти шагах от меня. Дорого мне стоило это, мне кажется, за четыре часа упражнений я тысячу раз повторял: «Тише, назад, поди сюда». И все-таки я ничего не достиг: причуяв наброд, Ромка не отдирает носа от травы и так подвигался бы непосредственно до самого бекаса, если бы он не взлетал. Теперь я имею множество доказательств, что он мог чувствовать, и беда не в чутье, а в его огромной башке, набитой соломой. Едва ли какой-нибудь егерь посвятил натаске столько страстных часов, как я, едва ли какая-нибудь собака перенюхала и перевидела столько разнообразной дичи во всех возрастах, как Ромка,— и все напрасно. С Кентой была одна сотая возни, и то я тогда отчаялся и бросил, а у нее в голове потом само дошло, и потом она сразу пошла в первый поиск, как старая собака. Очень возможно, что и Ромке я даю слишком много и что у него теперь должно в голове само доходить, если только есть какие-нибудь мозги в его голове. Пусть же доходит в эту осень, но мне не улыбается перспектива кормить его еще целый год до новых сомнительных опытов.

Я до того отчаялся, что, велев идти ему сзади, повесил ружье и, понутив голову, пошел по сухому с комьями кочек лугу. И вдруг из-под ног два дупеля, которых напрасно я искал на прелых «дупелиных» местах. Так это и надо усвоить, что «ржанных дупелей» надо искать на сухих, хотя, может быть, и кочковатых краях болот или на лугах, расположенных вблизи болот. Потом возле Михалевских капустников Ромка, на свой манер, похрапывая в наброде, стурил мне бекаса, и я убил его. Бекас оказался матерый, толстый в сравнении с первым убитым тоненьким, в белом фартучке, как дупель, бекасом. Больше

я ничего не мог найти, так как не отпускал Ромку на близкий розыск. От пяти утра до десяти утра я так измучился, что целый час просидел на кочке под тенью ольхи в полудреме. Летний ветерок скоро уговорил меня, постоянно лаская и щеки, и раскрытую грудь, и мне было неплохо. Я даже и думал и беседовал с другом.

«Друг мой, ведь до самого основания по одному кирпичу расшвыряли наш храм, и я всю жизнь собираю кирпичи и складываю памятник. Бывают моменты, и я ими живу, когда у меня что-то выходит и является даже гордое сознание, будто я выполняю: «Разрушь храм сей, и я его в три дня воздвигну». Впрочем, я не мог бы так резко это признать, а как бы только ставлю ногу свою в чей-то верный след. Вот как в этом великом окружающем меня Берендеевом царстве не я царь Берендей, но все равно, ежедневно спускаясь в болото по его тропе, я часто узнаю его в себе самом. Да вот и сейчас, когда собака почти совсем съела меня, обласканный ветром и музыкой шумящей листвы и возвращенный в царство Берендея, я протягиваю примирительно руку к глупой собаке, как сам Берендей, и говорю: «Дурак, дурак, зачем ты сам себя губишь, вытряхни поскорей солому из своей башки. Губастый!»

Петя за это время убил двух дупелей и трех бекасов, один дупель был на сухом лугу, другой на коровьей грязи.

Бекасов за пищу можно считать только матерых, а дупеля уже покрыты слоем жира толщиной в пакетную бумагу.

6 августа.

ТЕТЕРЕВА

Песчаные горки в болотах реки Кубжи, покрытые редким березняком с кочками краснеющей брусники, пахнут тетеревами, и все-таки их тут нет, мы нашли тут одного петуха, по которому я неудачно стрелял в чаще, и холостую тетерку, в которую, по уговору, не стали стрелять. Так, обойдя все эти горки, мы спустились к широкой долине, поросшей болотной травой, и задумались, Кубжа это или просто большой луг.

Была тут тропа, мы пошли по ней, постепенно утопая все глубже и глубже, и когда добрались до непереходимого

плёса, узнали, что это действительно река Кубжа. Потом мы пошли краем болота и так пришли к мосту, за которым виднелся лесок Филатова, где, говорили нам, водились тетерева.

Тут мы нашли единственного петуха и взяли его с трудом, потому что удивительная в подводке по тетеревам Кента сделала ошибку: разбираясь в следах, она до того закопалась в них, что вплотную подобралась к нему и спихнула, а мы, не предупрежденные, не расставились, а петух вылетел сзади куста.

Этот редкий случай с Кентой вернул меня к мысли о Ромке: вот именно потому он и не делает стоек, что идет низом по наброду; напротив, если дичь переместилась и сидит без наброду, то стойка ему часто удастся. Значит, весь вопрос в том, как заставить его отрывать нос от наброда и время от времени проверять близость птицы верхним чутьем. К этому сводится теперь вся работа над Ромкой, и я не вижу в этой работе для себя сознательного пути, весь мой расчет, что он «головой дойдет».

7 августа.

После вчерашнего маршрута — дневка.

Приезжал Сергей Васильевич Бородин (страховой агент), привез свою молодую собаку, просил пойти показать ей молодого тетерева. Ходили в ближайший мох с Кентой, но тетеревей не могли найти, потому что во время дождя они переместились в чащу.

Сергей Васильевич — добрый толстый человек и очень любит свою собаку, самого плачевного вида лаверака. Ему она представляется собакой самой лучшей в мире, и всякий, кто скажет плохое о ней, — становится его врагом. Он дома и за прислугу, и за дворника. Жене его лет под сорок. Мне сказали, что она учится балетным танцам. (В любви его к собаке — пересмотреть любовь к женщине, неудачной актрисе. Сюжет нынешней натаски Ромки: собака без чутья.)

8 августа.

Под вечер вышел прогуляться с Ромкой, он подбежал к кустам, понюхал и стал. Я подошел, вылетел петух. Нет, из него будет собака.

9 августа.

Правило: чтобы собака остановилась, нужно остановиться самому. Чтобы собака тише ходила, надо самому тише идти.

УПРАЖНЕНИЕ С РОМКОЙ

Лева шел с ружьем, я с плеткой. Мы согнали бекаса. Потом Ромка учуял его наброд и повел верхом. По месту стал. Верхняя подводка — новость. Я сделал предположение, что за время отдыха он одумался и что вчерашняя стойка по петуху имеет для него такое же поворотное значение, как для Кенты была куропатка. На осоке, очень короткой, он стал примеривать, очень осторожно подводить, прохватывать верхом, после короткой стойки вылетел дупель, по которому Лева не успел стрельнуть. В кустах Ромка тихо подводил по какому-то следу, я думаю, тетеревиному; потом, когда ему не удалось сразу найти птицу, он стал волноваться, и я отвел его. На некошенных полосах Ромка после недолгого розыска (розыск все-таки был) поднял голову и сделал настоящую твердую стойку. Вылетел бекас, по которому Лева промахнулся. Потом два раза с разбегу спихнул дупеля, а в третий раз причуял, подвел близко, умер на стойке. Осторожная манера поиска, полное спокойствие при взлете даже из-под носа и при выстреле давали впечатление старой, опытной собаки. Значит, совершилось почти то, что было с его матерью. Вероятно, в эту же осень он пойдет и по тетеревам и будет к концу сезона готовой собакой.

11 августа.

БОЛОТНАЯ ОХОТА С РОМКОЙ

Ночью была наконец сильная гроза, и утро сложилось самое хорошее, самое мною любимое, когда невидимое за облаками солнце ласково посылает в долины смягченный свет и от этого все вокруг становится задумчивым.

Сегодня мы охотились с Ромкой, иногда совсем даже забывая, что это молодая собака, болтали между собой, вверялись его поиску, и не было ни одного случая, когда бы он спугнул дичь раньше, чем мы подошли к его стойке. Так оправдались мои предположения, что он как-нибудь

в один «прекрасный день» совершенно так же, как и его мать, сразу поймет всю науку и пойдет, как старая собака. Вероятно, так и вообще при натаске собак, результаты надо ожидать не прямо во время уроков, а несколько спустя, надо непременно давать время одуматься собаке. Впечатление получается такое же, как от ночного роста трав, — собачье сознание растет тоже как будто ночью во сне. Учишь, учишь, и собака становится все хуже, и вдруг в один прекрасный день она все поймет. Конечно, предшествующей охотой мы были уже подготовлены к новым достижениям, но все-таки не в такой степени.

Сегодня Ромка прежде всего завоевал наше доверие к своему кавалерийскому поиску, когда со всего хода схватил наброд дупеля. После этого наконец я перестал его стеснять постоянной угрозой держаться ближе, постоянным обрыванием его собственных планов. И только если он уходил далеко за пределы выстрела, я возвращал его свистком. Это он себе завоевал и нам доставлял большое удовольствие своим свободным скоком.

Я убил из-под его стойки наконец-то первого дупеля, чрезвычайно большого и вполне налитого жиром. Но радость была омрачена, когда он после выстрела, увидев падающего дупеля, бросился к нему. К сожалению, пришлось его наказать, а потом я с волнением дожидался следующего выстрела, очень опасаясь пробуждения трудно победимого инстинкта погони. Мои опасения оказались напрасными, убитый бекас упал еще ближе на воду, чем дупель, еще ближе к нему, и он сделал попытку прыгнуть, но по крику «назад», остановился и даже лег. Это значит, собака в руках. Так я надеюсь и в будущем обойтись совсем не только без парфорса, но даже без обычной веревочки, которой останавливают попытки бежать.

Мы нашли и того странного дупеля, которого в последнюю охоту не могли разыскать с Кентой, дупель был молодой, и нашелся именно там, где мы его искали в тот раз. При выстреле и падении птицы Ромка не тронулся с места.

Раза два или три Лева промахнулся по бекасам и по дупелю, и этим окончилась первая настоящая охота с Ромкой. Я уверен, что он теперь с таким же успехом подведет и к тетеревам, но не буду этим его перегружать, пока не проведу несколько больших охот на болоте.

Считаю сегодняшний день в натаске Ромки днем его выпускного экзамена. Таким образом, вся натаска про-

должалась ровно месяц, с десятого июля по десятое августа. Если бы у меня была другая собака, то я не только в ущерб Ромке, но даже с пользой для него мог бы натаскать другую, день с одной, день с другой. Если бы я так делал, то, во-первых, давал бы Ромке возможность отдыхать и усваивать про себя уроки, во-вторых, не загонял бы его тогда до изнеможения, в-третьих, сам бы я, имея в виду не ту, так другую собаку, был бы спокойнее и, наконец, я бы в счастливом исходе имел за то же время не одну обученную собаку, а две.

ГЛАЗА ЗЕМЛИ

О Т А В Т О Р А

(Вместо предисловия)

Из клочков моих признаний в дневнике в конце концов должна выйти книга «Дорога к другу» (дневник писателя).

Весь путь мой был из одиночества в люди.

Мелькает мысль, чтобы бросить все лишнее, машину, ружья, собак, фотографию и заниматься только тем, чтобы свести концы с концами, то есть написать книгу о себе со своими всеми дневниками.

О себе я говорю не для себя: я по себе других людей узнаю и природу, и если ставлю «я», то это не есть мое «я» бытовое, а «я» производственное, не менее разнящееся от моего индивидуального «я», чем если бы я сказал «мы».

Мое «я» в дневнике должно быть таким же, как и в художественном произведении, то есть глядеться в зеркало вечности, выступать всегда победителем текущего времени.

Что же касается нескромных выходов с интимной жизнью, то разобраться в том, что именно на свет и что в стол, можно только со стороны. И еще есть особая смелость художника не слушаться этого голоса со стороны. Примером возьму Ж.-Ж. Руссо: если бы он слушался этого голоса, у нас бы не было «Исповеди».

Таких примеров могу дать бесчисленное множество.

ДОРОГА К ДРУГУ

1946 ГОД

Ищем, где бы нам свить
гнездо.

В ПОРЕЧЬЕ

Вчера с утра зима рванулась было с морозом и ветром, нарушила было спокойное чередование одинаковых мягких дней. Но среди дня явилось богатое солнце, и все укротилось.

Вечером опять воздух после мороза и солнца были, как летом на ледниках.

Завтра отправляемся в Поречье, под Звенигородом — дом отдыха Академии наук.

В девять часов выехали из Москвы и в одиннадцать приехали, хорошо, как и не мечтали. Тихий, теплый и крупный снег падал весь день.

С утра на солнце деревья покрылись роскошным инеем, и так продолжалось часа два, потом иней исчез, солнце закрылось, и день прошел тихо, задумчиво, с капелью среди дня и ароматными лунными сумерками под вечер.

ДЕНЕК ПРОСВЕРКАЛ

Какой денек вчера просверкал! Как будто красавица пришла «ослепительной красоты». Мы притихли, умалились и, прищурив глаза, смотрели себе под ноги. Только

в овраге в тени деревьев осмелились поднять глаза на все белое в голубых тенях.

Ночь была звездная, и день пришел пасмурный, и слава богу, а то со сверкающим мартовским днем не справишься, и не ты, а он делается твоим хозяином.

БЕРЕЗАМ ЗЯБКО

Всю ночь бушевал ветер, и слышно было в доме, как вода капала. И утром не пришел мороз: то солнце выглянет, то сомкнутся тучи и тряхнет крупой, как из мешка. И так быстро мчатся облака, и так зябко белым березкам, так они качаются!

ТИХИЙ СНЕГ

Говорят о тишине: «Тише воды, ниже травы». Но что может быть тише падающего снега! Вчера весь день падал снег, и как будто это он с небес принес тишину.

Этот целомудренный снег в целомудренном мартовском свете младенческой пухлотой своей создавал такую обнимающую все живое и мертвое тишину. И всякий звук только усиливал ее: петух заорал, ворона звала, дятел барабанил, сойка пела всеми голосами, но тишина от всего этого росла.

Какая тишина, какая благодать, как будто чувствуешь сам благодетельный рост своего понимания жизни, прикосновение к такой высоте, где не бывает ветров, не проходит тишина.

ЖИВАЯ ЕЛКА

Сверху снег и снег, но от лучей солнца капельки невидимые проникли вниз к месту соприкосновения веточки со снегом. Это водица подмывает, снег с еловой лапки падает на другую. Капельки, падая с лапки на лапку, шевелят пальчиками, и вся елка от снега и капли, как живая, волнуясь, шевелится, сияет.

Особенно хорошо смотреть сзади елки против солнца.

РЕКА ПОД СНЕГОМ

Река до того бела, до того вся под снегом, что узнаешь берега только по кустикам. Но тропинка через реку вьется заметная, и потому только, что днем, когда под снегом хлюпало, проходил человек, в следы его набежала вода, застыла, и теперь это издали заметно, а идти колко и хрустко.

РАЗГОВОР С ЖЕНЩИНАМИ

За ужином за мой столик сели две девушки.

— Почему в ваших книгах задухновенность? Вы человека любите? — спрашивает девушка.

— Нет, — ответил я, — люблю не человека, а язык, держусь близости речи, а кто близок к речи, тот близок и душе человека.

Так поговорил с женщинами по душам.

— С вами легко, — сказали они, — будто вы женщина.

— Конечно, — ответил я, — ведь я тоже рожаю.

Мысли тоже рождаются, как живые дети, и их тоже долго вынашивают, прежде чем выпустить в свет.

ТЕПЛАЯ ПОЛЯНА

Как все затихает, когда удаляешься в лес, и вот, наконец, солнце на защищенной от ветра полянке посылает лучи, размягчая снег.

А вокруг березки волосатые и каштановые, и сквозь них новое чистое голубое небо, и по небу бирюзовому проносятся белые прозрачные облачка, одно за другим, будто кто-то курит, стараясь пускать дым колечками, и у него колечки все не удаются.

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Утро ясное, как золотое стеклышко. Забереги все растут, и уже видно, что лед лежит на воде и незаметно для глаза поднимается.

На деревьях в Дунине скворцы, прилетели и маленькие птички — чечетки, во множестве сидят и поют.

Мы ищем, где бы нам свить гнездо — дачу купить, и так всерьез, так, кажется, вправду, и в то же время где-то думаешь тайно в себе: я всю жизнь ищу, где бы свить гнездо, каждую весну покупаю где-нибудь дом, а весна проходит, и птицы сядут на яйца, и сказка исчезает.

Чем краше день, тем настойчивей вызывает и дразнит нас природа: день-то хорош, а ты какой! И все отзываются — кто как.

Счастливей всех в этом художники.

ВОДА

Маленькая льдина, белая сверху, зеленая по взлому, плыла быстро, и на ней плыла чайка. Пока я на гору взбирался, она стала бог знает где, там вдали, там, где виднеется белая церковь в кудрявых облаках под сорочьим царством черного и белого.

Большая вода выходит из своих берегов и далеко разливается. Но и малый ручей спешит к большой воде и достигает даже и океана.

Только стоячая вода остается для себя стоять, тухнет и зеленеет.

Так и любовь у людей: большая обнимает весь мир, от нее всем хорошо. И есть любовь простая, семейная, ручейками бежит в ту же прекрасную сторону.

И есть любовь только для себя, и в ней человек тоже, как стоячая вода.

ПО СЛЕДУ

Случается, пролезет один какой-нибудь человек по глубокому снегу, и выйдет ему, что недаром трудился. По его следу пролезет другой с благодарностью, потом третий, четвертый, а там уже узнали о новой тропе, и так благодаря одному человеку на всю зиму определилась дорога зимняя.

Но бывает, пролез человек один, и так останется этот след, никто не пройдет больше по нем, и метель-поземок так заметет его, что никакого следа не останется.

Такая нам всем доля на земле: и одинаково, бывает, трудимся, а счастье разное.

ВОСХИЩЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Зорька нежнее щечки младенца, и в тиши неслышно падает и тукает редко и мерно капля на балконе... Из глубины души встает и выходит восхищенный человек с приветствием пролетающей птичке: «Здравствуй, дорогая!» И она ему отвечает.

Она всех приветствует, но понимает приветствие птички только человек восхищенный.

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Вечер теплый и тихий, но вальдшнепов не было. Заря была звукоемкая.

Вот теперь больше не нужно резать березку, чтобы узнать, началось ли движение сока. Лягушки прыгают — значит, и сок есть в березе. Тонет нога в земле, как в снегу, — есть сок в березе. Зяблики поют, жаворонки и все певчие дрозды и скворцы — есть сок в березе.

Мысли мои старые все разбежались, как лед на реке, — есть сок в березе.

ЦВЕТ И ЗВУК

Тишина звучная, не знаешь, куда лучше смотреть — в себя или на березки в малиновом свете, не знаешь, что лучше слушать, — себя или птичек...

В эту зарю все так было в небесных цветах, так согласно высвистывали свои сигналы певчие дрозды, что как будто из переходящего цвета зари и рождался звук певчих птиц.

СЧАСТЛИВЫЙ ХОМУТ

Сегодня должна совершиться покупка дома. Что-то вроде свадьбы Подколесина! И это вечное: везде и каждому в промежутке между решением и действием хочется убежать в сторону, прыгнуть в окно.

Недоволен я собой: весь я в настроениях, нет смелости, прямоты, нет лукавства достаточного. Боже мой! как я жил, как я живу! Одно, одно только верно — это путь мой, тропинка моя извилистая, обманчивая, пропадающая...

Около времени вечернего чая пришли девушки: предсельсовета и агроном. Они поставили печать к заготовленной нами бумаге, и двухмесячная борьба и колебания были закончены: развалины дачного дома стали нашим владением.

Я подарил Критской книгу с надписью: «Н. А. Лебедевой-Критской на память о счастливом хомуте: я счастливо вошел в хомут счастливого 13 мая 46 года, она счастливо из него вылезла».

ГЛУБОКАЯ ПОЧВА

Брожу весь день между липами, и вдруг вспомнилось Хрущево: там был тоже такой легкий для дыхания воздух. С тех пор я не дышал таким воздухом, я не жил в здоровой природе и мало-помалу забыл, что она существует...

Я жил в болотах, в комарах, понимал такую природу как девственную, как самую лучшую. А разве мать моя жила не тем же чувством благодарности за жизнь, какая она ей прищлась, не имея никакой претензии на лучшую? Та даже и умерла, не испытав женской любви.

И вот почему, когда я вышел из болот и стал здесь на глубокую почву, где липы растут и нет комаров, мне кажется, будто я вернулся в Хрущево, в лучшее, прекрасное место, какого и не бывало на свете.

НАЧАЛО ЛЮБВИ

Сад цветет, и каждый нагружается в нем ароматом. Так и человек бывает, как цветущий сад: любит всех, и каждый в его любовь входит. Мать моя была такая: любила всех и каждого, но ни на кого не тратилась. Это, конечно, еще не любовь, а скорее всего это таится нетронутый клад души, от которого истекает любовь.

Начало любви — во внимании, потом в избрании, потом в достижении, потому что любовь без дела мертва.

Но мне кажется, любовь, вытекающая из цветущего сада, как ручей, — ручей любви, претерпев необходимые испытания, должен прийти в океан, который так же, как и сад цветущий, существует для всех и каждого.

ЗЕЛЕНАЯ ПЛАМЯ

Как зеленая пламя вспыхнула береза в еловом темном лесу, и ветерок уже заиграл всеми ее листиками и будет играть всю весну, все лето и осень, пока все не сорвет и не останется береза опять одна со своими голыми прутьями.

— Ты знаешь, Жулька, — сказал я своей умнице собаке, — эта березка, может быть, также когда-нибудь, как мы с тобой, бегала, но ей понравился ветер и что он играет ее листиками.

Вот она остановилась и отдалась ветру, и с тех пор она стоит так, и он ею играет.

УСТАЛОСТЬ

Шел в лесу долго и, вероятно, стал уставать: мысли мои стали снижаться и уходить из лесу домой.

Но вдруг я почувствовал себя внезапно радостным и возвышенным, глянул вокруг и увидел, что это лес стал высоким и стройные прекрасные деревья своим устремлением вверх поднимали меня.

СЧАСТЬЕ

Меня вчера окружили в парке женщины и, узнав, начали объясняться в любви.

— У вас, наверно, было счастливое детство? — спросила одна.

— Без обиды не обошлось, — ответил я, — но счастье мне было не в детстве, а в том, что я обиду свою обошел.

Мы все должны зализать свою рану. Заживил — и счастлив. Мы должны сделать свое счастье.

Да, конечно, счастье необходимо, но какое? Есть счастье — случай, — это бог с ним. Хотелось бы, чтобы счастье пришло, как заслуга.

Вот друг мой, — это, конечно, мое счастье. Но разве я-то не заслужил его! С каких далеких лет я за такое счастье страдал и сколько лет в упорном труде обходил свою личную обиду, достигал признания общества и чего-чего только не терпел.

Нет, нет! Я счастье свое заслужил, и если каждый соберет столько усилий, чтобы обойти свою обиду, то почти каждый будет счастливым.

Я говорю «почти», потому что не вся сила жизни сосредоточена в своих руках, почему и говорят: «не судьба», или, что «от сумы и тюрьмы не отказывайся».

Счастье у людей «выходит» иногда, а радость — достигается.

КАПИТАН-ПАУК

Еще с вечера при луне между березами поднялся туман. Просыпаюсь я рано, с первыми лучами, и вижу, как бьются они, чтобы проникнуть в овраг сквозь туман.

Все тоньше и тоньше туман, все светлее и светлее, и вот вижу: спешит-спешит паучок на березе и спускается

с высоты в глубину. Тут закрепил он свою паутину и стал чего-то дожидаться.

Когда солнце подняло туман, дунул ветер вдоль оврага, оторвал паутинку, и она, свертываясь, понеслась. На малюсеньком листочке, прикрепленном к паутине, паучок сидел, как капитан своего корабля, и он, наверное, знал, куда и зачем ему лететь.

ГРИБНИКИ

Встретился машинист с паровоза: успел набрать корзину белых грибов и теперь бежит на паровоз. Вот этот любит природу!

Опавшие листья уже запахли пряниками. Редки белые грибы, но зато как найдешь, так и набросишься на них коршуном, срежешь и вспомнишь, что обещался, увидев, не сразу резать, а полюбоваться.

Опять обещался и опять забыл.

Один грибник приходит с мелкими грибами, другой — с крупными. Один внимательный и, пользуясь силой внимания, видит грибы. Другой мелочи не видит возле себя, и не он направляет на гриб внимание, а сам гриб, большой, как лампа, обращает на себя его внимание.

У таких грибников большинство грибов — крупные.

РАБОТА НАВИСЛА

Показались на яблонях яблоки. Ух, какая работища нависла надо мной и тоже, как яблоко, показалась из моей зелени.

В Дунине великой силой взялись белые грибы. Всего трясет — так хочется пособирать, и в то же время думаешь, что все такое не ко времени. Теперь мне не до грибов, не до охоты, не до рыбы, даже и не до природы.

НЕДОСМОТРЕННЫЕ ГРИБЫ

Дует северный ветер, руки стынут на воздухе. А грибы все растут: волнушки, маслята, рыжики, изредка все еще попадают и белые.

Эх, и хорош же вчера попался на глаза мухомор. Сам темно-красный и спустил из-под шляпки вниз вдоль

ножки белые панталоны, и даже со складочками. Рядом с ним сидит хорошенькая волнушка, вся подобранная, губки округлила, облизывается, мокренькая и умненькая.

А масленок масленку рознь: то весь дрызглый, червивый, а то попадется такой упругий и жирный, что даже из рук выскочит, да еще и пискнет.

Вот стоит моховичок: вырастая, он попал на прутик, тот разделил шляпку, и сделался гриб похожим на зачыю губу.

Один большой гриб стал, как избушка, спустил свою крышу почти до земли — это очень старая сыроежка.

В осиннике до того теснит осинка осинку, что даже и подосиновик норовит найти себе елочку и под ней устроиться на свободе.

Вот почему, если гриб зовется подосиновиком, то это вовсе не значит, что каждый подосиновик живет под осинкой, а подберезовик живет под березой. Сплошь да рядом бывает, что подосиновик таится под елками, а подберезовики открыто сидят на поляне в еловом лесу.

Придут скоро морозы, а потом и снег накроет грибы, и сколько их останется в лесу, недосмотренных, и пропадет не доросших до семени, и пойдет в общий котел на общее удобрение, на общий обмен.

Так вот жалко становится недоросшего, недосмотренного гриба в лесу, что так просто пропадут и никому не достанутся.

ГРИБЫ ТОЖЕ ХОДЯТ

Осень глубоко продвинулась. Еловый подрост осыпан золотыми монетками берез и красными медалями осин. В лесу ведь и в солнечный день сумерки, а тут еще напала листва и скрывает от глаз серые, красные и желтые шляпки грибов.

— Есть грибы? — спросил я маленькую дочь лесника.

— Волнушки, рыжики, маслята.

— А белые?

— Есть и белые, только теперь начинает холоднеть, и белые переходят под елки. Под березками и не думайте искать — все под елками.

— Как же это они так переходят, видала ли ты когда-нибудь, как грибы ходят?

Девочка оторопела, но вдруг поняла меня и, сделав плутовскую рожицу, ответила мне:

— Так они же ночью ходят, как их мне ночью увидеть? Этого никто не видал.

МАЛО ВСТРЕТИЛ ХОРОШЕГО

Утро прохладное и солнечное, после обеда затянулось небо и был дождь. Утром ходил за грибами подальше, по-настоящему. Оказалось, что грибов нет; если и покажутся, то пожирают слизняки. Так что дождик грибам полезен, но при постоянных дождях грибы не растут.

Ходилось нелегко. Мало встретил хорошего, потому что не было в душе равновесия.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Есть в осени первоначальной хрустальный день. Вот он и теперь. Тишина! Не шевелится ни один листик вверх, и только внизу на неслышимом сквознячке трепещет на паутинке сухой листик.

В этой хрустальной тишине деревья, и старые пни, и сухостойные чудища ушли в себя, и их не было, но, когда я вышел на полянку, они заметили меня и вышли из своего оцепенения...

Тоска по человеку и страх одиночества, когда я нашел себя, вдруг исчезли: и человек свой родной и близкий оказался на всяком месте.

Человек близкий везде и всюду, только надо быть самому свободным, сильным, здоровым душой. Давайте же помогать и удивляться этим людям в первую очередь, а потом уж пойдем к труждающимся и обремененным. Это маленький вариант милосердия.

НАШИ ДЕЛА

Хватил первый мороз, но с неба откуда-то капает. На воде большие капли становятся пузырями и плывут вместе с убегающими туманами вниз по реке.

Так Москва-река умывается.

Долго задумчиво стоял у реки, размышляя о своих зимних делах, и, когда оглянулся, увидел: рядом со мной, тоже у воды, сидел куличок и тоже задумался, наверно, о своем далеком пути.

У меня дела в городе, у него — в теплых краях.

Вчера первый раз переночевал в своем доме.

Начинаю пожинать урожай своего весеннего сева: посеял, все лето боролся, растил — и вот мой дом, как яблоко, как мысль, поспевает, и звезды небесные, как обстановка души моей, появляются над моими сенями.

Вечером на короткое время вызвездило, и с веранды я увидел Большую Медведицу и другие звезды, с детства так знакомые и родные.

И вся небесная обстановка моего домика была как мебель собственной души моей, и даже сама душа, казалось, досталась мне от первых пастухов...

Как мало я сделал для поэзии, но как чудесно для поэзии создана природой моя душа...

Мне живо представляется время жизни моей на хуторе Бобринского в 1902 году, сорок четыре года тому назад, когда мне было двадцать девять лет. А как ясно вспоминаются даже первые записи. Помню, записывал тогда о границе природы, где природа кончается и начинается человек.

С тех пор прошло почти полстолетия, и оказывается, что я так и не отходил от той темы, и все написанное мною было об этом, и на этой теме я умнел и богател.

В ГОРОДЕ

Земля мерзлая, черная. Безразличные дни смотрятся друг в друга, как в зеркальных отражениях. Злой ветер с морозцем наматывает пятнышками мелкий, редкий снежок.

Вижу из Москвы сейчас нашу реку в Дунине. Широкие забереги с мысиками, на мысики намерзают плавучие льдинки, проход между мысами все сужается, но все еще пропускает плавучее сало.

И вижу — это не река, а душа моя, не вода, а радость моя, и не частые льдинки это, а душа это моя покрывается заботами.

Но я собираюсь подо льдом с силами и верю, что придет моя весна и все мои заботы обратятся в радость.

ДНЕВНИК ШОФЕРА

Научился заводить машину в мороз в нетопленном гараже, без горячей воды, одним движением ноги с лесенки.

Когда научился, то понял, по себе, с годами выступающий ум, как *заменитель* молодости и силы.

Моя бригада делает быстро машину. Вчера я особенно расположил их рассказом о своем водительстве.

«Смотрите билет,— говорю я,— пятнадцать лет во-жу — и ни одного замечания». — «А что это карандашом написано?» — «Это у меня на кузове пальцем мальчишки написали сзади одно слово. Вот милиционер и хотел меня забрать и написал было в билете, но я ему слово другое сказал, и он меня отпустил». — «Какое же слово вы ска-зали?» — «Сынок,— говорю,— отпусти меня, а то плохо тебе будет». — «Чем же,— спрашивает,— плохо?» — «Тебе мальчишки на спине тоже это слово напишут — и не заметишь». Ну вот, он посмеялся и отпустил.

Вот и весь мой фольклор, благодаря которому стало очень весело моей бригаде.

— Так мы обмоем машину? — спросил Вася.

— Еще бы!

И все взялись за работу.

Дети и дети!

Вечером пиновала у меня вся бригада. Ваня за столом долго рассказывал о себе, как он был колхозником, как уехал из колхоза в Самарканд счастья искать, как взяли его в Красную Армию и после ранения закрепили по броне на заводе.

— Жизнь твоя,— сказал я,— похожа на тех мужи-ков, которые задумали узнать, кому живется весело, воль-готно на Руси. Ну, скажи, Ваня, где же лучше всего сейчас жить на Руси?

— Лучше всего,— сказал он,— конечно, в Красной Ар-мии. Я бы и сейчас туда, да не пускают.

— Ну, а как же не страшно, там убить могут?

— А это не важно,— ответил Ваня.

Я посмотрел на плечи Вани, похлопал по ним.

— Хорошие, богатырские плечи,— сказал я.

И он мне ответил с гордостью:

— Нормальные!

Вчера ворвался в мой гараж автоинспектор и потребо-вал убрать бензин (куда я его дену?) и сделать ремонт га-ража (кто мне его будет делать?). Составил протокол, вручил мне копию.

— А вас как зовут? — спросил я.

— Антоном Ивановичем.

— Хорошие русские люди все больше Иванычи...

— А вас как?

— Михаил Михайлович.

— Тоже хорошо.

— Конечно, хорошо: Михаил Архангел, знаете, с мечом.

— Слышал. А мой Антоний — тот смиренный: за райской птицей ходил.

— Какая-то ошибка вышла: я писатель, Михаил, за райской птицей хожу, а вы, Антоний, стали воином, ворвались в гараж, напугали.

— Ничего, ничего, не пугайтесь: не сделаете вовремя — немного отсрочим. Вот мой телефон.

Тем все и кончилось.

Интерес моих шоферских занятий в том, чтобы добиться определенного результата: машина служит мне.

Интерес в борьбе: кто кого победит — машина будет служить мне или же я буду служить машине.

Помучился я с машиной, и наконец после мук она заработала, и я, как всегда бывает в таких случаях, очень обрадовался.

Да, я радовался, ехал, а му́ка моя работала, и так всегда му́ка работает, и мы так легко, так охотно о ней забываем.

Вот моя машина: сколько умов ученых мучились, имен их не сочтешь! Какие тут му́ки ученых вспоминать, когда я даже собственную му́ку забыл: лечу, свищу!

Полировал машину. Пришла старушка: развешивает перед гаражом стираное белье.

— Как жизнь, бабушка?

— Сам видишь, живу.

— Хорошо?

— Скриплю, да работаю: умереть-то и некогда.

Машина не заводилась. Опасаясь полной разрядки аккумулятора, я стал на улице искать шофера и скоро нашел мальчика в ЗИСе.

Есть в большинстве случаев только две причины машине не заводиться: расстройство зажигания — одно, подача бензина — другое. И шоферы начинают проверку — один с зажигания, другой — с карбюратора.

Сережа начал с зажиганья, вынул трамблер, достал двугривенный и так, пощелкивая молоточками, начал серебрить контакты.

— Больших начальников возишь? — спросил он, не отрывая глаз от трамблера.

— Нет, — ответил я, — это моя личная машина.

Рассказав ему о себе, что я писатель, езжу всегда один, чтобы без помехи собирать материалы, сам и писатель, и шофер, и охотник и фотограф, я спросил, как его фамилия.

— Плохая, — ответил он и опять взялся за трамблер.

— Плохих фамилий, — сказал я, — не бывает. Вот, например, улица Воровского вовсе не значит, что на ней воры живут. И даже самое гнусное имя, присоединяясь к хорошему человеку, теряет свой гнусный смысл и получает новый смысл от человека. Понимаешь меня, Сережа?

— Понимаю, — ответил он, — только все равно моя фамилия плохая.

— Подлецов?

— Ну, нет.

— Жуликов?

— Что вы, что вы!

— Ну, так как же, ну скажи. А то я бог знает что подумаю. Есть фамилии: Сукин, Щенков...

Мальчик опустил длинные черные ресницы на розовую свою кожу и, чуть-чуть покраснев, прошептал:

— Стыдно как-то...

— Ну, все-таки, не стыдись, — может быть, Щенков?

И он, еще больше потупившись, наконец-то решился сказать:

— Щелчков, Сергей.

Вчера сливал бензин в компрессоре, работающем на мостовой.

Разговорился с мастером о своей машине.

— Второй день такой прекрасный. Вот возьму сяду в машину свою, вложу ключик, дуну — заведется, и поеду.

— Как хорошо! Больше! По-моему, счастье, да, это счастье.

— Ну, не скажу, — есть большее счастье.

— Какое же?

— А пешком идти, все вокруг рассматривать, о всем думать.

— Правда, и то хорошо.

— Куда лучше! Вот погодите, придет время, все будут на машинах ездить, и только самые богатые будут располагать временем ходить пешком. Да, вот придет время, все «бедные» будут ездить на машинах, а богатые ходить пешком.

Спустило колесо, я вставил новую камеру, и колесо опять спустило. Так я переменял три камеры новых. Возиться с колесами нелегкое дело, весь день прошел, а жадность труда все росла и росла. И будь у меня запас камер всяких, мне кажется, я бы умер, но достиг своего.

К счастью, оставалась только одна новая камера, и к тому же мне зачем-то надо было выйти на улицу. Вот как только я вышел из этого разгара упрямого действия, так сразу мне бросилось в голову: а нет ли в этой покрывке гвоздя, и не натывается ли на него каждый раз камера?

Подумав так, я вспомнил, что колесо это стояло на запасе без колпака и, значит, каждый мальчишка мог заколотить мне в резину гвоздь. Я бросился назад, прощупал шину изнутри и сразу же нашел большой острый гвоздь.

И стало мне сразу легко и радостно: не распалась резина, а дырочки легко зачинить. Мне кажется, никогда я не испытывал на себе в такой силе жадность в труде: на другой день сле встал.

Вчера завел автомобиль, слышался легкий стук, я поднял капот, чтобы выслушать, и увидел: на всасывающей трубе, растопырив ноги, сидел паучок. Труба только нагревалась, и, видно, паучку было приятно нарастающее тепло.

— Сиди,— сказал я,— поглядим, как ты...— и прибавил оборотов.

Вчера покупал запчасти для автомобиля. Подходит молодой человек и, раскланиваясь, предлагает застраховать жизнь.

— Мы не выплачиваем только в том случае, если шофер был пьян.

— Ну, тогда,— ответил я,— страховаться мне незачем.

— Почему же?

— Потому что я езжу всегда пьяным.

Продавцы все стали на мою сторону и покатались со смеху, а я продолжал:

— Вот еще, буду я трезвый заниматься таким делом, в котором страхуют себе жизнь! На машине только пьяному и можно ездить!

При общем удовольствии агент, тоже улыбаясь, раскланялся и удалился.

С утра возился с машиной и к обеду сдал ее в ремонт на завод.

— Генерал сказал, генерал рассердился, генерал, генерал... — повторяла намазанная девица-шофер на заводе.

Я указал ей место в своей машине.

— Кто же нас повезет? — спросила она.

Я молча сел за руль.

— Кто вы такой? — спросила она меня.

— Маршал, — ответил я.

И мы поехали.

Излюбленные переулки у московских шоферов — это где нет регулятора и каждый держится правила: поезжай, куда и как тебе хочется, только гляди на другого и не мешай ему ехать, как и куда ему хочется.

Видел во сне, будто я в Москве остановил «Москвича» перед красным светом, вышел, взял «Москвича» под мышку и понес на красный свет. И так по всей Москве у милиционеров переполох, потому что остановить нельзя: он не едет на красный свет, а идет.

КЛЮЧ СЧАСТЬЯ

Интерес к машине соединился с интересом к природе, потому что места охоты все отдаляются и к ним надо ехать... Так в природе чудится где-то свобода или счастье, и ключик в кармане от машины представляется ключиком к счастью.

ШКОЛА ЕЗДЫ

В Союзе писателей дамы стали учиться на автомобиле. Ездят они с инструктором на учебной машине, каждая по часу, и так весь день. Поднимаясь на горку, каждая забывает прибавить газу, и мотор глохнет с полгоры. Шофер потерял терпение и в наказание стал выгонять свою уче-

ницу из кабины заводить мотор от ручки. Сегодня ему и это надоело: желая предупредить остановку машины, он крикнул:

— Газу, газу давай! Не на кобыле едешь!

Так учатся жены писателей и на машине ездить и от русского народа крепкому русскому слову.

КОНЬ ВЕЗЕТ

Маленький я боялся своих лет, и мне казалось, что годы мои идут, а я еще ничего не достиг. Так и было мне до семидесяти лет: вечный упрек. Но после семидесяти мне стали все говорить: «Ах, какой вы молодец!» — и я перестал, мне казалось, вовсе бояться убегающих лет. Я думал даже, чем больше мне будет лет, тем чаще мне будут говорить: «Какой вы молодец!»

Но вот случилось, пришла нам помогать пожилая женщина тетя Феня, и мы начали с ней мыть мою машину: она мыла, а я по мытому сушил металл замшей и полировал.

Работал я хорошо, но пот все-таки выступил у меня на лбу, и старуха, наверно, этот пот заметила и спросила меня:

— А сколько вам лет?

Я поглядел на нее и вдруг испугался: я увидел в глазах простого человека всю беспощадность природы: я почувствовал, что тут уж не снастись музыкой души моей, поэзией, и если я старый гусь и не могу рядом с молодыми лететь в теплые края, меня заклюют.

Я поглядел в глаза старухи и растерянно, смущенно повторил за ней:

— Вы спрашиваете, сколько мне лет?

— Да, хозяин, — ответила она, — сколько вам лет?

За короткую минуту, однако, я успел подавить в себе противный страх и сказал:

— Сколько лет? Вы сами видите: конь везет!

— Вижу, — ответила она, — конь везет хорошо, а все-таки сколько лет-то коню?

— Конь везет, — повторил я, — а когда на коне едут, то в зубы ему не глядят.

— Это верно! — согласилась тетя Феня и, раздумчиво взглядевшись в мои годы, написанные на моем лице, закончила наш разговор:

— Как все-таки людям жить-то хочется.

Вспоминаю недавнюю свою охоту за рыжиками в Дунине. Наша местность в Подмоскovie та самая, где дуб после долгих поисков наконец-то нашел липу, и есть такие уголки в наших лесах, что почти сплошь дуб и липа. Осенью жалко бывает дуба — липа опадет и стоит голая, а он еще держится. Зато весной липа стоит уже зеленая, а он — в зимней спячке.

Сейчас чудесное время, когда липа облетает и появляется драгоценный для солки гриб, любимый всем нашим народом гриб-рыжик. Кончаются белые грибы, но мне посчастливилось, и я набрал их целую корзину. Выйдя на просеку, я увидел, что на ней Тузик сидит, и это значило, что кто-нибудь пришел сюда за грибами из дома отдыха. Его избаловали отдыхающие, он разжирел, и когда кто-нибудь идет в лес, он непременно для моциона провожает их.

Скоро я увидел, что Тузик караулит двух старушек: одна боевая, энергичная, другая — тургеневская, усадебная, со следами былой красоты, в лиловом плюшевом пальто, в таком же капоре. Обе они с большим трудом приплелись и пытаются найти грибы, и непременно белые, хотя теперь время волнушек и рыжиков.

Проходя мимо старушек, я нарочно перевесил свою корзинку с одного плеча на другое, им напоказ, и, когда поравнялся, поклонился им.

Они очень обрадовались.

— Где вы нашли столько белых грибов?

— Это случайность, — ответил я, — белые грибы кончаются.

Грустно повторили они за мной:

— Кончаются.

Листик за листиком падают на лиловый капор когда-то красивой женщины, быть может, певицы, быть может, актрисы...

Мне стало жаль старушек.

— Не горюйте, — сказал я, — через какие-то шесть месяцев на этих голых ветвях острые почки будут прокalyвать бирюзовое небо. Вы приезжайте тогда, и я проведу вас на те места, где у нас подснежники, потом будут фиалки, а там сморчки.

Старушки с удивлением глядели на меня, и у них все было написано на лицах: они решали трудный вопрос о том, кем бы я мог быть.

— Вы здесь живете? — спросила меня пытливо энергичная.

— Да,— ответил я,— здесь живу и местность хорошо знаю.

Энергичная кивнула головой, удовлетворенная: я местный простой человек. Но плюшева, наверно, очень хотела, чтобы я был человеком ее круга. Она лукаво спросила меня:

— Как же вы доставляете себе из Москвы продукты?

— Очень просто: езжу в Москву на машине.

— Вы держите машину и шофера?

Скажи я одно только «да» — и я бы был принят равным в обществе плюшевых дам, но я ответил:

— Нет, зачем мне держать шофера — я сам шофер.

Загадка личности моей была решена: я просто служу у кого-то шофером и могу быть полезным без всяких церемоний.

— Милый мой! — сказала обрадованная энергичная дама, — вы не проведете нас на то место, где растут белые грибы? Мы вам...

— С удовольствием, — поспешил я ответить.

У меня оставалось не досмотренное мною сегодня местечко, и я повел туда старушек на счастье.

Под ногами шумела желтая листва, и так радостно было чувствовать в аромате тления под голыми вершинами лип, что всего через шесть месяцев новые листья опять сядут на свои места и каждая липа в прежней форме своей будет дожидаться времени, когда оденется дуб.

А мы? Да, конечно, и мы той же самой жизнью живем, в глубине души все мы чувствуем единый ствол жизни, на котором сидим, и знаем свой срок, свою ветку, знаем, что неминуемо с нею придется тоже расстаться, и только часто забываем, что вся природа хранит в себе, как святой закон: на смену падающим придут молодые, и жизнь смертных в существе своем бессмертна.

Мы, люди, не всегда это помним, как помнят листья, у нас для этого не хватает героического смирения, удобряющего почву творческой природы.

1947 ГОД

Моя поэзия есть акт дружбы
с человеком, и отсюда мое поведе-
ние пишу — значит люблю

ЧИТАТЕЛЬ

Стояла на красивом месте лавочка. От нее теперь оста-
лись два столбика довольно толстых, и на них тоже можно
присесть. Я сел на один столбик. Мой друг сел на другой.
Я вынул записную книжку и начал писать. Этого друга
моего вы не увидите, и я сам его не вижу, а только знаю,
что он есть: это мой читатель, кому я пишу и без кого я
не мог бы ничего написать.

Бывает, прочитаешь кому-нибудь написанное, и
он спросит:

— Это на какого читателя написано?

— На своего, — отвечаю.

— Понимаю, — говорит он, — а всем это непонятно.

— Сначала, — говорю, — свой поймет, а он уж потом
всем скажет. Мне бы только свой друг понял, свой чита-
тель, как волшебная призма всего мира. Он существует,
и я пишу.

Моя поэзия есть акт дружбы с этим волшебным чита-
телем-человеком: пишу — значит люблю.

ПОЭЗИЯ

Моя поэзия, в том виде, как я даю ее людям, есть ре-
зультат моего доброго поведения в отношении памяти моей
матери и других хороших русских людей. Я совсем не ли-
тератор, и моя литература является образом моего по-
ведения.

Мне думается, что поэзия есть важнейшая душевная
сила, образующая личность, и свойственна огромному
большинству людей, и каждый из них мог бы сделаться
поэтом сродного ему дела.

Однако освободить внутреннюю душевную силу чело-
века невозможно действием извне: к этому благоприятно-
му действию извне силой общественной необходимо соот-

ветственное внутреннее поведение каждого в отношении себя самого

Может быть, то, что мы называем «поэзией», является образом нашего личного поведения, освобождающим творческую силу.

СТРАХ ПОДМЕНЫ

Рассудка бояться — это просто смешно. И, однако, если только рассудочные решения подменяют собой решения всей цельной личности — тут надо бояться. За все полвека литературной работы эта опасность подмены всей души частностью не покидала меня, все мои ошибки происходили и сейчас происходят только от этого, и только от страха этой подмены я не вышел весь в люди, а только частью вышел и значительной частью остался в себе.

Отсюда длительность моей литературной жизни и черепашьим ходом нарастающее лучшее: чем дольше пишу, тем лучше, потому что, постепенно умнея и в слове своем, выхожу с этим опытом в люди.

СИЛА ЖИЗНЕУТВЕРЖДЕНИЯ

В мыслях у людей бывают сомнения, предваряющие утверждение: человек сомневается лично, а к людям приходит уже со своим утверждением. Так точно и в жизни у людей бывают постоянно несчастья, и сильные люди переносят их легко, скрывая от людей, как сомнения.

Но когда после неудачи приходит радость, то кажется всегда, что эта радость нашлась не только для себя, а годится для всех. И радостный счастливый человек бьет в барабан.

Так, сомнения, неудачи, несчастья, уродства — все это переносится лично, скрывается и отмирает. А утверждения, находки, удачи, победы, красота, рождение человека — это все сбегается, как ручьи, и образует силу жизнеутверждения.

Когда я открыл в себе способность писать, я так обрадовался этому, что потом долго был убежден, будто нашел для каждого несчастного одинокого человека радостный выход в люди, в свет. Это открытие и легло в основу жизнеутверждения, которому посвящены все мои сочинения.

БОРЬБА ЗА ЛЮБОВЬ

Когда ум и доброта соединятся в душе в единство внимания к чему-либо, то это любовь, и весь вопрос у доброго и умного человека сводится к тому — кого же ему любить?

Любить — значит делать.

То ли самец какой-то, видя что-нибудь страшное, о себе подумал: «Может быть, и мне скоро так придется», — и пожалел соперника своего?

То ли самка, потеряв своего ребенка, пожалела чужого? Но скорее всего на путь жалости первая вышла самка, и она влияла на жестокость своего льва, образуя в нем царственное милосердие.

Так начинается в мире природы человек, и мало-помалу он отделяется от своих предков и начинает сознательную борьбу за любовь.

С ЧЕГО НАЧАТЬ?

Бывает, сядешь за стол — и не пишется: мысли прыгают, как в чехарде. От нечего делать тогда возьмешься за приборку на столе, в комнате. И когда все приведешь в порядок, то и мысли тоже построятся, сядешь и работаешь.

Так бывает, но это вовсе не значит, что порядок в мыслях непременно зависит от порядка в квартире.

Значит, с души надо начать, а не с квартиры? Но если устройство души приходит к необходимости принять друга, то нужно непременно и о квартире подумать.

Вот этот «материализм» и является нашим желанным делом: чтобы не с пустыми руками встретить своих друзей.

РОЖДЕНИЕ ПРЕКРАСНОГО

Без навоза не вырастишь розу, но поэт все-таки будет славить розу, а не навоз, то есть удобрение. Надо показывать самую розу и оставить немного навозу, перегнившего, осоломленного, чтобы показать рядом с красотой добро, рядом со свободой и необходимостью, из которой она выбралась.

Вот как пишу теперь, что является высокое желание отдать душу за других людей и самому стать добром истории!

— Идеи, идеи,— сказала мне, студенту, как-то в молодости моей тетушка моя Ксения,— что же в них хорошего?

— А что вы, тетушка, понимаете в этих идеях?

— Что понимаю? Вроде колечка, как пускают изо рта курильщики. Только идеи нужные — их ловят и сажают на стерженек: одно колечко к добру, другое — ко злу. У каждого человека в душе есть такой стерженец, и каждый сажает себе на него колечки добра и зла: дело в стерженьке, а не в одних идеях. Сами же идеи все равно как дым, вот отчего я и сказала тебе: «Идеи, идеи, что в них хорошего?»

Есть сила держать — и самое зло обернется в добро. Жизнь заставит! Нет силы — и добро оборачивается во зло. Понял, друг?

Прочитав мою статью «Школа радости», пришла ко мне девушка и спросила:

— Существует ваша школа?

— Если вы пришли — она существует. Зачем вы пришли?

— Стихи принесла.

— Ну, значит, существует! Вы пишете стихи и этим занимаетесь?

— Нет, я по холодной обработке металла.

ЗРЕЛОСТЬ

Только теперь стал видеть себя. Я думаю об этом так, что, пожалуй, нужно очень долго расти вверх, чтобы получить способность видеть себя не в себе, а отдельно на стороне, как будто человек созрел и вышел из себя.

ТРЕВОГА О БЕРЕГЕ

Вижу ясно теперь, что мать моя, купеческая дочь, во дворянском имении жила, как живое сухопутное существо, брошенное в жизнь, как в воду, с единственным священным заветом: «Плыви!» Она плыла по завету и вдруг умерла, так и не увидев берега.

Есть и во мне эта наследственная тревога о берегу. Мать просто наивно плыла, ждала берега. И вот это смутное стремление к берегу, понимаемое как чувство природы, привлекало ко мне читателей: «Он куда-то плывет, давайте за ним!»

ВСТРЕЧА С ДЕТСТВОМ

Утро пасмурное, а вечером солнце, весна ослепительная. И есть переулочки в Замоскворечье, где сохранилась тишина и в какую-то минуту перед самым вечером в сумраке можно встретить себя самого в детском виде и наслаждающимся счастьем детства под чудесный говорок засыпающих галок.

АПРЕЛЬСКИЙ СВЕТ

За окном моим под черной железной планкой балкона привесились четыре большие, тяжелые светящиеся капли и светят мне, как посланники весны, и говорят мне по-своему, на понятном только мне языке:

— Мы, посланники этой новой весны, приветствуем тебя, старого посланника своих отцов и дедов, и просим тебя — старого человека: возьми нас и покажи нас людям молодым, рожденным любить этой новой весной.

Апрельский свет — это темно-желтый, из золотых лучей, коры и черной, насыщенной влагой земли. В этом свете мы теперь ходим.

ВЕСНА

Что-то делаю, ничего не вижу в природе, ни за чем не слежу. Но чувствую, что кто-то ходит со мной желанный, и как о нем подумаешь — так хорошо становится.

А бывает, что-то не кленется, плохо выходит, и в то же время чувствуешь что-то хорошее. Вспомнишь о хорошем и поймешь: это весна.

В ГОРОДЕ

Чувствую по себе, что за городом в полях под снегом вода, что ручьи находят себе путь к реке, и понемногу лед поднимается.

Машина в ремонте, я не могу *там* это видеть, но, может быть, тем сильнее это я чувствую *здесь*, в себе.

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

Чуть нездоровится, но солнце на дворе такое яркое, так празднуют дома, крыши, кресты и всякие цветные тряпки, что я это почувствовал и понял — эту прирожденную радость жизни, как существо здоровья.

Это все было мое здоровье и поэзия в нем, вернее, такое здоровье, что даже и поэзия в нем.

Охотничьи чувства — это и есть чувство здоровья и радости жизни, и поэзия, свойственная охотникам, есть выражение радости жизни.

В здоровье рождается радость жизни и может дойти до поэзии.

РЕВНОСТЬ

Женщины-художницы: Лариса забывает все у мольберта, Елена с античной природой проста, но все видит и слышит.

Ларисе сказал, что был в кругу интересных женщин. Она чуть вздрогнула и выдала свою женскую ежедневную тайную борьбу за себя, как за самую интересную (нам, писателям, это знакомо — втайне каждый из нас лучше всех, и в этом нет ничего дурного: это условие борьбы за первенство).

Елене я тоже сказал, что к нам приехала в дом отдыха красивая Лариса, — и по ее простому лицу пробежала тень.

Мука ревности происходит от унижения своей личности, врученной любимому. Передавая врученную душу другому, худшему, любимый унижает тебя, и оттого мучительно больно: тебя как бы убивают при низком свидетеле.

АПРЕЛЬ

Сегодня пришел настоящий апрель. Поле озими еще не омылось и желтое, а лужица на поле ясно-голубая, а самый лес вдали подчеркнут белой полоской. Вдоль реки лежит цепь оставленных водой льдин.

Одна особенно большая лежит на другой и сверху на нее капает, капает.

Мелкие льдины от толчка распадаются на длинные чистые кристаллы, похожие на хрустальные подвески от люстры.

В лесу пестро: где белое, где черное, на черном виднеются зеленые листики перезимовавшей земляники, а земля под ней еще не оттаяла. Зяблики поют везде, и начинают оживать лягушки.

Одна скакнула в ручей и понеслась вниз.

МАТЬ-ПРИРОДА

Я спросил двух женщин — одну с мальчиком, другую свободную: кто ближе к природе во время родов — мать или ребенок?

Женщина с мальчиком ответила — ребенок. Женщина свободная — мать.

— Понятно, — сказала первая, — ребенок, говорят, и слышит не так, и видит плохо, и ничего не понимает. Он, конечно, ближе к природе.

— Так вы понимаете природу, — ответила вторая, — будто природа слепая, глухая? В природе все есть. И это может знать только человек, очень близкий к природе. Ближе всех к природе рождающая женщина: она одной стороной даже сама природа, а с другой — сама человек.

КРАСКИ

Ни тепло, ни холодно. С луга в речку быстро уходит последняя голубая вода, и вслед за тем скоро сам луг становится как вода. Только не голубая, а зеленая.

Голубая вода в речку уходит, зеленая приходит на луг, а на черный квадрат выбрался трактор и затарахтел.

ПЛЮЩ

Прохладно, тихо, пасмурно. Раскрылись почки на березках и остановились. Плотная зелень озимого поля. На пару ходят овцы.

Веточки черемухи, обвитые сухими листьями паразита-плюща. На веточках первые листики. Грустно смотреть на этот союз с паразитом ароматной черемухи. Но ничего:

скоро зеленые листья и целомудренные цветы закроют паразита.

А еще и так сказать: тут у черемухи радость жизни побеждает цветами.

АЛЬДОНСА И ДУЛЬСИНЕЯ

(Из биографии)

Говорили о перевоплощении поэта и трудностях этого перевоплощения. В пример приводили моего «Черного Араба» и вообще мою природу. Понимаю условие для такого перевоплощения: мое страстное одиночество в пустыне, когда сама земля, природа на ней становится заместителем желанного существа.

Это чувство есть исходящий из себя свет любви, и дело поэта изображать освещенные этим светом предметы.

...Помню, в далекой юности, когда она передала мне письмо к родителям и прочесть его позволила, и я прочел простые слова о том, что она полюбила порядочного человека и намерена выйти за него замуж, я вдруг охладел, смутился, на мгновение увидел ее как очень обыкновенное существо: повязка вдруг спала. Это продолжалось одно какое-то мгновение, но она, по-видимому, поняла меня и вскоре взяла письмо обратно.

И как только она сделала это и снова стала недоступной, я опять начал безумный роман с Альдонсой, обязанной быть Дульсинеей. Вот она, Дульсиния, и стала ее врагом, а за нее она меня возненавидела: она отстаивала в себе Альдонсу.

Она была женщина и содержала в себе богатство жизни, данное всем женщинам и о чем все молчат, потому что это дается всем. Но он коснулся этого впервые, и ему представилось, будто он открыл неведомый великий мир. Из этого чувства и разгорелась его безумная любовь. Он любил всю женщину мира, всю Дульсинию, в этом существе частного случая, в этой Альдонсе.

Ты это чувство к Дульсинее перенес на весь мир и стал о новой, открытой для себя стране писать и открывать ее всем. То, чего не хватало тебе самому при открытии страны великой радости, *внимания к частному* (к этой обиженной твоим обезличением Альдонсе), ты восполнил особенным вниманием к мельчайшим подробностям в открытом мире, сообщением всему живому лица, всеобщим

олицетворением, одухотворением. Прикасаясь к самой малой ничтожности мира, сообщая этому всему лицу, ты открываешь для всех позабытое, как забыта всеми великая Дульсинея, заключенная в обыкновенной девке Альдонсе.

Итак, все пятьдесят лет своего писательства ты провел, как образумленный Дон Кихот, и теперь ты можешь по себе нам сказать, почему именно Дон Кихот потерял здоровье свое и с ним способность внимания к частному и через это невнимание нанес всем обиду, начиная с мельницы, кончая Дульсинеей.

Тут было вначале, как взрыв, *ослепительное обобщение*.

Чем больше, и дальше, и глубже прохожу свою жизнь, тем становится все яснее, что Инна мне необходима была только в ее недоступности: необходима была для раскрытия и движения моего духа недоступная женщина, как *мнимая* величина.

Как будто это было задание набраться духа в одиночку, чтобы малый, слабый ручеек живой воды мог налить живой бассейн и эта скрепленная сила воды потом могла вертеть большую мельницу.

Подлежит анализу явление Фацелии, то есть как бы вложение Дульсинеи в Альдонсу: «Фацелия» — это как бы склад всех собранных мною за время разлуки богатств сознания.

Итак, чтобы понять мою «природу», надо понять жизнь мою в трех ее периодах: 1) От Дульсинеи до встречи с Альдонсой (детская Мария Моревна — парижская Варвара Петровна Измалкова), 2) Разлука и пустынножителство, 3) Фацелия — встреча и жизнь с ней.

И все вместе как формирование личности, рождающей сознание.

КОРОННЫЙ ДЕНЬ

Коронный день апреля. Все сбросили зимнюю одежду и вышли по-летнему. Земля начала оттаивать.

На сильно разогретых опушках, усыпанных старыми листьями, невидимо исходящий пар в полной тишине всего воздуха создавал вихревые движения. Сухие листья, поднимаясь вверх, кружились в воздухе, как бабочки. И ба-

бочки и зяблики порхали между листьями: не поймешь, где бабочка, где птичка, где лист.

Утром на еще желтой в зимней рубашке паутинно-плесенного цвета озими зеленели только края луж, а к вечеру вся озимь позеленела.

К вечеру леса вдаль начали синеть и воздух стал как вуаль, почти как туман. Это пар, поднявшийся за день от земли, начал сгущаться. На тяге дрозды пели особенно выразительно, и я слушал на пне в полном чувстве свою литургию.

Первого вальдшнепа я прозевал, второй прошел стороной, третий свалился далеко, я его долго искал, и когда Норка наконец нашла его, показалась звездочка, и тяга кончилась. Но когда я укладывал ружье в чехол, один еще протянул.

В доме отдыха все собрались в кино. Мне пришлось пройти в грязных сапогах и с вальдшнепом между публикой. Все мне аплодировали, и я подарил нашей художнице два краевых пера вальдшнепа.

ЦВЕТЫ МОРОЗА

После вчерашнего дня пришло солнечное утро. Весь лес был одет крупными каплями. Лучи солнца, проходя сквозь насыщенный парами воздух, падали там и тут снегами, и в этом кругу света деревце, убранное каплями, сверкало всеми огнями.

Солнце обнимало темный хвойный лес и теплом своим раскрывало на елях пасмурные тайники, освобождая последние семена из шишек. Слетело одно семечко в такую глубину темного леса, куда горячие лучи солнца еще не дошли. Там от вечернего дождя натекло с деревьев, и собрались лужицы, теперь еще покрытые тонким прозрачным цветистым пухом.

Я смотрел на эти цветы, охваченные солнцем в лесу, и вспомнил прекрасную девушку в нашей столовой. Среди некрасивых лиц она была, как это цветистое зеркальце природы среди темных стволов и корней, скрюченных и узловатых. Личико у нее кругленькое, будто снятое с солнца. Это солнце у человека было так правильно и тонко отделано, как только отделяет в раннем утрен-

нем свете весны мороз свои чудесные зеркала в тайниках темных лесов. В столовой сидит она, заметная отовсюду, и когда встает, то будто лебедь поднимает голову, и чем выше поднимает голову, тем и лебедь становится прекрасней.

Только со страхом смотришь тогда на эту лебедь, превратившуюся в прекрасную девушку. Найдется ли для такой Иван-царевич?

— Как зовут ее? — спросил я вчера.

— Оля, — ответили мне. — Студентка.

Я думал, она в консерватории, или в живописи, или в поэзии...

— Она изучает музыку? — спросил я.

Мне ответили:

— Она изучает нефть.

Разговор наш оборвался на этом, а теперь, удивляясь цветисто-ледяному зеркальцу природы в лесу, охваченному солнечным жаром, я почему-то вспомнил Олю, и мне показалось — это она. Еще несколько десятков минут — и от чудесных прежних цветов мороза тут останется вода, а там? Неужели от этой девушки с такими ясными глазами тоже останется одна только нефть?

Но какой чистотой веет в душу от этих цветов мороза!

Жених у Оли очень хороший мальчик, но пониже ее ростом, как будто она лебедь, а он просто гусь. И пока они по-детски любят друг друга, как лебедь и гусь, голова к голове у воды, глядят вниз, все хорошо, но что будет, когда лебедь, желая встряхнуться, развернет вверх свою лебединую шею, подымет свою лебединую грудь, взмахнет лебедиными крыльями и полетит?

Она полетит, и за ней полетит не лебедь, а гусь...

художницы

Елена еще с прошлого года целится написать мой портрет. Но теперь ее подруга по институту Лариса перед самым носом перехватила ее модель.

— Лариса, — сказал я ей сегодня, — просила меня никому не даваться, пока она не кончит, да и мне самому неприятно служить моделью одновременно двум женщинам.

— Вполне вас понимаю, — ответила она, — я подожду. Но как у нее идут дела с портретом?

— Чудесно, — ответил я, — она очень талантлива.

— Очень, — подтвердила она.

— И что мне удивительно, — сказал я, — она превосходная мать, как она воспитывает своих двух мальчиков, где вы такое видели! Как редко в женщине соединяется служение семье без ущерба искусству и служение искусству без ущерба семье.

— Совершенно непонятное явление, — согласилась Елена.

Я смотрел на нее и дивился, как она, женщина, претендентка на модель, и так искренно подтверждает совершенство своей соперницы. Тогда я опустил свой душевный зонд еще глубже.

— Признаюсь, — сказал я, — Лариса меня увлекает: она очень интересная женщина.

Елена потупила глаза, чуть-чуть покраснела и ничего не сказала.

И я понял: все. все можно уступить Ларисе: талант, материнство, образование, ум, но женщину — нет! Прекрасная Елена должна быть интересней прекрасной Ларисы.

ТВОРЧЕСТВО

Чувство любви содержит в себе возможность рождения и роста нового человека, и если у любящих и не родится физическое дитя, все равно мы измеряем любовь по делам их, направленным к счастью нового человека.

В таком понимании любовь называется браком. Скорее всего творчество определяется таким же гармоническим соотношением мужских и женских элементов души человека, как и в браке, и рождением долговременных произведений искусства, и их влиянием на потомство.

РАДИОЛА ИСПОРИЛАСЬ

За ужином сегодня танцевали западные танцы, и вдруг испортилась радиола. Что делать? Пришел пожилой человек и предложил поиграть в старинные игры: в свои соседи, в колечко, в кошки-мышки.

Хохотали, как дети, с заливом, даже и матери, уложившие спать своих младенцев.

После двенадцати в «умывалке» я сказал молодому человеку:

— Какая скука была смотреть на танцующих западные танцы и слушать весь день радиолу, и какая радость участвовать и даже слушать со стороны это веселье. Так вот предоставьте людям самим...

Он не дал мне договорить и сказал:

— Это будет вразрез!

КОГДА ЛУЧ НАГРЕВАЕТ КОРУ

Перемена в жизни березы с тех пор, как первый яркий и еще холодный предвесенний луч покажет девственную белизну ее коры.

Когда теплый луч нагреет кору и на белую бересту сядет большая сонная черная муха и полетит дальше; когда надутые почки создадут такую шоколадного цвета густоту кроны, что птица сядет и скроется; когда в густоте коричневой на тонких веточках изредка некоторые почки раскроются, как удивленные птички с зелеными крылышками; когда появится сережка, как вилочка о двух и о трех рожках, и когда вдруг в хороший день сережки станут золотыми и вся береза стоит золотая; и когда, наконец, войдешь в березовую рощу и тебя обнимет всего зеленая прозрачная сень, — тогда по жизни одной любимой березки поймешь жизнь всей весны и всего человека в его первой любви, определяющей всю его жизнь.

КУКУШКА ПРИЛЕТЕЛА

День прошел теплый и светлый. На вечерней заре было тихо и холодно. Вальдшнепы не тянули, дрозды не пели, но зато наконец прилетела кукушка, и со всех сторон раздавалось: «Ку-ку!»

Кукушка прилетела — значит, кончилась та неодетая тревожная весна, когда каждая птичка, как у нас молоденькая девушка, вся трепещет, неустанно поворачивая голову в разные стороны с вопросом: «Не там ли, не он ли?» А когда прилетает кукушка, тревога неодетой весны кончается.

Теперь самки тетеревов и многих других птиц будут садиться на яйца, но зато свободные самцы теперь между собой еще пуще будут драться и петь.

Кукушка прилетела — это как у нас девушка вышла замуж, и теперь «ку-ку» — ее девичья жизнь.

ЗОЛОТОЙ ДЕНЬ

Золотой день, заметно зеленеют березы, художник сказал, что золотой день в полном смысле слова бывает у березки только один.

Вчера художник сидел за этюдом от завтрака до обеда, и на глазах его куст оделся — вот какой вышел день!

ДЕВИШНИК

Сегодня березовая свадьба — девишник: ветер поднял золотую пыльцу, и роща стала как в тумане. Я опустил свои вожжи, и мой конь пришел в общество гуляющих во главе с испанцем N.

Помню, на этом самом месте, где мы сидели, лежали и пели в девишнике березовом, я спрятался весной от группы отдыхающих в куст можжевельника в паническом страхе за свое одиночество в лесу.

Теперь же, когда я сам вошел к ним, мне стало так спокойно, так светло и просто на душе, что я стал сам своим хриплым голосом подпевать испанцу и любоваться пучком фиалок в волосах нашей художницы.

Испанец тренькал голосом, подделываясь под гитару, и ни он сам и никто из нас не думал о его трагическом вопросе: почему он, — революционер, перенесший пытки от врагов, с подгоном щепок под ногти, потерявший семью, — не может поехать к себе на родину, в Испанию.

Мы шли в полнейшем равновесии душевных сил человека и обнимали собою природу, и природа ответно обнимала нас. Вечером тоже я присоединился к игре моих врагов, так долго не дававших мне работать, стал играть с ними в детские игры, и враги мои превратились в друзей. И еще мы играли в короли, и милые женщины называли меня «дядей Мишей».

После, ночью, мне вспомнилась вся моя жизнь в борьбе одинокого человека с обществом за свою личность, с последующим признанием: признают тебя — и ты чувствуешь себя победителем. Так и теперь: раз я мог сегодня в майский день подпевать гуляющим — это моя победа, а когда в ужасе притаился от них в кусту можжевельника — это была моя борьба за себя.

ОТДЫХ

Отдыхающие медленно, как сонные, бродят по зеленеющему лесу, и я слышал сегодня — один сказал другому: «Наконец-то, кажется, я начинаю *приходить в себя*».

Мне хотелось спросить его: «А где же ты был до сих пор?» И, подумав, ответил за него: «Я был до сих пор в распоряжении чужой воли».

Так, наверное, потому мы и радуемся, попадая в природу, что тут мы приходим в себя.

ГАМЛЕТ

Сидел я в кресле, глубоко погруженный в свои мысли, и вдруг вижу, наискось через свое окно, кухню. Стоит в белом повар над кастрюлей, чикает ножом по яйцу, подносит его, нюхает, выливает в кастрюлю. И третье точно так быстро от носа к кастрюле, и четвертое, и пятое.

Вдруг, понюхав какое-то, чуть не двадцатое яйцо, он останавливается, наверное, лить яйцо или не лить, как Гамлет думает: быть или не быть? Понюхав еще третий раз, он решает: быть!

И тухлое яйцо выливает в кастрюлю.

СЮЖЕТ

Старушка одинокая, домик разваливается, некому помочь, великий безучастный мир, и одна-единственная старушка, никому не нужная, годами за семьдесят. Приходит старик, ему тоже за семьдесят, и никого родных.

Уговорили их жить вместе. Все повеселели, радость пришла: человек с человеком встретились.

Утром бабушка сидит злая на ступеньках: «Прощелыгой оказался, я его выгнала. С чем пришел! Мне за семьдесят, к смерти готовлюсь каждый день, а он с чем пришел! Не стерпело сердце — выгнала, пакостный старик, и опять одна».

Фокус рассказа: 1) Радость встречи человека в пустыне. 2) Неловкий шаг. 3) Чувство ада: ее вечность в том, чтобы сидеть на месте в ожидании, пока избушка завалится. Его вечность — в движении, в ожидании встречи.

Вчера ходили в Марьино, где живет эта бабушка Марфа Никитична, прогнавшая старика. Старуха в семьдесят два года вся оживает, когда гордо рассказывает, как она его прогнала.

ДОРОГА В ГОРУ

— Вдохновение, — сказала Елена.

— Никакого вдохновения нет, — сказала Лариса. — Есть только труд и труд. А вы как думаете, Михаил Михайлович?

— Я думаю о чудесном саде, какой мне достался от матери без всякого моего личного труда. После я пробовал делать сады, но они даже в малой степени не дали мне той радости, какую мне дал сад матери, полученный мною без труда.

Есть ли вдохновение, я не знаю, но есть целый мир как великое данное, получаемое мной без труда. Мой личный труд есть только средство добиться права на обладание этим наследством: одному это легче дается, другому труднее. Есть, наверное, счастливы, вроде Моцарта, кому это право дается одним вдохновением, другой, как осел, идет в гору с тяжестью и до снежной вершины никогда не дойдет.

ПУТЬ К СВОБОДЕ

Лариса развернула новый большой холст...

— Идешь к свободе, — сказала Лариса, — а попадешь в неволю, куда большую, чем раньше было.

— Знаю, — ответил я, — но ведь так все: девушка выйдет замуж и начинает рожать детей — неволя какая! А выходит все-таки лучше, если бы осталась вековухой. Вот и я когда-то взялся за перо, — думал попасть в «край непуганых птиц», а попал в тиски писателя, и все-таки рожая и торжествуя, рожая.

— Вам-то все-таки ничего, а вот нам, бабам, в искусстве только и говорят вслух: «Зачем лезла сюда, рожала бы детей!»

ПОСЛЕДНИЙ МАЗОК

Лариса дописывала мой портрет одна, без модели. Я ожидал в этот день возвращения из Москвы своей подруги. Я подвинул стол под лампу, постелил чистую скатерть, поставил букетик ландышей, принес из других комнат стулья, симметрично расставил их: стало очень хорошо, и гостей я мог встречать теперь спокойно.

Лариса сделала последний мазок, села к столу и зарыдала. С ней было почти то же, когда она закончила женский портрет. Тогда она говорила, что чувствует себя брошенной на проезжей дороге. Теперь я спросил: «Почему?»

А она сквозь рыдания ответила: «Из-за скатерти, как вы стелете, как вы ждете, что вы уютный человек...»

В том и другом случае при конце работы, при последнем мазке является чувство невозвратимой утраты или позора бытия.

Вот как движутся женщины в творчестве.

Да, женщину, женщину («Жениха») надо писать, а не природу.

ВОПРОС К ПОРТРЕТИСТУ

Третий раз позирую Ларисе, и у нее теперь намечается красивая картина кого-то в голубом свете, холодном, с собачкой, но не портрет.

Так в красивости мы спасаемся от правдоподобия.

Бывает момент у художника-портретиста, когда собственное представление, окрепнув, борется с тем, что дает от себя натура, и художник уже не может сам сказать, похоже ли его изображение на модель.

Ставлю вопрос, всегда ли такое расхождение правды и выдумки есть признак неудачи? Сейчас я думаю, что раз художник ищет, как опоры, суда со стороны, он сбился с пути.

При полной удаче художник сам лучше знает о своем произведении.

КОНЧАЮ ПОВЕСТЬ

Остается немного — и четырнадцать лет труда оправдаются, нет — так пропадет, никто не разберет, о чем я писал, чего я хотел.

Так вот и сходитесь жизнь к концу, будто я рыба и вхожу в узкую мотню. А раньше, бывало, не только людям дивился, но и собакам, кончающим жизнь на гону.

Это славная смерть на гону. Только лучше, конечно, чтобы успеть зайца поймать.

ОШИБКА

Лариса кончает портрет, и я точно заметил момент, когда у нее поэтический свободный вымысел уступает место живописной необходимости.

Это случилось в четверг, когда я сидел подавленный и напряженный, а она вздумала на портрете открыть гла-

за, и как только она открыла глаза, появилась в лице моем жесткость, та внешняя моя жесткость, несоответствующая внутренней мягкости.

С этого момента живопись пошла неверным путем, и портрета не будет и быть не может потому, что «жизнь» упущена.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Точно, как вчера, погожий день вышел из тумана, а ночь была лунная.

Погода и благодарность — родные: одна родилась в природе, другая — в душе человека. И чувство гармонии в душе человека вышло из благодарности.

И вот в это чудесное утро благодарю за чудесные темнеющие стручки акации с ее маленькими птичками, и нагруженные подарками для белок еловые вершины, и за всякую вещь, переданную человеку от человека: за стол, за табуретку, за пузырек с чернилами и бумагу, на которой пишу.

В ДУНИНЕ

После обеда вздремнул и проснулся как будто в Хрущеве. Сколько в жизни ездил, искал, и в конце концов оказалось — искал того, что у меня было в детстве и что я потерял.

ИЮНЬ

Свежие ростки брусники, бледно-зеленые на темной зелени, перенесшей под снегом всю зиму, теперь похожи на цветы, радостно торжествующие победу жизни.

ВСТРЕЧА

Фиалка в лесной тени запоздала, как будто дожидалась увидеть младшую свою сестру землянику, и та поспешила, обе встретились: весенняя сестрица, бледно-голубая фиалка о пяти лепестках, и земляника о пяти лепестках белых, скрепленных в середине одной желтой пуговкой.

ВОПРОС К СЕБЕ

Нам почему-то кажется, если это птицы — то они много летают, если это лани или тигры, то непрерывно бегают, прыгают. На самом деле птицы больше сидят, чем летают, тигры очень ленивые, лани пасутся и только шевелят губами.

Так и люди тоже. Мы думаем, что жизнь людей наполняется любовью, а когда спросим себя и других — кто сколько любил, и оказывается — вот как мало! Вот как мы тоже ленивы!

«ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ»

Самоограничение является источником силы. Я отказался когда-то с болью сердечной от любви к женщине, и любовь с радостью жизни в виде поэзии явилась ко мне в мое распоряжение.

Л. читала вчера вслух мои дневники, и я очень удивлялся сам себе: сколько написано чудесного, и ничего для себя, что бы себе осталось для памяти в устройстве жизни.

Я совсем ничего не помнил из написанного и во время чтения думал о царе Соломоне как о величайшем писателе. «Вот, — думал я, — написал он для всех нас «Песнь песней», а сам остался ни с чем, и после великой его песни в мире все стало ему суетой: «Суета сует и все суета».

— А что, великий мудрец, — говорил я Соломону, — нужно ли было тебе эту песнь отдавать людям? Ты отдал в ней все свое лучшее, и после того все вокруг тебя в мире стало суетой. Если бы ты был настоящий мудрец, ты, может быть, сохранил бы себе самому эту свою песнь и под старость мир бы не стал тебе суетой.

— Конечно, Михаил, — ответил мне Соломон, — ты отчасти и прав: есть вещи, о которых лучше бы помолчать, так жилось бы себе много спокойней. Но есть вещи, о которых необходимо сказать людям, даже предвидя впереди суету для себя. Моя «Песнь песней» принадлежит к таким вещам, и я должен был ею спасать любовь на земле, обретая себе суету.

Что это за чистота — белое полотно, снег или сахар? Полотно загрязнится, снег разбежится от солнца, сахар растает от воды. Что это за чистота, если, сохраняя ее, самому можно и стареть? Вот чистота, когда сам от нее молодеешь.

Я знаю ее, но не смею сказать сам, вспоминая, как сказано о ней в «Песни песней» царя Соломона.

СОН МОЕЙ МАТЕРИ

Теплый пар продолженной, измученной холодной земли даже и в Москве можно понять.

После обеда мы выехали и на полпути поставили ма-

шину к обочине, сели на опушке леса. Все летние птички пели, и все пахло. Мне было так, будто вся природа спит, как любящая мать, а я проснулся и хожу тихонько, чтобы ее не разбудить.

Но она спит сейчас тем самым сном, как любящая мать, спит и во сне по-своему все знает про меня, что вот я запер со стуком машину, перепрыгнул через канаву и теперь молча сижу, а она встревожена — куда он делся, что с ним.

Вот я кашлянул — и она успокоилась: где-то сидит, может быть, кушает, может быть, мечтает.

— Спи-спи, — отвечаю я потихоньку, — не беспокойся!

Кукушка далеко отозвалась, и эта кукушка, и зяблики, и цвет земляники, и кукушкины слезки, и вся эта травка так знакомы с детства, все, все на свете — сон моей матери.

ГРОЗА

А может быть, вся природа вокруг меня — это сон? Это кто-то спит... Везде и всюду, в лесу, на реке, в полях, и на дороге, и в звездах, и на заре вечерней, и на утренней — все это — кто-то спит. И я всегда, как «выхожу один я на дорогу». Но спит это существо «не тем холодным сном могилы», а как спит моя мать. Спит и слышит меня.

Так и вся наша мать-природа, и я ее младенец. Меня она чувствует, и слышит во сне, и, по-своему все понимая, знает, и тоже бывает, вдруг привидится ей, что я попал в страшную беду.

Тогда мать моя поднимается, и в природе начинается гроза.

Василий Иванович Некачалов, кот мой, запертый в машине, глаз не спускает с меня: не он ли это доносит туда, к сердцу матери-природы, что ее маленький Миша проснулся и ходит; а кукушки, зяблики и подкрапивнички — все, что собралось около меня, разве это не уши, не глаза, не чувства моей спящей матери?

Матушка, дорогая, спи-спи еще больше, еще лучше. Тебе так хорошо, ты улыбаешься! Начался теплый июнь, трава поднимается, рожь колосится, довольно, довольно ты мне всего дала, спи, отдыхай, а мы позаботимся.

МОЙ ДОМ

Мой дом над рекой Москвой — это чудо. Он сделан до последнего гвоздя из денег, полученных за сказки мои или сны. Это не дом, а талант мой, возвращенный к своему источнику.

Дом моего таланта — это природа. Талант мой вышел из природы, и слово оделось в дом. Да, это чудо.

ЛЕТО

Рожь цветет. Бывает, ляжет вода — ни рябинки! И облака тоже не изменяются, и что так редко, редко бывает — сама душа человека спокойна: праздник и мысли и сердцу.

Если сделать рукой козырек от солнца и смотреть на лесную полянку, то нити паука бывают от солнца радужными, а колечки паутинной сети, подвешенные над поляной, колышутся с перемещением радужного сектора.

Пришло время голубых колокольчиков.

ПОТЕРЯННАЯ МЫСЛЬ

В жаркий парной день войдешь в хвойный лес, как под крышу великого дома, и бродишь, бродишь глазами вниз. Со стороны посмотрит кто-нибудь и подумает: «Он что-то ищет. Что? Если грибы, то весенние грибы, сморчки, уже прошли. Ландыши? — еще не готовы. Не потеряли ли ты что-нибудь?»

— Да, — отвечаю, — я мысль свою в себе потерял и теперь вот чувствую — сейчас найду. вот тут, в заячьей капусте найду...

В ОКЕАНЕ

Ничего тебе не сделать, ты пропадешь, если только не поставишь свою лодочку на волну великого движения и твое личное «хочется» не определится в океане необходимости всего человека. Так ли я думаю?

Вокруг меня лес, и могучие стволы столетних деревьев, и цветы вниз, и папоротники, и мхи, и ручьи, и птицы сверху глядят на меня, и белка играет тяжелыми шишками. Все так понятно, все подтверждается и выговаривает: «Ты правильно мыслишь!»

Прихожу и становлюсь на работу среди людей и смотрю на их дело и на свое: все правильно!

Топп, топп, Михаил, все эти мысли в действии, держись простоты «Кладовой солнца», всем понятной. Пусть у тебя будет разговор со всем народом, с людьми образованными и необразованными, старыми и молодыми, русскими и нерусскими.

БИОГРАФИЯ

Когда я приходил в деревню в 1919 году, в избу родителей какого-нибудь моего ученика, сидел на лавке прилично и долго в ожидании, когда хозяйка отрежет мне кусок хлеба или сала, это теперь воспоминание мое как состояние наиболее достойное, в каком только в жизни я бывал.

ЦАРЬ ПРИРОДЫ

Небо безоблачное, травы достигли высоты, дошли до своего предела и зацвели, кипит жизнь пчел, шмелей, шиповник цветет. Но я, все зная, не смотрю на меру, я царь природы и делаю больше, чем все они.

Не надо смотреть туда, в сторону умирания, — надо создавать, надо рождать царя природы, не подчиненного законам умирания: он существует в нашей душе, а воплотить его — значит творить.

Встречал на лавочке зарю наступающего дня, «равнодушная» природа охватила наш человеческий мир. Это не равнодушные, а большая жизнь, великий путь, представленный муравью: иди этим путем — и ты, муравей, станешь тем же самым царем природы, каким показал себя человек.

Долго смотрел я туда, и душа моя, расширяясь, восходила, как на гору, и снизу открывался человеческий муравейник жизни людей.

Это не равнодушные, а большой, широкий путь человека.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Долгая жизнь при здоровом сознании позволяет на себя самого поглядеть со стороны и подивиться переменам в себе самом.

Так вот я себя раньше помню в постоянном движении, как будто я все время стремлюсь достигнуть и открыть

небывалое. И теперь прежняя радость жизни не оставила меня, но уже не я сам движусь, а вокруг меня все движется.

Раньше я был в поисках «края непуганых птиц» и описывал все незнакомое. Теперь я наконец дома и хочу заниматься микрогеографией, как будто я сам сижу на месте, а мир ходит вокруг меня, и по знакомым близким предметам я постигаю его движение.

МАТЕРИЯ ЖИЗНИ

Кроме литературных вещей, в жизни своей я никаких вещей не делал и так приучил себя к мысли, что высокое удозлетворение могут давать только вещи постигские.

Впервые мне удалось сделать себе дом, как вещь, которую все хвалят, и она мне самому доставляет удовлетворение точно такое же, как в свое время доставляла поэма «Жень-шень».

В этой литературности моего дома большую роль играет и то, что вся его материя вышла из моих сочинений и нет в ней ни одного гвоздя несочиненного.

Так, мое Дунино стоит теперь в утверждение единства жизни и единства удовлетворения человека от всякого рода им сотворенных вещей: все авторы своей жизни, и всякий радуется своим вещам.

ГРИБНОЕ ВРЕМЯ

Тоже, как и вчера, задумчивый теплый день. Думаешь, дождь — выглянет солнце. Ждешь солнца — слегка брызнет дождь. Поля опустели.

Под вечер была гроза, и дождь остался на ночь мелкий, но теплый. Утро пришло хмурое, с задумчивыми синюющими уголками в лесах.

Сбегал в лес по грибы. Поднимая березовик, что-то разглядел в папоротнике. Смекнул, не смея довести до сознания, и, когда раздвинул папоротники, увидел гигантский белый гриб. Ножка его была толще моей руки, шляпа — как большая тарелка. Рядом с этим отцом стояла во всей красоте дочь — тоже взрослая, в малую тарелку, и от нее недалеко другая — тоже в ладонь.

Я хотел уже уходить, как разглядел: за березкой, при-

слонившись к ней, стояла громадная, больше всех, мать семейства. Много было маслят и моховиков, были маленькие красноголовики. Едва донес корзину.

ЯГОДЫ ЛАНДЫША

Ходил за грибами. Сел отдохнуть. Возле меня стояла береза на обнаженных корнях, как на шести ногах. Две ноги впереди, две позади, а середина той и другой стороны каждая раздваивалась, и между ногами росла наполненная водой белая сыроежка.

На земле уже были всюду разноцветные осенние листики, и часто среди них показывался гриб, исчезающий, когда к нему приближался, чтобы поднять.

Всюду в лесу между желтеющими листьями и травами виднелись крупные красные ягоды ландышей: где весной была белая душистая чашечка, теперь висела на той же цветоножке крупная красная ягода. Год обернется — и опять будут у ландыша белые цветы.

И у нас, у людей, ведь теперь осень. И наши красные ягоды начинают чернеть, и втайне уже каждый ждет жизни белой, душистой.

ПАР НА СТЕКЛЕ

Сегодня утром я заметил почему-то с удовольствием легкий налет от нашего дыхания на холодной поверхности стекла.

Через некоторое время солнце пробилось через серые тучи, и я понял, что удовольствие мое от пара на стекле было предчувствием солнца, как это бывает при начале осени.

ХЛОПОТЫ КОНЧИЛИСЬ

На огороде успокоительно торчат остатки капусты. Кончились наши хлопоты.

Какая погода стоит! Теплая, тихая, ароматная. Солнце дремлет, то глянет, то опять уснет. Так хорошо, так чудесно, так слава тебе, господи!

Серое грибное утро. Тишина. Неподвижная серая зелень. Потом явился матовый свет, и весь день стоял как бы хрустальный.

Ночь была холодная, звезды сияли на черном шелке. Мы ждали мороза, но как раз в то время, когда перед восходом солнца рождался мороз, явился туман и не дал морозу окрепнуть.

А потом пробились солнечные лучи и обняли всякую травинку. Но все-таки трава побелела.

Почти до полудня мрачное небо готовило непогоду, и начался было дождь, как вдруг стало проясняться. Спящая красавица открыла глаза, и на полях и в лесу, где мы собирали опенки, среди темных елей просиял золотой клен.

РАЗБЕГ

Конечно, я могу то и другое сделать, как мог бросить курить, как мог написать книгу, выстроить дом в невозможное время, добыть себе своего друга, и еще мало ли что я могу. Мне иногда кажется даже, что я все могу, если мне дадут и сам я себе дам полную свободу, обеспеченную невозможной ленью.

Вот в этом-то месте ленивому приходит такое мгновение, когда вдруг захочется взяться за него и не отпускать, действовать с огромным риском поломать себе ноги и руки.

Да, я могу дать себе полный обет и начать и все довести до конца, но вот решиться на обет очень трудно, и непременно требуется, как условие для разбега самолета, тоже совершенно свободная площадка для разбега личности.

КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ

Кончается чудесный сухой сентябрь, дни мои отрываются от меня, как с дерева листики, и улетают.

Я слегка спускаю повод, и моя лошаденка сама трусит, освобождая меня от забот.

САМОЕ ТРУДНОЕ

Слова о том, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царство небесное, — это относится ко всякому творцу культуры: создать что-нибудь — это значит отдать себя, и как раз вот это-то и есть самое трудное.

Ночью было продолжение мысли о возвращении героев в себя и перешло на всю поэзию: что поэзия, погуляв на людях, может вернуться к себе, в свой дом, и служить себе самой, как золотая рыбка. Тогда все, что было в мечте, как дружба, любовь, домашний уют, может воплотиться: явится друг, явится любимая женщина, устроится дом, и все выйдет из поэзии, возвращенной к себе.

Я могу об этом свидетельствовать: в моем доме нет гвоздя, не тронутого рукой любимой женщины. Так, может быть, со временем и весь желанный мир, вся природа войдет в меня и будет со мной.

САД

Человек семидесяти пяти лет, жизнь его на волоске. А он сам сажает сирень! И мало того, он не один, и, может быть, не было времени, когда бы так страстно не хватались люди за растения: все, кто может, сажают сады.

Это значит, во-первых, что люди живут, как бессмертные, презирая свое знание смерти; во-вторых, это значит, что лучшее у человека есть действительно сад (рай).

ПРОСЕКА

Просека длинная, как дума моя, и поздней осенью жизнь не мешает моей думе.

Грибов уже нет, и муравейник уснул. Душа моя была теперь...¹

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

В Детгизе вышла «Кладовая солнца» в роскошном издании. Рассматривал иллюстрации Рачёва. Сказал художнику, что его пейзажи очень хороши, но нет равновесия с человеком: лица не сходятся.

— А это,— ответил он,— вопрос общего характера: над этим работал Иванов всю жизнь в «Явлении Христа», и вот пейзаж вышел, а Христос не пришел.

— Но ведь в «Кладовой солнца»,— ответил я,— дети вполне согласованы с природой?

Зав. отделом иллюстрации на это ответил:

¹ Запись обрывается. (Ред.)

— Это удивительно, но поймут это не скоро.

Вспомнилось, как меня называли «бесчеловечным писателем» (Зинаида Гиппиус).

Итак, надо понять все-таки, что коренной вопрос живописи — гармоническое сочетание человека и природы — каким-то образом стал и моим коренным вопросом в моей литературной записи.

Интимный пейзаж боится свидетеля, и потому так трудно дать гармонию человеческого образа с природой (мне удалось в «Кладовой солнца», а художнику нет).

Я — создатель литературного жанра поэтической географии.

МОИ ПУТЬ

Еще когда я был в «краю непуганых птиц» и записывал сказки, меня поразили певцы былины верой в своих героев времен Владимира Святого. Нам — это древняя словесность, а они этим живут.

Но какая же внутренняя связь может быть между человеком того времени и человеком современным? На этот вопрос я отвечал себе образом Надвоицкого водопада: сколько существ всевозможных форм образуют струи водопада, падающие на камни, и все-таки водопад един. Так и весь человек, падающий и восходящий, как «царь природы».

И еще после этого — мне приходило о себе: что мой жизненный путь в искусстве слова мне представляется прогрессивно восходящим, и в каждый данный момент я знаю, куда мне надо идти.

И все-таки я не прямо иду, а возвращаюсь домой назад, как певец былины, и оттуда самому себе неизвестным путем, как будто огромным прыжком по воздуху, оказываюсь впереди в своем времени. Вот почему и трудно расположить свои литературные опыты по непрерывно восходящей линии своих достижений.

Однако внутри себя эта линия существует, я прямо вижу ее как лестницу. На первой ступени этой лестницы, мне казалось, я покидаю свою родину, стремясь найти ее лучшее в какой-то другой стране, в каком-то «краю непуганых птиц», в какой-то земле, где иду я за волшебным колобком.

И всякую новую землю я как бы открывал, роднил, де-

лал то самое, что делают все путешественники всех времен: расширял свою родину.

Мне казалось тогда, что я шел скорее мира, и догонял его, и брал из него то, что мне надо было. Но с некоторого времени, как я правильно где-то записал, у меня переменялось мироощущение, как будто я стал, а мир пошел вокруг меня.

ЖИЗНЬ БЕССМЕРТНА

Время пришло: мороз перестал бояться теплого неба, крытого тяжелыми серыми облаками. Вечером сегодня я стоял над холодной рекой и понимал сердцем, что все в природе кончилось, что, может быть, в согласии с морозом на землю с неба полетит снег. Казалось, последнее дыхание исходило от земли.

Но вдали показалась крепкая, бодрая зелень озими, и вот нет! Пусть тут — последнее дыхание, там, несмотря ни на что, утверждается жизнь: помирать собирайся — рожь сей.

К вечеру холоднело над рекой и постепенно все исчезало во тьме. Осталась только холодная река, и на небе ольховые шишечки, те самые, что остаются на всю зиму висеть на голых ветвях. Мороз на рассвете держался долго.

Ручьи от колес автомобиля подернулись прозрачной корочкой льда с вмерзшими в нее дубовыми листиками, кусты у дороги стали белыми, как цветущий вишневый сад. Так и держался мороз, пока не одолело солнце.

Тут он получил поддержку и окреп, и все стало на земле голубым, как на небе.

Как быстро мчится время! Давно ли я сделал эту калитку в заборе, и вот уже паук связал верхние концы решетки паутиной во много рядов, и мороз паутинное сито переделал в белое кружево.

Везде в лесу эта новость: каждая сетка паутины стала кружевной. Муравьи уснули, муравейник обмерз, и его засыпало желтыми листьями.

Последние листья на березе почему-то собираются на макушке, как у лысого человека последние волосы. И вся облетевшая белая береза стоит, как рыжая метелочка. Эти последние листики, бывает, так и остаются в знак того, что и те листья, которые опали, недаром опали и снова воскреснут новой весной.

ПТИЦЫ УЛЕТАЮТ

Белая изгородь была вся в иголках мороза, красные и золотые кусты. Тишина такая, что ни один листик не тронется с дерева. Но птичка пролетела, и довольно было взмаха крыла, чтобы листик сорвался и, кружась, полетел вниз.

Какое счастье было ощупать золотой лист орешника, опущенный белым кружевом мороза! И вот эта холодная бегущая вода в реке и этот огонь от солнца: вот уже расплавились иголки мороза на крыше, и крупными редкими каплями стала падать вода из желобов.

Но и этот огонь, и эта вода, и тишина эта, и буря, и все, что есть в природе и чего мы даже не знаем, — все входило и соединялось в мою любовь, обнимающую собой весь мир.

Вчера вечером луна была высоко, я вышел из дому и услышал тот звук в небе: «Ау!» Я услышал его на северо-востоке и скоро понял движение его на юго-запад. И вспомнил по прошлому: это цапля улетела от нас в теплые края. А грачи еще здесь.

Дай бог услышать журавлей и гусей.

ДЕКАБРЬ

Сегодня хороший мороз, чистое небо, тело просит шубы, — душа ждет весны.

ТАЛАНТ

Те, кто больше меры, — умные, кто меньше — дураки.

В понятие поведения, исходящего из таланта, включена воля, отличная от разумной, обычной, логической воли. В «Мопсарте и Сальери» и показано столкновение этих двух поведений: обычного логического у Сальери и поведения из таланта — сверхлогического.

Сущность таланта, его поведения именно и заключается в отстранении и утрате своей меры, в выходе из этого времени и пространства и замене их новыми мерами: в некотором царстве, в некотором государстве, при царе Горохе.

МОЙ ДЕВИЗ

Итак, я должен знать о себе, что в мои годы, непременно, как у всех таких людей, в голове собирается перенакопление мыслей, и отсюда судороги речи, стрем-

ление их выбросить из себя, отсюда происходит и непонимание другими написанного.

Вот почему «Кладовая солнца» должна быть моим мажором, и я никогда не должен соблазняться старшим возрастом.

Мой девиз — мыслить о всем, но писать понятно для всех.

РОЖДЕНИЕ МЫСЛИ

Долгое время жизни моей попадали в меня пульки и дробинки, откуда-то в душу мою, и от них оставались ранки. И уже когда жизнь пошла на убыль, ранки эти бесчисленные стали заживать.

Где была ранка — вырастает мысль.

ПУТЬ К ДРУГУ

Друг мой! Не бойся ночной сверлящей мысли, не дающей тебе спать. Не спи! И пусть эта мысль сверлит твою душу до конца. Терпи. Есть конец этому сверлению.

Ты скоро почувствуешь, что из твоей души есть выход в душу другого человека, и то, что делается с твоей душой в эту ночь, — это делается ход из тебя к другому, чтобы вы были вместе.

1948 ГОД

Вот чему не надо учиться
никого и что есть тайна —
это обращать всерьез жизнь
свою в слово.

ЗИМНЕЕ УТРО

Утро белое, пушистое и радостно светлеет. На заре в далеком высоком здании окна горят, и не можешь сказать: от зари этот свет или свой, домашний остался, забытый.

ТРАВА

В моей борьбе вынесла меня народность моя, язык мой материнский, чувство родины. Я расту из земли, как трава, цвету, как трава, меня косят, меня едят

лошади, а я опять с весной зеленею и летом к Петрову дню цвету.

Ничего с этим не сделаешь, и меня уничтожат, только если русский народ кончится, но он не кончается, а может быть, только что начинается.

РАНЫ ДЕРЕВЬЕВ

Профессор из Тимирязевки прислал поздравление, в котором между прочими прекрасными словами было сказано о том, что природа в первой моей молодости улыбнулась мне и я об этой улыбке все и пишу.

Так ли?

Помню — смертельные какие-то, кровавые следы в душе оставались от первой любви. И потом я — в природе, и эти кровавые человеческие следы постепенно заменяются следами голубыми каких-то зверушек на снегу весной света. Вот эту боль, переходящую в радость, я и описываю. А когда друг мой пришел на склоне лет, та самая в точности женщина, которую ждал я в юности, то она мне все дала, чего я ждал, о чем мечтал столько лет.

Хорошо помню, что когда она пришла и я, еще не поняв ее, но с мыслью о ней, пришел в лес и смотрел на милые мне следы на снегу, то вдруг застал себя на следах, что не о них думаю, а о ней, и что следы как бы отделяются от меня и становятся вовсе не тем, чем были раньше.

Значит, ясно, что радость от природы мне приходила, как бальзам приходит к сосне, когда ее поранишь, что вся красота природы была для меня, как бальзам у сосны. А когда друг мой пришел и следы стали не тем, чем они были, — это значит, заживали мои последние раны.

Так вот и вы, любители природы, когда в лесу рассеянно берете в руку кусочек смолы и наслаждаетесь ароматом целебного бальзама, то помните, этим бальзамом лечатся деревья, вся жизнь у которых есть постоянное стремление к свету, а у человека есть свой бальзам: поэзия.

МОЯ БОРЬБА

Если я остаюсь, это потому, что я действительно в писаниях своих отдаю свою душу, а не помыслы. И борьба моя на всем протяжении моего писательства была борьбой за мысль путем жертвы своей душой. И оттого я остаюсь неистощимым, несмотря на свои годы.

Предложили выступить на вечере Арсеньева, и как только я принял это предложение, так все завертелось в голове и весь мой хмель стал обвивать ствол умершего Арсеньева.

У Толстого дядя Ерошка получеловек, полузверь, эпизодическая фигура, приближающая к нам природу Кавказа. Арсеньев бессознательно применил тот же образ в лице Дерсу Узала для изображения дальневосточной тайги. То же самое чувство природы с концентрацией его в получеловеке было и во мне при изображении Севера («Колобок»).

Мне вспомнилось, как Рязановский доказывал мне, что герои мои в этнографических очерках «В краю непуганых птиц» в действительности не такие, какими я их дал, как поэт Севера. Меня тогда это потрясло и, наверно, сыграло свою роль в моем освобождении от этнографического груза и в самоутверждении как художника.

Совершенствуясь все больше и больше, я мало-помалу добился признания и права на утверждение создаваемого мною мира образов. На чем же основано признание этих образов? На том, что я извлек их, как мастер, из действительной жизни, то есть что без действительной жизни нет моих образов. И без меня их тоже нет. В моих образах мои близкие, ближние узнают эту жизнь, понимают и оглядывают себя самих.

Вероятно, так и весь русский «мужик» во всей русской литературе был в таком же соотношении к действительному, как у Толстого Ерошка, у Арсеньева Дерсу, у меня мой помор в «Колобке» и, наверно, много других...

Может быть, это чувство природы в более утонченной форме и ведет меня до сих пор. И я мало-помалу дохожу до его философских корней.

НЕВЕДОМЫЙ ДРУГ

Случается каждому писателю на склоне лет среди своих писаний, убегающих в Лету, найти одну страницу необыкновенную. Как будто весенний поток выбросил эту мысль, заключенную в железную форму, как льдину на берег. И вот вода, выбрасывающая льдину, давно уже в море исчезла, а льдина все лежит, лежит и тратится только по капельке.

Когда я у себя в радостный день встречаю такую страницу, я всегда изумляюсь, как это я, ленивый, легкомысленный и вообще недостойный, мог написать такую страницу? После раздумья я отвечаю себе, что это не совсем я писал, что со мной сотрудничали неведомые мои друзья, и оттого у нас вместе получилась такая страница, что совместно становится отнести только к себе одному.

«ЖЕНЫ-ШЕНЫ»

По случаю гриппа читал в постели «Жень-шень» и понимал себя в нем как настоящего (не скажу «большого») писателя. Свою душу, себя в незнакомой природе отразил, или, наоборот, незнакомую природу отразил в зеркале своей души и это отражение природы в себе и себя в природе описал.

Очень нелегко и редко можно человеку найти и перенести в искусство соответствие души своей с природой. Не это трудно было, что в то время я, писатель, принужден был писать с копчушкой...

Не то, не то! И все это мелочи. А что действительно нелегко было перенести — это парижскую невесту. И вот это «настоящее» создало книгу.

После «Жень-шеня» пришла «Фацелия», в которой было закончено переживание парижской невесты с весенней песней: «Охотник, охотник, отчего ты...»

«Жень-шень» направлен к утраченной в юности девушке, «Фацелия» — к той, кто пришла почти через сорок лет и наконец вытеснила из меня первую.

Вот чему не надо учить никого и что есть тайна: это обращать всерьез жизнь свою в слово. Мало кто это может, а кто может — сам научится всему.

ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ

Сколько умных, образованных людей направлено к тому, чтобы разобрать простейшее творчество Михаила Пришвина, раскрыть его секрет и дать его тем, кто хочет хорошо писать. Самому мне смешно, и даже иногда страх берет: а вдруг раскроют, что там нет ничего, и меня засмеют?

Но еще страшнее думать, что я сам поверю в то, что мне приписывают, перестану в лесах сидеть на мокрых пнях и сочинять и куплю себе настоящий писательский письменный стол.

ПОЧЕМУ?

Тургенев в своем поэтическом экстазе видел девушек. Какая разница, если я в таком состоянии вижу цветы? Почему говорят — у него человек, а у меня природа?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Часто мысль о дальнем отнимает внимание к ближнему. Но еще чаще, напротив, внимание к ближнему совершается за счет мысли.

Совершенный человек, обогатив себя странствием в царстве мысли, возвращается домой с обостренным вниманием к ближнему.

Вот что я хотел сказать в романе своем «Кашеева цепь», но не сказал, потому что писал его в то время, когда сам-то уже возвращался домой, а народ мой только начинал путешествие туда, где был я. Между мной, автором, и средой еще не могло быть созвучия, и потому я, побившись, побившись, не мог вывести конца.

Помню, самое начало было несозвучное: все везде и всюду искали врагов, а я задумал писать роман против всех о хороших людях. Помню, так и сказал Микитову: «Буду писать роман о хороших людях».

Ах, как желал бы я теперь выбрать из своего написанного хорошее, а остальное бы сжечь и похоронить без отпевания. Но делать нечего, до этого, наверно, все доживают. На что уж Лев Толстой! и тот сам от своих сочинений отказывался и выше всего ставил свой «Круг чтения».

Вся моя жизнь с колыбели была борьбой за личность, это моя тема и как писателя.

МОЯ СИЛА

Сила моя в том, что естественное золото своего дарования я не отдал на монетный двор. Это не значит, что я зарыл свой талант в землю, нет! Я его сохранил, и великолепно умножил, и все сделал, что мог, но только золото его не разбавил лигатурой для прочности хода золотой монеты по рукам.

Чувствую к себе постоянный упрек в этом, но я верю в одно, что, наверно, так это и надо. И успокаиваюсь.

Надо помнить войну, что ты часовой и что, значит, спать нельзя, уходить по своим делам в сторону тоже никак нельзя.

ПОРТРЕТ

Старый художник Г. С. Верейский хорошо нарисовал меня и сам мне очень понравился: вдумчивый человек.

Портрет Верейского дает меня в рисунке без моего привлекающего художников «цвета лица». Но он дает единство моего образа, то, что называется «душой».

МАРТОВСКИЙ СВЕТ

Погода в Москве сейчас, как в марте, оглядываешься кругом на улицах, где бы купить мимозу. Вся прелесть юношеской и оставшейся навсегда во мне любви рождается и живет в этом свете.

БЕССМЕРТИЕ

Сколько раз нужно было дворникам поскрести своими лопатами, пока наконец этот чудесный звук в тишине предрассветного часа не проник в мою душу?

Сколько солнечных лучей пало на землю, пока, наконец, один не проник в душу человека и зажег в ней любовь?

Сколько умирало людей, один, другой, тысячный, миллионный, пока, наконец, какой-то следующий так восхотел жить, что заговорил о необходимости человеку добиться бессмертия?

ФЕВРАЛЬ

Совсем весна, льет с крыш, и в небе есть такие светлые луговинки голубые, и по ним все бегут, бегут облака, как и мы, бывает: придет радость — замереть бы, принять, а мы бежим!

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЕЧЕР

Все прошло без сучка, без задоринки. Особенно выразительно сказал Семашко. Я ответил благодарностью сначала матери своей, чувство к которой перешло у меня в чувство к родине (то есть когда умерла мать, для которой я писал, то мне пришлось искать читателей, и эти читатели была моя родина-мать). Еще я благодарил Семашко и наставлял о нем много хороших вещей. Благодарность Семашко меня очень удовлетворила самого, потому что, если путь красоты сопровождается светом личности, то добро, напротив, требует, чтобы одна рука не знала, что делает другая. И потому я, как свидетель добрых дел Семашко, мог об этом сказать.

Когда все успокоились, я сказал, что недавно прочитал написанную мной одну чудесную страницу. Такая это была чудная страница, что я не мог себя, столь несовершенного человека, признать ее единственным автором, и во мне поселилось такое чувство, будто со мной кто-то работал над этой страницей.

— А теперь, — сказал я, — этих своих невидимых помощников вижу перед собой: это были, конечно, вы, собравшиеся здесь.

На моем юбилее умный редактор «Пионерской правды» сказал: «Пришвин весьма тактично проповедует среди молодежи коммунизм».

Вспомнил, что на юбилее меня раза три называли «знаменитым», но я этому искренно не поверил. Может быть, даже начинает теряться к этому аппетит.

И какое это великое счастье иметь возможность в любой час нащупать ключик в кармане, подойти к своему гаражику в Москве, самому без свидетелей сесть за руль и укатить куда-нибудь в лес, и там в общении со своими невидимыми помощниками карандашиком в книжку отмечать ход своих мыслей, и с восторгом иногда их рождать, и оставаться с чистой совестью.

ТОСКА

Смертельная тоска иногда, очень изредка, навещает меня: хочется или разрядиться в безумном бешенстве, или же уничтожить себя. Так я еще мальчиком разрядился в Елецкой гимназии на Розанова и вылетел из гимназии. А разрядка в себе кончается вот этой смертельной тоской.

Но меня от безобразной выходки всегда удерживает память о прошлом: я знаю по опыту, что смертельная тоска кончается ликующей радостью жизни.

В этой борьбе и рождается мой теперь известный всем «оптимизм».

ВЕСНА СМОТРИТ В ОКНО

Окно с утра непроницаемо-матовое, и по матовому сверху устремляются вниз капельные ручейки, и сквозь них блесит золото наступающего дня весны света.

Пусть же нельзя мне туда, пусть там царствуют. Я знаю, меня там не забудут, и до меня это дойдет, и тоже поднимет, и унесет куда-нибудь и меня.

Вчера опять начал писать своего «Царя» и опять верю, что на старости лет достигну мечты всей своей жизни — написать о мальчике в «краю неугавных птиц». С этим мальчиком началась вся моя письменность. Я тогда в 1905 году напечатал первый свой рассказ «Дедок» в журнале «Родник». После этой удачи я задумал по совету Н. Е. Ончукова поехать на Север на Выгозеро. У редактора Альмедингена в «Роднике» я попросил денег на поездку.

— Я напишу вам, — сказал я, — о мальчике, попавшем на Север, и так опишу Север в приключениях мальчика.

— Нет, — ответил Альмединген, — напишите просто очерки Севера.

Я послушался и с тех пор вот сорок пять лет никогда не расставался с этим мальчиком и все не мог написать.

Вся детская моя литература возникла на этой почве, а может быть, даже и охотничья. По-видимому, этот мальчик живет у меня в душе, и скорей всего это я сам и ношу его в себе, как беременная женщина. В этом вынашивании мальчика и есть все, чем я богат.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Ходили к портному заказывать охотничью куртку.

— Еще охотитесь? — спросил портной. И через некоторое время: — Ах, я забыл вас поздравить с семидесятипятилетием.

— Нашли с чем поздравлять!

— А как же? — вытаращил он глаза.

Если бы только он понимал, какую ценность имеют эти годы у людей достаточно здоровых и с ясным сознанием. С чем поздравляет! С этим бы поздравил! Но увы! Они поздравляют, только пользуясь газетой.

ИНВАЛИД

Доктор рекомендовал мне понимать себя не как полноценного здоровьём человека, а скорее как инвалида второй группы. Я согласился вести себя как инвалид, но писать, как полноценный.

— А затем я и предложил вам инвалида, — ответил он, — чтобы вы лучше писали.

КОЛОДЕЦ ДУШИ

До того я привык иметь дело со своею душой и прямо доставать из нее все, как ведром из колодца, что, когда начинается моральный спор возле меня с учеными ссылками на авторитет, я теряюсь и умолкаю, чувствую себя необразованным.

Путем такого молчания, скромности и работы черпания ведром из своей собственной души я и достиг себе долготы.

ХУДОЖНИК

Очерк не пошел. И слава богу: не все же в кон, можно и за кон. А то был бы я пирожник, а не художник.

АПРЕЛЬ

Солнечное утро, чуть морозит, и совершенно тихо. Покойно бывает на душе, когда весной под вечер на кремовом небе голубой дым, набегая из труб столбами, поднимается вверх, наверху он расходится, образуя под небесным сводом колонны.

Я УЕЗЖАЮ

Ночь прошла без мороза, с утра тепло, и столько солнца, и такая там где-то на воле ликующая радость! Решено, что пусть грипп, все равно я уезжаю: невозможно терпеть и отдавать свою жизнь ни за что.

Был долго в лесу. Понял, что весна запоздалая: благовещение переездили. Река спит и подплывает. Луга за рекой пестрые. В лесах глубокий зернистый снег. Живут только лесные опушки, на них снег стоял, и на прошлогодней зеленой бруснике остался прозрачный ледяной черепок.

Река выделяется умытым своим льдом и лежит, как огромный самолет: одно крыло черное — низменный берег, другое белое — высокий лесной берег, заваленный снегом.

Две полевые покатоности сошлись одна с другой, и посредине бежит в реку весенний ручей. Медленно сползает белая шуба зимы.

Тепло, вода сбегает. Полная река быстро уносит редкие льдины, ничего уже не значащие для победившей весны.

В лесу больше темного, чем белого. Зацветает орешник своими золотыми сережками. Угрев на поляне снежной, как в горах на снегу. Поют зяблики. Последние льдины как будто проспали ледоход, проснулись, опомнились — и догонять, но где тут! Все давно прошло.

На лесной опушке возрождалась жизнь, поднимались из хлама лесного разогретые солнцем бабочки-лимонницы, порхали, зяблики схватывались в воздухе, падали, бежали по земле друг за другом.

Я совершенно один сидел на пне, и мне радостно было, что никто не видит моего утомления, моего кашля, не чувствует моей больной поясницы и сам я могу все это сбросить с себя так, что оно не мешает мне мечтать, сочинять и только шуршит, как старая листва под ногами бегających друг за другом зябликов.

Никто меня тут не видит, ничего мне теперь не стыдно, я совершенно один.

ВЫШЕ СЧАСТЬЯ

В лесу на прогулке иногда в раздумье о своей работе меня охватывает философский восторг: кажется, будто решаешь мыслимую судьбу всего человека. Эти минуты, наверно, стоят высшего счастья.

ПРАЗДНИК

Стали блестеть, как мокрые, на солнце клейкие листики тополей. Белеют почки вновь посаженных яблонь, груш, вишен. Зацвела черемуха. На такие праздники у нас, людей озабоченных, духу не хватает, и потому в такие дни мы хватаемся за работу.

Вместить такие праздники могут только дети.

Впрочем, у меня еще кое-что сохранилось от детства, и я могу превратить эту радость праздника в слово.

Увы, увы, милые мои почитатели, видящие во мне Великого Пана, — в такие дни, говорят, Фет, чуткий к при-

роде, завешивал окна своей рабочей комнаты и принимался за свою поэтическую работу.

И каждый художник, чем больше он чувствует праздник, тем больше работает.

АПРЕЛЬСКАЯ НЕВЕСТА

Дерево моего времени, ранняя ива, как невеста разукрасилась и стоит в неодетом лесу, торжествуя: как была она невестой, когда я первый раз полюбил, так и теперь стоит точно такая же прекрасная. И уже пчелы на ней гудят, и бабочки никнут, и все на ней — и звон шмелей, и аромат.

Ничего не осталось в душе от невесты моей, и сердце больше не замирает при воспоминании. Но теперь, мне кажется, все это бывшее страдание обернулось сюда в эту цветущую иву и где-то стало цветком, и я, вдыхая аромат, стараюсь что-то вспомнить, отгадать, какой из этих цветков — цветок радости моей, и ввести это в общее чувство запаха.

И еще больше — сейчас я забыл себя: мы все сейчас — только в этих цветах!

ЖИЗНЬ СЕМЕНИ

Говорят о какой-то баснословной расточительности природы в отношении семян, не подумав о том, что, может быть, самое семя и является целью производства в природе. А семя имеет еще отдельное специальное назначение, как человек, посвятивший себя искусству или рассказу о собственной жизни.

(Вопрос: что составляет жизнь семени, кроме того, чтобы прорасти? — Быть питанием птиц... еще что?)

ПЕРВОЕ МАЯ

Москва — честная река, погуляла по полям и лугам всего один только день — и домой! Опять показались поля, и всюду на темной земле остались голубые глазки.

Первый раз в жизни встречал праздник в одиночестве. Больше не буду так: я не демон!

ОДИНОЧЕСТВО

Сегодня мысль моя вертится вокруг той силы души человека, которая развивается и раскрывается в борьбе с одиночеством: иду с человеком по тропе и говорю ему. Человек ушел — я один на тропе, мне не хватает слушателя, я вынимаю книжку и записываю.

Одиночество неестественно, и человек, царь природы, тем он и царь, что вступает в борьбу со своим одиночеством и, преодолев в себе природу свою, живет со всеми и всем царь.

Люди естественные — это люди семейные, и есть люди, лишенные этого «счастья», люди холостые, и есть люди, преодолевающие зависимость свою от природы (одиночество), люди-цари.

Есть животный путь спасения — борьба за существование, и чисто человеческий — борьба с одиночеством, с природой своей отдельности, за всего человека.

Итак, я хочу сказать, что человек делается царем, имеющим власть над природой, в борьбе со своим одиночеством.

КУКУШКА

Было раз в мае — прилетела кукушка и крикнула:

— Ку?

С другой стороны леса отозвалась другая кукушка, тоже на «ку», и крикнула свое «ку». И пошло у них на весь лес очень живо и весело:

— Ку-ку!

Но пришел другой май, прилетела эта кукушка, крикнула:

— Ку?

И другая ей не ответила.

Еще крикнула, и опять нет, и еще, и еще. Печально стала звать «ку» и «ку» и — нечего делать — сама себе отвечать, и с тех пор у кукушки стало печальное:

— Ку-ку!

Говорят, вся семейная жизнь у кукушки расстроилась, зовет, кукует о своей паре, а яйца свои кладет в чужие гнезда.

СИГНАЛЫ ПРИРОДЫ

У меня под окном всю ночь пел соловей, и я думал о соловье и жаворонке у Шекспира в «Ромео»: человечество после Шекспира все повторяет и повторяет эти сигналы природы и о ночи (соловей), и об утре (жаворонок).

И я думал под песню соловья, что у Шекспира этот взятки поэзии из природы был случайным, а я превратил его в свой путь.

Роскошное утро выходило из густого тумана сначала звуками: пели соловьи, кукушки, потом мало-помалу стали выходить ели, и рябина вышла седая от росы, вся как будто в паутине.

РОЖЬ КОЛОСИТСЯ

Рожь колосится. Три дня уже появились грибы-под-колосники. Далеко еще до цвета, но уже желтенький листик явился, и ветер сейчас же нашел его, и он желтенькой бабочкой по ветру спустился к моему окну. А мне довольно одного желтого листика, чтобы струна моей души попросила настройки на осень! Как ни хорошо в июне, а осень придет.

ЗАБОТА И ОХОТА

Главное в непонятом нами свойстве материнства — в любви к порождению себе забот: женщины любят заботы и ими живут, мы же любим не заботы, а охоту (творчество).

ВЕНСКОЕ КРЕСЛО

Чтобы домашняя жизнь со своими неровностями не обрывала моей работы, я в лесу поодаль дома на прекрасном месте вкопал себе пень и возле пня столик. А чтобы спина не уставала, прибил гвоздем крепкий стоячок и к стоячку для опоры прибил дощечку.

Неподалеку две девушки деревенские пасли своих коз и, не смея спросить, что такое я мастерю, следили за моей работой и время от времени, высказав то или другое пред-

положение, фыркали. И только уж когда я прибил спинную дощечку, да еще и сел, догадались, и одна из них сказала:

— Это венское кресло.

НА ОПУШКЕ

Между угнетенным деревом в лесной тесноте и счастливым деревом на опушке есть еще дерево-победитель в лесной тесноте: оно в борьбе за свет сбрасывает сучья, гонит ствол свой голый, как свечу, вверх, пробивает затевающий полог и достигает небесного света.

Так вот и я стремлюсь преодолеть угнетенность и не завидовать семенникам на лесной опушке.

ЛУЧШЕ ВСЕГО

Бывало, очень любил хвастаться тем, что весна для меня хороша: март — весна света и апрель — весна воды, а цвет мая пусть достается дачникам. Теперь нет. Пришло, что лучше всего май — весна цветов.

С утра в лес по грибы. Лес в росе после ночного дождя, весь охваченный солнцем. Какая тишина! И мысли все улеглись в ленивой дреме, как в полдень стада.

ИРИСЫ

Цветут ирисы. Я первый раз в жизни увидел цветущий ирис, был восхищен причудливой формой. Мне представилось, что по изяществу нет лучше цветка и розы кажутся грубыми.

— Вы любите ирисы? — спросила Л.

— Нет, — ответил наш гость, — из них нельзя сделать букета.

Мы не могли спорить против правды. И нельзя доказать того, что есть на свете существо, в красоте своей независимое даже от правды.

СВОЙ СОЛОВЕЙ

П. С. картошку сажал, а я в первый раз в эту весну услышал соловья.

— П. С., — крикнул я, — соловей поет.

Он перестал на мгновение работать, послушал и ответил:

— А почему бы ему тут не петь?

Дело было в том, что вообще соловьи, нужно сказать, не так-то важно поют. Граммофонные записи передают просто пустяковый щебет.

Но есть у каждого из нас счастливые мгновения, когда поет нам свой соловей. Тогда через этого соловья весь мир нам поет, а садовый соловей это только подсказывает нашему вниманию.

И теперь, когда этой весной я слышу опять соловья, конечно, я думаю о том своем соловье. А П. С. или не слышал еще своего соловья, или забыл и потому, думая вообще о соловье как перелетной птице, говорит:

— Почему бы ему тут и не петь?

ЛИНА ПО

Приходила Лина Михайловна По, слепая-скульптор. Рассказала нам свою удивительную историю жизни, как она, балерина, упала и ослепла и потом, слепая, создала портрет Чехова и сделалась скульптором.

Небольшая иллюстрация к тому, что человек — это всё.

В СМЕРТНЫЙ ЧАС

Теперь моя работа в таком положении, что не страшно остановиться и заболеть. А то, бывало, чуть насморк — и сейчас же тревога: не умереть бы, не кончив работы. Но придет время, работа от меня оторвется, и, умирая, — может быть и скорее всего! — я о ней даже не вспомню.

Вот, наверное, в этом смысле моего перехода к людям в положении книги и состоялась моя частичная смерть: я живой перешел в книги людям, и мертвая моя часть, книжный труп, остался таять и тлеть, пока я не буду совсем равнодушен к бывшей когда-то во мне книге.

А разве не так происходит ежедневно со всеми людьми? Мы бессмертную часть свою отдаем людям, и оттого человек, идущий впереди, бессмертен, а смерть — это личное ощущение упадка в том случае, если, закончив какую-нибудь работу, отдал себя и не успел взяться за другую. Я желал бы в последний момент жизни схватиться за новую мысль, пхнуть ногой в доктора так, чтобы он улетел

от меня вместе с бинтами и пузырьками. И это будет во-
истину: смертью смерть поправ.

И я свидетельствую, что в существе своем мы все бес-
смертны и беспокоиться об этом нам совсем не стоит. Все
же к чему надо готовиться, о чем серьезно беспокоиться —
это чтобы тебе в смертный час схватиться за новую мысль
и пхнуть ногой в доктора.

ОХОТНИЧЬЯ РАДОСТЬ

Мои молодые товарищи! Хочу я вам опять рассказать
о своей собаке, но вперед говорю: не думайте, что так-таки
в этом и есть спасение — собаку завести и взять ружье.
Нет, можно охотиться с фотоаппаратом, с микроскопом,
с записной книжкой и как угодно, лишь бы в природе быть
и работать в охоту, а не в одну только заботу.

Успех с натаской Жульки и охотой на перепелов смел
всю писательскую тревогу.

Мне кажется, что если бы повесть оказалась одной
из самых замечательных на свете, то удовлетворение
от этого легло бы в душе моей куда-то, где мое личное
«я», тускнея, переходит в общую душу русского человека,
а мое чистое «я» в смысле торжества дня моей жизни над
смертью, «я», которое радуется жизни и от этого всем хо-
чет добра, — это «я» в достижении с Жулькой и охотой
на перепелов неизмеримо ярче писательского удовлет-
ворения.

ОТДЫХ

Усталый от неудач и ничего не видя, кроме свежего
коровьего навоза (и то потому только видел, чтобы в него
не попасть), я сел возле большого стога с заветренной
стороны. И, как только я остался без дела и сел, так сразу
же на пустом избитом выгоне увидел розовую головку
клевера, и недалеко от нее другая глядела на меня, а там
третья.

— Да вас тут много! — сказал я им вслух.

И мне стало так, будто не я их находил, а они все вхо-
дили в меня, радуясь, что я остался без дела.

И облака тоже тяжелые, тесные, и тропинка по холму
на небе, и там наверху мальчик с книжкой в школу идет,
и из деревни, где школа, там ель строевая, почти черная,

выглядывала из золотых опадающих лип и мальчику-школьнику высказывала: «Вот видишь, они падают: учись у меня: надо учиться, и не опадешь!»

Так вот я остался без дела, и мне сейчас же открылось происходящее вне меня, как открылась Чехову «Степь».

Я не видел происходящего, потому что мне его закрывало дело, закрывающее неизбежно от нас жизнь, великолепный памятник которой поставил Чехов в своей «Степи».

Дело происходит от действия, изменяющего в чем-то расположение вещей: я этим занят и созерцать и любоваться данным положением, как Чехов, не могу, — напротив, я поглощен не данным, а тем, как бы мне его изменить.

Головки клевера глядят на меня, радуясь, что я остался без дела.

— А если так, — говорю я, — если так, Михаил, то, пока ты занимался делом, искал перепелов, и вдруг остался без дела, увидел «Степь», — все-таки то же самое «дело» завело тебя сюда, под стог в степь. Благодарю же!

Благодарю... но теперь оставьте нас без дела, чтобы мы сели немного отдохнуть и поглядели на жизнь возле себя.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

По-видимому, с вечера всю ночь шел дождь, и как рассвело, то и дождь и день пришли одной рекой. Но спустя короткое время начало проясняться, и, вероятно, день соберется по-бабьему: слезы по улыбке и улыбки по слезам.

ЖУЛЬКИНА СТОЙКА

На всем скаку Жульке пахнуло, и она мгновенно уперла в землю передние лапы. Так образовалась ось от носа, воспринявшего запах перепелки, через мозг собачий, сквозь передние лапы в землю, а зад, после упора, продолжал лететь, завертывая голову. Что делать? Зад летел и завертывал по оси перед и нос в сторону, противоположную перепелке. Шевельнуться нельзя ввиду близости перепелки. Все так и должно остаться — зад впереди, голова назади. Оставалась только возможность завернуть голову и так смотреть на перепелку, и задом и передом.

Так она и стояла, дожидаясь меня, и я знал, что это не жаворонок, а перепелка. Если бы жаворонок, она бы оглядывалась на меня, понукая идти поскорей. Я добрался, высматривая, куда протянулась веревка... Ей было очень трудно стоять, ужасно! Нельзя было раскрыть рот, вывалить язык и дышать с хаханьем по-собачьи. Она должна была осторожно выпустить воздух, «переводя дух» губами. И оттого казалось, она жевала что-то. Только розовый кончик языка виднелся, и на нем висела блестящая капля и, падая, сменялась другой...

Сегодня убил четырех перепелок и по четырем промазал. И сколько стоек Жулька провела безукоризненно! Значит, я сделал собаку, и какую! А радость какая! Не с чем даже сравнить.

Жулька кончила курс, и, пожалуй, из всех моих легавых собак она ближе всех к собакам классовым: и могучий бешеный поиск, и великолепное пользование ветром, громадное чутье, уверенная скульптурная стойка. Вообще справиться в мои-то годы с лавераком — это чудо...

ХОЛОДНАЯ РЕКА

Ходил с Жулькой на перепелиное поле. Береговые березы облетели до последнего листика. В полях только мыши, в огородах светится еще последней светлой холодной зеленью капуста, но зато одна капуста только и осталась.

Река холодная лежит, морщится темносинью от набегающего ветра. Вспомнилась та же самая река, одетая тесным камнем в Москве. Хорошо там у одного огонька под зеленой лампой, у столика: мальчик радуется сказке о золотой рыбке...

Вдруг Жулька сделала стойку и легла. «А почему? — подумалось. — Не застряла ли здесь одна перепелка или дупель?» Я направился к Жульке. На ходу взвел курки, и вот как от одной только мысли о теплом дупеле вдруг потеплела река!

А это не дупель — это мышонок вышел из-под земли шелушить овсяные зерна, и по безработице Жулька чутьем своим обратила внимание на него и сделала стойку. А если бы дупель и я взял бы его в руки жаркого-горячего? Тогда, мне кажется, река бы вспотела.

МОЙ ДРУГ

В душе и мечте нет времени, но мечта в полете своем встречает препятствия, и их периодическое повторение создает то, что мы называем временем и пространством.

Но не все из души уходит навстречу препятствиям. Есть, как мы говорим, что-то «за душой» у человека, лежащее вне пространства и времени. И это — то самое, на что мы глядим и равняемся, с кем советуемся в глубине нашей и о ком каждый из нас может сказать:

— Это ты, мой друг.

СКЛАДЫВАЮСЬ

Если мою вещь забьют, начну энергичнее складываться. Об этом я уже писал в начале юбилейного года: складываться — значит перед отходом своим засыпать в закром зерно свое, сложить в омет соломѹ, отнести мякину (халуй) в половень (елецкое слово), вымести все начисто на гумно воробьям и голубям, а что не успел обмолотить, сложить в скирды — это обмолят после меня.

Опять начал читать дневник — начало выполнения большого дела: все перечитать и отобрать. Одна из работ, составляющих решение «складываться».

ПАУЗА ЖИЗНИ

Десять механиков с азартом кидались под мою машину, но ничего у них не выходило. От скуки я взялся за механику и через несколько минут догадался в чем дело.

Из этого я вывел заключение, что в существе своем я умнее механиков, но мне не хватает в душе для техники какой-то ограничительной шайбы, отвечающей той шайбе, какую надевают на время обкатки машины: ехать не более сорока километров. Мы думаем слишком широко и скоро для техники.

С другой стороны, взять совершенный пустяк из той области, где мы плаваем, как рыба в воде, — и этот пустяк для человека с техническим ограничителем в голове представляется непреодолимой трудностью.

Мудрость человека состоит в искусстве пользоваться одной маленькой паузой жизни, на какое-то мгновение

надо уметь представить себе, что и без тебя идет та же самая жизнь. После того, взглянув в такую-то жизнь без себя, надо вернуться к себе и, затаив паузу, делать свое обычное дело в обществе.

— Где же ты был? — спрашивают мудреца.

А он чуть-чуть улыбается и ничего не говорит. Он был там, где жизнь течет без его участия, сама по себе.

Да, забыться на мгновение и опять встретить жизнь, какой она была без тебя.

ЗА ЧТЕНИЕМ ТЮТЧЕВА

Вчера с Л. начитались стихов Тютчева о сумраке и хаосе и заговорили о том, что наша смерть для себя — только путь, но для других это «я» свое, как дитя, бегущее с ревом безумным за исчезнувшей матерью: ей-то ничего, она ведь пошла на базар, но ребенок один, и это ему ужасно.

Мы так знаем о себе в отношении смерти — это и не больно, и не трудно, и просто. Некоторые даже для себя этого с рождения ждут. Но близкие люди остаются как заложники: за счет их мук смерть одного сопровождается горем других. Так вот почему самоубийцу осуждают люди: он не считается с горем близких. Вот почему самоубийцу и не хоронят на кладбище, а где-нибудь в стороне.

ОБИДА

Многие, зная свое доброе намерение, полезное для других, обижаются. Вот почему нельзя вообще обижаться и надо считать это в себе пороком и слабостью. В обиде человек чувствует себя исключительным: обида есть маска себялюбия.

Это чувство, подобно смерти, свойственно всем, и каждый из нас обязан одиночество свое преодолеть и, обернувшись в какую-нибудь полезную вещь, распределиться по людям.

Так я, например, обращаясь в книги огромными тиражами, распространил себя всего, после выхода своего оставаясь снова в одиночестве, и опять выхожу, и опять остаюсь.

Знаю, что может выйти мне и такой день, когда после выхода сил не хватит у меня, чтобы начать новую борьбу с обидой. Но, может быть, хватит? Если же нет, тогда

и подумаю, как выйти мне из общего положения. Вперед же готовиться и страховать себя от непереносимой обиды не хочу: это мешает мне, ослабляет борьбу мою средствами творчества.

В ВАГОНЕ

Вечером тепло одетый спешил на поезд, задыхался и падал. В вагоне теплом, сам распаренный, как в бане, целых два часа до Москвы приходил в себя и, наконец, под Москвой уже прислушался к говору людей под грохот колес поезда: так говор обнимал грохот, так лепился к нему, так приставал и обращал его в человеческий, что я слушал его как музыку и думал: везде человек, и как, наверно, нечеловеку эта жизнь человеческая должна казаться прекрасной.

Так я в эти минуты, наверно, и не был человеком и наслаждался говором людей.

ПРЕТЕНЗИЯ

С неприязнью встречаю в своих прежних книгах примеры своего «ячества», то есть претензии, и понимаю, как некоторые люди, встречая их, должны не любить меня. Но мало того! У меня есть подражатели, принимающие это «ячество» за мою сущность.

В ПОЛИКЛИНИКЕ

В поликлинике М. Шагинян спросила Л.:

— Скажите откровенно, М. М. пьет жень-шень?

— Нет, — ответила Л., — у нас была бутылка, но во время войны ее кто-то выпил.

— Так отчего же он в свои годы выглядит таким молодцом?

— Потому что, — ответила Л., — у него чистое сердце.

Этот ответ она взяла из моей книги «Жень-шень», где Лувен требует от искателей корня жизни чистого сердца.

— Чистое сердце! — повторила Мариэтта. И села задумчиво в кресло. — Да, — сказала она, — чистое сердце для здоровья тоже имеет некоторое значение.

Жулька очень больна, боюсь, что не выживет.

Но если Жулька — такая собака! — умрет, охота моя будет продолжаться, и я буду делать себе новую собаку

и с ней на охоте возрождаться душой. На одной стороне позади будет вечная память моей чудесной собаки, на другой — вечная жизнь.

Так мы все и живем, и так всегда будет. Только не надо бы слушать тех, кто в рождении человека встречает забвение прошлого и кто мертвым поручает управление живыми людьми.

ЖЕНЩИНА

Если в творчестве женщина мешает, то с ней надо, как Степан Разин, а если сам не хочешь, как Степан, то на тебя найдется свой Тарас Бульба, и пусть он тебя застрелит.

Но если женщина помогает создавать жизнь, хранить дом, рождает детей или участвует в творчестве с мужем, то ее надо почитать как царицу. Суровой борьбой она нам дается. И оттого, может быть, я ненавижу слабых мужчин.

ЗОЛОТОЙ ФОНД

Звонил дирижер N. и, совсем незнакомый мне, выражал свое признание меня как писателя, сказал даже, что «Лесная капель» его «подподушечная книга». Такие читатели являются моим золотым фондом и даже больше — золотым без содержания лигатуры — и ложатся на душу, как сама правда природы.

Каким счастьем является для меня не полное признание моего творчества, не премии, не большой орден, не даже полноценная статья, а вот такое медленное стекание моих читателей куда-то в большую воду вечности. Вот этот огонек радостной надежды на будущее воскресение из мертвых и приносит мне в душу каждый большой мой читатель, сокровище моего золотого фонда.

НЕВЕДОМЫЙ ДРУГ

Как это выходит, что человек бросает всех своих близких, родных, друзей и всю свою душу открывает совсем незнакомому человеку с ясной верой в то, что с близким жизнь изживается, а начинается настоящая жизнь за пределами нашего повседневного опыта и связей?

ИСКУССТВО КАК ПОВЕДЕНИЕ

Итак, в науке — метод, в морали — поведение, а что в искусстве? Умом тут ничего не сделаешь. Добром? Как и в любви, тут добром не возьмешь. А может быть, в науке — метод, в нравственности — поведение, а в искусстве — любовь?

Моя жизнь так проста: женщина от меня ускользнула, я собрал в себе всю свою мужскую силу (соловей запел) — и она вернулась ко мне. Вот этот голос жизни, этот зов и заменяет и метод и поведение в искусстве.

И вот именно зов сам по себе, и человек такой рождается для зова (поэт), а не для семьи.

Описать свою жизнь как поведение с вытекающим из этого искусством.

СИГНАЛЫ ЕДИНСТВА

Мастерству в искусстве надо учиться лишь как не самому главному, а самое главное, секрет, как в нравственности, заключается в каком-то поведении (вероятно, личном).

Поведение или метод в искусстве — это система сигналов своей личности, себя самого, своей собственной души другой душе, как на другую планету. С другой стороны, душа человека вообще одна, и сигналы какой-то души — есть сигналы единства.

МОЯ ВЕРА

Намеченные достижения не удались: ни роман еще не доведен, ни собрания сочинений не достиг. И даже собака моя любимая больна и, может быть, и не будет жива.

Но зато я существую, да, я словом своим по силам своим жизнь изменяю, творю, — значит, я существую. И вместе с этим все больше и больше овладевает мною мысль о каком-то хорошем месте моем в будущем сознании людей.

Когда это будет, и где, и как — я не могу сказать, но в том я уверен, что место свое найду, и эта вера моя есть требование моего человеческого смысла.

Поэзия — это душа подвига,
обращающего красоту в добро

КОГДА МНЕ ПИШЕТСЯ

Я шел зимой по шоссе, пронеслась машина, а за ней мчался, догоняя ее, сухой березовый листик, темный, такой заметный на белом. Я соединился душой с этим листиком и подумал о себе, что я тоже такой, когда мне хорошо пишется: как будто весь мир летит, как эта машина, и я мчусь, как листок, в ею поднятом вихре.

БОЛЬНАЯ ЗИМА

Снежку чуточку и подсыпало, а мороз опять опустился к нулю, и если не поддержит что-нибудь слабенькую больную зиму, то опять все сбежит.

Слегка подморозило, и утром горела заря, еще пока желтая, и вечером из-под синей шапки дружок поглядел.

Смотрите! вот почти уж и февраль, а все март на дворе: солнце, голубые снега и капель. Вчера таяло. Облако апрельское, зеленеет осинная кора, и удивляют розовые веточки каких-то кустов.

Жулька едва поднимается и на ходу падает с грохотом костей на полу... У нее грустные глазки, она безотказна в наших требованиях: сама не ест, но если в рот кладем — жует и проглатывает. В ней совершенно отсутствует эгоизм умирающих. Она прекрасна в умирании, как поздняя осень.

Я долго сижу возле нее, она глядит, и если я улыбнусь и скажу весело: «Жулька!» — она еле заметно ответит хвостом.

Думали, что Жулька безнадежна и ей остается жить день, два. Но пришел ветеринар, усложнил наш уход за больной, и, делая, мы обрели надежду на то, что сделаем и собака будет жива.

Вот почему дело является источником надежды и любви. И весь секрет лечения человека — это заставить его забыть в какой-то работе, заставить его выйти из себя.

Жульку спасаем: чем ей хуже, тем больше вкладываем труда в ее спасение. День за днем проходит, и когда придет день поворота, туда или сюда, то если сюда — мы будем счастливы, если туда — мы не будем страдать: мы же все сделали, со своей стороны.

ЗАВТРА ЕДУ В МАЛЕЕВКУ

С Жулькой простился, сохранив навсегда в памяти ее прощальный вид. Поняв по моим шагам в сапогах, что я собираюсь, она заволновалась, забилась и с большим трудом подняла голову, но держать прямо ее не могла и качала мне головой вверх и вниз, то поднимая ее, то опуская, глаза же были расширены, насколько это было возможно, отчего получалось выражение как бы дружеского ужаса, каким любящий, побеждая на мгновение смерть, глядит на любимого.

Как только я к ней подошел, она уронила голову на подушку и смотрела на меня снизу одним полузакрытым глазом, вспоминаящим, все помнящим, и я его вижу сейчас, и он останется со мной навсегда.

Было столько сказано нами друг другу в этот миг, что потом перед самым отъездом я и не зашел даже к ней: мы простились.

Итак, Жулька страдала за близость свою к человеку.

МАРТИН ИДЕН

Жизненные мысли, в которых растет человек, обращаются, как кометы: придут, почешутся и опять уйдут дозревать. Вчера в разговоре почесалась постоянная моя тема о женщине, сознающей, что поэты любят не ее, а свою мечту.

Прочитал Лондона «Мартин Иден». Был вовлечен в чтение, вспоминал и сравнивал свой роман с В. П. Измаковой.

Меня волновала большая любовь к Рут, совершенно похожая на мою, любовь как стимул поэзии и соответствующая поведению.

Мне бы надо написать тоже личный роман в этом духе. Я увидел себя, как в зеркале, как я тогда в Париже тоже

влюбился в призрак и потом, стремясь достигнуть этот призрак, стал делать к нему себе путь.

Самое интересное в этом романе было то, что даже в момент разгара моей безумной страсти я сознавал, что простое обладание женщиной, брак и т. п. невозможен и не удовлетворяет меня, что эта женщина — только повод к моему полету.

И только теперь, наконец, я стал видеть себя самого как необразованного парня вроде Мартина с нераскрытым и самобытным талантом в душе. Я очень хорошо помню, что стремление напечататься исходило из стремления «выйти в люди», сделаться «как все». И недаром потом я, когда вышел в писатели, свою первую повесть послал «призраку» в Лондон. Теперь я так ясно вижу свое писательство как лучи народной наивной души моей матери.

Постепенно захватывая душу мою в течение суток, обняла меня тоска и, мало того! — чего со мной никогда не бывало, — скука. Вероятно, это сделала непрерывная жизнь на людях.

Мое состояние было такое, будто я накануне тяжелого заболевания. Каким счастьем казалась мне жизнь где-нибудь в Дунине, у себя в доме, без людей!

УМЫСЛЫ

Люди воспитываются быть недоверчивыми, но ведь доверие, свойственное детям, ценится, как лучшее качество человеческой души, и говорится даже: «Будьте, как дети».

То же самое в отношении умысла: надо бы мыслить, значит, вызывать мысль и у других, а жизнь учит умыслу.

И так далее в отношении любви, правды, истины.

Все это я припомнил, раздумывая о своей неспособности в «умысле», то есть в том, чтобы, мысля, не открывать людям свои находки и затаивать их для ограниченного пользования, что равняется, например, в отношении леса: входя в него, думать только о кубометрах древесины.

Помню, у Горького за столом был разговор, я что-то отметил в его поступках несообразное, и он мне на это сказал: «Да я же ведь хитрый». На это я, подумав, ответил: «Ничего, это хорошо, я тоже хитрый».

А Горький на это улынулся мелкой улыбкой и сказал: «Ну, какой вы хитрый!»

И так всю жизнь среди политиков я хожу дураком, а когда напишу — удивляются и признают во мне мудреца.

ХМЕЛЬ

Сыро и тепло, выше нуля, но ходить в валенках еще можно. Я спустился вниз к Вертушинке и решил пробить себе берегом речки дорогу в глуши зарослей между этими горами, едва расступившимися, чтобы пропустить речушку. Глушь обняла меня, и вдруг где-то за горами, за снегом, за лесом закричал петух. Радовал меня когда-то давным-давно крик петуха, и теперь мне было так, что не за снегами, лесами, горами кричит петух, а за моими годами: оттуда, перелистывая все пережитое, еще мог все-таки пробиться ко мне радостный крик моего детства.

Тогда открылось мое сердце, и мне захотелось поискать чего-нибудь возле себя, не найдется ли и тут чего-нибудь такого веселого.

Вот вижу, как хмель плотно обхватил ольху, и я стал думать, оттого ли это дерево стало сохнуть, что хмель его засушил, или же, наоборот, хмель и явился только потому, что дерево стало сохнуть.

Не имея возможности понять причину и стать на сторону то ли дерева, то ли хмеля, я представил их на суд людей. И воображаемые люди мои разделились: одни стали на сторону дерева и говорили о хмеле:

— Ах, какой паразит, засушил такое славное дерево!

Другие, напротив:

— Молодец хмель! сколько бы горя внес в человеческий мир вид умирающего дерева, но явился хмель, взял себе остатки жизни и отдал их на радость людям, и, может быть, оттого-то у иного юноши и вяются теперь хмелем кудри.

Я колебался, куда мне стать: за хмель или за дерево. Я уже решил было так, что, по человечеству, нельзя мне оставить умирающее дерево, я даже взялся было рукой за пучок хмеля, чтобы его отодрать, но тут вдруг опять этот петух моего детства из-за гор, и снегов, и лесов, и годов моих закричал. Я обрадовался, вспомнил далекие радости прошлого, и забыл спор, и оставил хмель подниматься на засыхающем дереве.

За весь вчерашний день прочитал только Роллана «Пьер и Люс». Роман был совершенно такой же, как у меня, и в том же Люксембургском саду, тоже в марте и с теми же воробьями. Но, конечно, я не чувствовал (а ведь в семьдесят пять лет!) прежней боли: место это в себе, конечно, было очень знакомо, ощутимо, но уже не болело, как бывало в снах...

И уж, конечно, в своей «природе» я это свое чувство только и описываю, все собрание моих сочинений есть раскрытие одного этого чувства...

Я в этом мартовском переживании не один, в этом чувстве рождается человек, и оно значительней успехов Цезаря и Александра Македонского: оно есть свет вечности в настоящей минуте, в этом свете зарождается все искусство и еще больше — весь человек.

И вот почему когда это чувство заключено в себе и светит из себя на жизнь неугасимым фонариком, то на всякие великие события, великие дела у человека такого имеется своя спокойная точка зрения, независимая ни от людей, ни от книг и газет.

К этому нужно сказать, что этот свет в настоящей минуте бывает у всех и, наверное, это и называется любовью. Только не все отдаются вполне служению этому свету, служению, называемому творческим трудом.

— Сущность жизни, — сказала она, — есть любовь, а борьба — только средство: борьба за любовь. Но пусть останется так: на первом месте, в словесном выражении, будет стоять борьба, а в невыразимом молчании будет любовь.

Утренняя мысль о том, что соединяет в человеке дела его и мысли.

Не то ли мы называем любовью, что соединяет в единство дела и мысль человека?

Чем дальше от человека в природу, тем сильнее размножение — чего стоят рыбы с их икрой, осинки с их пухом! А человек чем дальше совершенствуется в существе человеческом, тем труднее ему множиться, и, наконец,

рождается в своем идеале. Когда это еще знал Рафаэль, — вон когда! а я только теперь... И это узнать можно только в редчайшем, труднейшем для мужчин опыте любви.

СВЕТЛО И ТИХО

Таких чудесных дней даже и в этом чудесном феврале не было. Вот как светло, вот как тихо, вот как вкусен и ароматен воздух, соединяющий в себе огонь и мороз!

Ну, сегодня-то, наверно, уедем из этого сытого рая, и начнется жизнь, исполненная тревог, забот и, может быть, нечаянных радостей.

МОЕ ЖЕЛАНИЕ

Я буду желать в последние мои дни такого сознания, чтобы в болезни и смерти своей видеть свой личный грех и его искуплять благословением всего живущего. Я бы желал перед смертью от себя отказаться для утверждения радости жизни: я не могу, а вы, друзья, царствуйте!

Боже мой! Как трудно быть писателем! Такая Голгофа!

ЗАВЕЩАНИЕ

Верно судить о писателе можно только по семенам его, понять надо, что с семенами делается, а для этого время нужно и время.

Так скажу о себе (уже пятьдесят лет пишу!), что прямого успеха не имею и меньше славен даже, чем средний писатель. Но семена мои всхожие, и цветочки из них вырастают с золотым солнышком в голубых лепестках, те самые, что люди называют незабудками. Итак, если представить себе, что человек, распадаясь после конца, становится основанием видов животных, растений и цветов, то окажется, что от Пришвина остались незабудки.

Милый друг, если ты переживешь меня, собери из листков этих букет и книжечку назови: «Незабудки».

МАЛИНОВОЕ ПЯТНО

Солнце садилось за березами, а березы поднимались к облакам, белым, весенним, принимающим форму кучевых. Было в лесу от солнца малиновое пятно на сосне, солнце садилось, а оно поднималось и гасло.

Я смотрел на пятно и думал о себе, что вот так надо бы тоже себе: погаснуть когда-нибудь непременно на подъеме.

ПИКОВАЯ ДАМА

Мой взгляд на современную литературу начинает приближаться к тому, как Пиковая дама перед смертью смотрела на изменение нравов светского общества...

Как прекрасно то, что я сделал в литературе! Как все это мало в сравнении с тем, что на это затрачено. Как это не окупает и как я мал в сравнении с тем, кем надо мне быть, кого даже, может быть, после меня из меня сотворит для себя общество.

Вот я сейчас обижаюсь на время в отношении литературы, а чем оно было хорошо перед революцией? Романы Брюсова очень скучные, Ремизова, Белого, Мережковского, Андреева, Сологуба, — ничего из всего этого сейчас нельзя взять для себя, как берем мы сейчас Чехова, Бунина...

А теперь как широко разрослось писательство, еще немного — и будут писать все, а настоящими художниками останутся по-прежнему несколько человек.

Значит, все хорошо, и если сам себя считаешь «настоящим», то настоящим писателям никогда не жилось хорошо, начиная с самого Пушкина.

Ясно вижу себя корявеньким, неладным топориком, определившим все мои отношения с литераторами.

Мое отношение к некоторым вещам, как у моей собаки к ягодам: если ягода в рот попадет — проглотит, а если мимо, то не наклонится, чтобы с земли поднять.

СТРАШНО...

Плохо спал ночью и, проходив по-вчерашнему четыре часа, ужасно устал.

Р. Н. Зелинская приходила сегодня и сказала, что отцу ее восемьдесят восемь лет. Только в лес уже не может ходить. А мне еще страшно подумать, что когда-нибудь и мне будет невозможно в лес ходить.

И это «страшно» — признак молодости, потому что старение происходит без боли об утраченном: вместо утраченного приходит нечто более ценное. Так вот разве я отдал бы теперь свою нынешнюю способность за мою прежнюю резвость?

СТРУНЫ БЫТИЯ

Вот что меня немного смущает в моей печали и моей радости. Если печаль придет, я чувствую не предмет печали, а будто около сердца у меня натягивают, подвигая колки туже и туже, особую струну печали. И вот она уже поет свою песню... А что приходит в голову под эту песню, то как снопы в молотилку — все обращается в горе: любовь моя, слава, Россия.

И наоборот, если натянуты струны радости, то, если погода и плохая, сделаю себе на бумаге хорошую; если в природе хорошо, я иду бродить, и на каждом шагу мне чудеса открываются.

Утром я встаю и чувствую: поет струна радости.

— Встал с правой ноги! — говорит Ириша за дверью.

Или чувствую струну печали.

— Встал с левой ноги, — понимает Ириша.

И так в продолжение дня это бытие определяет мое сознание.

Но я не хочу, нет, нет! я ищу в себе сознание, определяющее мое бытие, я хочу сам распоряжаться струнами бытия, я хочу, чтобы искусство мое стало моим поведением, а не прихотью моего бытия.

ГЛУБОКИМ ГЛАЗОМ

В последний раз ехал в вагоне, читал книжку и не глядел на людей, потому что в плохой одежде провинциалы мне кажутся уродами. Вдруг по ходу своих мыслей я выбросил из состава моих суждений красоту и пол, посмотрел глазами глубокого художника, и вдруг все люди стали интересными и значительными.

С ВЫСОТЫ

Март и апрель проходят, как будто спускаются с горной высоты.

Я спускался с высоты, повторяя про себя: не хочу высоты, хочу близости и в этом всем близком не хочу тесноты, хочу дружбы.

Вот я сейчас спустился вниз из своего горного марта, и так тут в мае сегодня чудесно: такие сучки в лесу зеленеют, о каких даже и леший забыл и счета им не ведет.

И тут-то вот на одетый лес прилетела кукушка, и каждый теперь ей радуется: кукушка прилетела на одетый лес — по народным приметам все люди в этом году оденутся.

...И вот полоснуло по сердцу, — как ничтожно и гнусно сопротивление во имя всего *такого личного*, когда поставлен вопрос о добре для *всего* человека, — вдруг захотелось стать на его сторону. И тогда вспомнилась горная высота с ледниками, и все нежно-зеленое внизу.

...Что же это? или только во свидетельство, что высота побеждает? высокое дерево, высокий человек, высокий дух, ледяной холод, инструменты, логический ум, математика, обобщение...

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Бывает, идешь, о чем-нибудь думаешь, и вдруг из-за куста, дерева, сарая прогремит: «Ку-ка-ре-ку!» Тогда слова, бывшие почти что на языке, располагаются согласно петушину крику. Так мне приходилось не раз довольно сложные фразы вмещать в простую фразу петушиного крика.

Стоит на это обратить внимание и этим заняться, как сотни разнообразных фраз войдут в известную фразу петушиного крика. Вот и подумаешь тогда о природе в отношении человека: в ней все просто, как «ку-ка-ре-ку», а человек вложит бог знает что! и это свое тоже называет природой.

Взять любовь в природе: какое простое «ку-ка-ре-ку!», а человек свою «Песнь песней» тоже склонен относить к природе.

Тут, я думаю, скорее всего эта способность вмещать себя самого в природное «ку-ка-ре-ку» и есть источник отличия человека от всей природы. Любовь человеческая начинается с разделения мира: влюбленный видит прекрасное и стремится устроиться в нем, оставляя в своем движении к этому лучшему все дурное позади себя.

В этом состоянии у влюбленного мир природы разде-

ляется на летящих впереди его птиц и остающихся позади пресмыкающихся.

Происходит разделение мира, избрание... Словом, рождается *личность*, и этим, только этим человек отличается от природы.

НЕВЕДОМАЯ СТРАНА

Любовь — это неведомая страна, и мы все плывем туда каждый на своем корабле, и каждый из нас на своем корабле капитан и ведет корабль своим собственным путем.

СТАРСТЬ

Вот сейчас вижу, как все мои сверстники умирают. Легко бы сделать вывод о том, что недолго остается куковать моей птице, а между тем я больше чем когда-либо ощущаю свое бессмертие и стремлюсь к тому, чтобы воспитать в себе это чувство мысли, как постоянное движение.

Охота к игрушкам своим постепенно отпадает: автомобиль стоит, ружья висят, фотография лежит. Но за счет отпадающих развлечений усиливается интерес к писательству и обостряется внимание.

Недалеко время, когда я свои повести буду прямо в лесу читать и выписывать.

РАЗОШЛИСЬ

Весь день льет дождь!

— Ириша! — сказал я, — завтра обещают перемену, потепление с прекращением дождя.

— А кто его знает, — сказала Ириша, мрачно поглядев на меня.

Я ответил:

— По радио сказали ученые.

Она ничего не ответила. Молча прибрала посуду, все поставила на место. И только уже уходя, скрываясь за дверьми, тихонько, как бы только для себя прошептала:

— Об этом только бог знает.

И в этом «бог» мы с ней разошлись во времени: она осталась в средних веках.

ДОКТОРАМ

Сегодня я преодолел инерцию тела, стремящегося к покою, и заставил его действовать. В этом таится секрет здоровья, обеспечиваемого привычным и еще лучше — здоровым трудом. Вот если бы доктора лечили у нас не сердце, не легкие или печеньку только, а имели в виду трудоспособность человека и лечили в этом направлении: сердце для такого-то именно труда, в такие-то часы на таком-то месте, легкие и т. д.

Словом, лечили бы трудовую личность человека, вникая в сущность труда пациента.

ДЕТИ ЛЮБВИ

— Ты говоришь, что любовь, но я вижу только терпение и жалость.

— Так это же и есть любовь: терпение и жалость.

— Бог с тобой! Но где же радость и счастье, разве они осуждены оставаться за бортом любви?

— Радость и счастье — это дети любви, но сама любовь, как сила, — это терпение и жалость. И если ты теперь счастлив и радуешься жизни, то благодари за это мать: она жалела тебя и много терпела, чтобы ты вырос и стал счастлив.

ДУША-КУКУШКА

После дождя майского в лесу слышалось: «Ку-ку!» И от первого луча, проникшего в лес, сверкнула, алмазно переливаясь цветами, росинка. И вот слова той росинки в переводе на язык человеческий:

«Все истинно новое свидетельствует о красоте и добре и обещает в будущем погибель зла».

А когда лучи шире разбежались по лесу, то у всех листьев, цветов, деревьев, кустов, у ежа, зайчика развязались языки, все засверкало, засвистело, закуковало, запело, и все собиралось в душе, обращаясь в слова человеческие.

ЦВЕТ И ПЛОД

М. В. принесла спелую ягоду земляники с полностью сохранившимся под ягодами белым венчиком цветка: и плод и цвет вместе. Рядом с этой спелой ягодой на дру-

гой веточке была другая, совсем еще зелененькая ягодка и тоже с белыми цветами.

Мы все осмотрели удивительное явление природы, и все, плохо зная ботанику, не знали, что и сказать.

— Значит, природа такая,— сказал простой человек,— и плод поспевает, и цвет остается.

А Л. указала на меня:

— Вот это он!

...Тот человек, кого ты любишь во мне, конечно, лучше меня: я не такой. Но ты люби, и я постараюсь быть лучше себя.

ЧИТАТЕЛЬ

Кадо, как только завидит теперь человека, так бежит навстречу и, поднимая лапу с больным ногтем, жалуется и просит помощи.

В ветеринарной лечебнице доктор перевязал лапу моей собаке, а в дверях зала сидел в коляске инвалид и с улыбкой прекрасными глазами смотрел и, как потом оказалось, догадывался. А когда пришлось сказать доктору, кто я, то инвалид подкатил ко мне и выразил свою любовь как читатель.

А чем он занимается? Оказалось: сапожник. Рассказал, что очень понравилась собака Травка в «Кладовой солнца».

И я опять понял через такого читателя, что сердце народное всегда чисто и целомудренно, и горе тому писателю, кто матерную похабщину в деле любви передает нам как «народность».

СИНЯЯ ТИШИНА

Вчера десять и больше раз начинался дождь, и я уже не обращал на него внимания и ходил с Кадо по дождю. В промежутки между дождями было так тихо и темно в лесу, что каждое дерево как будто оставалось наедине само с собой, и все можно было видеть у них, даже самое тайное.

Плакучие березы опустили вниз все свои зеленые косы, а в елках нависла синяя тишина.

БОЛЕЗНЬ

Голова моя плохо налаживается, чувствую тягость в ней или слабость. Возможно, что и просто облез, и требуется обновить себя поездкой куда-нибудь подальше.

Я промокал и высыхал много раз, под вечер выехал делать дорогу в лесу и, ничего не успев под дождем, вернулся простуженный: особенно плохо с дыханием...

Тупая тоска, и думаешь: пройдет, как проходила. Или не пройдет, и к такому концу вышла вся жизнь? И моя ли это жизнь, или... Чувствую, как родилась идея конца света: переносили конец свой на конец света.

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

Бронхит продолжает свирепствовать, ночи провожу сидя, такой болезни у меня еще никогда не бывало. Но я думаю, что если бы и навсегда так, то в минуты улучшения радовался бы жизни и жил хорошо.

Радость жизни является нам как откровение вечности: всегда бывает так, что если она пришла, то и будет приходить, и пусть все люди смертны, про себя думаешь, что ты это как-нибудь обойдешь: тебя это не коснется.

И в этом живет вся природа, всему живому вродена идея или чувство вечности.

ПОВЕРЖЕННЫЙ АНТЕЙ

Вчера был «Иван постный», счастливейший день моих золотых охот на дупелей.

Где-то погода стоит летняя, где-то на фоне какой-то стены мельком заметил с постели слепой дождик. Но основное мое в эти дни: это положение Антея, когда он лежит бессильный и силы стекаются в него, как ручьи со стороны из природы.

При наличии любящей руки положение поверженного Антея очень приятное положение...

ДОКТОР

К вечеру повеяло жизнью, и я даже почувствовал наслаждение своими трудами: возьмусь и заживу.

На ночь доктор звонил.

Услышав, что я сам управляю машиной, говорит: «Отменить!» А я ему шиш!

Презираю такие повелительные обобщения: не отменять надо врачу, а умерять, то есть находить всему в жизни меру, для чего от врача требуется только внимание к больному.

По-видимому, все чудеса врачей сводятся к их силе внимания к больному. Этой силой поэты одухотворяют природу, а врачи больных поднимают с постели.

О ЛЮБВИ

Ночью думал о двух любвях. Одна, как у животных: получил и отпихнул ногой или швырнул, как Стенька швырнул в Волгу свою княжну, как огромное большинство мужчин, не исключая самого Льва Толстого, представляют себе любовь к женщине.

И другая любовь, в которой приходит свое утверждение никому не ведомым каким-то прекрасным чертам любимого человека, любовь как призвание, как выход одинокого «в люди».

Мы часто видим, что мужчина кое-какой, а женщина превосходная. Это значит, мы не знаем скрытого достоинства этого мужчины, оцененного женщиной: это любовь избирательная, и, вероятно, это-то и есть настоящая любовь.

Любовь на деле проста, а если взять любовь и записать, что проходит в голове, пока наружно хорошо сделается, сколько сомнений и колебаний, сколько всего! А на деле, если со стороны посмотреть, так все просто и непонятно, почему до сих пор люди не возьмутся все вместе по правилам, и обязательным для всех, делать любовь.

ОТРАЖЕНИЕ

Пусть же сердце немного постукивает по утрам, зато какая тишина на душе вечером. Как будто вся долгая жизнь лила и отразилась в спокойной воде: куда ни за-

глянешь, что ни вспомнишь — все в отражении. И вот на берегу лежит камень, и я больше не иду, а только сижу на камне и смотрю в отражение.

Дети какой-то школы принесли мне множество цветов, и я через это вспомнил, сколько под моим влиянием выросло в нашей стране отличных молодых людей: капитанов, исследователей, путешественников, геологов, охотников.

ПОЭЗИЯ ПРОЗЫ

Благодарил свою судьбу, что вошел со своей поэзией в прозу, потому что поэзия может двигать не только прозу, но самую серую жизнь делать солнечной. Этот великий подвиг и несут наши поэты-прозаики, подобные Чехову.

Чувствую себя в этом отношении очень малым, но что путь мой правильный и воистину русский — народный, это несомненный факт (свидетельство почти ежедневное моих читателей).

ВО МРАКЕ

Не видно глазами, что моросит дождь, но с крыш капает. Не дождь, а воздух сырой, туман. И земля отходит, и все кругом становится вялым и скучным.

Душу мою при входе в лес повело было на врагов моих в литературе, но было что-то в душе моей больше врагов и пострашнее. И я так подумал, что враги-то, пожалуй, — это мелочь. «А ну их!» — сказал я. И вдруг удивился, что они отпадают, как сухая корочка от болячки.

После того я вроде как бы *образумился*, и все это дело с врагами стало так, будто я полоскал грязную посуду, и когда вытер, то стало так весело, так радостно расставить ее в порядке на полочки.

Вокруг же в полумраке были елочки, и начинало уже вечереть. Но мне было и тут хорошо, и эта радость, наверно, не зависит от места и времени.

Ах, как надо бы и в людях сохранять это чувство совершенной свободы и так бы, слушая их, улыбаться им добродушно, совершенно не тратя себя. Таким бы делом заняться! Еще я думал во мраке, что люди, сами порождая тень, боятся ее: от человека на человека падает тень.

А смерть — это самый страшный враг, самая тьма, и с ней, как с тьмой, нужно светом бороться.

О ЖЕСТОКОСТИ

Как наслаждался я сейчас видом любящих друг друга воробьев, как они вместе поклевывали, как почесывали друг друга! Так это мило! А другой берет мелкокалиберку с телескопическим прицелом и с двухсот метров спускает с крыши раз за разом обоих и тоже наслаждается. Как же нам таким вместе радоваться? Но в молодости я и сам любил пулей стрелять воробьев. Сейчас же чуть-чуть опоздал и этой радости на себе не испытываю.

А разве не содрогаюсь я теперь, вспоминая свои детские охоты на птичек? Но я не нападаю на современных детей, заставляя их на тех же самых жестокостях. Я стараюсь только ускорить их переход к лучшей, упорядоченной, осмысленной охоте.

ЧЕЛОВЕК В ПРИРОДЕ

Это не природа у меня, — вернее, природа не в обычном понимании. Всякий человек с малолетства ищет в природе того, что определяет самого человека в мире природы, а именно, независимость единственного (личность).

И когда человек действительно находит в природе дерево, птицу, собаку, живое личное существо, он создает о нем миф и утверждает тем самым человека в природе.

Этим путем я шел в своем писательстве, и мой метод такого изучения природы мои читатели поняли как любовь, как усилие человека сделать с природой то самое, что сделало его существом милосердным.

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей.

(Фет)

Из-под снега выходят подснежники, вот сейчас десятое апреля, их надо ждать, а первый ландыш, дай бог, явился бы через месяц.

Вот, может быть, я и останусь в поэзии, как географическая поправка к туманным мечтам романтиков. И это будет здорово в русском духе.

ЛИСТЬЯ ОПАДАЮТ, НО ДЕРЕВО ЖИВЕТ

Вчера ездил в Иславское и, казалось, вел машину без малейшего напряжения и по сносной дороге. Однако, когда после двухчасовой прогулки с двумя передышками стал дома писать при лампе, засверкали в глазах огненные змейки. Я крепче надвинул абажур, писалось неплохо, по змейки лезли. Тогда я догадался пощупать пульс, и он был с точно такими же перебоями, как до болезни.

Ясно, что управление автомобилем пока мне вредно, и это надо оставить до будущего года. Возможно, что придется и совсем бросить машину и, может быть, даже охоту. И ничего! Займусь садом. Всему свое время: листики опадают, но дерево живет.

«МОСКВА-РЕКА»

Я чувствую, что, кажется, уловил желанный мазок для своей лесной повести: совершенную, детскую простоту выражения радости жизни. Этого только я и добивался, этим находил читателя, но не всегда выходило верно (лучше всего это вышло в «Лесной капли», в охотничьих и детских рассказах).

Рассказ «Москва-река» отправлен в редакцию, и мне кажется, я написал его хорошо, то есть без всяких претензий, почти как простолюдин, хранящий неведомые себе самому в душе сокровища жизни.

И хорошо еще, что сам я себя слышу и вижу не больше как трясогузку, поющую на льдине в ледоход.

НАРОДНЫЙ РАССКАЗ

Это наши штатные нищие: лет уже тридцать они ходят только по нашей округе, собираются, ночуют. Деревень тридцать они обходят, знают дома, где им подают, где не подают.

Так вот было в прошлое лето, идет Дарья одна, разутая, раздетая, и плачет горько. «Чего ты плачешь?» — «Умер Максим», — ответила она. А наши ее утешать: «Не горюй, Дарья, тебя все знают, тебе и без Максима подадут». — «Милые мои, — ответила Дарья, — да разве я об этом плачу, о себе? Я о нем плачу, что его нет больше со мною. Бывало, сядем на лужку, возле ручья, щепочек наберем,

котелок нальем, согреем воду. А Максим кусочки выложит из торбы, корочки себе, а мякиш мне.

А когда почевать где-нибудь на печке, меня положит к стенке, чтобы не упала, а сам на край ляжет. А когда по деревне идем, меня пустит вперед, а сам с палкой сзади отгоняет собак и мальчишек-озорников. По миру ходим, а в душе рай».

Этот рассказ — пример живой русской души.

МАЛЕНЬКАЯ ДЖАЛЯ

М. В. привезла маленькую Джалю, чудесного щенка английского сеттера, блюбельтон с рыжими лапками и носиком. Л. раскрыла младенцу свои материнские объятия, и первую ночь сучка спала у нее на постели и временами плакала об оставленных двух братьях. Ей теперь три с половиной месяца.

Вчера хозяин Жальки привез ее родословную, и, поговорив с ним, я почувствовал настоящую свободу, живущую в душе охотника. Так что никогда не надо мне от нее отвертываться: из охоты (свободы) вытекли все мои душевные слова.

ВАГНЕР

В консерватории слушали Мравинского: Брамс, Первая симфония и Вагнер. Тридцать лет не слышанный «Тангейзер» открыл мне широкие горизонты жизни, и в то же время я, русский Михаил, был у себя: как будто это я сам и шел с пилигримами и бунтовал за радость жизни на горе Венеры.

Так что выходило ясно, как день: я недаром отдал юность свою Вагнеру.

Вечером будем Новый год встречать, ожидая лучшего. Так и вся Россия, — она учится ждать, и в этом содержится ее мудрость, надежда, вера, любовь. Это ожидание лучшего, накапливаясь, разбивает границу, определяемую смертью.

Мы ожидаем в терпении, чтобы каждому из нас открылся бы большой простор для творчества жизни и, независимо от нас, всем явился бы ясный путь навсегда для мира во всем мире.

Повесть моя зарастает, и я думаю, не больше ли всякой повести эти записи о жизни, как я их веду?

ПУЛЬС ЖИЗНИ

Не могу справиться с собой, когда, бывает, подкатывает под самое сердце радость ни с того ни с сего. Да ведь как подкатывает! Тут и воздуху радуешься, и что где-то невидимые птички веселые поют, и что из толчеи людской какие-то глаза показались.

И даже если и нет ничего и не к чему придаться моей радости из-под сердца, то радуешься просто тому, что живешь.

Там, в глубокой тишине, слышишь движение крови своей: пульс жизни. И когда это поймешь, вдруг спохватиться: погляди, рядом с тобой страдает твой друг!

И тогда бросишься искать путей: как бы эту радость жизни людям отдать.

УТВЕРЖДЕНИЕ ЖИЗНИ

«Ты» — это значит, что я должен для тебя что-то сделать. «Ты» в отношении «Я» — это действие, это значит: я положу душу за друга. И еще это значит утверждение жизни здесь, на земле.

ВОДА

Наговорил столько лишнего, что после на улице стонал. И все — от чудовищного одиночества в среде писателей. Говоришь лишнее и этим мучаешься при наличии особой среды, похожей на воду, каждый камешек вода принимает как бы с улыбкой, и каждый в ней тонет. Волнует именно, что тонешь сам, а ей (среде-воде) хоть бы что!

МЕТР И РИТМ

Завтра мне будет семьдесят семь лет, между тем как с малолетства среди братьев своих, да и вообще, я был слабеньким и оттого остерегался всегда сорить жизнью.

Вот благодаря этому я вошел в дело жизненного порядка. И теперь понимаю, что не самое здоровье дает долголетие, а правильное расходование его («режим»). Но, конечно, сам режим должен быть слугой жизни, входить в поведение, как входит метр в ритм.

Упорядочение поведения таит в себе готовность прыжка, подобного тому как делает это молодая ласточка, бросаясь впервые из гнезда своего для полета.

ПРОХОДЯЩИЕ ГОДЫ

Ясно, умеренный мороз, определяется с каждым днем больше и больше весна света. Провел вчера мирно день своего рождения и определил окончательно поворот моего сознания о проходящих днях и годах. Пусть их проходят! Раньше я этого боялся, а теперь горжусь своими годами: подумайте, семьдесят семь, а я ничего: и хожу и пишу. А дальше ведь, если будет здоровье, с каждым годом новая прибавка, новое сознание своих больших лет, своего достояния.

Вот уж никогда-то не думал, что прибавке лет буду радоваться, что в конце концов годами возьму свою долю жизни!

ЖИЗНЬ

Прошел по Якиманке и заглянул во двор дома сорок два, где в сарае столько лет стоял мой автомобиль. Было что-то в моем многолетнем увлечении автомобилем большее, чем заслуживает от человека вещь. Мне хотелось одно время найти в моей машине особенности, каких нет в других машинах, но, когда я приехал на большой завод, где машины, подобные моей, беспрерывно сходили с конвейера, я понял, что «особенность» в машине есть не личное качество, как у человека, а порок.

Несмотря на это поражение в поисках личности в машине, я все-таки тратил массу времени, чтобы ходить без шофера за своей машиной и самому ездить на ней. Только прошлый год я догадался бросить машину и ездить просто на такси. Такая обуза свалилась с меня, и как приятно до сих пор чувствовать свою жизнь без машины!

А жизнь? Если с годами придет время и я почувствую, что пора бы расставаться с этой своей машиной?

Это, мне кажется, хорошо, и это просто счастье дожить до того, что с жизнью станет не жалко расстаться.

БОЛЬШЕ ЖИЗНИ

Но вот странность: жизни не жалко, но если я представлю себе, что придет когда-нибудь время и я брошу перо, то мне кажется это невозможным и недостойной себя жизнь без охоты писать. Мне кажется, эта охота моя больше жизни...

СКАЗОЧКА О СВЯТОМ ФРАНЦИСКЕ

Согнувшись в три погибели, добрые люди в тяжелых мешках несли в райский сад свое добро. Только один бедный Франциск пришел без добра и держал в руках букет с незабудками. Увидав его, Великий Садовник спросил:

— Франциск, где ты взял эти цветы?

— Добрые люди, — ответил Франциск, — несли в райский сад свое добро, из мешков у них кое-что выпадало, и там, где ложилось на землю удобрение, вырастали незабудки, и я их собирал.

— Так зачем же они, — воскликнул Великий Садовник, — тащат свое добро в рай, если на земле на нем вырастают цветы?

После того, усердием Франциска, все принесенное в райский сад добро выпало на землю благодатными дождями, и земля покрылась цветами.

Вот моя сказочка, и поверьте, так и будет, и желаю вам до этого счастья в цветах дожить. Но увы! Мне семьдесят семь лет, и до тех благодатных дождей и цветов не дожить мне. А если доживу — приходите тогда, и я вам отточу свою сказочку до физической силы.

77!

Борюсь с наступающей хворью.

Чувствую все свои 77.

Сочиняя героя рассказа «Пенициллин», дал ему свой возраст — 77 лет и ужаснулся: неужели же мне 77!

ОБРАЗЦОВЫЙ ПОРЯДОК

Бывает так, что для себя кажется, будто жизнь идет не по-настоящему, а показать хочется так, будто вот у меня-то и есть настоящая образцовая жизнь. Мало-помалу так можно всех вокруг приучить к своему образцовому порядку, и ему будут подражать и выставлать примером.

Тогда, случается, приходит действительно настоящее глубокое чувство, и весь образцовый порядок разлетается.

ДВЕ КАПЛИ

Было во время дождя: катились навстречу друг другу по телеграфной проволоке две капли. Они бы встретились и одной большой каплей упали на землю, но какая-то птица, пролетая, задела проволоку, и капля упала на землю до встречи друг с другом.

Вот и все о каплях, и их судьба для нас исчезает в сырой земле. Но по себе мы, люди, знаем, что нарушенное движение двух навстречу друг другу и там, в этой темной земле, продолжается.

И так много волнующих книг написано о возможности встречи двух стремящихся одно к другому существ, что довольно бегущих по проволоке двух дождевых капель, чтобы заняться новой возможностью встреч в судьбе человеческой.

В ТОЛПЕ

На улице Горького с утра капель о нижний лед бьет, как будто вдали цепами молотят. Из толпы, залитой светом, выглянул старичок с окурком в зубах, он глянул на всех так из себя, будто знал тайну сокровенную каждого и этому слегка улыбался. Когда его глаза встретились с моими, я не отвел своих глаз, как другие, а скорее нажал сам на его взгляд, и он, заметив мое особенное внимание, подмигнул мне и быстрым движением щеки выплюнул свой окурочок.

После того я пошел вперед, будто перенял у старика его способ отгадывать у людей их сокровенное, и тоже стал улыбаться: так оно было просто, это сокровенное, и так люди были смешны своим важным видом и заботами о том, чтобы укрыть от других свое невозможно простое.

«Реализм», которым занимаюсь я, есть *видение души человека в образах природы*. Такой душевный процесс совершается у всякого человека, вот почему меня и понимают, как понимают басни Крылова.

В основе этого процесса видения человека сквозь природу лежит, например, переживание на могиле близкого человека: первая трава на могиле, цветы и соответствующие им заплачки (озера, деревья, птицы, «заюшки-горностаюшки»).

В ОКОШКО ДУШИ

Серые нависшие дни без ночных морозов. Бывало, в такие дни тянет в природу с упреком за то, что сидишь, не действуешь, пропускаешь проходить этим дням без себя в природе. А теперь все эти дни я вижу в окошко души своей, и вот уже не знаю, что это такое: то ли это окошко открылось, то ли старость пришла.

Но только если это старость и в старости так и дальше будут открываться окошки, то и слава богу, и еще какая слава! за такую счастливую старость.

ОБОБЩЕНИЕ

Вчерашний день прошел, как будто меня варили и вытапливали из меня Москву, а я все пил, пил от жажды. Мы застряли и побуксовали немного, и благополучно доехали до самого дома.

Вечер на тяге был глубокий, задумчивый, тихий и очень теплый. Я почувствовал ту большую радость жизни, когда все, кто мучится «здесь» и радуется жизни «там», ясно кажутся перестраховщиками нашей простой земной жизни: им в глубине души так страшно ставить карту своей жизни на «здесь», что они отказываются от «здесь», чтобы надеяться на жизнь «там».

А мне верилось в этот вечер, что, напротив, вот именно и бессмертие, с каким рождается ребенок, и редкое мудрое долголетие, с каким умирает проживший правильно жизнь человек, и все такое прекрасное *здесь* отравляется каким-то обобщением, каким-то логическим процессом мышления и религиозных догадок, обнимаемых общим словом *там*.

НЕГАТИВ

Рассматривал негатив Ключева, снятый мною у него в комнате. На негативе видна развернутая книга старинная, на ней рука, еще видна борода и намеком облик самого Ключева.

Теперь стали записывать голос, и через сто лет нас будут видеть, слышать, и вот все это от нас останется людям, только нас самих все-таки не будет.

Так что все, на что мы истратились: скажем, Шаляпин пел, Пришвин писал, Уланова танцевала, все это наше так и останется, а мы сами... но что это «сам»? Это все, что мы не могли людям раскрыть.

ПАРИКМАХЕРСКАЯ

Закончил рассказ «Бабочки», и мне сказали в редакции, что рассказ хороший, но что старика из кулаков нужно больше опорочить, а женщине сделать более сознательной. Поправить, конечно, ничего не стоит, но это теперь уже входит в привычку, рука набилась и может вредить радости творчества.

Вот почему я, пожалуй, рассказ не буду печатать: пусть он лежит себе как фонд, а месяца через два-три я прочитаю и поправлю уже от себя.

Причесывание произведений литературных вошло в повадку, и каждая редакция стала похожа на парикмахерскую.

Вчера в хорошем оформлении в «Огоньке» вышел мой рассказ «Москва-река», и я был даже этим очень доволен: только чтобы живая нить связи с читателем не обрывалась,— это самое важное.

НА УЛИЦЕ

В радостный солнечный день так чудесно бывает в толпе на большой улице, столько лиц, столько глаз!

И в голову не приходит приглядываться к лицам смутным, желтым, старым и морщенным, а ведь они тоже тут, и их, может быть, больше, чем сияющих, обрадованных светом ранней весны. Я их не видел.

Но вдруг какая-то сморщенная маленькая старуха толкнула в бок костылем:

— Ты что, глухой?

— Нет, бабушка,— ответил я,— что тебе надо?

— Кричу, кричу, и не слышит! Скажи мне, где бы тут напиться?

И вот когда старуха отвязалась, я вдруг увидел все множество уродов в толпе, горбатых, сморщенных, с тусклыми, недобрыми глазами.

Почему же я их не видел и зачем они тут в такой радостный сверкающий день? Кажется, это мы вместе с солнцем делаем жизнь, но зачем они тут — непонятно.

И это честно сказано: непонятно. Только уже когда сам сморщишься, будешь понимать их по себе. Тогда, наверное, захочется остановить хоть кого-нибудь из ликующих, шепнуть ему правду, предупредить. Но ведь никто тогда не обратит на тебя внимания...

И я понял, почему старуха колотила меня в бок своим костылем.

СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ

Начинается день, как и вчера: день свидетельствует о счастье для всех и каждого совестливого укоряет в его личном неумении и робости взять свое счастье.

НА КЛАДБИЩЕ

На кладбище были все, у кого похоронены близкие; на дорожках, уже сухих, было как гулянье, только здесь каждый был связан покойником. Такой весны, такого апреля у могил я еще не видал.

Некоторые деревья уже давно были перед тем, как умер человек, под ними похоронили умершего и заключили дерево в ограду могилы.

Но были и такие березы и клены, что тут же их и посадили на могиле, когда умер человек, и они росли после смерти человека, отсчитывая годовыми кругами своей древесины годы земной жизни для всех людей после смерти того одного.

ТЕМА

Любовь начинается, как всюду в природе, песней, тут человек входит в природу, но могила есть место, где завязывается крепкая, неразрывная связь человека с природой.

Люди, живущие на земле, накапливают человека в природе.

ПРЕКРАСНОЕ МГНОВЕНЬЕ

С какой-то точки зрения, если смотреть на жизнь, то кажется все так чудесно, так прекрасно и даже между людьми так хорошо, что искать лучшего и не хочется. И тот, кто в жизни ищет что-то, хватаясь за все, он ищет не больше, как этой самой точки зрения.

Но откуда же это берется все-таки идеал искомого?

Вероятно, этот идеал есть явление времени (возраста).

МОЙ ЖРЕБИЙ

Вчера мы услышали песенку, поглядели на дерево, а там поползень, эта деловая, вечно занятая птичка, сидел на сучке неподвижно и пел.

Да! Подумать только — поползень пел!

Сегодня поползень на том же сучке сидел с небольшим сухим сучком в носу: вчера пел, а сегодня уже вьет гнездо. Но я был счастлив, что подслушал вчера его песенку.

«Значит,— подумал я,— даже самая суровая, самая строгая правда жизни таит в себе песню или сказку», — и как захотелось тут, чтобы рассказать или спеть ее пал жребий на меня!

ДОБРО И ЛЮБОВЬ

Когда человек говорит: «Это полезно», — то прежде всего думает о себе: польза для самого себя. И много надо ему воспитания общественного, чтобы он чувствовал полезность чего-нибудь прежде для всех, для общества, чем для себя.

На вершине такого общественного воспитания создается чувство полезности на время после себя, когда вопрос пользы для себя совсем исчезает.

Но красоту воспринимает каждый для всех, каждый общественно, и если говорит: «Это красиво!» — то он думает, что оно красиво для всех.

Точно такое же отношение между добром и любовью. Добром маскируются величайшие эгоисты, и теперь уже добрым намерениям никто не верит и говорит, что добрыми намерениями устлана дорога в ад.

Но любовью трудно маскироваться, потому что влюбленный искренно верит, что весь мир существует в любви. Это потому, что самое восприятие любви, как и красоты, общественно.

Итак, подумаем, каким путем воспитать нам детей в любви, дружбе и красоте.

НОВАЯ ПОВЕСТЬ

«Жень-шень» и «Кладовая солнца» сильны тем, что написаны единым духом. Вот и теперь надо взяться писать без отрыва, когда соберется в себе ощущение всего материала.

ЗДОРОВЬЕ

От холода все остановилось, и в особенности это заметно на липах: листья кучками вышли из почек и не расходятся. Но мне так хорошо теперь идти по лесной тропе! Мне кажется, все существа в природе остановились и обратили на меня внимание, и все, советуясь друг с другом, по-своему говорят:

— Подождем старика, пусть он нас догоняет!

Вот почему я всегда так хорошо себя чувствую в майские холода, весна в ожидании меня задерживается, позволяя мне поближе к ней подойти. Есть у меня для молодежи своя собственная мысль, и я знаю, не без пользы для себя они меня поджидают.

Мне хочется им сказать, что здоровье человека не в сердце, не в почках, не в корнях, не в листве или в спине. Конечно, слов нет, хорошо человеку, если у него все это тоже здорово, как у быков. Но самая суть чисто человеческого здоровья — это когда его неудержимо тянет сказать что-то хорошее другому человеку, как будто это даже закон: раз мне — то должно быть и всем хорошо!

Если поблизости нет человека, чтобы вместе порадоваться, то один пишет другому письмо или поет ему песенку. Так здоровый человек встречает весну, хотя пусть он на костылях или ему много лет и за молодым бежать он не может.

Это нужно понять молодым, что, при утрате чего-нибудь внешнего в человеческом здоровье, образуется внутри его какая-то замена, и часто замена эта ведет его к такому

лучшему, что о старом он не горюет и молодым не завидует.

Так и в лесу в майские холода, мне кажется, что молодёжь мысль мою о человеческом здоровье понимает и все останавливается и поджидает меня, чтобы я об этом сказал.

СОЗНАНИЕ

Напряженные живые почки, капли сверху из сучка. Нет у них сознания, но не можешь отогнать от себя мысль, что они нашему сознанию рады. А потом, если, скажем, человек дорог, то разве тут в сознании дело? Был бы дорогой человек, сохранил бы тепло свое, и тем дорожишь.

Так и тут: капал бы сок из березы, пытались бы певчие дрозды выпевать на заре какие-то слова — и довольно! Кажется, они нашему сознанию рады, а мы — еще больше: мы тут наедине с природой всю свою душу узнаём.

СЧАСТЬЕ

Хорошо мне стало жить на старости лет, — догонять некого, и за это браться не стоит: все равно не догонишь. И еще хорошо тем, что настоящему счастью моему больше никто не завидует и через это ничего не готовит против меня: кто станет завидовать старому?

А я не поменяюсь ни с кем молодым за его ночи.

ЧУВСТВО УТРАТЫ

С каждым может случиться, что жил с человеком, глядел на него и не видел. И когда он вдруг исчез, то тут-то и открылся в тебе внутренний взгляд на него, а сердце сжалось смертельной тоской.

Этого так много бывало на земле во все времена, что и тот иногда чувствует тоску, кто не испытал еще смертельной утраты, но в радости жизни своей вдруг остановится и подумает: а если я, радуясь, пропущу что-то и потом буду жалеть?

СМЫСЛ ЧТЕНИЯ

Книг в своей жизни я перечитал достаточно, и все-таки я был человеком малообразованным. Про себя я этим очень тяготился, и так было до тех пор, пока не встретился мне

человек точно такой же, как и я, в отношении образования. Оказалось, это мучит меня никак не моя необразованность, а своеобразное восприятие знаний.

Надо быть очень наивным, чтобы книгу читать из строки в строку, или уж книга должна быть такая, чтобы в каждое слово автор входил целиком. Мы привыкли не читать книгу, а схватывать «смысл». Так можно пробегать и по целым дисциплинам знания, ничего не узнавая в частности, но схватывая как бы ландшафт дисциплины. Так в своих путешествиях я схватывал громадные ландшафты одним броском глаз.

Вот эту способность перебегать и скользить в пространствах природы и мысли я нашел тоже и у Л. Эта способность нечто совсем другое, чем образование: это какое-то самодействующее образование, исходящее не со стороны, а от себя. Но только это никак не «поверхностное», напротив, оно глубже просто образования.

«ПЕССИМИЗМ»

Боже мой! Как подумаешь сейчас, на верху своей жизни, о суетливой беготне молодежи за материалами для писания, как и сам, бывало, в молодости этим грешил, — как это смешно! Теперь я живу, и материалы стремятся ко мне, а у меня так мало сил, чтобы справляться с ними и ставить на всем имя своей личности.

Вот сейчас большой зеленый жук влетел в открытое окно и долго жужжал, летал под потолком, стучаясь, падая, поднимаясь. После долгих усилий он попал в открытое окно и выехал на волю, как в карете.

Я обрадовался его свободе, пусть не я, но хоть жук — и то хорошо! Но жук, сделав круг на воздухе, решительно и как будто сознательно въехал обратно в комнату, ударился об угол и покатился за диван. И там затих совершенно.

Почему он вернулся? Разве доберешься в жуке до причины? А по себе так понимаю: что, может быть, не так-то сладко жуку жить на свободе и за диваном ему вовсе не так уж плохо, как кажется. Другой раз напишешь, покажется — как хорошо на свободе! А напечатают — испугаешься. Ну, конечно, — и за диван.

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Нет другой такой силы, закрывающей нам глаза на добро человеческих достижений, как сила привычки. Вот отчего и радуются путешественники: в походе привычки отпадают, как листья от мороза, и голая веточка нашей души образует новую почку впрок до весны. Эта почка и радуется нас, как будто жизнь опять начинается.

Вот это одно в путешествиях, а другое, что, двигаясь вперед к чему-то чудесному, все плохое оставляешь за собой.

ПОРОЧНЫЙ ЛЕС

Долго, долго тут стояли деревья, перестоялись, растрескались от мороза, закорыши источили кору, дятлы расклевали.

Так и мы, люди, тоже застоимся на месте и чувствуем уже не душу свою, не соки жизни, а тоже, как эти деревья, свою древесину. И уже источили ее закорыши, уже дятлы расклевали, а мы все стоим за свою древесину и воображаем, что за жизнь стоим.

НАШ ГОСТЬ

Радости жизни нельзя навсегда удержать у себя: радость приходит и уходит, как гость. Но этот чудесный гость у хороших людей оставляет после себя благодарность, и ею создается, ею питается продолжение жизни.

Но есть люди неблагодарные, и все-таки и они тоже живут и тоже продолжают...

Какой день пришел в грозе и как радовал на закате сквозь лес красный глазок солнца! Благодарю и не знаю, теряюсь и мучусь, как же мне дальше жить с неблагодарными?

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

Вперед, конечно, вперед, но каждый из нас в жизни что-нибудь терял, и приходилось за ним возвращаться назад.

А потому, стремясь вперед, на всякий случай будем запоминать пройденный путь.

СРЕДИ ДРУЗЕЙ

Впереди на солнце от легкого ветра волновалась пересекающая просеку паутина, а казалось, будто это стрелка летит и вспыхивает на солнце то тут, то там. Невозможно бывает при солнце приблизиться и увидеть такую паутину. Но в этот раз случилось — эту невидимую тонкую нить оседлала двоешка старой сосновой хвоинки.

И так мне было хорошо на душе, что я наклонился под хвоинку и оставил за собой незадетую паутинку с перебегающими по ней солнечными стрелками.

Так я шел между деревьями в лесу, а в сердце чувствовал, будто я между людей прохожу.

У меня в жизни друзей не было, и зато к каждому я стремился, как к другу.

СОМНЕНИЯ

Работаю с утра на веранде: петух начинает мой день.

Дивное утро, только не известно, во что оно обратится. Ночью во сне что-то виделось, и потом ясно представилась жизнь моя в ее порывистой беспомощности. И деятельность моя, литература — так ничтожна! И надо удивляться, что я этим делом кормлюсь до сих пор.

Когда косят просо, перепела убегают на край и собираются в последнем уголке, и тут их накрывают сетью.

Гляжу на них и ясно вижу, что их свобода живет и в моей душе, и я к ней пришел через мое писательство, и это писательство взяло меня всего, и я перестал бояться чего-нибудь.

Но этот путь в литературе был отдельный, потому что теперь во время испытания возле меня нет товарищей.

Опять простудился в Москве, жестоко кашляю и перехожу на больничный режим.

УТВЕРЖДЕНИЕ

В обыкновенном нашем искусстве есть какая-то слепота, подобная слепоте обыкновенной физической любви. Художники прут куда-то в восторге, а сами и не знают, куда прут.

Но это, однако, не мудрость разнести себя самого в пух и прах. Мудрость, напротив, твердо стоять на своих ногах и удивляться тому, как это мог устоять.

ВЫХОД

Вчера запоем делал новую «капель» без всяких дум о печати. На этом надо и остановиться: писать для себя, а если что выйдет подходящее, то печатать.

НОВАЯ РАБОТА

Хороших грибов нет — дожди забили. Валуи соленые — неплохой гриб. Пойду за ними завтра и постараюсь вместе с ними захватить материалов для изображения леса. Надо иметь в виду характеристики лесного состава.

Больше внимания и больше обязанностей по сотрудничеству в детских журналах.

В МОРЕ

Корабль идет в море, и, когда буря грозит кораблекрушением, каждый мечтает о берегу, как голодный о куске хлеба: тогда каждый, если б можно было, ушел бы потихоньку от всех на берег. Но берега не видно, и в море в одиночку невозможно спастись.

В море, когда гибнет корабль, все пассажиры садятся в лодку. И в жизни люди собираются вместе, потому что в одиночку невозможно спастись.

Блистательное утро к обеду покрылось серыми тучами, и — здравствуй, давно не видались! — пошел теплый мелкий дождь.

Вечером едем в Москву показаться доктору: сердце стало сдавать, и ходить стало совсем плохо.

Неужели ко мне подходит серьезная болезнь? Печалюсь, но не страшусь: знаю, что всякое физическое мучение не так тяжело, как оно кажется со стороны: сострадание тяжелее страдания. А печалюсь потому что...¹

¹ Запись обрывается. (Ред.)

Вчера приехал в Москву, сам вел машину и, странное дело! — чувствовал себя лучше, чем в домашних условиях.

МОЖЖЕВЕЛЬНИК

На прогулке в лесу Л. высказала между прочим, что ее очень огорчает моя обидчивость, и ранимость, и зависимость духа от мнения руководящих литературой людей.

Мне захотелось подумать об этом покрепче, и я попросил ее набрать к ужину грибов, а сам сел возле дерева, прислонился к нему спиной и стал думать, и в это время глядел и глядел на младенческое деревце можжевельника, величиной с палец, но сформированное, как кипарис.

Вдруг слышались голоса, и молодежь окружила меня: студенты и их девушки присели возле меня отдохнуть. Желая завести с ними какой-нибудь хороший разговор, я указал им на мой можжевельник величиной с палец.

— Примите к сердцу, — сказал, — вот это маленькое деревце, превратите его в свое собственное «я» и с этой точки зрения из себя — можжевельника изучите среду деревца. Вот хотя бы эти два бессмертника, заслоняющие ему на несколько часов каждый день свет с юга: полезны они ему или вредны? Подумайте и о том, что тень от самого можжевельника тоже влияет на рост трав сзади него, и какие это травы — теневыносливые или светолюбивые?

Итак, разбирая все, заключите свою композицию победной осенью, когда в конце летней борьбы света и тени за лето макушка можжевельника поднимется на целый сантиметр вверх ближе к солнцу.

— Что же это будет? — спросили студенты.

— Это будет, — ответил я, — картина жизни вселенной в борьбе света и тени с героем всей этой борьбы величиной с палец.

Студенты что-то поняли, чему-то очень обрадовались, выкопали мое деревце, уложили в корзину с грибами и унесли, — наверно, для опыта построения картины вселенной.

Я же продолжал сидеть у дерева и думать о слове не со стороны тщеславия, о слове, собирающем совсем не знакомых мне людей в храм природы.

Зачем унывать литератору, если самому можно быть для всех величиной с палец и в то же время быть героем вселенной?

Пришлось вчера, отвечая на вопросы гостей, рассказать о своей скитальческой жизни и бедности. Мне стало скучно от самого себя, и я вспомнил Руссо: ну, он бился в нищенстве, так уж и было ему из-за чего биться, а из-за чего я? Нужно лишь удивляться, какая же во мне содержалась масса горячего, если я так долго жил на таком скудном положении.

Только с приходом моего друга в шестьдесят шесть лет я наконец понял, что почти у каждого человека есть свое счастье и он за него держится. Я тогда впервые получил для себя это маленькое человеческое счастье и впервые без стыда мог взглянуть в лицо человеку. Она меня спасла, я без нее так бы и остался скитальцем по грязной воде без калаш.

Но, боже мой, чье же это было «я», когда я писал все «я» да «я»? Так стыдно вспомнить и разбирать, от какого лица я писал! А между тем из этих писаний что-то осело хорошее и осталось. Это удивительно. Это как природа, как свидетельство жизни за пределами разума, за пределами личного.

МОЯ ТРОПИНКА

Сколько за день было на небе тяжелых синих облаков и темных дождевых, сколько раз принимался дождь и опять сияло солнце?

Но вот солнце чистое село. Все улеглось, все прошло: и дождь, и солнце, и слезы, и радость бабьего лета.

Мне осталась одна радость, моя тропинка в гору, и там далеко наверху у калитки своим светом горящий куст, свидетельствующий о моем друге.

Поднимаясь золотой тропой к себе в свой дом, я подумал о признанных всеми словах: «Я мыслю — значит, я существую».

— И пусть их, любители, мыслят и существуют, — сказал я. — Много больше я себе друзей наживу, если скажу: «У меня есть друг, я люблю — значит, я существую».

МАСТЕРСКАЯ ЖИЗНИ

Если я обращаюсь к потоку своей собственной жизни, где я был и меня теперь там нет, и мне там моя собственная жизнь в отношении себя, нынешнего, представляется

внешней, то удивительно мне неразбиваемое единство себя в книгах моих...

...Мы умираем, вступая в сознание единства организма, и жизнь показывается, как, например, мастерская, где происходит отделка рабочих частей: жизнь — это наш точильный камень.

Деревья опадают, животные линяют, и человек тоже страдает.

...Переговорил с Л. о работе над дневниками и преподавал ей обращаться с дневниками, как будто бы я умер и все к ней пристают, чтобы работать над ними. И она работает, как будто бы я умер, а когда понадобится, будет меня вызывать.

ЛИСТВА И ЛИСТЬЯ

Последнее кувыркание в воздухе отяжеленного росой желтого листа, — и он навсегда расстается с формой листа и присоединяется внизу к массе ароматной тлеющей *листвы*.

Лист, упавший в листву, был ведь тоже единственный, как и я среди людей, и едва ли найдется во всем лесу другой такой листик, чтобы с ним мог жилка в жилку сложиться, а теперь в листве он будет слезиваться, вместе преть и соединяться с массой как удобрение.

Но тут сходство наше и кончается: у них гумус — это все, а у нас есть что-то еще сверх этого, и мы это что-то называем в собственном смысле человеком.

ОСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ

Тонкая осина в лесу достигала света и, поднимая высоко вершину, теряла все боковые сучки. Когда же лес вырубili, осина высокая и голая осталась с метелочкой листиков.

Теперь даже и от этих листьев осталось немного, и на каждый листик сейчас, как на клавиш, нажимает невидимый палец, и осенняя мелодия, какую мы все слышим, когда бываем в одиночку в таком осеннем лесу, кажется, исходит из-под невидимых пальцев.

Мелодия эта осенняя была скорбная мелодия человеческого духа о том, что не могут знать эти бедные деревья, какая любовь к ним содержится в душе человека, при-
нужденного эти деревья рубить.

И еще в мелодии леса было о том, сколько погибло деревьев, с тех пор как тут был первобытный лес, умяляющий в ничто человека.

Сколько погибло великанов под топором и пилой, пока наконец человеческое сердце теперь может открыть в этой осенней мелодии, сколько любви содержится в сердце человека и сколько слез он должен пролить, чтобы можно было сказать наконец о любви.

ДВОЙНАЯ РАДУГА

Утро мягкое, росистое, стекла потные, на дереве там где-то за окном на каком-то листике капля дрожит — почему она дрожит в такой тишине? Дрожит и меняется в цветах — почему она все время меняется?

В лесу, куда луч проник, где-нибудь сквозь полוג в окошке над поляной пар поднимается. Почему же пауки как нападут на какое-нибудь дерево, так всего его обвешают паутиной?

Почему в росистое утро прохладное особенно много паутины? Не потому ли, что роса их убирает каплями: делает заметными?

Мелькнула жизнь моя в своей подчиненности чему-то неведомому... и вдруг я подумал: а если б я выбросил из себя подчиненность, если бы я вывернулся и стал сам на то место? Я бы тогда стал Наполеоном, Александром Македонским или... пристроился редактором.

Я бы тогда не видал, как вчера, на мокрой лесной вырубке на опушке леса двойную радугу.

ГУСЕНИЦА

Ветер ли это сделал, или сама гусеница неосторожно приползла на самый край листа дерева и полетела вниз с высоты дерева? На пути ее была паутинка, и она гусеницу задержала. Это была очень маленькая гусеница, червячок в булавку толщиной и вдвое ее короче.

Какое ужасное положение было этой гусеницы! Привешенная к концу паутины, очень длинной, она раскачивалась по ветру, неустанно корчась, сгибаясь и разгибаясь.

Нас было двое сидящих на пнях против гусеницы.

— Безвыходное положение! — сказала подруга моя, принимая жизнь гусеницы к своему человеческому сердцу.

Я всегда мучусь, когда вижу положение безвыходным. Но я стараюсь удерживаться и не направлять свое такое внимание на червей. В этом случае через гусеницу я почувствовал сострадание к своему другу.

«Чем бы утешить ее?» — стал я думать.

Так прошло сколько-то времени, и вдруг я заметил, что гусеница на невидимой нам паутине стала повыше того места, где мы ее заметили; еще прошло время, и еще выше стала гусеница.

— Ползет! — сказал я.

Мы молча стали следить за гусеницей, и я очень радовался, веруя вообще смутно, что для деятельного существа нет положения безвыходного и что безвыходное положение рождает героя.

— Да, она ползет! — сказала моя подруга.

— Вот видишь, — ответил я, — героическая гусеница разрешает вопрос о свободе и необходимости.

— Ползет! — вздохнула моя подруга. — А что, если она ползет, а на другом конце паутины ее поджидает паук?

Мы так часто спорим в этом духе, и, наверное, так многие спорят и помогают пессимистам вместе ползти тоже по какой-то невидимой паутинке.

ЕСЛИ ПОНАДОБИТСЯ ЭТОТ КЛЮЧ

За липами, облетевшими, сквозными, золотится небо, на желтом черные все неправильные зубчики леса. Это с далеких времен волнующая тайна с предчувствием какой-то грани человека (помню, это же писал я в свои двадцать девять лет, этими же даже словами).

Вот это вживание в природу и является ключом к моей литературе, если только понадобится кому-нибудь этот ключ.

БЕЗ ДРУГА

Есть радость, когда никого не надо, и ею насыщаешься сам в одиночку. Есть радость, когда хочется непременно ею поделиться с кем-нибудь другим, и без друга почему-то эта радость не в радость и может даже обратиться в тоску.

МОЯ ПРИРОДА

Моя природа есть поэтическое чувство друга,— пантеизм далеко позади,— друга-человека, составляющего вместе начало общего дела, начало коллектива.

ТУМАННОЕ НЕБО

Из тумана даже моросило, и, естественно, скука создавала в себе самом из мыслей своих небо туманное. Идешь, будто сам в себе или где-то на небе, не обращая ни на что внимания. Но вдруг (отчего-то всю жизнь стараюсь понять, отчего?) — вдруг с этого неба спустишься на землю, и тут пусть даже капля этого самого тумана, осевшая на последнем листе облетевшего дуба, встретит тебя с необычайной радостью, создавая в тебе жадное внимание.

Не знаю, откуда это берется, но только в этом все мое счастье, и этим «оптимизмом» я даже кормлюсь.

ПОЗА

Когда у меня открылись глаза первого сознания, меня встретили Некрасов и Лермонтов. Однажды я прочитал «Ветку Палестины» и написал свои стихи: «Скажи мне, веточка малины, где ты цвела». Когда домашние мои мне сказали, что стихотворение мое взято у Лермонтова, я был возмущен и понять этого не мог.

Очень возможно, что из этого первого потрясения души родилось во мне такое мнение, что я не Пришвин, а Лермонтов. Я даже сказал это в сердечном признании брату своему Сереже, и тот, ничего не поняв, смотрел на меня большими глазами. Мне кажется, это было началом какого-то порочного пути, по которому же, однако, я потом не пошел: я сделался, какой я ни есть, но сам, а Лермонтов остался тоже сам.

Но благодаря этим первым эксцессам я теперь все же ясно вижу два рода возможностей поведения человека: одно поведение ведет к самому себе и раскрытию своего таланта и через это — к раскрытию широкого понимания природы и людей; другое поведение ведет к отщепенству и демонизму, и не к творчеству, а к позе творчества.

Мне бы хотелось в дальнейшем разобраться, что же именно определило мой путь и образовало мое поведение?

Это я задумал поискать для того, что, может быть, мне удастся найти что-нибудь полезное для вступающих на тот путь, по которому я шел.

СНЕЖИНКА

Снег валил видимо-невидимо, но у нас на земле было +1, и снег, даже такой густой и тяжелый, прикоснувшись, мгновенно превращался в воду. Я думал о том, что, в сущности, каждый из нас тоже снежинка, но мы в этот короткий миг жизни ведем себя (держим себя) как бессмертные. Обессмерчивание мгновения — вот наша жизнь, на этом и все искусство построено: не остановись мгновение, как в «Фаусте», а продлись навсегда!

Как зарождается в туче кристаллик снежинки, как он соединяется с другим и как растет, тяжелеет и падает и, коснувшись теплой земли, обращается в воду...

Снежинка живет меньше человека, но, может быть, она больше его переживает.

...Так что вот оно и мое «поведение» художника в том, чтобы, как дети, жить бессмертной снежинкой и немощи свои поправлять искусством.

Рассказ «Арина» в последней фазе: через него самому себе являются обе половины морали, из-за которой раскололся весь мир: на одной половине земли, в Америке, человек руководствуется сначала своим личным счастьем, начинает с себя, достигает чего-то и потом занимает положение в обществе, согласно своему «цензу». На другой половине человек начинает со службы обществу, уверенный, что при его отличной работе коллектив не бросит его. Эту мысль я хочу развить в рассказе о старухе и мальчике.

В ЛИТЕРАТУРНОМ ИНСТИТУТЕ

Выступал в Литературном институте с недоработанным рассказом перед студентами. Рассказ провалился, но я блестяще вывертывался, и все подумали, что это я нарочно подсунил неготовый рассказ, чтобы всех сбить с толку. Вечер вышел несколько утомительный для меня, но очень интересный. А между тем я никак не думал, что рассказ недоработан, и даже собирался послать его на конкурс.

Смутно переживаю происшествие вчерашнего дня в Литературном институте и прихожу к тому, что провал моего рассказа есть свидетельство правильности моего пути. Это значит, что я не научился печь свои рассказы, как блины, а все еще, как юноша, я нахожусь под влиянием творческого поведения.

Материалы мои были хорошо собраны, правильно расположены, но не хватало им момента творческой кристаллизации, когда каждое слово становится на свое место само собою. Творческое поведение, по-видимому, потому и поведение, что направлено к этой одной цели самодействующей кристаллизации.

ИЗ МОИХ РЕПЛИК НА ЧТЕНИИ

— Все небывалое, определяясь на месте и во времени, ищет бывалого, чтобы в нем воплотиться, вот почему я беру в рассказ свой старуху, солдатскую мать.

Когда один студент сказал, что он не понимает обращения за советом к студентам такого опытного мастера, я ответил: «Я к вам не как к студентам обращаюсь, а как к читателям. Рассказ я написал, но, чтоб сделаться вещью, он должен быть вами принят». — «Да мы-то кто?» — «Как ваша фамилия?» — спрашиваю я. «Громов». — «Громов! вы единственный и неповторимый», — сказал я. И все засмеялись и чему-то обрадовались. Поняли.

Это было достижение, но чего оно мне стоило!

ТВОРЧЕСКИЙ УСПЕХ

Простая бывалая радость от своих личных успехов неприлична. Но она входит в состав творчества, и только у ребят с парным молоком на губах совпадает просто с успехом на литературном базаре.

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

Моя первобытная черта: если чем-нибудь человек мне неприятен, я его боюсь и всюду стараюсь от него утекать. Чего я боюсь? Наверно, чтобы не сцепиться с ним. Точно так же замечаю у Жальки; например, она боится маленькой черной сучки только за то, что та нападает и является необходимость ее укусить. Жалька ненавидит войну и ограничивается самозащитой.

Сегодня Жалька, чтобы не укусить раздражительную черную сучку, стала боком к ней, как стена, и подняла шерсть. Сучка умолкла. И так они долго стояли. *Чтобы выйти из положения*, сучка вообразила фикцию и стала брехать по дальнему раз, два и залилась. Тут и Жалька за ней.

ТВОРЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Нам кажется, что в человеке историческое поведение определяется сознанием после самого поступка и что на этом пути поведение может быть только воображаемое, а не реальное. Может быть, оно так и есть в истории.

Но мы берем не историю, а творчество во всем его объеме (на войне, на заводе, у художника) и покажем, что всякое настоящее творчество определяется поведением, это значит, гармоническим сочетанием сознания и жизненного действия.

Поступок человека бывает обыкновенно (не хочу говорить, что всегда) раньше сознания, но поступки без участия сознания не могут сложиться в поведение.

В рассказе «Жень-шень» я хотел дать поступок, подчиненный сознанию (не схватил за копытце). И тем самым определилось какое-то поведение на фоне аскетизма и страдания.

Теперь я хотел бы дать поведение человека в том, что в момент рождения сознания у героя рождается и действие. Таких героев мы видим на войне, и, может быть, настоящий художник в своем творчестве именно этим и определяется: *рождение поступка в одновременном сочетании сознания и действия*, и что в этом и есть творческое поведение.

Биографически мне надо свою жизнь разделить на две половины: первая под знаменем Инны («Кашеева цепь»), и эта половина вполне удовлетворительно показана в «Жень-шене». Вторая половина — в приходе Л., определяющей собой момент *воплощения*, то есть, выше-названного одновременного сочетания сознания и жизненного действия.

В моем же личном опыте страдания от утраты Инны было однажды так: я записал себе, что творчество словесное явилось мне как великое счастье и что в нем я должен избежать тех ошибок, какие были у меня с невестой, что эту «невесту» я в этот раз не упущу. Так было записано,

и дальнейшая цепь поступков привела ко мне Л., и сочетание мое с нею было воистину творческим, гармоническим сочетанием сознания и действия.

ИВАН-ДУРАК

Начинаю еще яснее видеть себя как русского Ивана Дурака, и удивляться своему счастью, и понимать — почему я не на руку настоящим счастливым и хитрецам.

У меня такого ума-расчета, чтобы себе самому было всегда хорошо и выгодно, вовсе нет. Но, если я все-таки существую, и не совсем плохо, это значит, что в народе есть место и таким дуракам.

МУЗЫКА

Были вечером на концерте М. В. Юдиной. Горы летающих золотых звуков, — восхитительная абстракция наших человеческих печалей и радостей.

РАЗГОВОР

Ходил заказывать слуховой аппарат. В окошко мне орала барышня.

— Чего, — говорю, — вы кричите?

— Вы же не слышите!

— Нет, я слышу.

И она мне:

— Вы прекрасно слышите, зачем же вам аппарат?

— Хочу слушать в лесу пенье маленьких птичек.

Она вытаращила глаза.

ДВОРНИКИ

Ночью выпал снег, и рано утром в темноте, лежа в постели, я радостно догадался о том по скребкам дворников и в который раз уже подумал, что в крайнем случае не без удовольствия служил бы дворником.

ЦЕНА ЖИЗНИ

Женщина знает, что любить — это стоит всей жизни, и оттого боится и бежит. Не стоит догонять ее — так ее не возьмешь: новая женщина цену себе знает.

Если нужно взять ее, то докажи, что за тебя стоит отдать свою жизнь.

ЗОЛОТО МОЛЧАНИЯ

Вернуться к молчанию в том смысле, что говорить для себя, а молчать от внимания к другому. Просить молчания, значит, просить внимания к человеку.

Разговор выявляет свое первенство, *а внимание рождает друзей*. Вот почему разговор серебро, а молчание золото.

ТРУДНЫЙ РАССКАЗ

«Мед» писался мучительно и долго, но есть надежда что я скоро закончу этот маленький и, оказалось, такой трудный рассказ.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

В лесу не в полночь бывает самое темное время, а перед самым светом.

— Как темно! — скажет кто-нибудь.

И другой ему отвечает, поднимая голову:

— Темно? Значит, скоро будет светать.

РОЖДЕНИЕ

Конечно, наше время есть и начало чего-то и конец. Хочется войти в начало, но и конца не хочется переживать: пусть оно кончается без меня, я же войду в начало.

Мало того! мне кажется, я рождаюсь, не имея возможности об этом сказать кому-нибудь, и оттого мне хочется на старости, как ребенку, плакать и жаловаться.

НА ЗАРЕ

Заря сгорает на небе, и ты сам, конечно, сгораешь в заре, и тысячи голосов на заре соединяются вместе, чтобы прославить жизнь и сгореть. Но один голосок, или, скорее, шепоток, не очень согласен гореть вместе со всеми.

Ты, мой друг, не слушай этого злого шепота, радуйся жизни, благодари за нее и сгорай, как и я, вместе со всею зарей!

РАЗДУМЬЯ

1946 ГОД

В искусстве слова все являются учениками друг друга, но каждый идет своим собственным путем

СТОРОЖА ПРАВДЫ

Художественный талант — это, как всякая способность и даже как всякая сила у людей, возбуждает между собой борьбу за первенство. Есть правильный путь борьбы и роста личностей. Каждый истинный художник не боится этого роста, если он правильный, и думает про себя: «Ладно, если так растет художник, то и я подрасту».

А неправильный рост подавляет и разрушает искусство.

Вот за этим ростом искусства наблюдают особые люди, критики, как сторожа правды.

ПРИРОДА И ДАЧА

Пейзаж в литературе обыкновенно играет служебную роль: даже у Тургенева пейзаж — не совсем вольная природа, это что-то вроде дачи для души человека.

Вот отчего картины природы в литературе, пока еще очень редкие, нельзя, как в живописи, называть просто пейзажами.

РЕДАКТОРУ

Всякий может приказать стричь овец под одну гребенку. Хороший хозяин в каждой овечке видит свое, как будто он любит всех, но каждую больше.

НАПРЯМИК

Большой навозный с черным отливом жук пустился летать по прямой, развивая большую скорость. С разлету он напоролся на колючую проволоку. Он остался на проволоке, умоляя всеми лапками о помощи. Я снял его и, отпуская, сказал:

— Не летай, дурак, напрямик.

ПРОТИВОРЕЧИЕ

Искренность есть чувство момента преходящего, временного. В этот момент искренний совершил в согласии с моментом ряд поступков, которые для следующего момента будут ложными: искренний лжет.

ПРАВДА МАЯКОВСКОГО

Читаю взасос Маяковского. Считаю, что поэзия — не главное в его поэмах. Главное то, о чем я пишу каждый день, чтобы день пришить к бумаге. Потомки, может быть, и будут ругаться, но дело сделано — день пришит.

И это пришитое есть правда, которой, оказалось, служил Маяковский.

«ОТКРЫТИЕ МИРА»

Ночью был обрадован доставленной мне рукописью В. Смирнова «Открытие мира». Пишет он так же чисто, как Чехов... Чехов без чеховского пессимизма... Нет, не только: есть и от Л. Толстого немного, вообще чудо как хорошо!

Сегодня справился по телефону: писал учитель из Ярославля, очевидно такой скромный, что не решился рукопись отправить в большой журнал и отдал ее в детский «Дружные ребята».

ТИП И ЛИЧНОСТЬ

«Типы» введены в литературу критиками по примеру классификаторов в естественных науках. Но у самих писателей нет никаких типов, и даже наоборот: писатель дает

единственное, а критик-публицист превращает его в тип. Но так же и надо: поэт творит идеал-образец, а публицист материализует его в тип.

Не надо типов искать: типов нет, и не нужны они. Надо каждому человеку в его жизненной борьбе находить противника и делать так, чтобы один понимался через другого.

Как художники дают не цвета сами по себе, а их отношения, так и мы людей должны давать не типами, а в отношениях друг ко другу...

Для автора нет типов, есть только личности, из которых читатели должны сделать типы. Так Дон Кихот начинался у Сервантеса какой-нибудь конкретной личностью.

Автор создает личности, а читатели из личностей делают типы.

Так в природе только индивидуальности, а люди их классифицируют.

ПРИНЯТЬ К СЕРДЦУ

Чтобы пьесу написать настоящую, надо принять людей так же близко к сердцу, как я принимаю свою природу.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ХЛЕБ

Устойчивое нравственное правило для воспитания детей нам нужно сейчас больше, чем хлеб. Для этого прежде всего нужно вернуть родителей в семью и сделать так, чтобы дело добывания хлеба насущного не разделялось в каждом из нас на две разные книги: для государства — похуже, для себя — «блат».

ВЕЛИКАН

Шел великан, слушал, склонившись, маленького и улыбался рассказу во всю свою широкую добродушную морду. А когда встречался прохожий, то великан смотрел на него, не снимая улыбки, и тот с удовольствием улыбкой ему отвечал.

ДИАЛОГ

Н. — это даже не натуралист, а просто биографист, ограниченный кругом животных. Особенно плохо понимают такие примитивные писатели значение диалога. Они понимают его наивно, как разговор.

Между тем диалог берется для выявления личного начала в повести: такой-то человек может только так вот сказать.

Соответственно с этим и слово в диалоге берется большей частью особенно выразительное, слово-личность. Вместе с тем также сюда входит по возможности интонация, музыкальность речи. Диалог еще не стихотворение, но очень близок к этому роду поэзии.

Маяковский просто стер границу между диалогом и стихотворением. Вот почему натуралистам и биографистам и надо бояться диалога, потому что они работают скелетами слов, в которых уже нет души.

НА СВОИ АРШИН

На свой аршин разве можно мерить людей? Но нельзя тоже и чужим аршином смерить себя: как ни прикладывай к себе чужие мерки, все что-то остается такое, чего никак нельзя захватить на вершки.

РИСУНОК

Премировали доярку путевкой в дом отдыха Академии наук. Деревенская старушка сидит с другими отдыхающими за круглым столом, прислушивается, вдруг засмеется — все делают вид, что не замечают.

Хлеб из рук при еде не оставляет на столе, а вместе с рукой опускает и опять поднимает ко рту. Встретила человека на лестнице, остановилась, растерянно глядит на него, а кошку встретила, обрадовалась: кошка, знакомая тварь!

Спереди гладко тонким слоем волос, будто кожей, обтянутая голова, а назади кулачок. Платья разные надевает из сатина. Но почему-то все одинаковыми кажутся, потому что, наверно, без всяких претензий и фасонов, все на один старушечий фасон, и только цветочки по фону разные.

ЛИЧНОСТЬ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

У древних то, что мы называем теперь «индивидуальностью», называлось «смертными», и «богами» то, что мы теперь называем в человеке — «личностью».

Но надо помнить, что в широкой массе и даже среди философствующих людей индивидуальность и личность есть одно и то же.

ДЛЯ СЕБЯ И ДЛЯ ВСЕХ

Некоторые говорят, что нужно жить для себя, другие учат жить для ближних, а я думаю, каждому следует найти такую точку применения сил, чтобы жизнь для себя сама собой выходила жизнью для ближних, для дальних, для всех.

Да, наверно, так огромное большинство людей и живет для всех под предлогом личного удовлетворения. Особенно это выразительно ясно в отношениях пола, вначале эгоистических до драки с противником, а потом приводящих к жизни для семьи, для общества, для государства.

РУЧЕЕК

Велик океан, но в лесу или в пустынном оазисе маленький ручеек совершает не менее великое дело. И маленький ручеек, перебегая по песочку, не ежится, не останавливается перед большим, а, как равный, как брат, весело сливается: сейчас он был ручеек, а вот уже он и сам океан.

ИСТИННАЯ СВОБОДА

Если воздух давить — он твердеет, и нам известно вещество — твердый воздух. Так, если и человека заставить рассчитывать свое время и дорожить свободной минутой, он в эту минуту свободную будет давать совсем новое, чего в мире еще не было.

У воздуха — твердость, у человека — свобода. Воздух под давлением становится твердым, а человек, понявший необходимость ограничения, становится свободным.

ЖЕЛАНИЕ

Является какое-нибудь желание, соединенное с мыслью, правильное. Но если дальше подумать о том, что из этого выйдет, то впереди ничего не видно, мысли не хватает, и остается одно желание.

Вот если тогда подождать в желании и представить во времени, то вскоре является ясная мысль, а желания больше нет уже. И жалко становится прошлого, что не удержал желания и позволил жизни засмыслиться.

ВНИМАНИЕ

Как материя и энергия сводятся в конце концов к единому источнику — жизни, так и все виды талантов сводятся к единому источнику творческого внимания.

Особое замечательное свойство внимания, что оно подчинено воле, что им можно управлять, им можно пользоваться в делах добра, равно как и зла.

РУССКАЯ ШКОЛА

Реализм в искусстве — это есть, иначе говоря, путь к правде: искусство на пути к правде.

Реализм — это вернее всего русская школа, тождественная с общим устремлением истории нашей морали в ее движении к правде. Может быть, и ложь-то бывает особенно велика из-за общего направления к правде. Недаром о Гоголе некоторые говорят, будто всех людей своих он выдумал и заставил нас в них поверить.

Но есть какая-то истина в этом движении русского искусства к осуществлению правды, что-то вроде решения богов: «Сотворим человека!» И человек был сотворен.

НАЧАЛО ВЕКА

Писатели начала века никак не были «шалунами». Совсем напротив. Их захватила та самая болезнь, которая по отдельности нападала на крупнейших русских писателей, особенно этим страдали Гоголь, Лев Толстой.

Болезнь эта — в распаде души художника на чувство правды и красоты.

Конь, на котором они ехали, их растрепал, и на коне уже давно едет другой.

Видите, милые люди, есть вера в жизнь и в свое назначение сделать для этой жизни что-то лучшее, — такая крепкая вера, что упавший с коня садится на корову и на ней тихонечко продолжает свой путь.

Вот такое преодоление гордости почетнее и труднее...

ИСКУССТВО

Искусство есть в существе своем движение и начинается от желания лучшего: хочется лучшего, чем данное...

СЛОВО — ЛИЦО

Бывает, долго толкуешь о чем-нибудь простому человеку, и вдруг лицо это осветилось и станет, будто он все это знал давным-давно, только считал ненужным для него делом и позабыл.

Слово — это лицо простого человека, и так же, как у каждого листика на дереве есть свое выражение, так и у каждого человека есть свое собственное, единственно ему принадлежащее слово.

Пусть даже это свое тайное слово никому не удастся сказать, но все равно, он этим словом живет, оно образует его выражение.

ГЛОБУС МОРАЛИ

Когда я думаю о полюсе, которого достигали герои, питая иллюзии, и кончилось против иллюзий тем, что полюс есть математическая точка, то я всегда прихожу к мысли о правде: неужели же правда, которой мы все по мере сил достигаем, есть тоже какая-нибудь математическая величина на глобусе человеческой морали?

И думаю, что это так и что это правду не уменьшает, а возвеличивает.

Вроде того как в наше время гимназистки, кокетничая, говорили: «Идеал недостижим», — то есть он несъедобен, неудобоварим, не может быть использован для чувственного потребления, а представляет собой величину математическую, как полюс, как правда — величину априорную.

НАША ЖЕНЩИНА

Самая характерная черта нашего времени, что женщина возвращается домой. Но вы, старые маркизы, не радуйтесь: она возвращается с таким опытом, какой вам и не снился.

Вечная память вам, стриженные девицы, синие чулки, отдававшие счастье свое на благо будущей женщины. Но все-таки женщина возвращается домой в более короткой юбке, чем раньше была.

ПРИ ЧТЕНИИ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА»

Чувство современности, по-видимому, рождается из веры на пути ее к делу: это дитя веры и дела.

Вера без дел мертва. А любовь? Дело любви — это дети, но если не дети? Если не дети, то все: всякое дело на свете должно быть делом любви. Так вот и сочинения Тургенева были делом его любви.

МАТЕРИАЛИЗМ

Материализм есть дело твоего отношения ко всему телу человечества, как к своему собственному.

РОДИНА

У меня свое, у тебя свое, у него... а вместе — это родина. Чувствовать вместе «свое» мы научились на войне.

ПОЖАР

Прежде мы страховали дома от пожара, теперь вся земля всего человека стоит перед угрозой погибнуть в огне, и мы, люди, все люди, весь собранный в единство человек, ищем такое учреждение, где бы можно было застраховаться от пожара всей земли.

РАСШИРЕНИЕ ДУШИ

В молодости мы очень богаты жизнью и охотно всем в долг раздаем свои богатства, но когда под старость пойдем долги собирать — никто не дает. И это очень обидно.

И вот почему так редко встречаются добрые: в старости видеть добро мешает обида.

Если же постараться и суметь обойти свою обиду, то какие же люди все добрые!

На злое дело — подсажи только — и всякий способен. На доброе — редкий. Зло сделать много легче добра. И все-таки мы живем и собираемся жить в будущем лучше в том уповании, что добро побеждает зло.

Мы преодолеваем смерть личную, отдавая душу за друзей: в этом есть назначение смерти.

ПОВЕДЕНИЕ

В добро или во зло было творчество, пойдет созданное на жизнь или на смерть, — остается неизвестным до последнего звена в творчестве: нравственного синтеза, образующего поведение. До сих пор наука в отношении нравственного синтеза слова своего не сказала. Но искусство... сколько великих примеров!

Так почему бы нам сейчас в самый страшный, небывалый, ответственный до невозможности момент осторожно не взять это на себя: мы должны в последний момент сказать свое слово, образующее поведение.

1947 ГОД

Чувство родины в моем опыте
есть основа творчества.

ПОЭЗИЯ

В поэзии (искусстве слова) происходит борьба неведомой стихии, похожей на воду, с рассуждением, похожим на берег, и победа бывает, только если вода размочит берег.

Какой чудесный вопрос художнику: видели ли вы в своей жизни красоту, и сколько раз, и при каких обстоятельствах?

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ЛЮСТРА

В одном музее я заметил венецианскую люстру, похожую на цветок, но такой совершенной формы, какой не бывает в природе и какую мог создать только человек. А бывает, усталый где-нибудь присядешь на опушке леса и влюбишься в какой-нибудь простейший цветок вроде полевой незабудки и думаешь, разглядывая его проникновенно, что никакой человек не создавал и не создаст такой живой красоты.

Придет зима — вернешься к люстре: в хрустальных лепестках загораются огоньки, и тогда опять думаешь: «Нет, такой совершенной формы не существует в природе!»

Но как же незабудка-то летняя?

И, вспомнив ее, спрашиваешь: «Где она теперь?» И сам себе отвечаешь: «Глубоко под снегом лежат ее истлевшие листочки, и не найдешь их новой весной, и не заменишь ее новым летом новым цветком». Напротив, встретив другой, подобный, я загрущу, и отвернусь, и скажу:

— Дайте мне ту мою единственную незабудку, только тогда я и тебе, моя хорошая, тоже обрадуюсь!

Прелесть живого цветка подчеркнута непереносимой и близкой смертью его. Своей красотой он как бы обращается ко мне словами:

«Возьми меня, человек, я тебе отдаюсь и вверяюсь, возьми и спаси меня от неминуемой смерти».

И вот какой-то человек взял смертный цветок и создал бессмертный из хрусталя.

Пусть он разбит — все равно он не умирает: даже в обломках его остается победное усилие человека на пути к бессмертию.

ОБРАЗ МАТЕРИ

Мать ходит за ребенком, и все мы чувствуем по ней свою мать, как за нами тоже ходила. И так у нас создается свой образ женщины-матери.

Но теперь женщины работают: одна — доктором, другая — кондуктором, третья — милиционером, четвертая — архитектором.

Работают они по-женски, по-своему, старательно, усидчиво, но все-таки, как бы по-женски они ни работали, нам трудно бывает в них разглядеть свою мать.

Но сегодня в метро девушка-милиционер взяла под руку какую-то старушку, провела, усадила в вагон. Было приятно смотреть, и не я один поглядел, а всем-всем было приятно, потому что в девушке-милиционере мы узнали свою мать.

(Сюда же незабываемый эпизод встречи в метро девушки-милиционера с пьяным инвалидом, и на лице у нее борьба живого отвращения с долгом милиционера.)

ДОВЕРЯЯСЬ ПЕРУ...

Когда садишься писать и не складывается в голове как надо, попробуй довериться перу и начинай писать что придется. И бывает, напишешь, доверяясь перу, такое, чего никогда не придумал бы.

Таков был Шаляпин: такого не выдумаешь.

ОБЩЕЕ ДАРОВАНИЕ

Поэтическое дарование имеет судьбу ту же самую, что и любовь: всеобщее дарование. И любовь иных приводит к браку и рождению детей чудесных, и та же любовь является беспутством.

Так и поэзия приводит к браку личности с обществом или тоже к беспутству.

ВРЕМЯ В ИСКУССТВЕ

Думал о времени в художественном произведении, что без времени нет искусства. В «Идеальном муже» Уайльда дается то время, когда о серьезной высокой нравственности можно было говорить не всерьез, а сквозь шутку. Это время у него отлично дано. Но это уже не наше время, серьезное.

ПЕРВАЯ ПОЧКА

Никогда не поздно посадить деревце: пусть плоды не себе достанутся, но радость жизни начинается с раскрытием первой почки посаженного растения.

О ФОРМАЛИЗМЕ

Художественное произведение синтетично в отношении автора и безгранично в отношении читателя: сколько читателей, столько в нем оказывается и «планов».

Расположение этих планов делается автором в строжайшем порядке под воздействием неизвестной нам силы, которую в просторечии называют талантом, порожденным природой (художник в природе своей — художник «божьей милостью»).

Вся тайна этой неведомой силы, по-видимому, состоит в размещении планов. Использовать художественное произведение можно всесторонне, но малейшее прикосновение к размещению расстраивает произведение и лишает его влияния.

Формализм и есть вмешательство разума в расположение планов.

ПРИ ЧТЕНИИ «ФАУСТА»

Когда я прочитал свой сценарий К., он признал его отличным художественным произведением, но малограмотным в отношении кинематографа. «Как же быть?» — спросил я. «Нужно, — ответил он, — взять три полоски, вносить на них все сцены, а потом по-новому кинематографически разместить». Я испугался и не дал ему размещать.

Думаю об этом смещении планов и представляю себе, как сеятель, подготавливая почву удобрением и взрыхлением, бросает в нее семена. После того он уходит, предоставляя каждому зерну бороться за жизнь свою самостоятельно. А сила демоническая нарушает эту гармонию, вмешивается и смещает планы творчества.

Вспоминаю о явлении смысла нашей встречи с К.: формализм — это попытка рационализировать самые истоки творчества, это мифистификация потеха.

В тот момент, когда К. предложил мне все сцены пьесы моей с помощью ножниц и клея разделить на три полоски и все перестроить по-новому, я понял те сцены из «Фауста», когда он смеялся над всемогущим бессилием Мефистофеля. И чувствовал я в себе сам, как Фауст, всемогущество божественной силы.

Мало того, я понял даже, почему, наделав на земле столько гадостей, Фауст все-таки был прощен.

Б. принимает витамины и мятные капли. Ищет долгую жизнь, мечтает о бессмертии. Мы доказывали ему целый час, что бессмертие не в долготе, а в прекрасном мгновении. И когда связали его по рукам и ногам, он сказал:

— Скорее всего есть два рода людей: для гениальных бессмертие в мгновении, а для обыкновенных — в долготе жизни.

Ох, и чудесна Россия этими своими простаками, в них наше будущее!

Итак, в жизни есть две силы: одна — размножение как творчество природы и вторая — творчество человека как организация природы, материи в интересах человека. (Вопрос, что есть человек, во имя которого все на свете организуется?)

Материя находится в состоянии непрерывного самотворчества. Напротив, *идея* нас осеняет, «приходит в голову», говорят: «идея родилась» (фаустовское прекрасное мгновение).

Фауст под конец задумал устроить земной рай, и в высший момент восторга — «прекрасное мгновение, остановись» — его мечта о канале превращается в факт могилы: творчество и действительность распадаются.

Однако, несмотря на положение Филимона и Бавкиды, Фауст находит себе высшее оправдание точно такое же, как в «Медном Всаднике» находит себе оправдание Петр: «Красуйся, град Петров!»

Тут и там проблема личности и общества разрешается в пользу общества, причем исключительно благодаря скачку авторов: Гёте скачет через Филимона и Бавкиду, Пушкин — через Евгения.

ЦЕЛОМУДРИЕ

Даже и целоваться на людях стыдно. Показывать это можно уже, когда рождается ребенок.

Так и в творчестве тоже правило: показывать можно только уже готовую вещь.

СЛОВО ЖИЗНИ

Если будет вода и в ней ни одной рыбки — я не поверю воде. И пусть в воздухе кислород, но не летает в нем ласточка — я не поверю и воздуху. И лес без зверей с одними людьми — не лес, и жизнь без таящегося в ней слова — все это только материал для кино.

Когда идешь по тротуару, держись правой стороны, если же будешь на человека смотреть и считаться с ним и он применяться к тебе, то непременно, уступая друг другу, стукнетесь лбами.

Вот почему не рекомендуется считаться с интересами встречного, а держаться всегда своей правой стороны.

ИСКУССТВО

Лягушку все знают, как она квакает в теплой воде, когда ей хорошо, но мало кто слышал, как она пищит, когда попадает в зубы собаке. Я первый раз в жизни своей услышал этот звук, быстро оглянулся, освободил несчастную лягушку. Она скакнула в ручей, и быстро вешняя вода унесла ее.

Лягушка исчезла, но панический звук остался во мне. И все в природе, наверное, также умирает и оставляет в душе человека что-то свое. Это все от природы, скопясь в душе человека, ищет выхода и образует талант, создающий новую природу.

Может быть, затем и существует на земле человек, чтобы данную дикую природу, обреченную на звериную борьбу за существование, переделать на человеческую в единстве закона и милости.

И, может быть, тоска человека по какой-то чудесной природе и есть начало мук его возрождения им новой милостивой и прекрасной природы? И, может быть, эти муки возрождения и радость явления в мир небывалого мы называем искусством?

ЛИШНИЙ ДЕНЬ

Всегда радуюсь, когда, сообразив, сколько дней в месяце, узнаю, что этот месяц со днем. Этот лишний день дается человеку во свидетельство таящейся в нем радости жизни.

Радость жизни заманивает нас в глубину свою, как охотника заманивает удаляющийся зверь или птица. Заманит эта свобода в глубину, а потом по необходимости выбирайся!

Первым моим охотничьим ружьем была шибалка: так назывался у нас кривой сук, вроде бумеранга.

Однажды этой шибалкой я подбил молодого вялого галчонка, и он попал мне в руки. Он был в таком состоянии, что какое положение ни придать ему — в таком он и остается. Это меня смутило потому, что было против всякого охотничьего естества, в котором одно живое существо убегает, а другое его догоняет. Что тут делать? Я взял галчонка и посадил его на сук липы. После обеда посмотрел — сидит! После чая посмотрел — сидит! После ужина — сидит! Вероятно, я очень мучился за галчонка той ночью, если через всю свою жизнь, как через тысячу лет, пронес это воспоминание. Утром встал, поглядел туда — галчонок лежит на земле мертвый.

Я со слезами вырыл ямку и похоронил галчонка, но охотиться не перестал и до сих пор охочусь, больше сочувствуя всякой симпатичной живой твари, чем тем, кто сам не охотится, но охотно кушает дичь в жареном виде.

И всю-то, всю-то жизнь я как охотник слышу от этих лицемерных людей одни и те же слова: «Как вам не стыдно охотиться, убивать!» И всю жизнь я отвечаю одним и тем же словами: «Как вам не стыдно есть то, что для вас убивают?»

Дело в том, что моралисты обыкновенно не обладают охотничьим чувством, и я знаю из них только одного Льва Толстого, который как моралист проповедовал вегетарианство, а как охотник бил зайцев до старости.

Может быть, не только культура, но и сознание человеческое коренится в переходе пассивного страдания в активное. Может быть, и власть в существе своем происходит на почве активного страдания.

Моя подруга ответила на мою мысль:

— Переносить страдание, просто страдать — это, может быть, даже и сладко. А страдать активно, действовать, брать власть в борьбе со злом — вот это настоящее.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

Вечерняя заря разгоралась, солнце освещало уже только верхушки деревьев, внизу быстро темнело, и готовая, полная, еще бледная луна приготовилась сменить солнечный свет.

Вот и погас на самом высоком пальчике самого высокого дерева солнечный луч.

Художник положил кисть.

— Чуть-чуть не кончил, — сказал он.

— Что же вы теперь будете делать? — спросили мы.

— Ничего, — ответил он, — придется ждать солнечного вечера: нужно одно только мгновение.

— Но такое мгновение в природе не повторяется: пришло и ушло.

— Конечно, не повторяется, но приходит подобное, я вспомню неповторимое и его удержу.

— Разве так можно?

— А как же! На что же бы тогда человеку и быть человеком, если бы у него не было памяти о неповторимом мгновении.

ПЕРВЫЙ ГЛАЗ

Есть материализм потребительский: человек потребляет материю для своего счастья. И есть материализм, когда дух человеческий, как бы страшась своей свободы, хватается за материю, как утопающий хватается за соломинку.

Тогда в этом стремлении удержаться все предметы, охватываемые духом, становятся такими, как будто ты сам только что родился и увидел их первым глазом.

Вот таким первым глазом Гоголь смотрел на вещи и так создавал свой реализм, похожий на луч рентгена, проникающий сквозь твердые вещи.

КУЛЬТУРА И ПРИРОДА

Природа может обойтись и без культуры. Родился Шаляпин — артист по природе, с таким голосом, и пользуется для своих высоких целей культурой, как автомобилем.

Так бывает в природе. Но культура без природы быстро выдыхается. В этом смысле природа науку одолевает.

ПЕРЕПЕЛ

Рожь подымается, ударил перепел. Боже мой! Это ведь тот самый, какой мне в детстве в Хрущеве кричал: у них же нет нашего «я» или «ты», — у них перепел весь един. Семьдесят лет все «пить-полоть!».

Как Бунин любил крик перепела! Он восхищался всегда моим рассказом о перепелах. Ремизов, бывало, по телефону всегда начинал со мной разговор перепелиным сигналом: «пить-полоть».

Шалапин так искренно, по-детски, улыбался, когда я рассказывал о перепелах, и Максим Горький... Сколько нас прошло, а он и сейчас все живет и бьет во ржи: «пить-полоть».

Мы поодиночке прошли, а он не один, он един — весь перепел, в себе самом и для всех нас проходящих.

И думаешь, слушая: вот бы и нам тоже так; нет нас проходящих — Горький, Шалапин, Бунин, тот, другой, третий, а все это — один бессмертный человек с разными песнями.

ЗАНАВЕСКА

Нас, стариков, разделяет от молодых завеса прошлого, которая так висит, как бывает кисейная занавеска в комнате.

От нас изнутри к ним наружу видно, а от них к нам в комнату ничего видеть нельзя.

ТАГОР И ШАЛЯПИН

Тагор — это дитя индусской древней культуры, Шалапин — дитя русской природы.

Шалапин — как водопад, Тагор — как вечерний луч, позабытый солнцем на вершине высокого дерева.

БОЛЬШОЙ ХОЗЯИН

Большой хозяин, если увидит непорядок и в чужом хозяйстве, вступает: у него духу хватает и на чужое, а хозяин мелкий думает только о себе: на чужое у него духу не хватает.

Искусство наше словесное, живопись, зодчество, скульптура и все другие являются в мелкой жизни маяками, светом большого единого духа.

ПРАВИЛО

Между людьми жить, как между волнами плыть. Только волнам лодку надо ставить вразрез, а с людьми, чтобы и им и тебе ветер взад дул.

ТВОРЧЕСТВО

Композитор слышит какие-то звуки, расстановливает их в порядке на бумаге, обозначая крючками, и с трепетом передает исполнителю. И вот эту музыку мы слышим с волнением, узнавая в своей собственной душе друга своего, композитора. Так и книги пишутся, и картины, и дворцы строятся, и возникают богоподобные фигуры.

Все такое начинается тем, что одинокая душа ищет своего друга в целом, переполняется желанием, как грудь матери молоком, и на желание приходит...¹

МОЯ СПУТНИЦА

Пробовал войти в работу, раскрывая себе свою вечную спутницу-мысль: «Надо и хочется».

Начинается все на свете с того, что самому хочется. На горе навис снег, и ему, конечно, хочется упасть. Одуванчик ждет ветра, и ему хочется разлететься в зонтики. Мальчику хочется... Так все на свете начинается с того, что хочется.

Но только свалился снег с вершины горы, и прощай «хочется»: снег собрался в огромную массу, и лавина летит, как ей надо лететь. И одуванчик по ветру летит, куда ему надо лететь, и мальчику захотелось уйти — пошел, и теперь больше нет ему своей воли: ему надо уйти.

Если человек поднимается — ему это хочется. Но ему надо поднять с собой и то, что называется природой (землей): ему надо быть внимательным для этого и милостивым.

Таково самое широкое понимание отношения «хочется» и «надо».

СКОРБЬ

Скребет что-то возле души. И от этого душа скорбит. Или это душа скорбит и оттого по телу скребет? По-моему, и так бывало, и так.

¹ Запись обрывается. (Ред.)

Случалось не раз, вдруг нечаянная радость придет — какое-нибудь письмо с предложением издать книгу. И как только скорбь с души сошла, по телу перестало скрестить.

Это калеки, наверно, говорили в древности, что в здоровом теле здоровая душа, но у меня лично чаще бывает наоборот: в здоровой душе — здоровое тело. Бывает, напишу что-нибудь — и прямо прыгать хочется.

Но и то древнее тоже верно. И, пожалуй, если вспомнить знакомых людей, то можно их распределить по шкале: на одном конце душа, на другом тело. Одни люди раскачиваются от души к телу, другие от тела к душе.

СЕКРЕТ

Есть такие травки-метелочки, их как только увидишь, так сама рука, приученная к этому с детства, сдергивает метелочку с загадом: курочка выйдет или петушок?

Совсем маленький мальчик удивляется, а тот, кто постарше, кто учит и лукавит уже, тот знает секрет: если, сдергивая метелочку, прищипнуть кончик — выйдет хвостик — значит, петушок, а если сдернуть до конца — курочка.

САМОЕ ТРУДНОЕ

Самое трудное в борьбе за первенство — борьба со своей индивидуальностью: ее надо побороть так, чтобы люди на нее не обращали никакого внимания и видели одно только дело.

Так и наши большие революционеры, как бы даже стыдясь своей индивидуальности, показывались только в делах.

МЫСЛИ ОХОТНИКА

Утром в лесу видел: молодая белка спирально спускалась по дереву, а на другом дереве еще две, и там дальше вверху, и на самой высоте тоже листва шевелилась. Я замер на месте — и одна маленькая, задрал хвостик, как большая, чувствуя мою близость, замерла.

«Вот, — подумал я, — пришел бы охотник и грохнул. Ведь это ужас!» Но только я-то ведь сам охотник и могу себе ясно представить, что охотнику можно и нужно греметь и стрелять и что это ничуть не мешает ему тоже в неохотничье время располагаться для мирного поэтического наблюдения зверьков.

Так вот и у нас в литературной среде: громыхают они — и пусть! Незаметно, потихоньку надо от них стойти, авось придет время — и им тоже захочется пописать, и тогда они тоже бросят громыхать и стрелять.

НЕБЫВАЛОЕ

Человек — это мастер культурной формы вещей. На низшей ступени лестницы этих мастеров стоят те, кто ничего не вносит своего, а возвращает талант свой в том виде, в каком он его получил. На высших ступенях располагаются те, кто всю душу свою вкладывают в творчество небывалого.

Мы не можем сказать, как в слитой воде ее молекулы — все ли одинаковы или, может быть, тоже отличаются между собой.

Мы берем такие сложные формы, как дождевые капли, и видим, что они, образуя силы воды, просто сливаются, а люди, как мы замечаем, под давлением жизненных обстоятельств не сливаются, а, напротив, каждый, имея со всеми общую цель, начинает борьбу за свое первенство.

Мы считаем безоговорочно человека «царем» природы, может быть, только потому, что человек нам ближе и доступнее для наблюдения, что человека мы можем понимать по себе, а природа «в себе» нам недоступна. И, приспособляя богатство природы в пользу себе, еще не известно, господствуем ли мы над природой или, напротив, природа заставляет нас подчиняться своим законам.

ЧЕЛОВЕК В ПРИРОДЕ

В лесу навстречу моему глазу на невидимой паутине висели уголком две хвоинки. Паутина спускалась от самого верха высокой сосны, и хвоинки служили подвеском. Я потянул хвоинку вниз на вершок, отпустил — и хвоинка прыгнула вверх.

Я так до аршина натягивал — и все она прыгала, и после того паутинка оборвалась, и хвоинка упала на землю.

Я подумал о том, как в природе все одно с другим связано, и нет в ней ничего случайного. И если выйдет случайное явление — ищи в нем руку человека.

В лесу было тихо, и только сверху волнами шумело. Изредка невидимыми путями и внизу проходил сквознячок и шевелил какой-нибудь жалкий листик, спущенный сверху паучком.

Итак, если явится случай в природе — ищи в нем руку человека с его небывалым, с его личностью, с его борьбой за первенство.

Какие тысячи, а может быть, и миллионы семян выключают птицы в природе, пока одно-единственное из них станет деревцем! А люди хотят, чтобы у них не только все выживали, но еще чтобы все вырастали хорошими. И мало того чтобы все выживали, хочется еще долголетия и в будущем даже бессмертия...

РОДИНА

Откуда это взялось у человека, что тянет его, как птицу перелетную, оставить родное гнездо и уйти искать небывалое?

Конечно, есть много разумных ответов, начиная с нашей догадки о том, что стремление вдаль есть продолжение движения младенца, выходящего из утробы матери.

Не лучше ли, чем просто догадываться о происхождении своего чувства родины, обратиться к личному опыту. Это чувство тревоги не оставило меня до сих пор. Только при большой усталости, болезни или в дни сытого довольства это чувство покидает меня.

И тогда, лишенный этим самым возможности удовлетворить себя творчеством, я начинаю понимать людей, называющих это состояние скукой.

Чувство родины в моем опыте есть основа творчества. И, может быть, всякий творческий талант открывает свое чувство родины, и каждый одаренный из нас открывает свою страну и этим увлекает других. Конечно, и так может быть: звук исходит из разных источников, но мембрана одна, и эта мембрана есть родина.

ЛИРИКА

Думал о том, что же в конце концов определяет прочность и сохранность во времени произведений искусства. Первое — какое-то отношение к детству: самое прочное

произведение у Горького — «Детство», источник Толстого — «Детство, отрочество и юность», Пришвин — весь в детстве и в родине.

Второе — это чувство родины, культ матери. Третье — личность, то есть слово свое из себя самого, как у царя Давида.

Не лирика ли является в писаниях тем золотом, которое определяет их прочность и ценность? И эпос есть не что иное, как скрытая лирика.

ЛЕС И ДРЕВЕСИНА

Можно восхищаться выходной древесиной: какая чудесная и сколько ее вышло из леса! Но можно восхищаться лесом и без мысли о полезности для наших печей.

Вот и поэзия подобна лесу: сложена в строфы, как древесина в кубометры. Но она может быть и поэзией, которая живет в нас и образует нашу душу.

Вода бывает на службе у человека, но везде и всюду остается силой, безграничной в своих возможностях. Так и поэзия заключается в метр, и работает на тему, и остается поэзией, неисчерпаемой силой души человека. Скорее всего эта самая сила души — поэзия уводит молодых людей, «поэтов в душе», далеко от родины открывать неизвестные страны, и она же, эта самая сила, приближает к человеку видение мира.

ЧУВСТВО ДОСТОВЕРНОСТИ

Есть мысли, которые можно вызывать, а есть, которые сами приходят. Вот когда мысль приходит сама, человек теряется, как будто это волна пришла и за первой волной — целое море.

Тогда чувствуешь, что рядом с тобой плечо о плечо идет другой человек, и он тоже с тобой все понимает и все разделяет. И ты, чувствуя, что ты не один, а двое сходятся в одной мысли, укрепляешься в ней и начинаешь *верить себе*.

ХЛЕБ ДУШИ

Сколько труда вкладывает человек около хлебного зернышка, и все-таки оно прорастает само, и вся природа в себе так нерукотворна.

Там где-то возле хлебного зернышка и зарождается поэзия. Зерно идет на хлеб, а эта какая-то сила питает души.

РОДНИК

Наука и искусство (поэзия) вытекают из одного родника и только потом уже расходятся по разным берегам или поступают на разную службу. Наука кормит людей, поэзия сватает.

Я чувствую себя упавшим семечком с дерева в этот поток, где наука и поэзия еще не расходятся на два рукава. Наука делается кухаркой, поэзия свахой всего человечества.

Люди смеются тому, что повторяется, и боятся всего, с чем встречаются в первый раз, и больше всего боятся заглянуть в себя потому, что каждый из нас несет в себе небывалое.

Что остается надолго, то рождается от цельной личности в муках и радости, совершенно так же, как в природе рождается жизнь. Добраться бы в себе до этого синтеза рождения личности, как ученые добиваются до синтеза белка, — вот соблазнительный и опасный путь творчества.

Соблазнительный потому, что хочется власти над этим, хочется занять первое место в природе и управлять этим творчеством, как механизмом. И в то же время это очень опасно, потому что рассудок становится твоим врагом, врагом твоей личности.

ПИШУ — ЗНАЧИТ, ЛЮБЛЮ

Далеко позади себя я оставил гордые попытки управлять своим творчеством, как механизмом. Но я хорошо изучил, при каких условиях мне удаются прочные вещи: только при условии цельности своей личности.

И вот это узнавание и оберегание условий бытия цельной личности стало моим поведением в отношении творчества. Я не управляю творчеством, как механизмом, но я веду себя так, чтобы выходили из меня прочные вещи: мое искусство слова стало мне как поведение.

Мне кажется, величайшую радость жизни, какая только есть на свете, испытывает женщина, встречая своего

младенца после мук рождения. Я думаю — эта радость включает в себя ту радость, какую частично испытываем и все мы в своем счастье. Так вот и хочется мысль, найденную для своего обихода в искусстве о поведении, распространить на всех.

Но я могу быть цельным только на восходе солнца, когда все еще спит, а другой утром спит и цельным бывает глубокой ночью. И мне скажут, что Сальери был в поведении, но у него ничего не выходило в сравнении с Моцартом — человеком без поведения.

В том-то и дело, что поведение в моем смысле не есть школьное поведение, измеряемое отметками. Мое поведение измеряется прочностью создаваемых вещей, и с этой точки зрения Моцарт вел себя как следует, как творец цельной личности, и не подменял ее рассудочным действием.

Так вот я хотел бы сказать и о себе, что моя поэзия есть акт моей дружбы с человеком, и отсюда все мое поведение: пишу — значит, люблю.

ЧУВСТВО ПРАВДЫ

Чтобы настоящим быть художником, надо преодолеть в себе злобную зависть к лучшему и заменить прекло-
нением перед совершенно прекрасным.

Зачем мне завидовать лучшему, если лучшее есть маяк на моем пути, если я в нем в какой-то мере, пусть даже в самой малой, но участвую: тем самым, что я им восхищаюсь, я участвую.

В одном я, может быть, ошибаюсь и распространяю свою ошибку. Я исхожу из поэтического непонимания и принимаю бессознательно, что каждый человек в той или иной мере является непременно «поэтом в душе» и непременно должен что-то в этом смысле пережить лично, чтобы соединиться с другим человеком и войти в общество.

Возможно, однако, что есть более короткий путь войти в общество путем простого *чувства правды* и способности стоять за нее.

И скорее всего человек может быть одновременно и «поэтом в душе», и правдолюбцем.

Начало непременно глупо, в том смысле глупо, что оно является преодолением логического разума: нужно мысль свою логически довести до последнего конца, потому что логически мыслить — значит стареть. И когда эта мысль дойдет до конца и умрет, то из этой старой шкуры змеи выползет молодая, живая, бессмысленная инициатива.

И в этом смысле всякое начало глупо. Часто в сказках даже и нарочито глупо: жил-был у бабушки серенький козлик.

Стоит припомнить начало любого своего рассказа, чтобы в глупости его почувствовать выполнение молодой змеи из старой шкуры.

НА МОСТУ

Не очень давно шевельнулось во мне особое чувство перехода от поэзии к жизни, как будто долго, долго я шел по берегу реки и на моем берегу была поэзия, а на том жизнь. Так я дошел до мостика, незаметно перебрался на ту сторону, и там оказалось, что сущность жизни есть тоже поэзия, или, вернее, что, конечно, поэзия есть поэзия, а жизнь есть жизнь, но поэзию человеку можно сгустить в жизнь, то есть что сущность поэзии и жизни одна, как сущность летучего и сгущенного твердого воздуха.

Отсюда вспомнился «Портрет» Гоголя: художник сгустил зло, и оно стало жить. Но ведь так художник может сгустить и добро! Гоголь и это попробовал сделать и не мог.

А я в какой-то, может быть, микроскопической дозе это делаю, это содержится в моем творчестве, и это есть в природе русского человека, в его наивном жизнеощущении, что «добро перемогает зло».

Вот я думаю, что мои читатели узнали это чувство жизни в моих сочинениях, узнали сами себя в своем лучшем...

СЛАВА

Достижение славы похоже на достижение смерти. Только в могиле покойники просто лежат и лежат. А в славе люди лежат беспокойно потому, что у славного покойника остается одна беспокойная мысль: а что как слава сойдет?

ЧУЖИЕ СЛЕДЫ

Там, где человек, — это я. Там, где каждый из нас выступает за себя, там, как след ноги на песке, остается собственность.

Хорошо это или плохо? Это неплохо и нужно, если нога собственника ступает по незанятой земле. Но как только по этой земле другие прошли, надо глядеть, чтобы не поставить ногу свою на чужой след.

Вот почему нас всех манит к себе девственная природа, земля, по которой не ступала еще нога человека.

Вот почему иной раз даже и вовсе землю бросаем, — нам тесно, мы становимся на путь искусства и там ищем путей, по которым никто никогда не ходил.

ЧЕРНЫЕ СКАЛЫ

Еще я чувствовал ночью властолюбцев как нечто чуждо-бесспорное, что-то вроде черных скал, на которых и мох не растет.

Через тысячи лет, может быть, и отмоет вода от них и унесет в поля плодоносные пески, но сейчас они стоят, погруженные в воду, и нет ничего у них с водой, и у воды — с ними.

ЛИСТЬЯ ПАДАЮТ

Падает дубовый лист осенью, и удобряется почва там, где он упал. Вся жизнь его была от весны до осени, а мы, люди, тоже ведь листья от всего человеческого дерева, каждую осень падаем и знаем, что весной мы снова будем жить.

Мы тем только и отличаемся от листьев древесных, что это знаем и живем, как бессмертные, и не хотим вовсе считаться с тем, что и нам, как листьям, когда-то придется тоже лететь. И мы все упадем и удобрим ту почву, где нас закопают.

Самое удивительное в жизни, что не только человек, но и все животные и растения, обреченные на короткое, иногда до мгновения существование, живут, не думая

об этом, живут, как бессмертные боги, и это несомненный факт, а дальше идет разделение мнений.

Одни понимают жизнь как обман, другие — как личное свидетельство бессмертия.

ПОЛЕТ В БЕССМЕРТИЕ

Беллетристику как таковую нельзя пересчитывать, а можно повторять лишь поэзию и мудрость. Но читается беллетристика и пишется легче всего.

Беллетристика — это поэзия легкого поведения. Настоящее искусство диктуется внутренним глубоким поведением, и это поведение состоит в устремленности человека к бессмертию.

Никто не свидетельствует так о бессмертии, как все живущее в природе и дети. «Будьте, как дети» — это значит: «живите как бессмертные».

В природе нам дорого, что жизнь в смысле бессмертия одолевает смерть и человек природе подсказывает существование бессмертия и на том торжествует.

В природе осенью все замирает, а у человека в это время рожь зеленеет. В природе жук просто жундит о бессмертии, а у человека — Моцарт и Бетховен.

Начинаю только теперь понимать Чехова, что он тоже, как майский жук, по назначению, летел к бессмертию, но летел и, как человеческий ракетный снаряд, ударял по неподвижному воздуху старого мира.

У нас только теперь, когда видишь уцелевшую барыню в старомодной шляпе или что-нибудь из старого мира, *по-чеховски* сжимается сердце тоской.

У него же это было всегда, и в этой тоске он летел вперед, и этим он был тоже пророком.

СИЛА ВРЕМЕНИ

Когда в жизни своей мы подходим к необходимости решения трудного вопроса, некоторые (большинство) обращаются к книгам или ищут совета. А некоторые поступают так: не решают трудного вопроса, а терпеливо доживают до решения.

Раньше, действуя, держал в душе, чтобы вышло непременно по-моему так. А не так выйдет — это все равно,

что я бы пропал. Между «так» и «не так» не было никакого промежутка, и оттого было трудно править собой, как автомобилем, когда нет в руле люфта.

Теперь, когда у меня что-нибудь не выходит, я откладываю работу в полной уверенности, что через какое-то время за ней придут, и тогда я спокойно доделаю.

Мало-помалу приходит счастливое время, когда смотришь в себя, как в природу, и понимаешь, что мысли твои растут в тебе самом, как все растет в природе, выходя из темной тропы семени на солнечный свет.

В МЕТРО

Сегодня в метро понял наконец, почему эта старая прежняя поднимается в душе тоска. Ехал человек старый с большой седой бородой.

— Хороша борода, — сказал мальчик с острыми глазами.

— Чем хороша? — простодушно спросил старик.

— На швабру годится, — ответил дерзко мальчик и на всякий случай отошел в сторону.

В вагоне засмеялись.

Тут вот и решилась загадка о тоске. Раньше седая борода значила личную старость человека. Умирал человек — исчезала борода, но тут рядом была другая, третья, все старики тогда носили седые бороды. А теперь с этой бородой исчезает вся борода всего человека, время проходит — и старики больше не носят бород.

Причина тоски в явлении невозвратного: могилы не на кладбище, а на улице. В этом чувстве уходящего в могилу времени воспитал Чехов свою поэзию.

ПРИДАНОЕ

Река питается скрытыми родниками: все ею пользуются, а за рекой родники. Так и у писателя пишется. А пишется тем, что у него за душой. И все мы потихоньку спрашиваем: «А что у него за душой?»

Очень часто: писатель блестящий, а за душой ничего. И еще я сравниваю поэзию с невестой, у которой бывало раньше приданое: что за невестой, что за поэзией, что у писателя за душой?

Все знают, что за душой у Пушкина, Лермонтова, Фета, Блока, и все мы знаем тоже поэта, стоит его назвать сейчас, и все скажут в один голос: «Пишет очень легко и забавно, только у него нет ничего за душой».

Можно самому быть пьяницей и вообще с собой можно делать, что только заблагорассудится, но если рядом с этим рождается поэзия, мы прощаем поэту его поведение. Есть поведение, невозможное для поэзии, и есть поведение, как путь в поэзию.

МОЙ ОЧЕРК

Если бы меня спросили, чем отличается прозаический очерк от поэтического, я ответил бы так: отличается направлением к тому или к другому читателю.

Так вот мои «Адам и Ева» были направлены читателю газеты «Русские ведомости»: тут поэзия подчинена определенным служебным законам.

В поэтическом очерке «Черный Араб» тот же материал был направлен читателю толстого журнала «Русская мысль» под редакцией Брюсова. Тут поэзия не ограничивалась требованиями переселенческой темы «Русских ведомостей» и, без оглядки на какое-либо практическое дело, направлялась прямо к сердцу читателя.

Так что прозаический очерк в моем опыте — это служебный, деловой; поэтический — свободный и, осмелимся сказать, — праздничный.

Но все равно — поэзия или проза, они исходят одинаково от «поэта в душе», и если нет этого центра, то все равно ни стихи, ни очерки литературой не будут.

С большой радостью перечитав теперь, через тридцать восемь лет после первого напечатания, служебный очерк «Адам и Ева» и праздничный «Черный Араб», напечатанные в 1909 году в «Русских ведомостях» и «Русской мысли», я с чистой совестью «поэта в душе» могу теперь ими иллюстрировать свою мысль и, может быть, даже сказать: моя поэзия есть акт моей дружбы с человеком, и в ней мое поведение: пишу — значит, люблю.

ДОРОГАЯ КНИГА

В книжном деле вот диво, что чем больше их издают, тем труднее до них добраться читателю. Тут, возможно, происходит то же, что с письмами в начале революции,

когда переписка граждан была объявлена бесплатной и марки уничтожены: тогда письма перестали доходить, потому что почтальоны их сваливали, как бесплатные, под мосты.

Так и с книгами происходит что-то в этом роде Книга, как и письма, должна быть оплачена хорошо. Трата денег читателем создает личное усилие на пути к обладанию книгой: пусть потрудится для этого чтения читатель хоть отчасти, как трудился автор, как трудится странник на пути в Мекку свою.

Книга художественная должна быть доступна тем, кто готов за нее жертвовать.

ЮМОР

Без философии можно обойтись в жизни. Но без юмора живут только глупые.

ТРАГЕДИЯ ДОН КИХОТА

Есть мысли и чувства, еще не высказанные человеком. Есть невысказанные, но погребенные под обломком падающего времени, несовременные. Но есть тоже высказанные и пережитые, но встающие из-под всходов нового времени, из-под обломков погребенного, прорастающие. И люди есть, подверженные влиянию тех встающих мыслей и чувств.

Люди эти слепо идут и попадают в нелепое положение и по-разному разрешают трагедию Дон Кихота... Я разрешаю ее на пути поэтическом.

СОВЕСТНО

Ветер в спину — и человек сразу глупеет, так сейчас у меня. И я это чувствую по ослаблению участия и внимания к другому человеку. В то же время и совестно, и хочется выдумать компенсацию и противоядие к своему «счастью» и тем самым, может быть, и оправдать его.

Так возникла благотворительность.

ЗЕЛЕННЫЕ ЛИСТЬЯ

Листья на дереве все разные, и в точности ни один не может сложиться с другим, и они все работают. Но мы редко замечаем напряженную работу зеленого ве-

щества хлорофилла под действием солнечных лучей и только любимся и наслаждаемся красотой дерева.

Но придет время, листики пожелтеют, спадут, потемнеют, потеряют форму и станут сплошной удобрительной массой, и тогда мы говорим не о красоте, а только о пользе удобрения.

Так и мысли человеческие рождаются в голове непременно отдельного человека, живут, восхищают, а потом растворяются в человеке, как удобрение. Добиваются, чтобы наше творчество давало бы прямо навоз для будущего, а мы всеми силами боремся за свою жизнь, чтобы жить и работать, как зеленые листики дерева работают в солнечном свете.

ТОН ВРЕМЕНИ

Есть в незримой среде, окружающей каждого, тон времени, и кто слышит его, как будто получает крылья и может лететь и лететь.

Но это не все, что нужно человеку. Человеку нужно слышать тон времени и идти по своей тропе.

ВСЕ И КАЖДЫЙ

Есть книги для всех, и есть книги для каждого. Для всех учебники, хрестоматии, для каждого книга — это зеркало, в которое он смотрится, и сам себя узнает, и познает в истине.

Книга для всех учит нас, как нам надо за правду стоять. Книга для каждого освещает наше личное движение к истине.

Правда требует стойкости: за правду надо стоять или висеть на кресте, к истине человек движется.

Правды надо держаться, — истину надо искать.

Быт есть взаимодействие того, что для всех обязательно и что мы называем правдой, и того, что каждый из нас достигает в поисках истины. Это есть дробь, числителем которой является правда, знаменателем — истина.

Всякий быт включает в свое понятие и время: современный быт.

Наша идея, наше государство живет той личной энергией, которая содержится в каждом из нас как запас, как сокровенное достояние каждого. Моя маленькая обида яв-

ляется ключом к чувству обиды множества людей, слеза моя падает в море слез, несущее на себе корабль нашего будущего.

НЕБЫВАЛОЕ

Приступая к мысли о чем-нибудь, всегда надо помнить, что о том же самом мыслило множество умнейших людей до тебя.

С тех пор как человек начался и мысли его, скопляясь, передавались из поколения в поколение, они составляют огромное культурное наследство.

Но как же среди этого богатства чужих мыслей найти свою мысль и узнать, что эта мысль новая и еще ни у кого не была? Для этого надо понять себя самого как существо еще небывалое, и когда это поймешь, то среди мыслей чужих узнаешь свои небывалые.

Обязанность каждого быть современным, и в этом определяется его «надо».

Несовременный человек — значит, отсталый, и фанатик — это кто стремится забежать вперед.

Мудрый — это кто яснее других чувствует обязанность свою в отношении настоящего времени, кто наиболее современный человек.

НАПИСАННОЕ И НАПЕЧАТАННОЕ

Когда напечатается, то к написанному что-то прибавляется.

Написанное как бы колеблется в битве неравной и страшной, машинопись проясняет, печать утверждает.

1948 ГОД

Поэзия — это предчувствие мысли.

РАСПАД

Бывает, пройдет время, и человек сам себе удивляется и не может понять, как он, такой ленивый и неумелый, мог так много сделать и так хорошо!

Каждый человек может сделать гораздо больше того, что сам об этом думает. Распад всех людей на тех, кто борется за существование, как всякий зверь, и на тех, кто борется за первенство, — нехороший распад. Надо, чтобы все боролись за первенство в лучшем и через это каждый работал, потом себе удивляясь: как он, такой ленивый и неумелый, мог так много сделать и так хорошо!

Дело социалистов — уничтожить борьбу за существование между людьми и это самое чувство — стремление жить — поставить на путь соревнования в трудовой борьбе *за первенство в лучшем*.

ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК

Простой человек — это кто не считает себя исключительным, достойным внимания, или небывалым, в том смысле, что ведь каждый человек приходит с чем-нибудь своим и с таким, чего не бывало на свете. Простой человек никогда об этом не задумывается, а если и пришло ему что-нибудь такое на ум или даже попробовал себя в своем небывалом и не удалось — не обиделся и, махнув рукой на это, сказал себе: «Где уж нам!»

Непросто живет и тот, кто попробовал на своем пути, сбился в общую дорогу и косится с завистью на всех, кто вступает на свой собственный путь.

ВОДА И БЕРЕГ

Мысль человека подобна воде, размывающей первозданную породу скалы: не будь воды — скала была бы бесплодной, не будь скалы — вода бы осталась без дела, и только взаимодействие воды и скал намывает плодородную почву.

СЮЖЕТ

Начал читать «Парус» Катаева, сначала обрадовался, потому что было похоже на «Степь» Чехова, но когда обозначился сюжет — очарование исчезло. Тем-то и очаровательна «Степь», что в ней нет сюжета как механического приема, в том смысле нет сюжета, что лучше вовсе ему не быть, если он не живой.

Может быть, волшебство всего творчества в том, чтобы в глину сюжета вдунуть бессмертную душу, и если у творца под рукой не окажется глины, душу можно вдунуть куда-нибудь в папье-маше или, как Чехов, в какую-то степь.

ПОЭТ И ОСЕЛ

Соловьиная поэма Блока: осел привез поэта в соловьиный сад, и он там заскучал по своему ослу. Смысл этой поэмы тот, что каждый поэт мечтает освободиться от осла и, когда попадает в боги, скучает о своем осле. И такова вся жизнь поэта, как альпиниста: хочется уйти от осла, но осел везет продовольствие.

Поэзия не только в стихах, а везде: и в прозе, и во всей повседневности. Если разорвать этот союз двух сил, то у Блока распадается на поэта и осла, у Сервантеса — на Кихота и Санчо.

НАШ ШЕКСПИР

Анциферов сказал, что Тургенев преклонялся перед Шекспиром и за это его подняли на рога: родина, мол, больше Шекспира. В этом сказывается непонимание такого поклонения.

Надо было сказать Анциферову, что Тургенев восхищался Шекспиром и тем самым присоединял его к родине. В том же смысле и наше преклонение перед Европой было ее усвоением и завоеванием. В защиту Европы можно сказать, что она уже давно наша.

СОКИ МЫСЛИ

Ветер колышет листики дерева, постоянно изменяя их положение в отношении источника света. Листик движется не от себя, а только от ветра, и у него своего нет ничего, все свое у него отдано делу и, как потом оказывается, делу дыхания, а дыхание через высшее существо в природе, человека, определено вместе с другими органами на выработку мысли.

Фауст когда еще живыми глазами вглядывался в устройство жизни и видел *дела*, то пришел к тому, что вначале всего было дело.

Но когда Фауст ослеп, и все дела исчезли из глаз, и все внимание его перешло в слух, он слышал шепот листьев и рожденные в звуках слова.

Тогда он забыл о всяких делах. Какие уж тут дела, если ослеп. Но зато какой чудесный мир тогда открывается на слух!

ИСТОКИ ИСКУССТВА

В юношеской любви всегда участвует природа, и если предмет любви исчезает, то в природе он остается, как в зеркале: смотри на эту природу и будешь в ней видеть, как Тургенев, чистых девушек, детей в их совершенной простоте, в мужиках деревенских — шекспировских мудрецов, в обществе — цельного человека в его движении к идеалу.

Если бы не было такого «идеализма», никто бы детей не рождал, потому что в материальном отношении за пределами родового и племенного строя — это невыгодно.

ЖУРАВЛЬ И БЛОХА

Очень часто попадают молодые Печорины в наше-то, советское время! Как это происходит, что мы летим во времени на самолетах, а Чичиков тоже с нами не отстает на своей тележке?

Очевидно, летит тоже с нами, на нас самих, как летят мелкие насекомые на крупных птицах из страны в страну.

Знаю, что Ване-шоферу отдать жизнь за меня на войне все равно, что раз плюнуть. И в то же время в обычной жизни ему тоже ничего не стоит надуть меня (потихоньку ездит на моей машине и губит ее).

Так два человека живут в нем: большой и маленький. Как живут они в нем, в борьбе? — Нет! Живут вполне мирно, разве только иногда большой смутится и почешется, как от укуса блохи.

Так летит журавль в Африку, и на нем блоха — тоже в Африку.

РАДОСТЬ И ГОРЕ

Все знают, что горе надо забывать, но мало кто понимает, что и всякий успех, счастье надо встречать, прини-

мать и, сложив достижение в кладовую свою, как можно скорее тоже забывать.

И радость и горе надо забывать, а помнить надо только мысль в ее вечном движении.

АКТЕР

Наступает пора, когда понимаешь людей, как понимает умный актер публику, когда она ему рукоплещет: он кланяется, прижимая руку к сердцу, а сам не сливается душой с этими поклонами и хорошо знает, какой он на самом-то деле, без дела, без грима и бутафории...

Ах, сколько всего дано пережить человеку, если он только живет долго и не устает мыслить. Какое это огромное поле!

ВСТРЕЧА

Сельский учитель: энергичное старое лицо, все испитое жизненными боевыми рубцами, устремленными к глазам, чтобы выказать мысль человека, — все, мол, проходит, и щечки-подушечки, и ямочки, и вся красота, но мысль в глазах остается.

Все было хорошо, но когда этот смоленский учитель стал жаловаться на народ, — тут открылся заурядный деревенский учитель.

Хороший учитель никогда не скажет плохо о своем народе, и если даже думает так, никогда не откроется с первого разу.

СИЛА МЕЧТЫ

Как мы мечтали когда-то пятьдесят лет тому назад о женщине будущего по Бебелю! А теперь вон она стоит в красной шапочке в метро и провожает поезда. Будущее пришло и стало настоящим.

Так вот же и надо мечтать как можно больше, как можно сильнее мечтать, чтобы будущее обратить в настоящее. Вот и слава, слава тебе господи, что моя женщина будущего теперь стоит тут же в красной шапочке, а из-под военного картуза по плечам у нее кудрями рассыпается прическа наша модная «перманент». Значит, мечта наша была не пустая, и что есть такая мечта, похожая на силу обращения будущего в настоящее.

— Друг мой! Ты сам над собой смеешься: это ли твоя женщина будущего? Но мечтай, мечтай о будущем или

о прошлом, сколько тебе хочется, только помни одно: и за будущее и за прошлое отвечает одно только настоящее.

УЮТ ЗАСЕДАНИЙ

Сколько поэм и романов посвящено домашнему уюту, где царствует женщина. Но не помню ни одного сочинения, посвященного уюту заседаний, когда все мужчины согласно воркуют, как голуби.

Мне кажется, я никогда еще в жизни не мог вникнуть в деловую сущность таких заседаний, но я всегда в них чувствовал какой-то никем не воспетый мужской уют.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОСОБА

Какая занозистая эта литературная особа, только боюсь, что эта скептическая поверхность, как мох, покрывает кочку, а в самой кочке нет ничего.

ПРИРОДА С ЛИЦА

Смотрел на кота, и когда нечаянно задел его ус, то заметил, что короткая шерстинка на его носу быстро переставилась и образовала мину недовольства. Успокоив кота, я дождался, когда прошла мина недовольства, нос разгладился, и тогда уже сознательно я потянул своего кота за его длинный белый ус. Мгновенно появилась тогда на носу та же знакомая недовольная мина, и с тех пор я лучше стал понимать своего кота и ежедневно открывать в нем новые и новые мины.

У меня часто являются такие дела неожиданные, что не до котов: начатое изучение забывается. А что, если подумаешь, всем бы, особенно ученым, взяться изучать природу не в сходстве, а в отличии, чтобы у каждого твердо находить свое единственное лицо, и в семье с малолетства этому практически обучать детей, и в школах преподавать им в природоведении наряду с морфологией еще и лицеведение?

Тогда бы произошло то самое, что происходит с нами, когда мы, белые люди, встречая народы, по своим условиям жизни желтые или черные, попадаем к ним туда, где они сами живут: там, оказывается, не важно то, что они все желтые или черные, а важно, что у них у всех разные

лица с таким же у каждого особенным выражением, как у нас, у белых.

Тогда бы мы узнали всю природу с лица, и оказалось бы тогда, что всякое движение сопровождается лицеобразованием, и если есть что без лица, то это означает: ничего не стоит. И узнавать лицо, это значит узнавать и участвовать в движении мира, потому что, узнавая это лицо, мы тут же и свое узнаем там, как в зеркале. И как движение поезда мы узнаем из окна, разглядывая предмет, так и по ним узнаем свое движение, свое лицо. Наш поезд идет, но и там в окне не стоят.

ПРОВЕРКА ВЕРЫ

Жизнь как бы недаром идет сама по себе, и то окошечко, куда можно на жизнь поглядеть и есть личность (автор или Пушкин?).

Или наоборот: жизнь проходит бессмысленно, а личность дает порядок и смысл?

Я лично живу по первому определению, по сейчас думаю, что надо свою эту веру проверить и тем самым закрепить в сознании.

РОСТ ЧЕЛОВЕКА

Человек растет, конечно, как и все в природе, костями, телом, и в то же время, как бы отступая от жизни роста, спрашивает постоянно сам себя: «Ну, что же это со мной произошло?» И, осмыслив происшедшее, надбавляет к жизни роста своего рост мысли: мыслью растет. Но и этот рост еще не совсем человеческий — щенок тоже растет, расширяя рост своего собачьего сознания.

Человек собственно начинается там, где в природе останавливается жизнь роста: тут начинается рост духовный, чисто человеческий, и продолжает у достойных расти до последней минуты. И в духе этого человека растут люди после него.

ТВОРЯЩИЕ И РОЖДАЮЩИЕ

Одна женщина с кучей детей пишет мне, что в женском празднике ей, рождающей женщине, места нет: торжествуют женщины свободные. Я же ей хочу написать, что

я тоже писатель рождающий и меня гораздо меньше славят, чем «свободных».

И что скорее всего так оно есть и везде: славятся, но временно, только «творящие»; рождающие должны утешиться тем, что после них что-то остается. Это надо понять, принять и не только не завидовать «творящим», но даже и не смущаться: наше дело гораздо серьезнее.

ВЕНЕЦ СОЗДАНИЯ

Каждая мать в беременности своей переживает аскетизм средних веков и в рождении радость возрождения. Сколько в ней содержания! А мужчина ведь только творит, и если случится рождает, то только при помощи женщины. Свободная творящая женщина сейчас в моде, но не она венец создания.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КРУГ

Если бы на каждом человеке им самим и кончать свои наблюдения, братья за другого, за третьего, пятого, десятого, то такие обрывки цельного образа всего человека невозможно любить. Но если на каждого человека смотреть, как мы смотрим в лесу на растения, что на них не кончается наша мысль, а только начинается, что каждое дерево, каждый куст и цветок являются только глазами или даже лицом всего леса, что этим деревом, или кустом, или цветком сам лес так на нас самих поглядел, — то такого человека можно любить и даже нельзя не любить.

Вероятно, и большие общественные деятели, к кому люди валят валом со своими просьбами, постоянно держат в уме такого человека и в нем определяют нужду каждого.

Я бы сказал, что все мы глядим на человека возле себя, как на тонкий месяц с дополнительным кругом: этот дополнительный круг и есть необходимый для нашего дела очерк всего человека.

КНИГИ О ПРИРОДЕ

Факты сами по себе похожи на кирпичи, которые укладывают в логический каркас. Так пишется большинство книг о природе... Ученики все это заучивают, отнюдь не проявляя своего личного отношения к факту. Заучивают и отвечают на уроках. Если же забудут что-нибудь или

перепутают, то «врут». Таких учителя называют презрительно «фантазерами», которые, теряя факты из-под ног, заменяют их домыслами.

Это неверный прием побега от факта: от него невозможно вообще уйти таким способом. От фактов можно отойти, не утрачивая их из виду, и тогда можно о них говорить издали как о личном своем представлении. В таком положении субъект как бы меряется с объектом своей силой: я или ты. И начинается борьба, как роман.

КИРОВСКОЕ МЕТРО

Написано «вход», а люди выходят, написано «выход», а люди туда валом валят. Нет, друг, не всегда верно то, что написано, и ко всему написанному полезно и свой ум приложить.

БОРЬБА ЗА СВЕТ

Все деревья в лесу вместе распространяются вширь и занимают больше и больше пространства, как и люди в своей общественной жизни, расширяясь, движутся по земле. Но каждое дерево в лесу движется вверх к свету, к солнцу, все выше и выше. Конечно, и оно, отдельное дерево, должно давать семена на общее благо, но лично оно, вот такое-то дерево, имеет свою отдельную задачу пробиться к свету.

В лесу деревья не заботятся о судьбе отдельного дерева: эту задачу берет на себя человек. Он облегчает каждому дереву его борьбу за свет, и таким образом лес превращается в парк.

Так и в человеческом обществе начинается именно человеческая жизнь, полная смысла, когда внимание политика обращается в сторону каждого члена общества в его борьбе за высоту роста и свет.

ЛИРИКА И ЭПОС

Искренность лирики — это такая скользкая почва, что всегда рискуешь упасть и расквасить себе лицо. Есть у нас благородные усилия узнать эту лирику, эту искренность в другом человеке, и так избавиться самому от риска.

Но поскольку эпос является результатом усилия избавиться самому от позора, он всегда является мертвым

усилием. Эпос, достойный лирики, является всегда усилием узнать свое лучшее в другом человеке, для такого эпоса надо полюбить других, как себя, и, может быть, даже найти в другом то лучшее, чего мало или нет вовсе в себе. А чаще, как это бывает со мной: у себя самого это лучшее мелькает и проходит, а в другом его утверждаешь, и оно так остается.

ЧУВСТВО МЫСЛИ

Художник не может выразить мысль свою силлогизмами. Но у него есть особое чувство мысли, как бывает, не вспомнишь имени, а самого человека чувствуешь и не можешь другому объяснить, кто же он. Так и чувство мысли делает художника безмолвным обладателем ее, и с помощью своих художнических средств он открывает нам и самую мысль.

Труднее всех художников, конечно, художнику слова потому, что трудность выражения чувства мысли здесь легко подменяется и умерщвляется логикой.

РОМАН

Множество героев в каждом хорошем романе изображают единство человека в его жизненной борьбе, и весь смысл всякого романа состоит в *образовании* доказательств этого единства (в образном доказательстве). Затем и злодеи, и какое их тоже множество, чтобы в борьбе с ними победил «весь человек», единый герой в лице своем. Природа в романе является углубляющей средой в этой борьбе.

ПОЛУБЕЛЛЕТРИСТИКА

Есть противная литература о природе, когда автор, смотрясь в зеркало природы, как Нарцисс, любит себя сам собой. Довольно много написано таких книг, получивших соответствующее общее определение «полубеллетристики». Легче всего писать такие книги: достаточно кое-что узнать о предмете и это полужнание подать в соусе личного отношения, полуискусства.

Нам представляется, что природу можно описывать, отдаваясь этому целиком: если знание — то поэзия, если поэзия — то поэзия. Автор исчезает совершенно в познаваемых им фактах и тем самым отдает их в полное распо-

ряжение читателя. Автор исчезает за фактами, и в то же время читатель понимает, что факты эти установлены самим автором, и верит ему. Дорого в такой книге то, что она является звеном культурной традиции писателей русских натуралистов: писать правдиво, не выставляя себя.

НАЧАЛО РАССКАЗА: «ЛЮБИТЕ БЛИЖНЕГО, КАК САМОГО СЕБЯ»

— Вы как, — любите?

— Приходится любить.

Бывает, наступят на ногу или еще кто-нибудь ущипнет, и вот не знаешь: «На себя это взять?» И подумаешь: «Можно ли мне наступить на ногу, или за себя не стоит вязаться, пожалуй, лучше стерпеть».

Но есть во мне еще какой-то человек, может быть, он представитель всего человека. И если это он обижен, то за него надо драться.

Было одно лишь мгновение для колебания в раздумье, и думалось и решалось тут же словами.

— Гражданин! — сказал я, — вы мне наступили на ногу. — Он не обратил внимания. Я взял его за шиворот и повторил: — Гражданин, вы мне наступили на ногу, извинитесь!

НЕДОСТУПНОСТЬ

Недоступность есть свойство всяких вершин. Помню, пятьдесят лет тому назад, как молодые врачи делали себе карьеру. Приезжает в Елец и начинает билетиком на двери: «Бедных во всякое время принимаю бесплатно». А через полгода, когда он повыше поднимется и станет известным, билетики о бедных исчезают и вскоре появляется на том же месте медная дощечка с гравированными словами о часах приема. А про бедных на дощечке уже ничего нет. Доктор стал недоступным. Свойство богов становиться невидимыми.

О НОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Европа — это история вырождения личности в индивидуум, с одной стороны, и с другой — история поглощения личности обществом. Вот теперь все, что осталось от Европы, — это борьба индивидуалистической (капита-

листической) цивилизации с коммунизмом. И мы думаем, что эта цивилизация будет поглощена коммунизмом и культура новой личности родится в коммунизме. Мы надеемся, что коммунизм будет материнским зерном новой культуры, а то, что нам теперь неприятно, пойдет на пропитание эмбриона новой культуры.

ОПЫТ ЖИЗНИ

Вспоминаешь себя в ранней юности, когда я в жизни ничего не понимал, был глуп, как кутенок, и в то же время мнил себя отлично понимающим жизнь. Вот откуда бралась эта уверенность в знании жизни? Тоже, когда был влюблен, казались все люди хорошими — это откуда? И дальше потом постижение зла, получаемое на опыте, всегда можно понимать не как незнание жизни, а как узнавание себя в своих неудачах и распространение своего этого опыта на «жизнь».

Так что в конце концов в опыте своем мы не жизнь, а себя познаем...

А первоначальная уверенность в своем знании жизни и есть знание жизни настоящей, и в этом отношении нам дана директива: «Будьте как дети».

ВСЕМ ПОДРАЖАТЕЛЯМ В ИСКУССТВЕ

Шаляпин в Казани голубей гонял и пел в церковном хоре, но это вовсе не значит, что если самому гонять голубей и петь на клиросе, то выйдешь в Шаляпины.

И если говорится: «Будьте как дети», — то это никак не значит, что дети все хороши. Это говорится о тех избранных, каких мы, взрослые, иногда сохраняем в себе и узнаем в природе им подобных и, восхищаясь ими, говорим это — «будьте как дети».

НЕ РАЗГЛАГОЛЬСТВОВАТЬ

Первое — это надо понять натуру по себе и сказать о ней себе самому своим человеческим языком, а затем надо сделать, чтобы сама натура это сказала своим языком. Первое может сделать каждый, кто мыслит, а второе — только художник, и задача его искусства в том, чтобы покорить природу и заставить ее говорить своим языком.

Отсюда правило художника: мысль свою оставлять при себе, не разглагольствовать, и за него пусть скажет сама природа.

СМИРЕНИЕ

Плохие люди — это кто хуже нас, хорошие — это как мы сами, а кто лучше нас — мы не видим, и это очень трудно увидеть: для этого надо преклониться перед высшим, но поди-ка, преклонись!

Остается сказать: «И не кланяйся, а смотри на дела того человека, и не перед ним, а перед делами его преклонись!»

ЖЕНА

Нужно помнить, что счастливых браков гораздо больше в жизни, чем у нас воображают, и это воображение создали трубадуры. Я думаю, что в этом чувстве гармонической простоты жизни на каждом шагу поэзия у всех и в самой жизни.

В себя смотреть — никогда ни до чего не досмотришься и никогда из сомнений не выйдешь. Нужно, чтобы пришел кто-то другой, посмотрел на твое и сказал.

И вот пришел колодезник. Мы договорились.

— Но,— сказал я,— Алеша, ты погоди дня три, придет жена...

— Значит,— хотел подколоть Алеша,— она у вас голова?

— У нее голова хорошая,— сказал я,— но и у меня неплохая. А ты разве с женой не совещаешься?

— А как же,— ответил он.

— Так чего же ты меня подкалываешь? Но я не обижаюсь, ты это говоришь, как попугай по старой грамоте, когда жен били, как собак. Ты сам-то как живешь, жена твоя служит?

— Бухгалтером служит.

— А кто у вас стряпает?

— Кому же стряпать? Я на колодцах работаю.

— Значит, она и служит и стряпает... А кто же за ребятами ходит?

— Конечно, жена.

— А еще?

— Еще глядит, чтобы всю получку донес до дома: тут ее боль.

И Алеша стал меня уверять, что он не пьяница, но как же не выпить рабочему человеку, а выпьешь — и она начинает зудить.

Переходя на откровенность, Алеша, как русский человек, покатился под гору и рассказал даже и то, как он спешит домой с получкой к жене и всегда старается, чтобы никто не встретился.

— Один никогда не выпью, а кто встретится — радуюсь и не могу удержаться. Но как сдал жене — тут я спокоен.

— Так она у тебя и бухгалтер, и кухарка, и мать, и нянька да еще и банк.

— А как же? — сказал Алеша. И совсем забыл, что хотел меня подколоть.

ЧЕРЕЗ ЧЕРТУ

На человека всегда надо бы смотреть так же, как я смотрю сейчас из своего окошка на соседку в огороде: человек как всякий человек и нет в нем ничего особенного, чего надо бояться или любить.

Всякий человек живет в обыкновенных заботах, в обыкновенных своих радостях, в своем ареале.

Надо следить только там, где он перешагнет черту своего ареала и забредет в другой.

ИЮНЬСКАЯ КЛУБНИКА

Привезли вчера для удобрения клубники птичий навоз, такой вонючий, что он испортил майский воздух, из-за которого я, может быть, здесь и живу. Но что делать? Как ни люби майский воздух, все равно, чтобы наслаждаться в июне клубникой, приходится в мае нюхать птичий навоз. И на свете все так и устроено, что забота о будущем всегда портит воздух настоящего.

ЗАКОН МАСТЕРСТВА

Вынашиваю мысль о священном порядке в душе творца, каким является в какой-то мере каждый работник, мастер своего дела. Этот священный порядок повелевает мастеру поставить все предметы на свои места, а также

и определиться самому в служении и отделаться от прислуживания.

Требуется достоинство вещи и больше ничего.

КОГДА САМОМУ ХОРОШО

Сегодня после теплого небольшого утреннего дождя так чудесно в природе и так хочется писать! И так нужно писать, именно когда самому хорошо, иначе непременно поведет перо на сомнение или на какую-нибудь дрянь.

Мне кажется, что когда самому хорошо, тогда и явится из-под пера что-нибудь свое и новое, а то будет или песимизм, или перепевы.

СЕМЯ ЖИЗНИ

Молча в недрах народа, как в недрах земли с семенами и саженцами, происходит переработка брошенных в революцию идей, и что возвращается, что отбрасывается.

Писатель должен очень бояться своих сочинений на заданную тему, — жизнь заставит всех обратить на себя внимание.

ПЛАН

Откуда берется «ум» в моих произведениях, если мне нужно бывает каждый раз отказываться от своего «ума»? И вообще человек умный, конечно, всегда имеет какой-нибудь план, им продуманный.

В больших переживаниях этот продуманный план по закону жизни (вот именно, не случайно!) надо отбросить и довериться тому, что дается как бы случаем.

И вот в этом доверии высшему, чем свой план, исчезает «свой ум». Но в этой вере, как необходимы леса при постройке, я считаю необходимостью свой план.

Почему-то когда без ружья в лес идешь, то дичь так и валит на тебя, а как вооружился и пошел с целью — нет ничего, и если добудешь, то с большим трудом: себе дорожке. Все легко идет, хорошо, весело. Но только заберешь в голову «план» — все от тебя уклоняется. Отсюда, наверно, и пошел разговор о том, что дуракам счастье.

У меня в голове так много планов, что пришлось взять

в план самого дурака и, показывая всем его, как зная, оборонять свой план. Огромной удачей в этом смысле была охота, которой я занялся от «большого ума».

Я всю затею с дачей вел для одиночества: такой был план, и я бы в обморок упал, если бы мне весной сказали, что в моем доме бок о бок будет летом жить другая семья. Таков был план, а жизнь показала обратное: семья эта живет, и мне от нее только лучше.

В этом-то и есть мудрость в устройстве жизни, что план планом, а в то же время во всякий момент надо быть готовым план этот бросить.

МОЙ САД

Обтяпал двадцать кустов черной смородины, и когда устал, то почувствовал обман мечты, увлекающей делать сад. Будь у меня земля в то время, когда зарождалась эта мечта, и выйди я тогда на эту работу, я был бы отличным садовником. Но сада у меня не было, я стал работать над словом и вырастил сад из слов такой большой, что в нем тысячи гуляют и миллионы пройдут в нем.

Теперь вся эта работа тяпкой в сравнении с тем, как я работаю над словами возле той же мечты, представляется ничтожной. Дивный пример какого-то *поведения*.

Взял бы и сказал людям и дал бы им простое средство в руки, а вот пойди и скажи! Нужно целую вселенную в себе самом открыть, чтобы сказать эти простые слова. Чувствуешь про себя мысль, знаешь, а сказать не можешь.

И такая вся природа: все знает, а сказать должен человек.

МАРС

Восхищаясь колхозной обработкой полей, исключаящей прежнюю чересполосицу, восхищаясь грамотностью мужиков, тракторами, комбайнами, Н. Н. сказал:

— Созданы все предпосылки, чтобы на Марс полететь!

При мысли о Марсе лицо его стало таким довольным, как у собаки, почуявшей лакомый кусок.

— Ну, а если долетим,— сказали мы,— дальше-то что?

— Дальше! — воскликнул он с полным счастьем в голосе,— дальше уж и некуда!

Последние слова были сказаны с сознанием достижения полного счастья и решения всех человеческих вопросов.

ГАРМОНИЯ

Свобода и есть то чувство гармонии, с которым мастер выходит на работу. Теоретически же гармония есть способность, врожденная человеку, распределять вещи в пространстве и времени.

КРЕДО

Почему я все пишу о животных, о цветах, о лесах, о природе? Многие говорят, что я ограничиваю свой талант, выключая свое внимание к самому человеку.

А пишу я о природе потому, что хочу о хорошем писать, о душах живых, а не мертвых. Но, видимо, талант мой невелик, потому что если о живых людях напишу хорошо, то говорят: «Неправдоподобно!» Не верят, что есть такое добро среди людей.

Если же станешь писать о мертвых человеческих душах, как Гоголь, то хотя и признают *реалистом*, но это признание самому мне не дает отрады.

И вот мое открытие: когда свое же человеческое, столь мне знакомое, столь мне привычное добро найдешь у животных, верят все, все хвалят и благодарят, радуются.

И так я нашел себе любимое дело: искать и открывать в природе прекрасные стороны души человеческой.

ОБОБЩЕНИЕ

Сделав вывод, человек кончает с вниманием к частному, как творческое существо он прекращает себя и делается орудием. Но дерево жизни производит все новые и новые слои древесины, и в этом прогресс.

Нужно победить войну, и это должно свершиться, как в древе жизни: образоваться новый слой древесины.

...«А вообще...» — и делается вывод. Нет, будьте осторожны, подождите делать вывод, помните, что, сделав вывод, вы с чем-то кончаете, что вывод в отношении нашего внимания к чему-то, нашего ожидания от чего-то, нашей веры, надежды, любви есть то же, что смерть. В живой

творческой жизни по пути к бессмертию нет никаких «вообще», и даже у мертвых появляется лицо, и так мертвецы воскресают.

На высоких горах ничего не растет, но зато оттуда далеко видно.

...Мы теперь хорошо научились (и спасибо учителям) не делать заключений о целом по частному случаю. Встречаясь с какой-нибудь гадостью, мы обходим ее, как навоз, предоставляя времени обратить его в полезное удобрение, и говорим: «Это надо пережить».

ПЕРВЫЙ ГЛАЗ

Хорошо бывает забыться в лесу, в поле, на улице и вдруг вернуться к действительности. Тогда в первый момент кажется, будто застал мир, как он живет без тебя.

Но можно думать — это не жизнь врасплох застаешь, а самого себя узнаешь, каков ты есть, когда смотришь на мир своим собственным первым глазом, как первый человек, вступивший на новую землю.

Вот эта способность заставить мир без себя или чувствовать иногда себя первым на новой земле, вероятно, и есть все, чем обогащает художник культуру.

ГЁТЕ СКАЗАЛ

Гёте где-то сказал, что простой человек в своем неясном устремлении всегда прав. Гётевский простой человек есть чувство своего личного первенства, как самый корень жизни, и зерно этого первенства свойственно каждому.

«РАКЕТНЫЙ СНАРЯД»

Этот литератор похож на ракетный снаряд: стремительно выпускает из себя свой собственный дух и сам летит неизвестно куда. Начнет с одного, кончит совершенно другим и, закончив речь, сам себе очень наивно удивляется: вот куда я прилетел! и право, товарищи, сейчас не могу разобраться.

ЭТИКА СОЦИАЛИЗМА

Этика социализма в том, чтобы маленькому вдунуть душу большого.

МОЛОДЫМ

Паустовский написал повесть «Преодоление времени», под чеховскую «Степь». Опыт очень интересный: внимательное разглядывание мелочей жизни в добром расположении к человеку, оказывается, дает материал, который писатель может преподать читателю почти без всякого обмана.

Можно сюжетом объединить предметы, а можно просто любовью родной земли и людей, как сделал это Чехов в «Степи». Паустовский это и подхватил у Чехова.

Не на сюжете надо стоять, конечно, но сюжетом надо пользоваться.

Вот хорошо бы об этом написать, с целью показать молодым возможность всякой литературы, независимой от сюжета.

НАТУРАЛИЗМ

Натурализм в искусстве я раньше понимал как известное отношение художника к природе или как дробь, в которой числитель — субъект (художник) очень маленький, а знаменатель — объект (природа) очень большой.

Но есть и такое понимание натурализма, как явления, связанного с развитием естествознания (дарвинизм и т. п.): не натурализм, а скорее биологизм.

МАСТЕРА ЖИЗНИ

Один человек жизнь и счастье свое отдает в борьбе за правило или метод, а другой в поисках счастья борется со всякими привычками.

Есть мастер такой: кует железо людям на руки и пришивает замки на уста. И люди называют кандалы свои привычками.

И есть мастер на то, чтобы привычки у людей разбивать.

ОТВЛЕЧЕННАЯ МЫСЛЬ

Отвлеченная мысль уходит, а частности остаются в отчаянии и страданиях оттого, что их не взяли с собой. Почему же и вправду их не взяли? Почему отвлеченная

мысль никогда не берет с собой всего и непременно оставляет малых, обойденных, обиженных? Не та ли самая обида, какую испытывают в творчестве природы миллионы брошенных и не имеющих возможности прорасти всяких семян? Не есть ли и адская борьба за существование последствием такого творчества?

А когда поезд начинает двигаться вперед, мы видим из окна, как близкие предметы уходят назад и только очень далекие, как звезды, остаются наравне с нами: все близкое, только близкое от нас отрывается!

Что же нам остается делать в утешение близких: не мыслить, не ездить, не двигаться? А мысль есть непременно движение...

УСЛОВИЯ РОСТА

Надо исходить из той мысли, что каждому суждено испытать время, когда он примет все на себя, как борец. В каком-то смысле правильно говорят, что один в поле не воин, но каждый, кто боролся, знает, что в решительный момент борьбы каждый все берет на себя и некогда ему оглядываться в надежде на помощь.

Пусть потом окажется, что это было сражение и в нем было множество воинов, согласованных между собой. Но в душе героя остается навек божественное мгновение, когда он был единственный и всю тяжесть борьбы брал на себя. А бывает и не сражение, а просто растет человек, и приходит такое мгновение, как условие роста, что непременно нужно найти самому.

Кто нянчился с каждым из нас, когда мы попадали в борьбу, определившую на всю будущую жизнь нашу личную победу? Сами, только сами боролись мы, но почему-то когда видишь другого в такой же борьбе, то жалеешь его и соблазняешься понянчиться с ним.

ДЕЛО ЖИЗНИ

Вдруг понял истоки основной своей мысли об искусстве как образе поведения: это происходит из потребности жизненного утверждения искусства как необходимого или, может быть, даже главного «дела», требующего очень больших затрат, если не жертв.

Это «дело» можно назвать делом жизни, потому что оно есть путь к свободе. Художник наивен в сознании этого

пути, но посмотрите, кто больше его трудится и кто больше счастлив в этом труде: нет никого одновременно и более связанного, и более свободного. Посмотрите на художника, он страшен своими жертвами. Сколько на этом пути убитых, раненых, калек. И где, в какой войне бывает атака такая, чтобы из тысячи один достигал своей цели и праздновал в красоте победу свободы и человека.

И как же это не поведение, если миллионы трудящихся людей, понимая красоту, участвуют в победе и обретают в ней огромное облегчение в своем труде.

Так вот я и понял, почему я ищу в искусстве «поведения», — я тем самым ищу тождества своей личности с действительным миром. Таково поведение художника, и таков истинный путь к свободе.

Работа воображения легко поддается управлению и вообще готова к услугам. Дело не в воображении, а в поведении.

РОЖДЕНИЕ ХУДОЖНИКА

Счастье везде одинаково, и в природе, и в человеческом обществе. Это неведомая нам рука бросает тысячи семян, чтобы одно проросло, и когда оно прорастает — это счастье. Так елки сеют своими шишками, осинки, одуванчики. Так тысячи тысяч людей берутся за кисть, за перо, за смычок, чтобы один вырос и дал новый посев.

ОДЕЖДА ФАКТОВ

Облекаясь в слово, какой-нибудь еще безымянный факт тем самым делается достоянием человеческого общества. И от устного имени переход к имени написанному есть тоже событие, как бы второй этаж сознания.

Поэтому-то вот и видишь часто книги совершенно бездарные и тем не менее значительные. Даже самая элементарная переписка сделанного имеет значение.

ОЧИСТКА СЕМЯН

Завет, преподанный Марксом, состоял в философии действия (изменения среды) — это самое главное. Требуется от человека присвоение лучшего в прошлом с целью посева его в будущее.

Роль человека — очистка семян истории.

Охотник Колосов дал мне на день свою гончую собаку Полазку и попросил дать ей лизнуть мою руку. Когда Полазка лизнула, хозяин сказал:

— Вот вам поводок, отведите немного и пустите, она пойдет на розыск, и не смущайтесь, если не скоро вернется: раз она вам палец лизнула, она, пусть тысяча человек будет в лесу, вас не потеряет.

Так и было, я пустил Полазку, и она пропала. Долго я верил словам хозяина, но потом стал колебаться. И как не колебаться? Ведь я же сам иногда, мне кажется, теряю себя, и так основательно, что, только вспомнив Декарта: «Я мыслю, значит, я существую», — по доверию к философу, начинаю себе доверять. Но как же собака, только лизнув мой палец, не смешает в лесу и на дорогах мой след с чьим-нибудь другим?

Так долго прошло, и вдруг послышался лай, и все ближе и ближе. Это оказалась Полазка; обежав лес, ни одного заячьего следа не нашла и, напав на мой, дала знать, и с голосом меня догнала.

Боже мой, как я обрадовался! И не тому обрадовался, что можно дальше идти зайца искать и охотиться уверенно, а что какой там Декарт с его мыслью! Какое может быть сомнение в своем личном бытии, если собака, лизнув только мой палец, среди тысячи всяких следов звериных и человеческих узнает мой след.

И, значит, если даже собака, лизнув только палец мой, узнала мой след, значит, я существую.

И ведь это было действительно так: на радостях оказался я таким отчаянным материалистом.

А какая уж там «мысль» у охотника! Значит, на охотничьем языке Декартово правило будет так: «Если собака среди тысячи следов определила твой собственный — значит, ты существуешь».

Так вот мы еще колеблемся очень-то думать о себе и, осуждая другого, говорим: «Он много о себе думает», — некоторые даже прямо говорят, что душа человека — это выдумка. Но собака понюхает и знает: этот человек единственный, и он один на свете, у кого так пахнет душа.

НЕПРОМОКАЕМЫЙ ПЛАЩ

Мне подарили зимой превосходный непромокаемый плащ серого цвета. Весна прошла солнечная, а потом стало жарко, и плащом я ни разу не воспользовался. Лето было

жаркое, осень сухая. Так в первый год плащ мой провисел в гардеробе, и каждый раз, перебирая вешалки и встречая плащ, я в копилку своей домашней души складывал приятное чувство обладания хорошей вещью, очень полезной при общении с природой.

Потом в следующий год было опять сухо, и, когда вышел и третий год сухим, заговорили о том, что климат меняется в связи в особым расположением солнечных пятен.

Только в четвертом году вышла сырая весна, и в конце апреля, когда прилетают вальдшнепы, лил дождь. Тогда я из своей копилки домашнего благополучия достал непромокаемый плащ и, надев его, отправился на охоту. И тогда оказалось, я напрасно стерег домашний уют, где три года хранился непромокаемый плащ: при встрече с первым дождем мой плащ промок.

А сколько всего такого мы храним недостойного среди сокровищ нашей души!

«ХОЧЕТСЯ» И «НАДО»

Поиски в своей собственной жизни материалов для борьбы «хочется» (личность) и «надо» (коллектив). Или: если семя не умрет, то и не воскреснет. Это не значит, что оно должно только умереть: на камне умрет — не воскреснет. Оно должно, чтобы воскреснуть, умереть на хорошей почве.

Сколько семян гибнет хороших потому только, что они попадают на каменистую почву. Так в природе. А человек сам делает добрую почву.

Ветер принес доброе семя и бросил на камень. Оно изнывает в мечте о доброй почве. Так личность, ее «хочется» ждет возможности войти в коллектив.

ШКОЛА ХУДОЖНИКА

Если взять сочную грушу и запустить в нее зубы, — нет! зачем я, пусть это впились в нее и захлебнулась в сладком соку молодая красавица восемнадцати лет. Так вот надо нам так радостью жизни захлебнуться, чтобы хорошо написать. Думаю, что и тот, кто о жизни написал самые мрачные строки, лелеял в душе своей такой великий праздник, перед которым вся обычная жизнь наша с грушей и девушкой одна суета. Вот эта труднейшая культура праздника всего мира и есть школа художника.

Я по себе знаю великое чувство праздника жизни, а то, что не всегда же на всяком месте и во всякой вещи удержишь в себе это чувство, гасишь его в покое и тупости, это я считаю своим расходом. Таким ужасным расходом я считаю сейчас землетрясение в Ашхабаде. Но и тут, говорят, был человек, очнувшийся один среди погибшей семьи, он услышал стон под камнями. И в ответ он копал пальцами своими так, что они обломились, отвалились. И когда откопал много людей — была радость, был праздник.

ПУСТЬ ПИШУТ

Присылают рукописи с претензией на писательство, и всегда, если плохо (а плохо почти всегда), думаешь о дурном источнике этой претензии. И оно, должно быть, так и есть, началом является борьба в себе самом, и если побеждает дурное начало (например, властолюбие), то я получаю дурную рукопись, если же победит другое, хорошее (скажем, любовь), то радуешься. И потому пусть пишут.

Ну, а разве весь-то человек в своем рождении не такой же самый, — каждый ребенок первым криком своим рвется к господству над всеми в своей претензии на право жизни. И надо смотреть на мать, как она с этим справляется, как сила любви ее преодолевает ту грубую претензию, как в самом младенце потом на всю жизнь возникает борьба с самим собой за эту любовь.

Так пусть же, пусть рождаются люди на борьбу эту больше и больше!

У победителя счастье. И только счастливый может великодушно любить. Неудачник хватается за любовь, как утопающий за соломинку, и его любовь — это любовь для себя.

Бедный как бы ни любил, его любовь для себя, и если даже всего себя в любви отдает, то тем самым свою душу спасает. Как противно вспомнилось: «Голенький ох! а за голеньким бог!» Теперь наш идеал — человек, достигающий счастья, чтобы от него рождалась любовь.

Наш старый русский интеллигент приходит к новым убеждениям не потому, что у себя хорошо, а потому, что там, куда он с детства с верой смотрел, стало плохо, и

не потому плохо, что там нечего есть, а что нечем стало там дышать.

Итак, делать нечего, я — коммунист, и как все мы: солдат Красной Армии, выступающей на бой за мир.

СВОЕВОЛИЕ И СВОБОДА

Вчера во время работы над главой о свободе пришло в голову, что на Западе эта свобода давно выродилась в своеволие, свобода была буржуазным своеволием, а теперь она стала рабочей свободой. И в этом споре той «культурной» свободы с нашей рабочей и заключается фокус современной политики.

С этой точки зрения, то есть внутреннего понимания рабочей свободы и его неминуемого торжества, все нынешние нападки западного «персонализма» вместе с его атомными бомбами на Советский Союз похожи на стрельбу горохом из детских пистолетиков.

Приближаюсь к пониманию возникновения нашего советского «надо» в историческом порядке, через Белинского, Добролюбова, Чернышевского, как идеи материнства.

ЧЕМПИОНЫ

Вычитал, что в легкой атлетике один победитель (чемпион) приходится на миллион людей. Сколько же людей приходится на одного спортсмена в искусстве? Скорее всего в искусстве невозможен рекорд. Субъективно каждый художник подлинный чувствует себя единственным на весь мир. Пушкин был единственный, и Толстой, и Гоголь. Таких чемпионов в искусстве называют классиками.

ШКОЛА ВЕЖЛИВОСТИ

Метро восхищает нас всех, главное, тем, что ежедневно учит массы людей не торопиться, не толкаться и быть уверенным, что места всем хватит. Это настоящая могучая школа вежливости для масс, как моя машина «Москвич» служит мне лично тоже школой внимания.

ОБРАЗ

Образ рождается на пути к понятию и тем самым дает каждому возможность по-своему продолжать этот путь.

На этом и основано влияние искусства: посредством образа оно увлекает и привлекает к участию в творчестве другого человека.

ДЛЯ ДРУГА

Писать можно, чувствуя себя образованным и отчужденным человеком, как Анатолий Франс пишет, а можно — как русские пишут, будто поднимают какой-то вопрос для обсуждения с другом.

СОЛДАТЫ В ВАГОНЕ

Совершенно определенное ощущение каждым из них солдатской массы, готовности каждого из них выразиться в образе массы. И эта масса живет, смеется, гогочет, как единый организм. Отдельный гражданин ее может задеть, и тогда окажется, что масса очень чутка к своему достоинству, даже особой чести.

ПОВЕДЕНИЕ ХУДОЖНИКА

У художников школы Чистякова понятие правды освоено как материя, подобная краскам, воздуху, перспективе и т. п. Так я спросил одного художника, почему он для своей картины не берет большой размер, и он мне ответил:

— На большой размер у меня правды не хватит.

В этой правде содержится поведение самого художника, и мне кажется, если бы добраться до этой правды, то откроется то самое, о чем я постоянно думаю, что искусство имеет какую-то связь с поведением человека, и если вдуматься художнику в самого себя с вопросом о том, как произошла та или другая его картина, то так он может дознаться и до какого-то поведения своего. И скорее всего, я думаю, чистяковская группа когда говорила о правде, то думала об этом поведении.

К этой «правде» меня подвела литературная работа в природе, именно то, что отношение к ней, природе, натуре, у меня было, как у художников.

ЗЕРНО ЛИЧНОСТИ

Почему нас манит девственная природа, где еще не ступала нога человека? Так понимаю, что это является попыткой реализовать в небывалом свое первенство: пер-

вому ступить, где еще никто не ступал, первому своим первым глазом увидеть такое, что на свете еще никто не видал. И так открыть для людей неведомую страну.

Новая, неведомая страна, еще не открытая, дается в самом нашем зерне, и оно, прорастая, поднимаясь, разрастаясь, открывает само собой и новую страну. Так везде и во всем первый человек в борьбе за свое первенство открывает для всех новую страну.

Но горе наше в том, что есть второй человек, который почему-то сам никак не хочет, а то и не может открывать новое и рассчитан на то, чтобы присвоить себе открытое. Сколько мы знаем открытий, присвоенных вторым человеком и названных его именем!

Первый человек открывает, второй эксплуатирует открытое. Первого человека следует назвать личностью, второго индивидуумом. У первых игра, как сила, у вторых — польза.

КОРОБКА МУДРОСТИ

Старый год ложится новым долгом на человечество и каждому человеку достается как «грех». И только теперь сам в старости понимаешь всю необходимость участия в исполнении этого долга, как призовой конь тоже под старость соглашается выполнять дело водовозной клячи.

Только все-таки нет, у человека пусть и будет, как у лошади, но из прежних сил скопляется коробка мудрости: человек принимает роль водовозной клячи, отдавая последний долг необходимости участия в долге, но только теперь в положении клячи сознает свою человеческую свободу и только теперь не уничтожает ее своей личной претензией.

1949 ГОД

Мысль моя определенно ходит
по истории.

ВЕЧНАЯ СТОРОНА

В каждом деле есть своя вечная сторона, и все, что строится человеком, строится какой-то вечной своей стороной, не для себя, а для всех. И оттого каждый из нас,

прикасаясь к этой вечной стороне работы, называемой творчеством, оживает, радуется.

Но только не каждый из нас, войдя в творчество самой жизни, принимает радость этой находки за счет самой жизни, а чаще всего возвеличивает сам себя и гордится своим талантом.

ВЕРА В БУДУЩЕЕ

Что может быть согласнее музыкального коллектива, когда мы слушаем симфонию, с каким восторгом мы говорим: «Какой оркестр, какой дирижер!» Но если войти во весь труд, во все интриги и борьбу участников оркестра, то... не захочется, пожалуй, в другой раз даже идти на эту симфонию.

Так что есть две точки зрения на прекрасное, и, пожалуй, мы бы не ходили на симфонию, если бы в прекрасном совершенстве не было победительной силы, заставляющей нас забывать о средствах его достижения, если бы в организаторе музыкальной симфонии не таилась побеждающая вера в будущее совершенное достижение.

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНО

— Вообразите себе!

Так мы говорим, не вдумываясь в смысл слова «вообразите», как не думает ребенок, садясь под стол и говоря просто:

— Пусть, будто это мы сели на пароход.

Так и нам говорят:

— Вообразите себе, перед нами высокая гора.

И мы воображаем или представляем себе гору, перед нами является *силой нашего воображения гора*.

Итак, воображение есть сила или способность человека снимать образы с предметов нашего мира и распоряжаться ими, переставлять, представлять по своему желанию и так создавать свой собственный мир по образу и подобию данного.

Но это воображение есть лишь одна только из всех сил, составляющих силу нашего творчества. Вот об этой-то всей силе творчества человека сказано, что если кто

имеет этой веры в горчичное зерно и скажет горе подойти к нему, то гора подойдет.

Поощряя теперь мичуринство, переделку природы и т. п., мы действуем силой этого горчичного зерна.

НЕСПЕЛЫЕ ДУШИ

«Мужики» Чехова прочел, как в первый раз. Значит, в то время я был такой, что они до меня «не доходили», как и вообще вся поэзия Чехова. Вместе с тем все замечают, что в старости своей я пишу много лучше, чем раньше. Так что скорее всего душа моя раскрывается и вырастает только в опыте, что эта *самая поздняя душа из всех мне известных*. У женщин души всегда поспевают поздно, помню сестру такой: лет в пятьдесят она стала умной, о матери и говорить нечего: в свои семьдесят пять лет она оставалась ребенком, и ей бы надо было жить непременно за сто. Вот эти не хватившие для зрелости ее души годы я теперь и доживаю.

Помню, тем и привлекательны были нам наши мужики, что у них почти у всех были души неспелые, и все грехи их: воровство, пьянство, грязь и проч. были такого характера, что спроса за эти грехи не было, и это действительно были не грехи.

Нет! Вероятно, и даже наверно, я читал «Мужики» Чехова, но тогда своей неспелой душой не мог принять унылый тон чеховского рассказа.

Наверно, и рассказы мои восторженные о природе исходили от той же неспелой души. И если теперь в арифметической своей глубокой старости я пишу, как говорят, все лучше и лучше, то, значит, душа моя поспевает, — молодая душа моей матери в старых годах.

А что, если я не один, а вся основная мужицкая масса русского народа состоит из неспелых душ и этой же неспелостью души строится и вырастает будущее?

Чехов, любя, как русский человек, неспелые души мужиков, изображал их на фоне уныния интеллигентного человека, тогда как я очищаю их от грязи и сливаю в одно с природой, как все мы делаем то же с самой природой ранней весной: природа лежит вся в грязи, а мы уже чуем запах молодой коры и сквозь ветви неодетого леса видим небесную бирюзу.

РАДОСТЬ И ТЯГОСТЬ

Только временами я вхожу в полосу такого пристального внимания, что замечаю все, даже у старушки с задранным носом пуговицу, висящую на ниточке. В таком состоянии я пробовал записывать в лесу все, что вижу, и всегда из этого выходила картина. А женщины всегда видят, как мы в состоянии вдохновения.

— Радует ли тебя,— спросил я свою подругу,— состояние постоянного внимания?

— Нет,— ответила она,— скорее тяготит.

И так всегда и во всем: нас что-то радует, а их тяготит. Но это и не совсем верно: на самом деле, мы просто сильнее и не боимся радости, а они послабее, страхуются тягостью.

ШАГ ВНИМАНИЯ

Молодой снег и тепло. Я шел по улице и находил себе шаг внимания, когда так шагаешь тихо и мерно, что тело свое не мешает вниманию при усилии передвижения.

Это и на лодке бывает, на самой легонькой, парусиновой, с одним двухлопастным веслом: найдешь необходимое движение, забудешься, и душа, как стрекоза голубая, летает низко над волной, над травами, цветами.

Тогда, если взять книжку и быстро записывать, то нужно только успевать записывать, и все потом это годится. Так находят и выписывают свою правду природы художники.

МОЙ ВРАГ

Враг — это препятствие на пути мысли, я должен победить врага, и так, чтобы эта победа расширила мой кругозор, приблизила к цели и дала новые силы: в такой борьбе рост и здоровье человека.

РАЗГОВОР О ПОЭЗИИ

Вечером я услышал разговор о поэзии, о том, что есть книги, например, «Как закалялась сталь» или Макаренко, которые нельзя назвать поэтическими, но они воздействуют не меньше настоящей поэзии.

— Это и есть поэзия! — вмешался я. Дело в том, что в конце концов в поэзии есть исток, исток этот есть *поведение*. Но иногда от истока до нас доходят только обломки поэзии, вот такие, как книга Макаренко, по этим обломкам читатель добирается до целого. Но есть люди, занятые исключительно тем, чтобы эти обломки признать за целое и *pars pro toto*¹ противопоставить поэзии: таков был Вересаев со своим поведением, противопоставленным поэзии Пушкина. Это было посягательство с негодными средствами.

КОНЬ ИСКУССТВА

Политик, увидев коня искусства, думает о том, как бы запрячь его в телегу с его политическим грузом.

ВЕРСТОВЫЕ СТОЛБЫ

Разговор начался с того, что зима теплая и «снег выпал только в январе на третье в ночь». Уверенность в том, что так это и было, что поэзия тяготеет к законам природы.

Какой-то астроном доказывает, что астрономические данные в поэзии Пушкина в точности соответствуют фактам. И один ботаник, глядя на этого астронома, доказал, что так и в ботанике, и что одно дерево, которого теперь нет (в Бессарабии), при Пушкине было.

Только, по-моему, учет внешних событий в поэзии происходит автономно, без особого нарочитого внимания, обнажающего факт как-нибудь астрономически или ботанически: при обнажении получается натурализм и неизбежно связанные с ним ошибки в поэзии. Так что поэзия должна быть непременно *свободной*, и на своем свободном пути она неминуемо тяготеет к фактам, как тяготеет внимание едущего по дороге к верстовым столбам.

СЕМЕНА СЛОВ

Поэт актерит, музыкально декламируя свои стихи среди нескольких десятков обманутых звуками слушателей. Разошлись слушатели — и звук разошелся в народе, как дождевая капля расходится в море. Тогда только слово

¹ Часть вместо целого (лат.).

поэта будет действительно волнующим словом, если он умертвит его для себя и сделает знаком, способным в каждом вызывать свое собственное слово.

Итак, поэт, не верь никому, кроме Музы своей, и пусть она поможет живые слова твои заключать в семена, прорастающие в душах неведомых тебе лично людей.

МУДРЕЦ

Целиком вопросы жизни решаются только у мальчиков, мудрец их имеет в виду, а решает только частности.

РОДИНА — В ДУШЕ

Моя физическая родина елецкая похожа на могилу: поехать на родину совершенно то же, что разрыть могилу матери.

Где же моя истинная родина?

То, что я унес от нее с собой. Родина прекрасная живет в моей душе. Я занимаюсь тем, что спасаю свою родину так же, как птица: строит новое гнездо для своих новых птенцов, хотя старое и сейчас где-то, черное, пустое, мокнет под дождем.

НАЧАЛО РОМАНА

Там в дали апрельской кто-то белым машет, не то пестух крылом, не то собака хвостом, не то красная девушка белым платочком. Не все ли равно?

— Не все ли равно, — веселясь лицом, сам себе улыбаясь, говорит художник Кузьмин. — Да, четыре года не видеть родины и встретиться с нею в апреле, — тут спрашивать нечего, кто там машет и машет тебе в насыщенную весенними парами земли синеватую даль.

НА ХОДУ

В Литфонде из двери в дверь на быстром ходу встретился с доктором Иваном Ивановичем Маховым.

— Здравствуйте, румяное яблочко! — сказал он, — и все оттого здоровье ваше, что не курите. Вам бы сказать...

— Мало ли *говорят*, — ответил я, — нужно *создать* поведение.

КОСТЫЛИ ДОБРОДЕТЕЛИ

Человек должен быть непременно твердым, а то злые люди любят мягких, добрых и делают их своими костылями. Так и надо помнить, что настоящее зло хромое и ходит всегда на костылях добродетели.

АВТОРИТЕТЫ

Я стал критиковать наш санаторий, и мне сказали: «А оно так везде: нет авторитета у докторов — и нет санатория». — «Отчего же нет у нас теперь авторитета?» — «Люди умней стали, хотят сами лечиться и не доверяют врачам, хотят пользоваться врачом, как машиной».

Очевидно, тут, как везде: человек подчиненный выходит из слепого послушания — насколько это было легче! — и включается в управление. Но прежде чем управлять доктором, нужно научиться собой управлять. На этом моменте развития мы теперь и остановились: требуется некоторое время, чтобы этому научиться. Вот и учимся сами собой управлять, и оттого кажется, что вокруг нас рушатся авторитеты.

СИЛА ТРУДА

Велика принудительная сила общественного труда, но это не та злобная сила, когда человека хватают и набивают ему под пятки конского волоса. С такими пятками не остается человеку никакого выхода, кроме того, чтобы смириться в положении пленного раба.

Напротив, принудительная сила общественного труда требует от рабочего личного поведения, и тем самым каждому предоставляется выход в царство свободы. Каждый стремится в общественном труде отличиться, набрать тем самым больше и больше охоты в исполнении необходимого дела.

Душа человека — это сам человек, а не тот, кого видят, о ком догадываются по себе.

ЗЕРКАЛО ВРЕМЕНИ

Все пережитое смотрится в наше время, как в зеркало. И прямо скажу: мы не другие стали, как любят теперь говорить, мы те же самые, только впервые увидели себя и стали прибираться, поправляться, как делают все, увидев себя в зеркале.

ПРОСТЕЙШЕЕ

Образ Дон Кихота создан был автором в насмешку над реакционной идеологией, а публика приняла в веках этот образ под свою защиту, и он стал подпирать реакционную идеологию у символистов.

Иван Дурак, как русское разрешение темы Дон Кихота. Он вступился за мельницу: «Кто же ему даст теперь лопать мельницы? Хорошо еще ветер был, а будь тихо, чего бы он не поломал?»

Задача: раскрыть простейшее в составляющей его сложности. Кончается сказка, начинается дело. «Где же теперь будет сказка?» — «В наших делах: наши дела будут сказкой».

РАЗГОВОР ОСЕНЬЮ

Как в степи впереди каравана осенью летит туча темная скворцов, так и у нас в лесной местности летит туча разных листьев, птиц, и вслед за тем слышишь нарастающий гул в лесу и спрашиваешь себя: что это грозное и неминуемое к нам приближается?

— Вот, слышу,— говорит Дон Кихот,— шелест падающих листьев, свист крыла улетающей птицы, и слышишь, Санчо, топот рокового коня?

Санчо отвечает:

— Слышу, сеньор, шелест и свист. Но только это не конь там, а полуторатонка буксует в грязи.

ДЕТИ

Дети учат взрослых людей не погружаться в дело до конца и оставаться свободными.

МОИ СНЫ

А сегодня день зацвел еще лучше прежнего. В эту ночь недаром мне снилось, будто я какую-то чудесную простую русскую песенку пою и все вокруг меня радуются. Такие сны только в детстве бывают, потому что такое видеть можно только с невозможной для взрослого чистой совестью.

Но тут, конечно, не во мне был этот кристалл, а вне меня: невозможно прекрасный день так во мне реализовался. Верю или хочу верить, что когда-нибудь случится в мире такое прекрасное, явится оно таким несомненным, что мертвые встанут и запоют, как я в свои семьдесят шесть лет запел во сне в эту ночь.

Как это хорошо написалось о том, что дело песни решила не моя чистая совесть, а самая красота этого дня. Можно думать, что чувство совершенства или гармонии, необходимое для творчества, есть состояние души творца, его *поведение*. Но нет! Человек, исполненный этого счастья, не может отнести его к себе, столь несовершенному существу.

В этом-то и есть поведение труженика, творца жизни человеческой, что он утверждает прекрасную реальность, вне себя самого находящуюся.

АНГЕЛ ГАРМОНИИ

Как рождается творческое или родственное внимание, открывающее всегда что-то новое? Думая над этим всю жизнь, я сейчас только заметил, что этому вниманию всегда предшествует мгновение гармонического спокойствия, родственное тому душевному спокойствию, которое появляется, когда у себя в комнате и на письменном столе приберешь все и каждая вещь станет на свое место.

Пусть это парус, и пусть, пусть он, мятежный, ищет бури среди лазури и золота,— в полуночи души поэта, перед тем как написать стихотворение, непременно должен прилететь ангел гармонии.

В поисках источника поэзии я долго называл это состояние души поэта *родственным вниманием*. Но, исследуя природу этого внимания, желая это внимание счесть с сознанием, волей, личностью, я стал называть его *поведением*.

Одно из свойств этого поведения заключается в том, что произведение, исходящее из такого поведения, вынесенное на общественный суд, заставляет нас прощать автору его бытовое поведение. Ярким примером этому может служить офицерское поведение Лермонтова, и мы никогда не простим одному автору за то, что он взялся судить Пушкина по его бытовому поведению. Так что одно из свойств творческого поведения есть поглощение им поведения бытового.

Еще я думал сегодня о бедном N, который много лет писал свой роман и на него истратил все свои душевные силы, а роман вышел серый и скучный. Поведение самого честного труженика оказалось совершенно ненужным для построения романа. Но мы утверждаем, что если не это обыкновенное поведение честного человека, то все же не случайность — появление великих поэтических произведений, — их тоже определяет какое-то поведение.

Сколько я ни читал критических разборов, никогда не приходилось мне в них узнать мою сокровенную мысль об искусстве как образе поведения. Так мне пришло в голову, что, может быть, не художнику и невозможно ничего верного сказать о таком поведении, как невозможно холостой женщине рассказать о деторождении.

Разве не всякий подлинный художник чувствует в себе, как в клетке, заключенную мысль, стремящуюся, как голубь, вырваться из заключения? Я это всегда чувствовал. И мне даже кажется, что жизнь моя, пока я не научился писать, была подражанием движению мысли: как будто, подражая ей, я сам бегу, бегу куда-то, в какую-то далекую страну за жар-птицей, бегу за синей птицей, бегу в райские и в зарайские земли! А когда очнусь, то оказывается, я-то бегу, а мысль остается во мне заключенная.

И разве так не бывает, что когда после бури с дождем солнце взойдет, то все приходит в движение, птицы летят, звери бегут. А мысль моя, свет мой внутренний, это же и есть, как солнце в природе: мысль поднимается, и я от радости бегу в какую-то чудесную страну, бегу и бегу, пока не устану.

Вот это самое «поведение», готовность к прыжку в другой план жизни, чтобы открывать там новое, узнать это новое в себе самом, — и лежит в основе моего таланта.

МЕРА ЖИЗНИ

Итак, есть две меры жизни: одна в ширину от человека к человеку, и другая в глубину, вниз — земля, и в высоту, вверх — небо. Одно измерение горизонтальное: «белеет парус», другое вертикальное: «под ним струя светлей лазури, над ним луч солнца золотой».

Кто-то не заплатил денег за электричество — отрезали провода, и стало темно и тем, кто платил.

— Разве это порядок?

— А как же: мы постоянно так отвечаем за какого-нибудь свата. — И, глядя на елку, пояснил: — Вот осталась одна шишка на елке и в ней семечки. Так глядите: ветру нужно все ветки на елке качать, чтобы растряссти одну семенную шишечку. Так и нас всех трясут за свата.

РАЗГОВОР С СЕРЕЖЕЙ

Сережа, студент-геологоразведчик (самые честные ребята — эти разведчики), сказал, что его смущает жизнь простого человека в глуши: такая трудная жизнь!

— Помню, — ответил я, — как наша артиллерия утесалась от немцев вниз по холму, усыпанному трупами и ранеными: я сидел на ящике, кое-как держался сам, а на раненых вниз нельзя было смотреть. Между тем на всем фронте были наши победы, и если бы смотреть на людей под ящиком и копытами, то едва ли захотелось бы радоваться нашей победе. Так и теперь вы думаете о правде, а сами глядите в душу раненых.

— Да, уж очень-то их много! — сказал Сережа. — Нельзя не глядеть.

— Между тем, — ответил я, — если вы заглянете сейчас в душу богатого европейца, трепещущего за свое будущее, наш простолудин в глуши покажется в счастливом положении.

При этом мне пришлось рассказать, как меня выгоняли из моей усадьбы мужики и как встретивший меня в овраге паренек, похожий на Ляшко, утешал меня: «Не тужи, — говорил он, — нечего греха таить — хорошо пожил в своем гнезде, дай бог всякому. Пусть же другие в нем поживут. Тебе-то что? Пожил — и хорошо, а свет велик, найдешь себе место новое, и душа будет спокойна».

От этих ли простых слов или от чего другого, но огорчение мое в душе расходилось по белому тусклым масляным пятном, поле же души, прозрачное, светлое, было бесконечно...

Итак, други, коммунизм в настоящее время есть *дело* прежде всего. И если ты ищешь веры, то смотри на дела, и ты найдешь и поймешь веру из дел.

ПАСЬЯНС

Пасьянс я раскладываю ежедневно и даже не один раз в день, все один и тот же мой пасьянс. Чему я выучился за много лет? Раньше я копался долго, теперь стал в операциях перескакивать, прямо только взглянув на положение карт: я стал операции производить не детально, а отвлеченно, и много скорей. Таким образом, смысл самого пасьянса, школы терпения, начал пропадать.

И я боюсь, что именно это нас и пугает при механизации жизни: она перестает быть школой терпения, а радости и благодарности в оправдание легкости — не хватает в душе.

ВЕТЕР

Иному станешь рассказывать, а он и слушать не хочет. «Мне бы,— говорит,— поглядеть». Я тогда ему говорю: «Помолчим!» И потом спрашиваю: «Слышишь, что это?» — «Ветер», — говорит. «Правда,— отвечаю,— ветер, а ты его видал, самого-то ветра?» — «Нет,— говорит,— его видеть нельзя». — «Ну, вот,— говорю,— не видишь, а говоришь: ветер. Ты и тут слушай и тоже поймешь что-нибудь».

КАДО

Сюжет маленького рассказа для детей о том, как пошло имя Кадо, но когда мне друг мой его подарил, я вдруг понял эти слова в переводе: «подарок», и Кадо мне стало славным именем.

И только одно плохо, что Кадо по-русски среднего рода, на «о», а собака — огромный самец. Но и это мы преодолели: простые люди все единоголасно называли его «Кадок».

СОЛОМОН

Две свахи судиться пришли, одна сваха, мать мужа, стояла за сына, другая — за дочь свою. Судья разбирал целый день и не мог.

— Устал,— говорит,— и разобрать не могу, подавайте в другой суд: я не могу. И скорее всего никакой судья вас не рассудит, лучше помиритесь.

Свахи подумали, подумали и помирились.

— Ну, вот то-то,— сказал обрадованный судья,— вышло вроде как бы и я недаром работал.

Обе свахи благодарили судью.

ВОСПОМИНАНИЕ

В молодости я спросил Виктора Ивановича:

— Разве нельзя это использовать?

В. И. поднял голову от своих бумаг, подумал и, вздохнув, ответил:

— Использовать, молодой человек, можно все.

НИАГАРСКИЙ ВОДОПАД

Все великое пугает меня своим требованием: «Я-то, мол, велико, а кто ты такой пришел сюда смотреть на меня?» Взять, к примеру, Ниагарский водопад, я пришел к нему и увидел. Проходит немного времени обычного удивления, и водопад непременно задает тот вопрос, даже водопад! И вот если бы я был художником, то непременно принялся картину писать. А водопад все глядел бы, глядел на меня и только не говорил: «Вот так гусь!»

И ведь хорошо еще, что я взял в пример великого водопад, а если бы это был Лев Толстой и глядел бы на меня маленьким пронзительным глазом под огромными бровями? Не понимаю, как это к нему ездили! Я жил недалеко от него и не мог решиться. Я приехал только уж после, на могилу.

Ах, вот почему я так боюсь приближаться к великому: боюсь собой обеспокоить его. А на могиле я ему не мешал, напротив! я чувствовал себя даже не лишним и слез своих не сдерживал, не таил, не стирал...

Скорее всего надо очень много пожить, чтобы ласково мыслить на людях: у хороших стариков это изредка встречается. Но молодой мыслит резко и на людях с этим таится.

Оттого кажется со стороны, что такой молодой человек несет в себе что-то очень тяжелое, непосильное, может быть, и ему некогда заниматься пустяками.

Поступки людей сами по себе, как факты действия, различаются между собой, пожалуй, только температурой, как горячие, холодные и теплые, а красок у них нет никаких.

Окраски поступков привносятся нам со стороны или детьми, или художниками. (Как объяснить, например, что для меня четверг, день недели, и червонный король, карта колоды, окрашены в апрельские цвета неодоимой весны?)

Вспомнишь свое состояние, когда мальчик попал под машину. Возились мы по этому делу до вечера, гоняла меня милиция в ту и другую сторону, и я сам водил машину и все делал с большой точностью. И в то же время я был как убитый. В этом состоянии все мои поступки не были окрашены своими чувствами, поступки мои от этого были без всяких красок и в то же время были гораздо более точны, чем обычно.

В таком состоянии у Данте находятся его герои в аду: в полном точном сознании, а главного нет.

ЧИСТИЛЬЩИКИ САПОГ

Всякий художник, когда делает свою картину, то, конечно, сколько-то мыслит и о себе. Вот эта мнительность о себе при бездарности творит катастрофу в душе художника, когда картина выставляется на суд общества. Такая беда случилась с Н. Общество его высмеяло, а он наперекор общественному мнению выпросил себе у начальства для поддержки своего авторитета лауреата, и ему дали это, хотя и третьей степени.

Таковыми маленькими деспотами в искусстве теперь хоть пруд пруди. Я бы их всех сделал чистильщиками обуви на улицах. Вот бы тут они распоряжались нашими ногами, и нам от этого была бы только польза, и им вечное удовольствие, потому что нет больших деспотов, как чистильщики обуви.

Вот эта мысль о борьбе художника с самомнением как борьбе, образующей *поведение* художника, открывающей тайны его природы, и есть одна из самых существенных в моей работе «искусство как поведение».

На обрывке газеты прочитал крупными буквами напечатанное заглавие юбилейной статьи о Горьком: «Жрец морали». Какое безвкусие и какой удар по костям покойника! А между тем всех известных людей приглашают радоваться благодарности потомства.

СТАРАЯ МОДЕЛЬ

Эта редакторша похожа на сохранившуюся какую-то модель станка Гутенберга. Она мыслит образами напечатанных книг.

ОБЩИЙ УМ

Когда человек берет власть, то вокруг все наперебой стремятся его чему-нибудь научить, обратить на что-то свое внимание, и от этого чужого ума он быстро усиливается, становится как бы другим человеком, сильным, могучим.

Так точно и в искусстве, когда художник бывает признан и ему открываются всякие возможности.

Каждому предмету, вещи, факту, поступающим в мою сферу внимания (откуда внимание? не в управлении ли вниманием, извлекающим факт, таится поведение художника?), я даю *образование*, то есть ввожу его в систему единства моих образов. Не отсюда ли, из единства, вытекает внимание, а единство — из гармонии, присущей душе человека? И поведение, может быть, заключается в охране, попечении и вообще в материнстве гармонии.

РЕЛЯТИВИЗМ

Нам досталось от скептического века и, наверно, от французов особое состояние некоей условной веры, вроде того, что, с одной стороны, оно так, а с другой, если обойти факт и на него поглядеть сзади, то будет совсем все по-другому. Самое же главное в этом, что самому можно жить надвое: с одной стороны будет так, а если не выйдет здесь — можно перейти на другую сторону, и там наградят за то, что не так на другой стороне.

СОВЕСТЬ

По себе я знаю совесть как особое, шестое, скажем, чувство, и назовем его чувством мысли.

Сама мысль, ощущаемая в этом чувстве, не может быть выражена из-за препятствий самой жизни: мысль находится за этими барьерами, как у животных: чутье указывает место пребывания дичи, а видеть ее невозможно.

Человек приближается к мысли этой двумя путями: коротким, путем катастрофы, или путем деятельного долголетия. А пока не пришло к человеку катастрофы, или же он еще просто не дожил и малоопытен, он постигает истину особым чувством мысли, называемым совестью.

САМОЛЮБИЕ

Творчество от родов тем отличается, что будто бы оно легче. Это неправда, часто муки творчества бывают невыносимее мук рождения. И еще кажется, творчество легче тем, что у роженицы вместе с новорожденным является забота о нем, а художник кончил вещь — и все тут.

Увы! это неправда, у роженицы рождается забота, а у художника самолюбие, и кто знает, что лучше. Заботам люди сочувствуют, и в заботах весь человек на виду, а самолюбие надо скрывать, и оттого заботы лишь точат, а скрываемое самолюбие человека грызет.

Сюжетик «самолюбие»: 1) Сравнение с родами: у женщин от родов забота, у художника — самолюбие. 2) Человек не в силах молчать и выносит сор из избы: «у него нет самолюбия».

Вообще, конечно, эта дрянь — самолюбие — была в моей природе и теперь висит, как раненая рука, и я привыкаю с ней жить и работать. Руку я взял в пример от лесника Доронина, у которого она висит и ужасно мешает.

Лесник на вопрос, почему у него рука висит на ниточке и он ее не ампутирует, ответил:

— От самолюбия. — И рассказал, что пальцы его ви- сячей руки шевелятся.

— На что же тебе эти пальцы, если рука висит?

— А папироску свернуть.

— При чем же тут самолюбие?

— А как же: всю руку держу, только чтоб покурить. Какая же тут польза? Одно самолюбие.

Так и мне как-то боязно решиться ампутировать мой раненый орган самолюбия, мне кажется, что без него я лишусь самой способности крутить папиросу необходимого литературного тщеславия и буду просто добродетельным человеком.

ИЗДАТЕЛЮ

Чем лучше вы будете издавать плохую книгу, тем она будет противней.

ЧУВСТВО УТРАТЫ

Человек, в детстве наслаждавшийся ароматом ландышей, и потом, когда потеряет обоняние в старости, не лишается желаний поднести ландыш к носу. Мало того! он может при этом наслаждаться воображаемым ароматом.

Поэзия сложнее аромата цветка, но и она близка к способности человека возмещать утраченное.

ЧУВСТВО МЫСЛИ

Мысль, когда-то рожденная в огненной битве человеческих чувств, заключена в отвлеченную от всяких чувств и обращенную в закон формулу. Это произошло не вчера, даже не сегодня, а сейчас. Еще никто, кроме создателя формулы, не может понять ее и ею воспользоваться.

Но чувства, из которых вышла эта формула, чувства мысли, ныне заключенной в формулу, известны, распределены во множестве людей, и даже очеловеченная собака явно чувствует величие этой мысли.

От чужой мысли всегда веет холодом, и она оттого похожа на планету, когда-то горевшую, а теперь холодную и освещенную чужим светом.

Но есть в мире мысль, еще никем не высказанная, как планета, на которой органическая жизнь еще впереди. Это мысль, еще не открытая людьми, но мы ее чувствуем.

Мне кажется, если не ошибаюсь, наше искусство *истинное* и есть сильное выражение этого чувства мысли в своем чаянии, в своем стремлении к будущему. Думаю, и социализм в существе своем есть то же самое чувство мысли о правде.

Дикие животные — это богатство и радость в лесу, а домашние терпимы только в небольшом числе, а в парке и совсем нетерпимы.

Впрочем, это понятно, только совсем непонятно, почему дикие животные — олени, лани, дикие козы — радуют даже и в парке.

В ЛЕСНОЙ ТЕСНОТЕ

Все разворачивается, и все во мне этому отвечает... И вдруг понял себя, как высокое дерево в лесной тесноте. Тесно мне, душно, тело мое пробито суками соседних деревьев, и только вершина моя зеленая пробилась наверх. А между тем на опушке, там далеко, стоят деревья на счастливом свету, и лес там бросает свои семена и движется по земле, как народ...

Так у нас и литература теперь. Тяжело тому, кто в тесноте тянется к свету все выше и выше, теряя свои сучья. Зато какая жизнь на опушке! Там, где народы питались фольклором, устным словом, везде фольклор трансформируется в литературное дело и душевная жизнь обращается в материальную. Литература измерялась раньше, как дерево, в тесноте ростом вверх: чем выше, тем лучше. А теперь измеряется, как лес на опушке: движением вширь.

СЮЖЕТ О ПЕТУХЕ-РАЗБОЙНИКЕ

У соседа украли кур. Петух пошел в разбой на нашего леггорна и отбил у него кур. Мы посадили разбойника под кадушку и каждый вечер, мокрого, опозоренного, голодного, перегоняем к соседям.

Мало-помалу петух так ослабел под кадушкой, что наш петух в очередном испытании наколотил его и в хвост и в гриву и прогнал на свой двор.

И так сказать: хорошо петушиться, и замирать с одной приподнятой ногой, и орать во все горло «победу», когда твой враг под кадушкой.

Путь счастья и мира души побежденного состоит в том, чтобы сознать свои ошибки, и поблагодарить врага за науку, и обещать себе больше уже не делать ошибок.

Киносъемка вчера измучила меня, гоняя по жаре с горы на гору; наконец я сел на пенек в тени, а они на траву возле меня.

— Не нравится мне, — сказал я, — что вы всю жизнь подгоняете под красивое. Вот вы, например, снимаете торжество общения писателя с колхозниками, а между тем из головы у меня не выходит обида: сегодня все утро всеми дурными словами ругала меня колхозница, обвиняя меня в том, что мой кот у нее будто бы заел цыпленка. Я защищался все утро тем, что не могу привязать кота и что кот был не мой. Я предложил даже колхознице застрелить кота, если кот окажется моим. Она кричала мне, что стрелять не умеет. Я обещал ее научить и дать ружье. Это она приняла как издевательство и еще больше ругала меня. И так прошло в колхозе утро писателя. Надо бы и это снять.

— Это не характерно, — ответили киношники.

Можно находиться под обаянием великой мысли, а говорить одни глупости. И можно знать все на свете, но, не чувствуя единства всего в одной необъятно великой мысли, повторять как индюк то, что уже не раз говорили другие.

МОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Материал у меня под ногами: моя родная земля, а направление мне дает каждое дерево своим ростом вверх, прямо к свету. Все остальное борьба.

ГЛУХОТА

Начинаю недослышать, и когда это случается, то мне кажется, будто говорящий мне плохо выговаривает слова, и мне за это он бывает так неприятен, что взял бы и передразнил его звуками, как они до меня доходят. Так и в литературе глухие на слово художника критики и читатели непременно свою глухоту сваливают на автора.

Вот почему наше слово должно быть ясным, громким и доступным пониманию по возможности каждого.

ТВОРЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Для меня есть только два времени: весна с нарастанием и осень с уменьшением света. Так в природе, а в душе человека нарастание света сопровождается нарастанием тревоги с вопросом, найду ли силы в себе ответить зовам природы и переживу ли?

Убавка света возбуждает внутри себя силы и уверенность творчества, дает веру в возможность гармонии и всего такого, составляющего основы творческого поведения. Такою была осень для Пушкина.

БОЕВАЯ ПОЗА

Мальчик швырял камни, такой сильный мальчишка и такой маленький, что от каждого швырка закручивался в обратную сторону и мгновенно раскручивался назад, чтобы успеть захватить полет брошенного камня. Так он делал множество раз, как богатырь, сын царя Салтана, вылезший из бочки.

Рядом с ним стояла совсем капельная девочка и смотрела на все пуговками голубых глазенок, как куколка.

Я подошел к богатырю и, заложив руки назад, выпитив грудь петухом, сказал задорно, как бы вызывая на бой:

— Ну?

Он мгновенно перестроился, тоже заложил руки назад, как ястреб, не моргая, уставился на меня в страшной серьезности.

Я сделал вид, что испугался, отступая задом, чтобы не дать ему швырнуться в меня, повернулся и пошел своим путем.

И сколько ни шел, сколько раз ни оглядывался, он все стоял и стоял в своей боевой позе.

ТРУДОДНИ В ИСКУССТВЕ

Когда рассказ плохой, говорят: «Надуманно, потом пахнет». А когда хотят похвалить, то: «Как будто само сделалось».

Вот тут и выводы в искусстве трудодни!

МОЙ ПРИЕМ

Мой прием состоит в том, чтобы заставить действовать не только центральное лицо, но и всю *обстановку* олицетворить, чтобы каждая вещь показалась своим лицом и стала тоже героем. Так и лес, и елка, и сосна стали бы живыми.

ЗА ЧТЕНИЕМ ПАУСТОВСКОГО

Не будь я Пришвиным, я хотел бы писать в наше время, как Паустовский.

СВОБОДА

Даже Грибоедов, на что уж умница, и то мог тогда сказать: «Пишу, как живу: свободно и свободно». Не мог, значит, и он в то время понимать, что свобода является людям только в покрывале и не должна обнажаться в простом произношении слова.

Теперь даже самый простой человек не скажет просто о свободе, потому что свобода — это тайна личности, вырази тайну — и свобода со всеми своими прелестями, надеждой, верой, любовью разойдется в общей жизни, как дым.

Моя свобода, чувствую, давно уже превратилась в волну, и разбегается, и ударяется в скалистый берег, и рассыпается, и опять собирается.

И эти веточки дерева сейчас у меня перед глазами качаются, качаются, треплются, шепчутся, — разве не та же волна? Разве волна, ударяясь о скалу, не отмывает каждый раз что-то от берега и не уносит с собой? Разве веточка ели, раскачиваясь, не освещает со всех сторон свои зеленые хвои и тоже не собирает в себе на рост, на жизнь, и свет, и тепло из солнца его горячее?

СТАРАЯ СОБАКА

Молодые собаки должны ходить в безусловном повиновении, и никакие поблажки им не дозволены. Но старым собакам мы разрешаем иногда нас и не послушаться.

КАК НАДО

В детстве после чтения «Песни о купце Калашникове» стал вопрос: «Почему Грозный, сочувствуя вместе с автором Калашникову, неожиданно для читателя награждает его виселицей?» И только теперь является ответ: «Грозный сочувствовал Калашникову как человек и хотел бы по-человечески отнестись к нему, но, как царь, должен был его повесить».

Я понял это только теперь, потому что только теперь пришло время очевидного для всех разделения жизни на человеческое начало, «как самому хочется», и на должное: на «как надо».

МОЯ ТЕМА

Сделаем предположение, что в мире природы все неповторимо, и самодержавно, и незаменимо и что обобщение начинается человеком.

Одна из моих тем: то, что называется «грех», есть пропуск жизненных единиц при *обобщении*, как при пахоте поля непропаханные частицы поля — «огрехи».

С этой темой неповторяемости и незаменимости жизненных единиц я родился, как другие родятся с неудержимым стремлением обобщения и замены одной единицы другой.

Опять все думаю о начале зла в обобщении: между *подобными* явлениями человек провел прямую линию и отбросил все, что направо от законной линии и что налево. Из этой линии закона вышла математика, наука, лежащая со всеми вытекающими из нее науками — физикой и химией — по ту сторону добра и зла.

ЗАКРЫТЫЕ ДВЕРИ

Там, где самим хорошо, редко двери бывают открыты для гостей, — вот почему поэзия и не бывает в хороших домах уверенных и довольных людей...

СЛАВА

Чехов сказал, что когда хочется пить, то кажется, выпьешь целое море, и когда станешь пить, то выпиваешь стакана два. А я думаю так тоже и о славе, что со вкусом и в пользу выпивает себе артист только стакана два, а после от нее только дуется.

ЕСЛИ СНИЗУ СМОТРЕТЬ

На дерево лучше снизу смотреть, чем сверху: снизу оно значительнее, выше, прекраснее. Конечно, и человек, если снизу на него смотреть, великаном представляется, только так смотреть на человека опасно: зазнается великан и сверху пхнет тебя сапогом в рыло.

ОБРАЗ СОЛНЦА

Цветок берет себе пример с солнца. У цветочка — его мед и пчелы, и у солнца — жизнь и люди...

МОЙ ГЕРОЙ

Отец его, столяр, любил делать совершенные вещи: это у него было первое, и это первое порождало второе: жил хорошо. Так выходило само собой, что он жил для людей. Сын его не был мастером, но усвоил себе радость делать хорошо для людей. На этом основании он получил военное воспитание: служить Советскому Союзу. Так он сделался коммунистом.

Когда он с негодьям вступает в борьбу, то это все равно, что с самим собой начинает борьбу. Его задача скрутить негодя и заставить его делать то самое, чему он служит. Он всегда милостив к своему врагу после победы, потому что враг как бы уже соединился с ним самим.

— Ну как же, ну как же, и что об этом говорить! Мы на войне учились понимать и узнавать себя самого в другом человеке: тут и хороший человек, и средний, и так себе, и негодай, — всех видишь в себе, как в зеркале, и себя самого в них.

Тут все сходится вместе на службе, соединяющей всех в одного.

СТРАШНЫЙ СУД

На войне природный человек в каждом открывается, каков он есть: храбрый делается трусом, робкий — героем. Так что война — это что-то вроде Страшного суда. И хорошо, если, отменяя войну, человечество найдет себе

иную, более отвечающую времени форму суда, и непременно «страшного», в котором вскрывается внутренний человек. Без такого суда невозможен мир во всем мире и движение к лучшему.

ХУДОЖНИКУ

Нет мудрости в том, что кто-то, завидев прекрасное, бросается к нему, присоединяет к себе и делает своей собственностью: эта собственность неминуемо рано или поздно сделает его своим рабом.

Настоящая мудрость приходит к человеку, когда, завидев прекрасное, он не бросается к нему, а собирает друзей и показывает. Тогда прекрасное само приходит к нему, как к хозяину своему и другу, и свободно садится со всеми за стол.

Вымысел тем лучше, чем он правдоподобнее, и тем приятнее, чем ближе к вероятному и возможному.

ТРЕБОВАНИЕ ВРЕМЕНИ

Есть вещи в государственном управлении, к которым нельзя приспособиться писателю, потому что эти вещи есть «временные меры». Приспособление писателя к современности есть требование времени, но если писатель приспосабливается и к «временным мерам», то начинают протестовать даже сами администраторы.

ПОДВИГ И СВОБОДА

Вчера сжал в тиски Недовольного и заставил его выложить на стол свои аргументы. Он выложил мне то самое, что я думал: личная свобода как благо культуры Запада. Больше сказать им нечего.

Я ответил, что эта свобода там есть наследие прошлого, как результат подвига в прошлом лучших людей.

У нас же сейчас пришло время такого подвига, и в нем каждый живой человек может найти свою свободу.

Однолюбы реализуются как таковые и в деле: они собирают всю свою энергию во что-то одно.

СОЛНЦЕ — ОДНО

Почему это все на свете живет надвое: день и ночь, правая рука и левая, верх и низ, черное и белое, и все вдвойне, а солнце одно, и ему нет такой пары, как у нас на земле все делится. Не оттого ли это солнце одно, что для нас оно единственный источник жизни?

«А МЫ ПОПРОБУЕМ!»

Входя в колею жизни, слабеющие люди и народы падающие получают веру в инертность человеческой природы и убеждают себя в этом ссылаясь на историю и на «суету сует» Соломона.

Нужен приход молодых народов, чтобы загорелась вера в небывалое.

— Не бывает? А мы попробуем!

СЧЕТОМ ОШИБЛАСЬ

Стояла плохо одетая женщина, немолодая и с ребенком на руках. За ней стояли две хорошо одетые женщины, и одна из них спросила бедную, указав на ребенка:

— Твой?

— А чей же? — ответила та, — мой. К чему вы спрашиваете?

— К тому, — ответила богатая, — что пора бы это бросить: не молодая, а рождаешь. Сколько их у тебя?

— Кроме этого, семь еще.

— Ну, вот видишь: чего же не останавливаешься?

— Мужа люблю, милая, живем хорошо с ним и каждому новому ребенку рады, ходим за ним, кормим, моем, одеваем, вечером спать всех уложим, сосчитаем.

Вот раз было: нет одного! Ну что делать? Милые мои, вы говорите — пора бы кончить. Правда, правда, а что сделаешь? Мужа люблю своего, взяла да еще родила на место пропавшего, — так и не нашелся. А когда снова сосчитали — и тот оказался цел. Вот почему и родила этого: счетом ошиблась.

ПОД НОВЫЙ ГОД

Жизнь ужасно страшна, но мы, наверно, идем к лучшему. Нужно только это коренное верование сделать независимым от личного положения в здравье, довольстве

и славе: если успеваешь, не переносить личную радость туда, и если проваливаешься, не винить общий ход жизни по себе.

1950 ГОД

...Дело художника, минуя соблазн красивого зла, сделать красоту солнцем добра.

БЕЗДНА

Есть в одной блестящей странице К. Леонтьева десять строк в защиту войны. Вот эти-то строки и открывают бездну между Леонтьевым и нами, потому что за последнее время война до конца скомпрометирована и на месте морали войны встает иная мораль.

МОЕ ДЕЛО

Профессору медицины я сказал:

— Каждый должен быть в какой-то степени создателем чего-нибудь нового, в этом творчестве есть его радость жизни. Врач должен начать свое исследование пациента с этого: что мешает и что способствует творчеству такого лица, его пациента.

— Такое лицо, — ответил М., — надо направить в комиссию по учету трудоспособности.

— Но там, — сказал я, — именно и не должны смотреть на него как на личность, а как на среднеарифметическое трудящихся в данной профессии. Врач должен, напротив, смотреть на своего пациента как на единственное в мире, неповторимое и незаменимое существо.

И вот, как только я ввел в систему общественного внимания к трудящемуся внимание к личности, так сразу М. понял меня.

Вот это я и делаю в своих писаниях, из-за этого не стареет моя литература, из-за этого все растет и растет мой читатель...

Так что, друзья, не обижайтесь на государственную систему, а попытайтесь утвердиться в этой системе лично

и способствовать утверждению в ней других личностей. Это и будет ваше положительное дело, и его вам хватит на всю жизнь.

ИСКУССТВО КАК ОБРАЗ ПОВЕДЕНИЯ

Романтизм, реализм, социалистический реализм, натурализм и т. п. — всякое подобное обобщение сделано на каменном фундаменте поведения: романтизм требует движения к лучшему, реализм требует правды, символизм — красоты.

Эстетизм есть жертва правдой ради красоты, но служение красоте входит в обязанность всякого художника, и Шекспира не сварить в колбе.

Натуральное богатство русского языка и речи так велико, что, не мудрствуя лукаво, сердцем слушая время, в тесном общении с простым человеком и с томиком Пушкина в кармане можно сделаться отличным писателем. Мы пашем, удобряем, сеем, но посеянное само растет.

Создание книги похоже на посев семян: много хлопот, чтобы посеять, а дальше все само делается. В семенах — урожай от погоды, а в словах — от народа.

Да и в самом творчестве есть время забот, отвечающее посеву, и есть время, когда свои заботы надо отбросить и предоставить посеянному вырастать самому. Пусть все вырастает по плану, как задумал сеятель, но пусть не вмешивается автор туда, где все само делается благодаря силам природы.

Вот в этом-то, может быть, и заключается поведение автора и его управление, чтобы уметь вовремя отойти от задуманного и предоставить самый рост силам природы.

ЧУВСТВО СОВРЕМЕННОСТИ

Почему бы не понимать современность по-своему. Правда, я плохо знаю теорию, но скажите — что знал Лев Толстой? А между тем в своем творчестве все понимал и на все откликался. И мне кажется, я тоже могу.

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Новый человек — это ребенок, а если о нем надо рассказывать, то расскажите о взрослом, сумевшем сохранить в себе ребенка.

Формализм — это зло признанное, но форма — это добро. Между тем у нас часто сознательно и бессознательно писатели, прикрываясь борьбой с формализмом, считают форму. Поэтому, защищая форму, я требую от писателя прежде всего языка.

КНИГА О ТОЛСТОМ С ПРЕДИСЛОВИЕМ
БОНЧ-БРУЕВИЧА

В этой статье Бонч заканчивает длительный спор русского общества в отношении семейной жизни Толстого. «Злом» Толстого он прямо называет его жену.

«Вот и непротivление!» — говорит Толстой в момент расставания с Ясной. Так что Толстой, покидая жену, тем самым покидает и мысль своей жизни о непротivлении. А самое «зло» (С. А.) Бонч сводит к корысти, порожденной капиталистической системой. Упрощение спора интеллигенции о семейной драме Толстого у Бонча выходит ярко и хорошо.

В голову приходит мысль о том, что Толстой своим непротivлением все подготовил к тому, чтобы кто-то пришел и одним решительным ударом (как Ленин) рассек гордиев узел русского народного непротivления.

МОЯ РАБОЧАЯ ГИПОТЕЗА

Природа для меня, огонь, вода, ветер, камни, растения, животные — все это части разбитого единого существа. А человек в природе — это разум великого существа, накапливающий силу, чтобы собрать всю природу в единство.

Есть момент обязательный в творчестве, когда художник судит весь мир по себе.

ЛЮБОВЬ

Независимость личности создается любовью, но есть два рода любви. Одна любовь для себя называется счастьем, другая — подвигом. Время сейчас от человека требует подвига, но тем больше хочет он личного счастья.

Такой моральный разрыв заполняется бюрократами-моралистами.

Всякого рода нравственных гадостей в наше время, конечно, не меньше, чем в старое, но яркий новый свет, а не тусклый прежний, нет-нет и упадет теперь на гадость.

И этот свет, нарастая и нарастая, рано или поздно создаст новую культуру, где будут вырастать действительно новые существа.

ТИРЕ

Когда читаешь историю литературы с древних времен, то сам делаешься в этом общечеловеческом процессе каким-то знаком, вроде тире.

Вот из-за этой робости многие не делаются писателями, а другие: учителя, начетчики, критики, презирают живого писателя, дерзающего поставить себя в центр мироздания.

СВЯЩЕННАЯ ПРЯМАЯ

Единство и многообразие форм составляет и стиль и содержание произведений художника, и это единство равно значит в моем понимании со священной прямой.

В юности я верил в простую, как рельсы, прямую прогресса человечества. Потом, как и все, потерпел крушение, и весь мир с его человечеством завертелся по равнодействующей силы центростремительной, влекущей вниз, и центробежной силы, стремящей нас на прямую.

Теперь я начинаю верить, что, любя и благословляя жизнь, можно вращаться с живущими только при вере и уповании выйти когда-нибудь, как было это в юности, на священную прямую.

ЧИТАТЕЛЮ

Добро — это цветок, выросший на удобрении.

Добро, любовь, красота не составляют в душе человека особой области, а венчают путь каждого из нас, если мы шли правильно.

МОЯ БИОГРАФИЯ

Есть у людей общий ум, и есть общая любовь у человека: все так любят — весь человек. И добро есть такое, и вера общая: верит один, верит другой. Но я был до того

личен, что это общее всем, мной не изведенное, принял за личное.

Вместе с общими качествами человека, ставшими через меня личными, стали тоже личными народность и природа.

Может быть, и каждый поэт в силу самой поэзии делает общее личным, и в этом и есть сущность поэзии...

Мне в молодости удалось сделаться автором нескольких неплохих и признанных произведений. Счастье быть автором до того меня обрадовало, что я в каждом рабочем, в каждом крестьянине и ремесленнике, в каждом человеке стал подозревать возможное авторство и с этой точки зрения все на свете стал судить и рядить.

Вот и моя настоящая биография: выразить ею тему поведения художника (искусство как образ поведения).

КЛЕОПАТРА

Скульптор Сарра Лебедева начала лепить с меня голову, сделав перед этим для меня смесь глины из оконченных голов Игнатьева и Тихонова. Так она всегда делает из чьей-нибудь уже отлитой головы для новой.

Часа три грузная женщина в пятьдесят лет танцевала вокруг меня, как балерина. Работала страстно, сильно, в один раз сделала столько, что уже можно было хорошо узнать меня всякому.

Я вышел подавленный сравнением ее работы со своей.

Вчера за чаем глядит на меня (у нее большие, как небо, голубые глаза) и улыбается. Я думал — это она мне. Вдруг вскочила, убежала в другую комнату, мастерскую, что-то примазала к бюсту и вернулась совсем другая. Оказалось, она не мне, а себе улыбалась.

Такое вот и небо голубое — какое ему дело до меня. А кажется, будто оно существует такое для тебя.

Вчера жена моя сделала свое замечание по поводу неоконченной моей головы.

— Что ты сбиваешь художника! — сказал я.

— Нисколько, — ответила Сарра. — Бывает время, когда художник пассивен в отношении модели: тогда опасно слушать, что говорят. Но приходит время, когда активным становится художник, а пассивной модель. Сейчас это время наступило. Сейчас я хозяин моей работы, и никакое мнение меня не собьет.

— Выходит что-то вроде Египетских ночей, — сказал я, — ночь проходит, и Клеопатра швыряет голову своей жертвы. Я уже видел, как из головы Игнатьева и Тихонова вы намесили глину для моей головы, и вот-вот моя голова станет глиной для какой-нибудь новой.

НАШ ДОЛГ

Совершенная форма и есть для художника то самое, что все другие граждане всевозможных профессий признают, как свой гражданский долг.

Попытки иных художников в осуществлении формы без гражданского долга справедливо осуждены, как формализм.

ПРОЧНЫЕ ВЕЩИ

Красота направлена к вечности, но художник должен знать время, когда с ней нужно выходить на люди: когда у них свадьба, когда похороны.

Художник должен чувствовать вечность и в то же самое время быть современным. Без чувства вечности невозможны прочные вещи, без чувства современности — художник останется непризнанным.

ГОСТЕПРИИМСТВО

Известно, что всякая страсть (всякая ли?) под воздействием человека, оставаясь в основе самой собой, преобразуется. Мы вспомнили любовь физическую, животную, и что сделал с ней человек!

Кто-то в это время смотрел на меня, с каким аппетитом я уплетал жареную навагу, и спросил:

— А во что обращается чревоугодие?

— Здравствуйте, — ответил я, — будто не знаете! А угостить человека другого вплоть до того, чтобы самому не доест, а посмотреть, как другой человек, гость, будет есть и наслаждаться — разве это не есть преображение страсти чревоугодия?

ВТОРОПАХ

Вчера у Н. справлялось лауреатство. Было много бутылок, тарелок с колбасой, рыбой, телятиной. Какой-то рыженький художник речь говорил: «Когда мы боро-

лись на фронтах за это счастье...» — и показал рукой без всякой иронии, а просто второпях, на стол с колбасой, рыбой и бутылками.

Так счастливо сошлась мечта о человеческом счастье с колбасой.

НА УЛИЦЕ

Москва сияет. Девочки уже на веревочках, мальчики мрачными группами играют на деньги: маленькие играют на медные, покрупнее — на серебряные.

Опять, как в сытое время, на крышах кое-где стали показываться коты и — что еще радостнее — голуби.

У детей наше военное время в большой степени отняло детство, и нам, воспитателям новых поколений, не следует пользоваться тем, что дети поумнели и могут читать книги для взрослых.

Нам надо писать так, чтобы по возможности возвращать детям их детство.

ИСТОКИ ПОЭЗИИ

Сейчас вся литература строится так, будто все читатели — дети, и им надо ответить на все детское «почему». Нужен какой-то иной вопрос, чтобы на ответ вызвать не знание, а поэзию.

Один спрашивает деревце: «А для чего ты растешь?» Другой спрашивает деревце: «А кто у тебя папа и мама?» Деревце отвечает желтыми кружками своих цветов и белыми лучиками лепестков: «Мой папа солнце, а мама земля».

ЗА МИР!

В борьбе за мир, принятой на себя Советским Союзом, некоторые не принимают участия ввиду того, что, по их мнению, войны и так не будет, а другие — что война все равно неизбежна.

Мы принадлежим к тем скромным деятелям в творчестве самой субстанции мира, которые не имеют времени на политическую оперативную деятельность. Мы верим, что наша деятельность необходима в деле создания мира еще более, чем политика, потому что без субстанции мира

политику нечем и оперировать. Но мы так думаем про себя и для себя, и мы вообще не забегаем вперед движения к миру, а просто стоим на своем.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ

Когда человек берется за дело, то он непременно прячет свою мысль от другого, и так он охраняет свое первенство как необходимое условие своего творчества. Вероятнее всего это живое первенство при падении человека каменеет и превращается в собственность.

СМЫСЛ УЛИЦЫ

Возвращаясь из поликлиники, почувствовал на Полянке необходимость найти для себя на улице смысл данной минуты. Что это за смысл, я не совсем понимаю: может быть, это даже и вовсе не смысл, а просто момент соприкосновения внешней жизни с моей душой?

Так я посмотрел на дома новые и дома старые, — ничего не почувствовал: мертвые были дома, как памятники на кладбище. Чужды мне были троллейбусы огромные, и мчащиеся легковые машины, и шум, и лязг, и гудки... Но в то же время я знал, что где-то мой смысл должен быть.

Вдруг я увидел у края тротуара кучу песку, а возле кучи сидели маленькие дети и своими игрушечными формочками делали из влажного песка пироги.

И тут я узнал возле этой кучи песку то самое, чего мне так не хватало и что я называл смыслом улицы.

О ПОШЛОСТИ

Блок, как и другие «декаденты», был болезненно чуток к пошлости («что пошло, то пошло»), и эта пошлость у них являлась как бы тенью лично ощутимого света.

«Декадент» ненавидел пошлость как-то заинтересованно, как будто сам-то он вышел из этого пошлого мира и теперь от него отстраняется.

ПОСЛЕ МЕНЯ

Всякий художник на первых порах питается сочувствием и такой «славой» удовлетворяется. В дальнейшем он славу свою переживает и делается независимым

от современников («И долго буду тем любезен я народу...»).

Так и сама жизнь делится на: 1) сейчас со мною и 2) после меня.

ГЕНЕЗИС И ЛОГИКА

Есть связь людей на земле генетическая (каждому по желанию, по охоте, любви и вообще «как хочется») и другая связь логическая (по требованию разума, как необходимость и вообще не как хочется, а «как надо»).

В этих полюсах, и со знаменем генетической связи «как хочется», и со знаменем логической связи «как надо», движется сейчас наше время «холодной войны».

Желанный мир (Данное, в нем и природа) и мир Долженствующий должны найти в человеке если не гармоническое, то терпимое соотношение, и тогда война кончится.

Национальная по форме — это, значит, генетическая связь между людьми. А социалистическая по содержанию — значит, связь логическая. С младенческих лет мы, русские, испытываем на себе борьбу двух этих связей: как хочется и как надо. Рядом со связью национальной, генетической, связь логическая, интернациональная: человек к человеку должен получить новое моральное обоснование.

Все, что рождается, оно само собою рождается и лично; все, что выводится (или является на свет как логический вывод), выводится действительно и безлично.

Художник слова должен наблюдать текущую жизнь и ее генетическую связь с готовностью встретить в ней зарождение связи разумной.

Гражданин советский должен помнить всегда, что идея разумной связи должна освобождать генетическую связь во всей ее чистоте, что именно вот для того и должна быть эта разумная связь, чтобы спаслась связь генетическая.

Сейчас делается в мире что-то единое, и на нашей и на той стороне, все — к одному.

Я знаю это в чувстве природы, где всякая мелочь представляет собою вселенную. Так теперь и в человеческом обществе, в этой борьбе миров больше находит

смысла тот, у кого есть возможность сосредоточиться свободно на фактах повседневной жизни. Те же самые ро-синки, листики, усики, говорящие нам так выразительно о всем мире природы, находятся и в нынешнем человеческом обществе всего земного шара. Чувство мирового единства, столь знакомое художникам, живописцам природы, должно бы определиться и в чувстве мирового единства человека, но этому что-то мешает.

Рамки нации мешают взлету этого чувства: латыши, евреи, китайцы, немцы и другие групповые объединения обрывают чувство всего человека. Мы встречаем иностранца радостно, когда он, оставаясь в своем генетическом определении тем, что он есть: евреем, немцем, латышом или китайцем, — совершает поступки, полезные для всего человечества.

Не есть ли это чувство радостной встречи человека всего мира тем же самым, что мы чувствуем при встрече в природе с фактами, поднимающими нас до чувства единства всего мира природы?

ЮМОР

Есть юмор как средство выхода, когда делается чего-нибудь стыдно: скажешь смешное и тем отведешь от себя внимание.

А то есть юмор народный: «га-га-га!», обнаженный, грубый, его ввел Шекспир. Не знаю, достоин ли он культивирования. Но, во всяком случае, он очень годится для изображения народных масс. (У меня — в рассказе «Никон Староколенный».)

СИЛА УДИВЛЕНИЯ

Удивление радостное питает зоркое внимание и открывает нам новые черты в старом мире. Кто испытал это сам, тому страстно хочется опять удивляться и опять вниманием своим открывать новый мир. Но удивляться нельзя механически и пользоваться тем для внимания и открытия: внимание действует, но не находит в старом мире ничего нового.

Испытав неудачу в пользовании силой своего удивления, художник обращает внимание на себя самого и воспитывает себя в особом поведении, полезно заполняющем досуг между вспышками силы удивления.

От усилий в самовоспитании оба эти процесса — радостное удивление и поведение — так сближаются, что представляется, будто творчество определяется целиком поведением художника: что захочет художник, опытный мастер, то он и сделает.

ОТКРЫТИЕ

Почему это, когда географ открывает новую страну, то ему страстно хочется, чтобы после него в эту страну все ехали?

Так и у писателя художественная выдумка новой страны нашей жизни сопровождается безудержным устремлением с этим открытием в гущу людей с пропагандой небывалого и в то же время утверждающего его авторское лицо.

НЕОТКРЫТАЯ СТРАНА

Открыть новую страну и сделать ее своею или найти девушку и сделать ее женой,— вот душа юноши: нетронутая девушка и неоткрытая страна.

МОЯ ТЕМА

Слова Белинского, что Россия скажет миру новое слово,— это тема моей повести. Моя родная страна скажет новое слово и им укажет путь всему миру.

А разве немец не так же думал, англичанин, француз? Путь веры в миссию своей страны кончается непременно войной. Значит, слова Белинского сами по себе еще ничего не значат и нужен к этому плюс: коммунизм.

Значит, Белинский предчувствовал слово, но не знал его, а Ленин это слово сказал для всего мира, это слово — коммуна.

СПЕЛЫЙ ЛЕС

Спелая чаща сама ждет пожара и сама отдается подзачерным червям: время пришло.

И сводка такого спелого леса есть такое же гармоническое явление, как смерть исполнившего свой долг человека.

Выправить можно и согнутый гвоздь, только надо потом колотить по нему осторожней: на слабом месте он может согнуться.

И человек тоже иной бывает так согнут и перегнут, что с ним надо обращаться осторожно до крайности...

Лицемерие — мерить поступки не перед своей совестью, а перед лицом других.

ВОЛНЫ

Обыкновенно мы говорим такое, о чем раньше нас люди думали и высказывались: мы же повторяем и несем эти мысли одну за другой, от человека к человеку, и повторяем их, как волна повторяет волну.

Но если придет к нам мысль небывалая — как страстно хочется тогда это людям сказать. И это страстное желание донести до людей свою волну так, чтобы люди ее повторяли, как в море волна повторяет волну, вероятно, и питает все наше искусство.

ЗАКОНЫ СЛУЧАЯ

В природе все идет своим чередом, но в этом видимом череду, как весна, лето, осень, зима, есть еще нам малозвестный черед.

И когда появляется и нам видимое звено этого тайного хода вещей, мы это звено называем случаем.

ОШИБКА

П. был с дочерью, окончившей университет по географии. Болтая о том, о сем, я им рассказал, что у меня был вчера ученый и он очень интересно говорил мне о новых звездах, десятками возникающих на небе: эти звезды будто бы являются последствием взрывов какого-нибудь небесного тела, и, значит, можно предположить, что вселенные таким образом движутся вперед.

— Понимаю, — ответил П., — получается что-то вроде автомобиля: поршень подходит к верхней мертвой точке, к свече, происходит взрыв, и толчок в машине, а на небе — звезда.

Мы много фантазировали, пока нас не позвали к чаю, и, когда сели за чай, П. спросил:

— А какой же ученый сказал вам о такой интересной вещи?

— Профессор Н., — сказал я.

— Александр Александрович? — спросила дочь.

И когда я сказал, что мой ученый есть действительно хорошо знакомый им Н., они оба — и отец и дочь, улыбаясь, спустились с неба на землю.

— Так ведь он же хороший ученый?

— Конечно, хороший.

— Любимый и талантливый профессор?

— Конечно, конечно!

Таковую ошибку я сделал, что назвал профессора. Оставьйся он таинственным ученым звездочетом, мы бы и за чаем продолжали строить автомобиль из вселенной, по раз Н. ...какие тут небеса!

СПЯЩИЕ ПОЧКИ

Внимание — это основной питательный орган души. Каждый может заметить в себе, как внимание схватывает что-нибудь особенное, складывает его, и оно хранится, ничуть не обременяя память. Просто говоря, мы о нем ничего не думаем до встречи внимания с чем-то, вызывающим мысль из состояния, подобного «спящей почке» в растении.

Тогда мгновенно то и другое между собою соединяется, и эта находка сознания иногда бывает такой яркой, что человек хлопает себя по лбу и говорит сам себе вслух:

— Так вот оно что!

Внимание есть питательный орган души, всякой души одинаково — великой и маленькой. Разница только в том, что при находке великий человек возденет руки с благодарностью, а маленький человек щелкнет пальцами, присвистнет и побежит за добычей.

Есть особое внимание у художника, и когда что-нибудь входит в него достойное, то так и остается в душе, и дремлет, и сохраняется, как спящая почка до прихода желанного. И как только оно приходит, то, желанное — спящие почки просыпаются.

Это соединение между собою живых материалов сопровождается вспышкой радости.

ТЕНИ МЫСЛЕЙ

Сегодня прочел замечательную книгу Стэнли Холл: «Эволюция и воспитание чувства природы у детей». Сколько мыслей было высказано в мире о том, что ведет меня к творчеству.

Все мои усилия похожи на тени проходящих выше меня мыслей.

НА БРЕЮЩЕМ ПОЛЕТЕ

Самолеты-истребители, как серебряные лебеди на голубом небе, как будто раз удивились чему-то, подняли крылышки, как брови, и, удивленные, летели над лесами и гудели. Так, если самолет летит высоко.

Но вот бреющим полетом летит в солнечный день самолет над лесом, вот пролетел над самым нашим огородом.

Трехлетний мальчик Витя удивленно глядел на него, запрокинув назад голову так, что еще бы чуть-чуть, и он бы упал.

— Бабушка, бабушка, радуйся, — кричал он, когда самолет пролетел, — теперь ты не умрешь! Это твоя смерть не заметила тебя и пролетела. Радуйся, бабушка, твоя смерть тебя не нашла.

(У тети Саши привычка говорить о своих болезнях: «Вот и жива осталась, смерть меня не нашла...»)

ПЕРЕВОДЧИКАМ

Процесс сближения народов неминуемо должен привести к сближению языков через переводы. Каждый национальный писатель, имея перед собою не нацию, а единство народов, неминуемо в своем национальном кругу должен будет стремиться к простоте языка, к облегчению перевода.

Я чувствую в себе, я знаю это упрощение, подобное тому, что делал Лев Толстой.

Но для победы национального художественного языка, в смысле его продвижения по пути к единству, необходимо строгое разграничение национального языка от *газетного*.

ЛИЦА И ФОРМЫ

Шестигранные снежинки, миллионами падая в лесу на ветки елок, на межевые столбы, на всякую округлость и на прямые изгороди, сами собою образуют формы, в ка-

ких со дня рождения нашего предстоит нам природа. Но среди этих форм шаров, кубов, прямых и кривых линий всякого рода мы узнаем иногда фигуру Аполлона, или Дон Кихота, или какого-нибудь из близких людей. И чем больше развит человек, тем больше находит он среди снежных фигур в лесу знакомых по искусству фигур, чем больше сердце у наблюдателя и чем больше у него любимых людей, тем больше он и узнает их в засыпанном снегом лесу. Так, снежинки, подчиняясь законам природы, образуют геометрические формы, а человек силою своего творческого труда из этих форм создает лицо.

С малолетства я смутно чувствовал в себе какое-то свое лицо и носил его, напрягая все силы на его охрану. Я был убежден в правоте этого своего лица, в пользе его для людей, но только знал, что нельзя его людям открыть просто, и, напротив, его надо скрывать, охранять от чужого глаза всеми силами. Однако в то же самое время надо было все-таки сделать что-то такое, когда можно будет открыть это свое лицо.

Открытие новой страны соединялось с возможностью открыть это свое собственное лицо. Вот почему побег мой из гимназии в Азию я считаю началом своей биографии, посвященной открытиям, и доказательством наличия во мне своего собственного лица. Так я и вел себя всю жизнь, и в этом и есть мое поведение: найти в природе и людях признание и утверждение своего собственного лица.

Бывает ли во всем большом искусстве определяющим началом тоже такое поведение художника, можно ли о всех великих художниках сказать, что они своими образами открывали лицо человека точно так же, как географы открывают лицо земли? Увы! я так мало могу судить вообще об искусстве и так мало встречал в этой области безусловно верного, что вынужден ограничиться только своим собственным опытом.

Не знаю, наберу ли я во всем написанном мною десяток совершенных вещиц. Но я знаю наверно, что одна какая-то совершенная вещица есть, и этого мне довольно, чтобы правдиво, с документальной точностью представить вам свое искусство как результат своего поведения в отношении утверждения своего собственного лица в обществе своих современников.

ЧИТАТЕЛЬ И АВТОР

Успех творчества определяется: 1) близостью материала к читателю, 2) близостью его к автору. Читатель и автор любят одно и то же, но разница между ними та, что автор к любимому ближе стоит, больше видит, больше может сказать и даже иным открыть глаза на невидимое.

НАУКА НАУК

Есть «Песнь песней», но есть и наука наук. По нашей нынешней вере это и есть наука о единстве человека, содержащего в себе моральную власть над природой.

Думаю о Ленине.

Буржуазная наука не моральна и не отвечает за последствия своих научных открытий, эта же наука наук определяет на лучшее самую жизнь человека (гуманизм). Кто-то рассказывал о Ленине, что он за срубленное дерево наказал.

ПОДИ-КА РАЗБЕРИСЬ!

На человека отдельного так мало приходится того, что мы называем талантом, но сколько-то приходится непременно каждому. И тогда явится спрос на это что-то, и оно вспыхивает в себе, и освещает все вокруг радостью творчества, и очень быстро сгорает, и хозяин остается ни с чем.

Политическая экономия и должна дать возможность каждому таланту не сгорать напрасно, а работать на пользу ближнего. Так это легко сказать, а подика разберись в талантах! Догадайся, кому прибавить, кому убавить.

ИДЕАЛ

Цветет желтая акация, и начинает пахнуть сирень. И опять я нюхнул ветку сирени, опять явилось начало моей жизни и какая-то догадка о начале всего, и, учуяв этот вопрос, я опять бросился вынюхивать из цветка ответ и опять ничего не нашел.

Только в этот раз я подумал, что, наверно, так идеалы возникли из цветов у идеалистов сороковых годов: понюхали сирень, ландыш и недостижимое в запахе назвали идеалом.

Я еще помню, как спорили барышни, одна говорила: «Идеал недостижим». Другая отвечала: «Какой же это идеал и на что он нам, если недостижим?»

Но если предположить родство идеала с ароматом цветов, то ведь и полудикие люди из самых грубых слышат прелесть аромата цветка. Даже если представить себе рога того и с копытами, то и он нюхнет ароматный цветок и задумается.

КАЛИНИИ

Когда моя подруга на свиданье с Калининным назвала его правдолюбцем, он ей ответил:

— Правда правдой, только я не правдолюбец, а скорее искатель своего счастья. Я родился в деревне в крестьянской семье, а рядом с этой деревней было имение, и в нем люди жили хорошие, и я рос вместе с детьми помещика и дружил с ними.

Я видел их счастье, и мне хотелось тоже и себе счастья. Но можно ли быть счастливым самому в условиях нашей деревни? Путь к счастью — это у нас был путь кулака. Мне же хотелось счастья для всех, чтобы не противно было самому лично себе достигать счастья. И потом, одному счастья достигать невозможно.

Так что какой же я правдолюбец, — я просто хотел создать себе условия личного счастья, и так вышло, что из-за этого большую часть жизни своей в царское время провел я в тюрьме.

МАТЬ

Соседка недавно родила Мишу. Теперь вся погрузилась в материнство и чуть только не говорит всем детям.

— Вас много, много детей, и я не могу вас всех любить, но мой Миша единственный, и я его люблю.

Значит, вот где истоки личности человека единственного («в своем роде») и незаменимого: это мать. Свидетельство о моей незаменимости дает мать моя, для которой я и есть единственный, и сам я, рожденный матерью моей, продолжаю ощущать себя, свое «я», как единственное и незаменимое. Таким образом, происхождение личности — генетическое.

Напротив, теория заменимости одного человека другим имеет логическое происхождение: все люди представляют собою один рабочий коллектив: я — рабочий, значит, я заменим, как одна шестерня заменяет другую.

НЕПРОТИВЛЕНЦАМ

Некрасиво, когда у человека на виду зубы, но это вовсе не значит, что красивое беззубо.

СКАЗКА

Две силы формируют мир, действуя одна в сходстве, другая в различии. То, что в сходстве идет, мы сознаем как законы. То, что в различии, — как личности.

Умирая, все идет в сходстве, рождаясь — в различии. И все это высказано в сказке о живой и мертвой воде.

БОЯЗНЬ МОРАЛИ

Всякая мораль таит в себе императив: мораль от няньки в детской до государственной.

Бывало, когда я был младенцем в литературе, я ужасно боялся морали. Чуть задумаешь к чему-нибудь рассказ вывести — все его очарование пропадает. Но мораль страшна только младенцам. Теперь, достигнув литературной зрелости, я играю в своих рассказах моралью, как мячиком.

РОДИНА

Бабушка в «Детстве» Горького мне кажется самым удачным в русской литературе образом нашей родины. Думая о бабушке, понимаешь так ясно, почему родину представляют у нас всегда в образе женщины-матери, и тут же хочется вспомнить, кто в русской литературе нашу родную землю представил так же хорошо, не только как мать, а и как землю наших отцов, — как наше отечество.

ЧЕЛОВЕК

Человек, рождаясь, движется из темной утробы в страну лучезарного света, и настоящий человек всю жизнь движется вперед, продолжая свое путешествие. Вот почему чувство родины не есть только любовь к месту своего рождения, но содержит в себе устремление вдаль.

Но всякое и самое отдаленное путешествие кончается тем, что человек возвращается на свою родину (домой) и обогащает и расширяет ее своими находками.

БРЮСОВ

Неизвестная мне какая-то птичка пела так странно тихо, и так она, наверно, мала была. Бабочка там летела, где я птицу искал, и у меня даже мелькнуло, что уж не бабочка ли это летала и пела? И тут вспомнился Брюсов, как он такой внешне жестокий, такой Печорин, вдруг неожиданно нежно о птичке сказал. Сейчас мне весь Брюсов предстал, и я его понял.

Наверно, он слышал когда-нибудь, как я, голосок неизвестной птички. А все остальное — ученость, манеры, сюртук — навертел на этот голосок, чтобы не стыдно было с птичкой одной выходить.

Всю жизнь за один голосок! Как прекрасен может быть человек!

МАТЕРИНСТВО ХУДОЖНИКА

Есть особое материнское *чувство* жизни, рождающее образы, как живые существа. В свете этого чувства каждая мысль превращается в образ, и как бы коряво ни писала рука и как бы ни брызгало перо на плохой бумаге — образ родится и будет жить.

И есть *мастерство*, заменяющее *материнское* чувство, посредством которого можно писать, как только захочется. Но все это не значит, что мастерство не нужно художнику: оно необходимо ему, но при условии подчинения *материнскому* чувству.

МАСТЕР СМЕХА

Если хочется смеяться до слез, до колик, до упаду, то над чем же больше смеяться, как не над самим собой, потому что исподняя, смешная сторона всех поступков тут налицо...

Но мы не смеемся над самим собой — это невозможно. Есть один выход из этого: свое смешное увидеть в другом, показывать, на это глядеть и хохотать. Первым мастером такого смеха был у нас Гоголь.

ПОЭЗИЯ

Поэзия — это дар быть умным без ума.

КРАСОТА

Добро само по себе не кажется на вид и убеждает нас, только если осветит его красота. Вот почему дело художника — это, минуя соблазн красивого зла, сделать красоту солнцем добра.

МОЙ ГЕРОЙ

«Живой человек» — это герой моей будущей повести, соединенный из фигуры моего друга О — ко, Суворова, Руссо, Ивана Дурака, Дон Кихота, с тем ощущением детства нашего внутреннего, и природы, и себя самого в своей вере в жизнь и любовь.

Живой человек невыразим, то есть не может быть принципа живого человека, потому что он сам рожден, но не сотворен.

Живой человек — это находчивый человек в правде. Это вместе с тем значит, что такому человеку не нужно в решительный момент действия лезть на полку справляться по книгам и не нужно идти к начальнику просить выдать мандат на спасение утопающего человека.

Самый живой человек начинает революцию, и у нас это был Ленин.

В детстве нам называли лучших людей умными. И когда, бывало, скажут о ком-нибудь «умный», мы такого человека уважаем... Но если бы среди великих имен — Канта, Спинозы, Дарвина или еще кого-нибудь — стали искать «умного» человека в нашем детском понимании, то и среди великих ученых «умного» мы, может быть, и не нашли б.

Понимаем теперь, что в наше время умным человеком назывался человек, обращенный сердечным вниманием к другому человеку, и это не просто добрый, а как бы умеющий делать добро, и не просто добродушный, а знающий, в какие именно руки направить добро.

Мой живой человек это именно и есть «умный» человек в нашем смысле — находчивый в правде: Суворов, Ленин.

Живой человек есть то же самое, что простой человек («умный»), прикосновенный всею личностью к жизни, выходящий из жизни и ее создающий.

НАЧАЛО ГЛАВЫ

Если бы искусство выходило из желания художника, то фотография вышла бы из стремления сделать свою вещь правдивой — созданием документа эпохи. С этого началось, и так оно продолжается. Если бы встал и вышел из своей расписной мумии египетский фараон, ценитель искусств, он бы не удивился живописи так, как фотографии. Его потрясло бы зрелище женщин после войны, созерцающих фотографии своих убитых детей, впечатляющих душу свою в документах жизни.

— Это не искусство, — сказал бы он, — но это, может быть, больше искусства. — И мудрый фараон приказал бы фотографировать все любимое в момент необходимого с ним расставания.

Так вот и нашу повесть хотелось бы сделать документом жизни и для этого предпослать ей коротенькие очерки-фотографии людей, возбуждавших у нас желание сделать их героями новой повести.

В душе, как на сетчатке глаза, впечатляется документ жизни и разрастается образ, требующий выхода из души на волю к людям, ко всему человеку.

И тут мы себя ловим на слове: если образ, созревший в душе, сам просится на волю, то кому же, кроме самого художника, нужны документы любви, от которых все началось? Кому, кроме матери, так драгоценны черты убитых людей?

Нет! Ничего не прибавится к повести, если мы иллюстрируем ее документами жизни. Но вы, читатели, оцените наш, может быть, очень наивный порыв — прежде создания вещи объявить ее документом жизни. И мы повторяем, что если бы возникновение искусства объяснялось бы желанием художника, то фотография объяснялась бы неудержимым стремлением художника к правде.

КАБИНЕТНЫЕ ЛЮДИ

Бывает пень, такой уже трухлявый, что муравьи размещаются в нем без труда, как в готовую квартиру. Впрочем, как я заметил потом, муравьям в самом пне было тесно, и они вывели сзади в форме косо́й пристройки муравейник видимый.

Пень был настолько трухлявый, что от меня он приятно подался и немного осел.

Какая же, наверно, началась у муравьев паника, когда пень осел! И как они побежали!

Но мысли мои долго бежали вперед быстрее муравьев, и я гнался за ними с карандашом во весь дух.

И вдруг...

Не знаю, почему вдруг явилось у меня в голове сознание катастрофы: то ли, может быть, что мысли мои ослабели и мураши догнали меня?

Природа не может мечтать, человек для мечты создал кабинет, и наказание мне было за то, что я с мечтой своей близко подошел к природе: мысли мои обратились в муравьев и укусами своими гнали меня в кабинет.

Вот отчего, наверно, и произошли на свете кабинетные люди.

МИРОТВОРЧЕСТВО

Воины и миротворцы живут в душе каждого, но воины по преимуществу, как хищники в птичьем мире, имеют типовые черты: птичьи хищники — нос крючком, воины — грудь колесом и т. п.

Вот сейчас идет война за мир. И если это война за мир, то почему бы не пустить в ход миротворцев. Ведь воины им пробивают дорогу. В деле мира нужно, образовав у людей душевный мир, показать его, и тем убедить врагов, что мы действительно за мир бьемся, а не за господство над миром, что наше поведение только по форме воинственное и совершенно мирное по содержанию.

ИЗ МОЕГО ОКНА

Блуждающий по широкой пойме взгляд в конце концов останавливается на двух деревьях, очень похожих издали на двух людей, догоняющих друг друга: догоняют и не могут догнать.

ПОРЯДОК В ДУШЕ

Вошел в мокрый лес. Капля с высокой елки упала на папоротники, окружавшие плотно дерево. От капли папоротник дрогнул, и я на это обратил внимание. А после того и ствол старого дерева с такими морщинами, как будто по нем плуг пахал, и живые папоротники, такие чуткие, что от одной капли склоняются и шепчут что-то друг другу, и вокруг плотный ковер заячьей капусты — все расположилось в порядке, образующем картину.

И передо мной стал старый вопрос: что это создало передо мной картину в лесу, — капля, упавшая на папоротник, обратила мое творческое внимание, или благодаря порядку в душе моей все расположилось в порядке, образующем картину? Я думаю, что в основе было счастье порядка в душе в это утро, а упавшая капля обратила мое внимание, и внутренний порядок вызвал картину, то есть расположение внешних предметов в соответствии с внутренним порядком.

РЕШЕТКА

Вокруг дома отдыха был большой лес без границ, и никто из нас и всех существ, живущих в лесу, не знал, где земля Госфонда, где колхозная и где самого дома отдыха.

Недавно вышло постановление наверху о том, чтобы дома отдыха оградил свою землю решетками. Наш дом отдыха имел большие средства и сделал себе решетку на славу. Вся она была из металлических труб, один высокий квадрат приваривался к другому электросваркой, внутри квадрата, наискось пересекая друг друга, впаены были толстые проволоки, наверху радиусами возвышались над всею решеткою непролазные острия-стрелки. И вся эта высокая роскошная решетка была окрашена в зеленый цвет.

Но как ни затаивалась зеленая решетка в зелени леса, она все-таки свое дело сделала, и лес окруженный и лес за оградой разделился даже по имени: внутренний лес стал называться парком, лес за решеткой, как был дикий лес, так и остался диким.

И так все разделилось в этом сплошном когда-то и цельном лесу.

При разделении природы решеткой кажется глядящим на нее из дикого леса, что красота осталась там, внутри

решетки, и всех нас тянет туда, как в райскую землю, где все не как у нас.

И оттуда, из-за решетки, кажется, что самое лучшее — воля — осталось в диком лесу.

Описать решетку дворца Юсупова в Архангельском. Продумать о судьбе разделенных животных и растений и, может быть, людей, отдыхающих внутри решетки, и людей рабочих, которые лезут через решетку.

Вчера смотрел на лес за решеткой Юсуповского дворца и чары решетки понял из обрамления: нужно обрамить смотримое. Так что решетка и обрамление есть то же, что «сосредоточить на чем-то внимание». Чары «решетки» есть свойство внимания.

Творческое внимание состоит в том, что внимающий «всему» вводит это «все» в рамку, благодаря чему устраненное ограничением «все» вмещается в частное, и это частное через художника получает законное право отвечать за целое. Так что внимание есть вмещение целого в часть, вселенной — в сверкающую росинку утреннего ириса.

Каждый из нас, желая увидеть лучше в природе что-нибудь свое любимое, сосредоточивает на нем внимание и мысленно выделяет его границами: видит только его. Из этого свойства каждого из нас сделана ограда или решетка, сосредоточивающая наше внимание на ограждении природы.

ЧИТАЮ АКСАКОВА

Читаю глубоким чтением Аксакова, и мне открывается в этой книге жизнь моя собственная. Вот счастливый писатель!

Читаю совершенно как будто вновь: так, значит, время пришло.

Прошло более ста лет, и как хорошо! Перекидываюсь на свой «Колобок» — тоже немало: пятьдесят лет! Так влияние некоторых писателей нужно измерять в глубину (*sub specie aeternitatis*¹), а других в ширину: сразу на всех и на минутку. На тех, кто проходит и кто остается.

Разделение писателей по влиянию в ширину и в глубину не в смысле поверхностных и глубоких, а просто

¹ Под знаком вечности (*лат.*)

на сейчас и на после, выводит меня из презрения к временным и самогордости, очень опасных для жизни, особенно в наше время и в моем возрасте: путь к старческому ворчанию и чудачеству.

Идеал — это соединение того и другого, ширины и глубины, как у Пушкина и Л. Толстого.

У Аксакова в «Семейной хронике» чудесно описана Башкирия в то время, когда в ней землю покупали тысячами десятин по рублю десятина. Прелесть воли на просторе Аксаков чудесно изобразил обилием охотничьих птиц и зверей, искусно пользуясь предупреждением читателя наступающими новыми временами, несущими гибель всем прелестям страны непуганых птиц и зверей. Но... этот трагизм весь основан только на упоре в границы Башкирии.

Стоило бы Аксакову бросить свою башкирскую землю, взять палочку и безземельному отправиться на Север, — сколько бы он там увидел всего! Конечно, и на Севере для человека с одной только палочкой есть свои границы жизни, но тут кончается, а где-то-нибудь ведь непременно же опять начинается.

И если даже и все на земле нашей кончается, то на какой-нибудь планете жизнь только что раскипается, и это в полной нашей воле будет устремляться туда и занимать новые места, как занимал их когда-то Багров-дед в Башкирии — по рублю за десятину.

АКСАКОВ И ГОГОЛЬ

Во второй части «Мертвых душ» Гоголь пытался вовне найти порядок, отвечающий его внутреннему порядку, но в душе у него порядка не было (черт обманул).

Напротив, у Аксакова С. Т. был определенный порядок, и оттого картина получилась гармоническая, включающая в себя, как причину, поведение художника.

Аксаков — это наш Гомер.

Два раскрытия полюса жизни: Аксаков и Гоголь. Удивительно, что оба тяготели друг к другу. Один писал гениально о том, что было, другой — гениально о том, чего не было.

А кончилось в настоящее время торжеством того, чего не было, и гибелью того, что было (Гоголь присутствует

в революции, а Аксаков, как Гомер, остается где-то в Золотом веке русского прошлого).

После чтения С. Т. Аксакова у меня остается желание писать совершенно просто, как он, но не о себе, как у него, а о всем, чего захочется. Словом, его талант неподвижен, как на стебле роскошный цветок, но мне хочется, чтобы мой, пусть и более скромный цветок перелетал бы с одного на другое, как бабочка.

Мне кажется, в нескольких маленьких рассказах (например, «Гусек», «Старухин рай» и пр.) я уже этого и достиг, а «Кладовая солнца» есть шаг к чему-то большему бабочки, чему-то вроде синички.

Читаю Гамсуна: Аксаков остается, Гамсун в своем демоническом бродяжничестве устарел.

Бывает болезнь: живот дуется. Так и душа тоже раздувается, и это был «демонизм».

СВЕТ И ТЕНЬ

Дерево обращено к солнцу, и от дерева тень, а у человека, обращенного к славе, рождается стыд, и такой стыд есть свидетельство здоровья прославленного человека: чем знаменитей, тем ему и стыдней, как у дерева, чем гуще крона, тем и плотнее тень.

НАТАША РОСТОВА

Есть женщины, в невестах мечтающие быть творцами, но жизнь заставляет их родить (психология Наташи Р. и ее «падение»). Разобрать споры о Наташе: ее «падение» в плане освобождения женщины от пола, а в плане жизни — она сомкнулась с общим главным делом женщины.

Вот тут-то взять бы поглубже разобраться и представить себе возвышение Наташи в браке, а не падение.

МЫСЛЬ — ОТКРЫТИЕ

Мыслевыражение — есть такое же конкретное открытие, как географическое.

Вот почему Шекспир — это как материк, а я, например, открываю маленькие чудесные островки, свидетели великой залитой океаном земли.

Положение в литературе понимают так, что не хватает Пушкина, как будто Пушкин — барин какой-то: «Барин наш приедет, барин нас рассудит».

ПРАВДА

Правда — это значит победа совести в человеке.

— Вы думаете о правде, как о неподвижной скале или как о корове молочной? Живая правда живет и пробивает, как все живое, себе путь, как весенний зеленый росток среди хлама.

Дон Кихот вбил себе правду в голову, как гвоздь, а правда, как зеленый росток среди весеннего хлама: страшно смотреть, какая борьба! А пройдет время, и все станет зеленым: правда победит, и наступит век правды.

Мы потому со-временники, что нас всех соединяет какая-то мысль. Во всяком времени проходит особая мысль, и в этой мысли содержится путь, по которому в это время надлежит нам идти.

Можно ли знать эту мысль? — это вопрос, но чувствовать сердцем эту мысль как наш путь может каждый, кто хочет заглянуть в свою совесть, и это чувство истинного нашего пути совестливые люди называют правдой.

Впрочем, конечно, есть и бессовестные... Но у кого совести нет, у того скорей всего нет и правды.

ПОВЕДЕНИЕ

Бывает, находишь что-нибудь новое в нравственном мире, небывалое, и тогда хочется разобраться в своем пути, как шел, как нашел, чтобы утвердить в себе этот путь и, может быть, дать его всем как путь в новый мир, как поведение. Но напрасно будешь в этом счастье своем искать поведения всем: каждое открытие требует и особенного поведения, точно так же, как и каждый новорожденный имеет за собой особый и небывалый случай встречи его родителей.

Так мы и думаем теперь, что для всех не может быть одного поведения, но для каждого свое в отношении всех обязательно.

Есть тишина в морской глубине, где еще не темно и можно хорошо видеть оттуда, как наверху ходят, и бьются между собой, и рассыпаются валы.

В народной жизни тоже есть такая тихая и прозрачная глубина, и в ней живут мудрецы.

ВОЗЗВАНИЕ О МИРЕ

На днях очень пожилой священник сказал нам, что он всю свою долгую жизнь читал известную молитву о мире всего мира, читал с верой, надеждой, любовью, но чего-то не понимал.

При всем усердии в деле своего служения этому старому человеку не хватало, очевидно, самоопределения в общественной современности, и момент подписи воззвания о мире всего мира пролил яркий свет и был новым решающим звеном его сознания.

А не то ли самое в большей или меньшей мере происходит и со всеми нами, кто честно и целиком отдавался своему любимому делу, но в общественном сознании своем по какой-либо причине не мог определиться и руководствовался только смутными чаяниями лучших людей человечества. Я знаю таких людей: для них подпись воззвания является завершающим этапом своего нравственного сознания, и я сам принадлежу к числу этих людей.

Правда, разве, казалось мне, я не всем составом души своей отдавался любимому делу? В этом могут свидетельствовать все мои читатели, присылающие мне столько писем. И все-таки я вижу теперь, что и у меня и у моих читателей какой-то важный участок сознания дремал. Мои читатели — люди всевозможных профессий, я знаю их не по тиражам моих книг, а по их письмам. Поднимаясь благодаря этим друзьям как бы выше себя самого, я вижу, что великое множество людей всех профессий работает всю жизнь не на одних себя, а делают именно мир всего мира.

Но почему же все такие усилия всего мира честных работников разрушаются, как иллюзия, и наступает война? Теперь я знаю почему: потому что в сознании не хватало того звена, о котором я сейчас говорю. Наша подпись должна быть этим самым звеном утвержденного сознания, и в этом смысле я и подписываюсь, я, писатель, за себя и за всех, для кого я писал: за друзей.

ПОБЕДА

Рожь хорошо выколосилась, и отдельные колоски зацветают. Великаны колосья маячат на высоких соломинках, и маленькие жмурятся в тени. Равных по точности не увидишь в поле ни одного колоска, ни одной соломины. Но все поле ровное, и у высоких нет упрека малым, и у малых нет зависти к высоким.

Каждый колос, каждая соломина, такие все неровные, показывают нам свою великую всеобщую борьбу за жизнь, за свое лучшее, но все ровное поле высокой зацветающей ржи свидетельствует нам о победе.

Смотрю на рожь и вижу поле новых людей, и нет у меня в душе особенной жалости к слабым и нет зависти к высоким. Мне только очень хочется самому подняться выше и стать свидетелем победы нашего дела на всем человеческом поле.

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА

Бывают мгновения такой рассеянности, что близкий у самого носа комарик примешь за дальний самолет, а бывает, наоборот, далекий самолет примешь за близкого комарика.

И это так бывает с каждым из нас, и каждый знает это по себе: мы что-то утрачиваем, когда нам кажется комарик самолетом, а самолет комариком. И в то же время, за счет утраченной точности восприятия, обретаем образ убедительный и точный.

РАДОСТЬ

Один из наших гостей сказал:

— Муки, что и говорить, наверно, теперь ощутимее, потому что сознание шире. Физическими муками, как в «житиях», теперь никого не удивишь. А может, теперь и вообще муки надо отменить для аргументации своей веры.

— А чем же аргументировать?

— Радостью! Вот как во Франции в тысяча семьсот восемьдесят девятом году люди могли петь, сочинять стихи у гильотины, и говорят, в чьей-то отрубленной голове будто бы осталась улыбка. Почему бы не проповедовать радость жизни?

После того разговор перешел на борьбу с унынием, и З. сказала:

— Вот у вас такая большая живая душа, вам радоваться просто.

— Не совсем, — ответил я, — в достижении радости я прохожу стадии уныния, только прячу его и обращаю в слово только победу над унынием. Я понимаю, муки надо отменить, но возвеличивать не самую радость, а победу над унынием: эта победа сама собою, как свет от света, рождает радость.

Держу перед собою закон единства и разнообразия, или сродства и различия (в чем-то все сходно и в чем-то все разнится). Это и есть основной закон житнетворчества (мальчик или девочка? и на кого похож?).

Тип — это сродство, характер — различие. Народный язык — сродство, и язык личный — стиль; у каждого свой язык.

Все и каждый. Каждый по-своему достигает «положения» у всех (в обществе).

Писательство есть путь к достижению положения *каждого* в обществе: признание своего характера.

ЖЕНЩИНА

Соберитесь в себе до конца в лесной тишине, и тогда, может быть, усмотрите, как, напрягшись лбом своим белым и мокрым под красным, ярко-желтым или лиловым платочком, поднимает сыроежка над собой земляной потолок с мохом, хвонниками, веточками и ягодками брусники.

Идите, вглядывайтесь, и вы непременно, глядя на гриб, вспомните, как у нас, людей, в тяжкое время, когда гибли на полях, на горах, в воде и в воздухе, женщина незаметно для глаза выходила из-под земли, и поднимала над собой крышу своего маленького дома, и брала жизнь в свои руки...

ОХОТА

Из теплого тумана мелкий дождь, как на горах в облаке. Разрешалась в этот день охота, и сколько тревоги было, так и рвало во все стороны, что в этот день никогда охота не была удачной. Теперь это все отошло, никуда не тянет,

а у нас здесь одни перепелки. Я пойду на них, когда скосят овес, спокойно.

Так «отходят» желания, и так, неужели так отойдет моя охота за словом?

ВЕЧЕР В ЛЕСУ

Л. вышла из машины и скрылась в лесу, а я в ожидании ее возвращения облокотился о машину и постарался почувствовать прекрасный солнечный вечер в лесу. Но как я ни всматривался в эти стволы леса, освещенные пятнами пронзительных вечерних лучей, я видел только красоту леса без всякого содержания.

И вдруг я понял, что содержание художественного произведения определяется только поведением самого художника, что содержание есть сам художник, его собственная душа, заключенная в форму.

Мне вспомнилось, что у какого-то французского художника, у Коро или Милле, я видел когда-то этот лес, любовался им, но мне самому он был чужд.

... Но вдруг выпорхнула и вспыхнула в лучах вечерних и острых стайка певчих птиц, начинающих перелет свой в теплые края, и лес стал для меня живым, как будто эта стайка вылетела из собственной души, и этот лес стал виденьем птиц, совершающих перелет свой осенний в теплые края, и эти птицы были моя душа, и их перелет на юг было мое поведение, образующее картину осеннего леса, пронзенного лучами вечернего солнца.

НОВОЕ

Из разговоров понял, что люди наши политически воспитались и вышли на другую историческую ступень. Раньше бывало: как услышал что-нибудь из политики, так сейчас на себя; например, вот война, а сам скорей корову покупать. Теперь на себя не переводят: то идет само собою, а моя личная жизнь имеет иной счет и меру.

В СХОДСТВЕ — ТИПЫ И В РАЗЛИЧИИ — ХАРАКТЕРЫ

У каждого есть свой собственный характер и свое поведение. Попытки дать классификацию характеров не удаются, потому что характер означает человека в его

различии от другого, это есть свойство личности неповторимой и единственной. Характер — это не я сам, а явление людям меня самого.

Люди не могут судить обо мне иначе как по себе, но я тем и «я», что несу в себе нечто такое, чего не было в опыте других людей, пока я не дался им как материал опыта.

Общество держится типами и движется характерами.

Типы оседают, а характеры выдвигаются.

Еще думал о законах сходства в природе и законах различия, что с точки зрения законов сходства всякое дело различия незаконно, а с точки зрения законов различия всякое сходство незаконно.

ЧТО БЫ Я ДЕЛАЛ

В Союзе писателей катастрофа с рассказом, и я им ответил, что не меньшая катастрофа у нас и с романом, превратившимся в очерк, и что надо не жанр проповедовать, а коммунизм, и что если бы я был моложе, то повел бы проповедь коммунизма, и не в учреждении, а у себя на дому, и так вышло бы лучше, чем при посредстве пропаганды жанра.

ВЫСОКОЕ ДЕРЕВО

Гора поднимается, и дерево по ней поднимается; выше гора, выше и дерево, и так все выше и выше. Вот гора кончилась и остановилась, а дерево стало повыше. Снизу кажется, будто дерево выросло чуть-чуть не до неба и облака только чуть-чуть не задевают его.

Так вся заслуга высоты достается не ей, горе, а дереву.

ПЕТУХ

У Егорушки, когда курицу ястреб подшиб на чужом огороде, хозяева ее съели. Осталась у Егорушки только одна курица и петух. Егорушке плохо, но бодрый петух еще бодрее кроет последнюю курицу, и ему хоть бы что!

ПРАЗДНИК ЧЕЛОВЕКА

У человека есть мысль рабочая и мысль праздная, или мечта. Наука создается главным образом мыслью рабочей, в искусстве на первом месте праздная мысль.

О РАДОСТИ НЕЗНАНИЯ И ЕГО ТВОРЧЕСКОЙ СИЛЕ

Мы думаем, что дело тут не в самом незнании, а в той силе и радости знания, которая впервые является на почве, хорошо удобренной незнанием: почве девственной, когда знание является своим личным глазом, бросающим на мир свой первый взгляд.

В этом и есть сила молодого народа, вступающего в страну людей, утомленных знанием. Так, например, одних знание атомной энергии приводит к разрушению планеты, а других к устройству лучшей жизни.

С каким благоговением смотрели русские купцы на людей образованных (мой дядя Ив. Ив.). Так что победа дается вовсе не силой незнания, а силой стремления к знанию и определением знанию его настоящего полезного места в жизни человека... Наши мальчики сейчас впиваются в новые изобретения, с пятнадцати лет определяются на служение автомобилю, радио, авиации.

О силе общественности, заключенной в слове, можно любому молодому автору судить по себе, если он вспомнит, что делалось с ним, когда имя его произносилось в печати положительно или отрицательно.

Сделаться признанным автором — это значит получить право самому называть вещи и лица своим именем, самому быть источником той силы, которую чувствует в себе каждый автор и которая определяет его поведение.

ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ

Чувство современности содержится в творчестве, и оно то больше всего и радует автора, обещая ему непременно внимание и сочувствие друга. Особенно трудно дается автору изображение природы и вместе с тем открытие современности в несовременных вещах.

Тайная современность рассказа о несовременных вещах является, может быть, пробным камнем истинного творчества.

НЕВИДИМАЯ СВЯЗЬ

Каждый человек не может смешаться с другими, исчезнуть, и превратиться во всех, и быть как все. Но каждый не является представителем и ответчиком одного себя, каждый из нас выходит из группы своей, из своего типа.

Значит, каждый из нас является свободным выходцем себя из своей группы, соединяющим одну типовую группу с другой в обществе невидимой связью.

Итак, все люди вместе — это еще не весь человек. Тогда собирается весь человек как лицо, *если каждый из нас является связью для всех.*

ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК

Человек простой терпит все плохое, как будто на то и на свете живет, чтобы все сносить. Зато если вдруг придет счастье, то радуется и благодарит. Так и живет простой человек: если увидит, что где-то на пути ему плохо, — постарается устранить плохое.

Но, работая и продвигаясь вперед, он оставляет другому лучинки, спички. И вот придет другой человек, и все готово ему. Тут он радуется, благодарит. И, уходя, готовит другим.

О ПРОШЛОМ

Нужно вспомнить всю совокупность темной деревенщины (чего-то стоящего), чтобы оправдать движение к лучшему.

ТАЙНА ТВОРЧЕСТВА

Тайну творчества надо искать в любви. Все мы помним, что когда кто из нас влюблен, то, бывало, и все люди на свете хороши. Так в творчестве есть мысль — не мысль, а что-то единое сердца, ума и воли.

Если ты нашел в глубине себя мысль, то везде она, эта мысль: смотри в лес — и там листики и птички по-своему о ней говорят, смотри на большую улицу — и люди шепчут между собой о том же, и даже если усердно будешь смотреть в телескоп, то и там, и везде, и во всем, как в тебе.

Сущность творчества, его самый глубокий секрет в том, чтобы находить в себе и для всех эту соединяющую мир внутренний и внешний мысль.

НЕКОГДА

Странник, проходя полем, спросил работающих людей о дороге.

— Непокогда мне, — ответила женщина.

А мужичок один бросил работу и вывел странника на дорогу.

С тех пор мужики работают и отдыхают, а женщина, сколько ни работает — и ей все некогда.

СВОБОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ

Когда я был маленьким писателем и еще не печатался, я читал свои рассказы всем, кто имел терпение меня слушать. Тогда я кланялся каждому, зазывал к себе в дом гостя, потому что сам не мог смотреть на себя со стороны и мне нужно было, чтобы кто-то другой посмотрел на меня, чтобы в этом другом найти своего друга-читателя.

Так что мало было написать, надо было еще найти себе непременно друга. Вот почему я кланялся каждому, зазывая в свою хату неизвестных людей. И мало-помалу из них определились мои друзья, а когда через них я осмелел и отдал свои вещи в печать и неизвестные мне люди обращались в друзей, то я, как ребенок, стал ходить на своих ногах и не спешил зазывать к себе в хату неизвестных людей.

Я получил тогда ту свободу в искусстве слова, которой пользуется в быту каждый человек.

Но в быту эта свобода, как капля в сухой земле, а тут только свет и свет, и земли не хватает, чтобы вместить в себя совершенно свободное слово.

В этом и есть драма писателя, что ему на свободе полной делать что хочется не хватает земли, определенной в долге, в том, что не хочется, а что *надо*.

Посмотрите на всех великих творцов слова, и вы увидите, что высота каждого великого начинается корнями, глубоко опущенными в недра земли, и слово, совершенно свободное, заключилось в беспощадную суровую необходимость земли.

Посмотрите на рост любого дерева на свету и вспомните, что движение дерева и вверх к небу и вдаль по земле при помощи ветра и семян совершается по законам, которые в человеке можно называть поведением.

Язык родной, и свой личный язык (стиль), и наука языкознания, и даже талант не могут определить долговечность книги, если у художника слова нет в душе образующего поведения.

ЗАПОЛЯРНЫЙ МЕД

Родионов рассказывал, как он возил с Окских лугов в Заполярье сто семей пчел: в конце июня выехал, в августе пчелы собрали в тундре по два пуда меда на семью. Путешествие Р. с пчелами служит примером того, что и в наше время можно идти за своим колобком.

Думать о себе, что я написал хорошо, — это естественно и необходимо для каждого в первый момент, после того как он написал. Это показывает, что он целиком отдавался своему делу, что он честный человек и отвечает за себя.

НАБРОСОК

Вчера появился у меня Шурка с ружьем, наверное, ворованным.

У него лицо просторное, как поднос, и кажется иногда сплошь белым, как тесто, и на тесте иногда пузырем показывается то мигающий глаз, то рот, с оттянутой для важности вбок губой, то щека в неудобном движении своем к улыбке.

Доктор исследует человека в таком чувстве, что нет в человеке ничего нечистого. Но и все-таки, закончив исследование, он руки свои умывает.

ОЧЕРК

В меня входит мысль о преобразовании природы, и я хотел бы эту мысль дать поэтически. Так, например, если взять лесоразведение, то нельзя искренно написать поэму о насаждении, пока лес не вырос. И вообще для изображения будущего можно пользоваться лишь формулами и чертежами.

Быть может, форма очерка является единственным выходом для писателя, от которого требуют участия в новостройках.

СВЕТ И ТЕНИ

Чувствую в своей повести главным планом философию света и тени и понимаю сейчас свет на всех и тень на каждом, то есть что лицо человека образуется борьбой света и тени: если бы не было тени и только один свет, то не лица были бы у людей, а лепешки. Если бы не было света, все погрузилось бы в ночь.

Иду в лес изучать распределение света и тени на елке.

СМЕРТЬ

Все дети живут, не думая о смерти, все они живут, как бессмертные, а мало ли их, детей! И есть много взрослых, живущих, как дети, и есть много взрослых с душой «где наша не пропадала», и довольно и таких простых мудрецов, кто говорит даже, что для себя смерти нет.

Но если даже для себя смерти нет, то мы видим ее на стороне, и содрогаемся, и, провожая умершего, сходимся теснее между собой, сближаемся.

Так не в том ли есть смысл смерти, чтобы мы между собою сближались, соединялись в единого человека в полной уверенности, что когда все сольемся воедино, то тем самым исчезнет самый страх смерти и тем самым кончится и умрет самая смерть.

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

По болотам в свое время я ходил с чувством стран не-открытых где-то там подо мной, в недрах земли, в этой кладовой солнца, сохраняющей в тысячелетних слоях торфа огонь для будущих людей.

Так теперь на старости лет часто думаю о моих предках, скромных людях, простых и веселых, сохранивших для меня такой большой запас радости жизни.

КОРОСТЕЛЬ

Вася вчера подарил мне коростеля. А сегодня утром на рассвете вытащил я из клетки птицу, открыл окошко, высоко подбросил ее, и она весело полетела через реку, черная, крылатая.

Я же думал в это время: «Отчего она полетела, а вот елочки стоят неподвижные, хотя тоже и они живые?» Подумав, ответил себе: «Не потому ли, что елочки питаются прямо землею, прямо водою и светом, вот они и стоят на месте? А птица на месте прямо взять себе не может, ей надо питаться чем-нибудь живым, и она это ищет, и оттого она движется».

Из этого делаю вывод, что чистые существа в природе только растения, и наиболее нечистые — вегетарианцы, которые пожирают самое чистое.

ESPRIT DE L'ESCALIER ¹

Нет, у писателя ум не лестничный, напротив: писатель именно и схватывает скорее всех мгновение жизни, но только действие его очень сложное: мгновение схваченное питает очень длинное действие для заключения себя в форму.

Но в нравственном смысле это одно и то же, что поймать текущее мгновение с заключением в форму, что выхватить из воды утопающего ребенка.

ТЕМА ДЛЯ СПОКОЙНОЙ РАБОТЫ

Описать Москву с точки зрения движения природы в Москву (большой город) и подмосковье — с точки зрения культурного влияния большого города на природу. Эта тема мне кажется ценной, потому что позволяет освободиться от пожизненного гнета идеи неминуемой гибели природы от встречи с человеком.

Вот повести бы тогда линию, что, наоборот, подмосковные леса от влияния человека стали веселее, что там человек был раб природы, тут он царь, что из города начинается очеловечение природы.

¹ Французское выражение (дословно «лестничный ум») соответствует русскому «задним умом крепок». В данном случае замедленное восприятие

Самое трудное в деле искусства слова — это сделаться судьей самого себя.

И возможно ли это?

Возможно судить себя только за прошлое, когда переживешь сам себя и сам на свое будешь смотреть, как на что-то бывалое.

Но как судить самому себя, когда в написанном своя собственная душа выступает, как небывалое?

И так оно и быть должно, на то и говорится «душа», чтобы назвать приход на свет небывалого, единственного и неповторимого.

Мир наш движется, новое приходит и складывается, как бывалое, и опять приходит небывалое, и мы его опять встречаем, но, вероятно, встречаем не все.

Так мы когда-то рождались, в Европе и в Америке люди рождались, но мы не знали Америки: Америка была, но для нас ее как бы не было, и когда открыли Америку, то это было открытием только для нас, европейцев, а для всего человека Америки не было.

И наши нынешние атомы и элементы: электроны, гелий и все такое было в мире.

Но мы можем назвать много вещей, каких не было до нас на свете: не было термометра Реомюра до рождения физика Реомюра и не было гильотины до француза д-ра Гильотена.

Давайте же разделим все богатства нового мира на открытия бывалого и на приход небывалого. И если мы условимся в этом, то неизвестного агента всего бывалого назовем природой, а во всяком приходе небывалого будем искать, как агента, единственную, неповторимую и незаменимую душу человеческую.

Человек — это источник небывалого в природе.

Атомы были, но атомная энергия в руках человека действует, как небывалое. Наташа Ростова была, но под пером Толстого она живет, как небывалое, потому что ею руководит душа единственного, неповторимого человека — Льва Толстого.

Думалось о том, сколько всего в себе таится прошлого. Пожалуй, сколько было, столько и есть, и, значит, по себе можно понять весь мир.

И в то же время, как же мало то небывалое в мире, что ложится на меня: то есть то, что могу к небывалому прибавить я свое небывалое.

А между тем вся перархия человечества, все различие между людьми держится только на том, кто сколько прибавил в жизни людям от себя.

Конечно, природа и сама по себе изменяется, но так медленно, что, меряя ее жизнь нашим веком, мы, в общем, можем считать в природе все, как бывалое, и это бывалое можем называть природой, а небывалое признавать делом человеческих рук.

И, в общем, не ошибемся, если вовсе отбросим незначительную величину самовольных изменений в природе и человека признаем причиной всех изменений, творцом небывалого.

Не ищи от людей помощи в том, что сам себе можешь сделать, и не жалуйся на другого, если в себе самом сомневаешься: не сам ли я в том виноват, не я ли сам что-нибудь упустил?

ИМЕНА

Почему все что-нибудь новое непременно ищет человеческого имени, как безногий ищет костыль?... Был Жуковский, поэт, и стала на время улица Жуковского, то есть улица, где жил поэт. Но со временем поэта обратили в костыль, и улицу стали называть Жуковская улица. Так Форд обратился в автомобиль, физики Цельсий и Реомюр — в термометры, Гильотен — в гильотину.

Все новое сопровождается открытием имени.

НОВОЕ И НЕБЫВАЛОЕ

Часто что-нибудь новое нам принимаем в то же время и как небывалое, и это совсем не верно, и в огромном большинстве случаев новое бывало или бывает постоянно и становится новым только потому, что названо.

Даже такое является новым, что входит в повседневное поведение каждого, и он не обращает на него своего внимания, и когда оно бывает названо или описано, дивится таланту и мастерству художника слова, умевшего на

самом деле только назвать повседневное, только одеть его в слово.

Этой способностью называть повседневное отличался у нас Лев Толстой.

СЧАСТЛИВАЯ ПАРА

Две сосны, вначале искривленные, в коленном изгибе плотно между собою сошлись и после того рядышком, пряменькие, с тонким просветом между собой, пошли вверх.

По ним я вспомнил жизнь многих хороших людей и подумал о том, что много на свете таких счастливых пар, так много, что мы их не замечаем, и все почему-то гонимся за драмами.

СТАРЫЕ БЕРЕЗЫ

Две порослевые березы вышли из одного корня, и на высоте человеческого роста, выражаясь нашим языком, одна сказала:

— Я хочу по-своему.

И другая ответила:

— Я тоже!

И разошлись по глупости, и так выросли на одном корне и на одном стволе высотой в рост человека под углом две огромной высоты березы, и каждый из нас, глядя на них, вспоминал знакомую пару людей, живущих вместе и в то же время совершенно по-своему.

Лет за сто такой жизни ветер нанес и уложил на том месте, где расходились березы, песку, пыли всякой, и на этой земле вырос между березами куст бузины, и в нем свил себе гнездышко певчий дрозд. Вечерней зарей певчий дрозд взлетал на вершину той или другой березы и пел.

И мы так слушали дрозда и понимали ответный шепот берез: они радовались, что и их жизнь не даром прошла, и им тоже досталось какое-то гнездышко, и у них тоже птицы живут и поют...

РОЖДЕНИЕ

Истоки своеобразия — это, с одной стороны, женщина, с другой — мысль. Законы генетики действуют единообразно, а женщина каждый раз рождает нового человека.

Так и человек мыслит по законам логики, но мысль новая не выводится по законам, а рождается, как в утробе женщины рождается новый человек.

Так что вообще своеобразие «незаконно», будь то своеобразие в отношении человека или в отношении его мысли.

УМНАЯ ВОРОНА

Вышел я из дома с мыслью о том, что на охоте дорогого равновесие, в какое входит душа в природе, как будто это две чаши весов (я и природа) приходят в равновесие и стрелка останавливается.

И если в таком состоянии что-нибудь случается и это запишешь, то пусть это будет самое ничтожное, и все равно, когда напишется, будет непременно интересно и хорошо.

Из этого правила вышел весь я как писатель.

Так я думал, и вот оно случилось, самое глупое. Я вынул книжечку и нарочно для опыта записал следующее:

«Под горой на берегу реки Москвы было много ворон, и когда я им с горы показался, все шаркнулись, и только одна ворона взяла себя в руки и, отлетев чуть-чуть, присела в полной готовности в случае чего улететь, куда все улети. В таком положении на низких ногах своих она оставалась, непрерывно то поглядывая на меня, то на оставленное воронами какое-то лакомство.

Очевидно, эта была самая умная ворона и ей хотелось сыграть на общей шарашке: все улетят — и ей все достанется.

Конечно, я сделал вид, что иду по своей надобности и на нее не обращаю внимания. И так она удержалась, а я прошел. И все, что там лежало на берегу, досталось умной вороне.

Так не у одних ворон бывает шарашка, а тоже и у нас, у людей, постоянно: «Пожар!», крикнут — и все бежать в один ход, — сколько подавят! А умный удержится. «Лучше, — думает, — сгорю, чем задавят». Глядишь — и уцелел, и никакого пожара не было».

СЛОВО НАШЕЛ

Вдруг понял, что слово *общество* заменяет нам теперь то, что раньше называли *человеком*. То самое, над чем я тружусь уже несколько лет: назвать одним словом всего

человека (весь человек в одном лице в противоположность сверхчеловеку).

Но только у нас теперь под словом «общество» понимают организацию, между тем как всего человека я представляю себе, как *организм*.

БУДУ ЖДАТЬ

Я теперь буду ждать появления такой литературы от новых писателей, чтобы искренно самому бы радоваться и мало того обрадоваться — самому бы подняться и лучше всех написать.

И РУБИТЬ, И САЖАТЬ

В каждый миг становится какое-нибудь одно против какого-нибудь другого; вот, к примеру, леса: один их рубит и держит в голове древнеславянское: лес — это бес. Другой человек насаждает леса, повторяя в упоении слова Аксакова: «Лес и вода — краса природы».

И если чистый младенец скажет: «Я хочу жить по правде, скажите, что же мне делать: рубить леса или сажать?» Я на эти слова младенца, каким и сам был когда-то, и думал, что не может быть в правде двух исключających одна другую половинок, сказал бы так теперь:

«Дитя мое, если ты хочешь знать правду, то надо, конечно, и рубить, и сажать, но только ты сам должен научиться, где и когда надо рубить и где и когда надо сажать».

ОБХОД ПРАВДЫ

Правда колет глаза, сказать по правде очень трудно и в то же время обойти ее очень легко при одном условии, что ты-то ее обойдешь, но в будущем когда-нибудь непременно за тебя поплатится невинный.

КОРЕШОК

Самолетик маленький с удивленно вздернутыми крыльшками, сверкая, как белый серебряный лебедь на солнце, летит со скоростью тысячу километров в час.

Я готов бы ему удивиться, но он возник в течение моей одной только жизни: я хорошо помню, как учитель есте-

ствознания нам, детям, с мелом в руке на черной доске писал формулы и доказывал по вечным законам физики, что человеку летать невозможно.

Я не могу теперь удивляться движению реактивного самолета, потому что за следующую после меня жизнь это движение будет казаться таким же ничтожным, как пахота сохой в сравнении с трактором.

Но я удивляюсь корешку, который своим твердым чехликом впивается в минералы и обращает их в соки земли.

Я удивляюсь потому, что, будучи сам корешком у людей, стремлюсь тут подглядеть и, может быть, открыть самое-самое начало движения и понять в нем начало жизни.

КНОПКИ

Кнопки не надо бояться, а овладеть их техникой в таком совершенстве, чтобы у читателя не останавливалось внимание. Между тем читатель именно на то и жалуется, что по кнопкам он вперед догадывается, куда ведет его автор. Кнопки ставятся там, где автор боится себя («как бы чего не вышло»), и вследствие этого страха в его душе изымается некая сущность (нечто «неуловимое»), из чего и складывается свобода.

СТУДЕНТУ

В литературном отношении ваши рассказы не плохи и показывают вполне достаточную вашу подготовку для работы в этой области. Только надо обратить ваше внимание на то, что копировать особенности народной речи нельзя и что автор в этом отношении должен быть очень осторожен. У автора должно быть особое чувство родного языка, и это, по-моему, достигается постоянным и любовным чтением образцов. Но при наличии таланта это чувство меры является само собою.

Имейте в виду, что талант — это есть то же самое, что в природе называется землею. Я лично держусь этой аналогии и поведение свое в отношении таланта организую подобно земледельцу, который трудится над обработкой земли, но благодарная земля, конечно, рождает *сама*.

И вы, автор, должны иметь в виду, что счастье творчества — это когда вам ясно видно бывает, что рассказ ваш складывается сам, как складываются в природе

кристаллы. Как раз этого-то и не видно в вашем рассказе: следы пота видны всюду, и рассказы держатся не сами собой, а все на кнопках. И оно так и должно быть, потому что «инженер душ» стоит перед небывалым...

Вы должны работать не над складыванием хороших мыслей и фраз, а над тем, чтобы у вас все само собой вышло, радовало бы вас, возносило так, будто вы лучше всех написали.

Нравственность есть отношение силы разума к силе чувства. Чем сильнее чувство и чем ближе к нему разум, тем больше человек в его человеческом деле.

Есть чувства, восполняющие и затемняющие разум, и есть разум, охлаждающий движение чувств.

Трудовой процесс, если он свободен, кончается творчеством.

СОБИРАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ТЕМЫ: МОСКВА

Чертеж, формула, организация по формуле и чертежу не есть еще организм. Так что *верить* в формулу невозможно, а между тем мы сами этого именно от себя требуем, чтобы восполнять свои обязанности по формулам и чертежам.

Вот почему, когда строи ведущих идей так складывается, что возникает в душе радость, сейчас же эту радость берешь под контроль и спрашиваешь себя: «Не потому ли я радуюсь, что цикл моих идей сходится с заданной формулой? Не оттого ли я радуюсь, что житейский корабль мой получает приятную поветерь?»

Так происходит сейчас с багажом моей души, с чувством природы, обращенным из тайги на парк, из деревни на город.

Анализирую состав сердечных мыслей о природе и городе, как они движутся в моей душе.

1) Первое и основное чувство мысли: это что люди, размножаясь, губят девственную природу, и мы неминуемо расстанемся с живым чувством природы.

2) Второе (мое личное) чувство, что самая горечь расставания, самые слезы, сама сердечная мысль наживается нами в городе и что в самой природе среди простых

людей совсем не содержится печали об утраченном, и даже часто напротив: наши крестьяне и сейчас на Севере, вырубаясь из лесов, провожают девственные леса словами: «Лес — бес».

Знаю по себе, что чувством природы я заряжаюсь в городе, что город есть аккумулятор этого чувства, и в городе мы учимся, например, различать (раз — личать) деревья, понимать цветы на лугу не просто ковром, а как различные существа.

3) Итак, в результате борьбы человека с природой, человек становится из ее раба ее царем и воссоздает утраченное по образу своему и подобию, и мрачная тайга становится парком. В такое дело созидания новой природы входит сохранение девственной природы в заповедниках, благодаря чему каждый может, сравнивая парк с заповедником, видеть пройденный путь.

Против этого: заповедник ограничен, а тайга безгранична, в заповеднике я остаюсь хозяином природы, в тайге я ее раб.

4) Сделаем вывод: чувство утраты чего-то не возмещается радостью воссоздания, раз — личения, и оно вещественно не восполнимо.

5) Но верно ли, что древняя девственная природа, попадая под власть человека, непременно попадает в руки злой силы?

Творчество мира продолжается и в наших парках, в культуре городских растений, и в образовании между ними различий сказывается перемена характера борьбы за существование борьбой за лицо.

6) Быть может, вот именно через это появление лица в природе мы, люди города, тем самым и поднимаем в себе основное древнее чувство природы?

7) Нет! Моя радость не в том, что мой корабль выходит из ветра в тихое место, а что он входит в естественное течение и пользуется им на своем божественном пути.

Как записал вчера свое кредо, так в душе и осталась какая-то твердость, какая-то опора.

— Мне кажется, — сказал я, — будто у меня в душе скелет нарастает, и я думаю, что недалеко время, когда придет конец моим колебаниям в воздухе и я стану на свои ноги.

— Пора! — ответила обрадованная Л., — пойми, ка-

кая же это будет тогда прекрасная жизнь: долго жил, чтобы понять себя самого.

— И сказать наконец,— продолжал я,— «прекрасное мгновение, остановись».

Начинаю путешествие по Москве с целью изучения природы большого города. Буду беседовать с людьми, читать книги, знакомиться с насаждениями, с оранжереями. Материалы эти должны сомкнуться с моими наблюдениями подмосковной природы и противопоставиться природе девственной.

В этом противопоставлении должно определиться наше благоговение к природе девственной, наше коленопреклонение и то чувство, с которым человек поднимается с колен и творит сам природу по образу своему и подобию.

Можно вперед сказать, что первый процесс питает наше *большое* чувство природы, космическое, воспитывающее в человеке творца. Таковую природу мы называем девственной и нерукотворной. Второе чувство есть радость самосознания в деле созидания космоса, и оно начинается борьбой с первым творцом.

Так и в борьбе с лесом простой мужик-славянин говорит: «Лес — это бес». А какой-нибудь мичуринец считает себя «преобразователем природы».

Весь этот процесс приводит к пониманию личного начала в природе. И теперь мы можем в природе большого города фиксировать это образование личности у растений и животных. В этом и состоит обмен города и деревни: в городского человека переходит из девственной природы большое чувство природы нерукотворной и порождает в нем действие воплощения в личность всего сущего.

Так, дерево, выращенное в городе, свидетельствует, с одной стороны, о тайге нерукотворной, с другой — о творческом существе самого человека. С этими мыслями я начинаю свое московское путешествие.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Человек в городе стал достигать личной свободы. Когда отдельные люди в городской среде освободились от лесных идолов, это самое чувство обретенной личной свободы повело их опять в лес, и сначала возник интимный пейзаж, а потом стали и леса насаждать.

Новое время, надо понимать, — начинается с идеи тотальной войны: когда открылась для всех сущность войны. Есть ли это новое время начало конца света или начало жизни без войн, — в этом сейчас и определяется каждый из нас.

WARHEIT UND DICHTUNG ¹

— Рассказ «Заполярный мед» написан без выдумки, — сказал я.

— А вы, — ответила докторша, — всегда пишете без выдумки.

И это правда, что Л. Толстой тоже не придумывал и у него тоже *Вархейт унд Дихтунг* не расходятся. И у него тоже *Дихтунг* есть лишь личная форма правды.

Поэзия у Пушкина, у Л. Толстого и у всех русских классиков есть дыхание правды.

ТРИ ПОТОКА

Против нашего окна в Москве Третьяковская галерея, и в праздничный день весь наш переулок представляет собою поток людей, текущий внутрь галерей. Если в это время пойти в соседние улицы и переулки, то непременно встретимся с провинциалами, которые будут спрашивать: «Где тут Третьяковская галерея?» И так большая часть всего потока представляет собою людей земли, пробившихся в Москву, чтобы приобщиться к культуре.

А дай вот пройдет зима и прилетят весной первые птицы — тогда заметен другой, обратный поток людей из города в природу. Все это понятно: перелетные птицы кочуют между севером и югом, а люди стремятся в город к чему-то небывалому и выезжают из города отдохнуть и родиться у земли.

Но между этими двумя потоками намечается третий поток: мечтой соединить в одно оба потока, в единый процесс творчества, где все бывалое — природа — движется к небывалому, к человеческой новой культуре.

¹ Правда и вымысел (нем.)

ПОДМЕНА

Лысенко пишет, что пшеница иногда перерождается в рожь, а я думаю, что тоже так и у нас, людей, талант перерождается в собственность (скупой рыцарь). Собственность подменяет талант, и собственник часто думает, что, отстаивая собственность, он отстаивает самого себя.

КОГДА НЕ СПИТСЯ

Есть способ усыплять себя, когда не спится от наплывающих мыслей: надо убивать эти мысли повторением бессмысленной фразы или счетом.

Этим же способом многие люди убивают в себе охоту к жизни скучным и бессмысленным трудом, похожим на самоубийство.

Работа убила на время во мне чувство природы, знаю, что делается там, только по утренним скребкам дворников: скребут — значит, был снег, нет — нет.

Можно убить свой дух в запойном труде. Кажется, еще никто не описал этот способ самоубийства, но каждый ученый, не сделавший открытия, есть самоубийца.

ЛОЖКА ДЕГТЯ

В отчаянии думаю иногда, что сколько родится жулья при капитале, так и при социализме родится их разве только немного поменьше. А между тем жулик в советском нравственном мире действует, как ложка дегтя в меду.

Напротив, капитал поставлен на жулике: не обманешь — не продашь. И в капитале жулику место указано, в капитале жулик полезен, и какая бы нравственность ни развивалась — жулик ей не мешает.

ПРИЗНАНИЕ

Я очень много работаю над тем, что вы хвалите за легкость и занимательность чтения. Но хвалиться этим трудом, как делают многие, я не могу. Трудности творчества указывают на несовершенство творческой природы автора.

Есть много примеров, когда сам же я написал легко, и оно «написалось» или «вышло» гораздо лучше, чем то, что писалось «с трудом».

Бахметьев вчера мне сказал:

— А нет у вас к себе возрастающих требований?

— Я испытывал, — ответил я, — всю жизнь на каждое сегодня, что вчера я был дураком. Но это правда ваша: теперь эти требования к себе становятся мучительней.

Принято думать, что рассказывать из собственной жизни можно только о том, что прошло. А мне кажется, пожилому человеку надо рассказывать еще о том, как прошлое показывается в настоящем, как узнаешь свое прошлое в усилии быть современным текущему настоящему.

В искусстве нет заместителей: тем искусство и отличается от всего.

В производстве нельзя без заместителей, но затем и создано и существует искусство, что человек тут сам.

СТРАХ СМЕРТИ

Дети нам особенно привлекательны тем, что рождаются и живут, как бессмертные, как все живые существа на белом свете: животные, растения.

Чувство конца или смерти к нам приближается, как тайна взрослых. В детстве кажется, будто взрослые что-то скрывают от нас, и самой главной тайны их почему-то невозможно ни подслушать, ни подсмотреть.

Потом вдруг что-то случится, ребенок становится взрослым, и тайна открывается, как неминуемая для каждого живого существа смерть.

Есть довольно много на свете людей, которые на тайну взрослых не обращают никакого внимания и живут счастливыми всю жизнь, как дети, как бессмертные.

СТАРИКИ

О стариках мы обыкновенно говорим: «Он все такой же!» Мы этим про себя хотим сказать, что старый человек уже вошел в ритм природы, повторяется, и от него нечего

ждать, как от всей природы, чего-то особенного: в природе все уже было.

Мы же, молодые, все надеемся показать людям что-то еще небывалое.

ГОЛОЛЕДИЦА

Вчера днем и вечером шел дождь, и сегодня улицы чистенькие, а люди падают, как оловянные солдатики.

Мне встретился милиционер, громадный мужик, нес в руках и под мышками белых голубей, вокруг него было человек двадцать мальчишек. Вдруг милиционер поскользнулся, грохнулся и сел на зад. А голуби поднялись, собрались в кучку, сделали круг и уселись на крышу огромного дома.

В один миг ребята разбежались по переулкам, и когда милиционер наконец поднялся, первые части мальчишеской армии уже крались к голубям по крышам.

Поглядев в глаза милиционеру, я сказал:

— Вот герои!

— Так мы брали рейхстаг, — ответил милиционер. И, махнув рукой на мальчишек в смысле «шут с вами», оправился, почесывая ушибленное место, вытянулся, отдал мне честь и пошел по своим настоящим делам.

ПЧЕЛЫ

Тысячи лет учились жить люди для себя, как живут в природе хищники. Но в то же время в той же самой природе есть животные, которые живут не для себя и мед собирают и складывают в запас будущего.

ПЕЙЗАЖ

Мои записи о природе часто наводят меня на мысль, что поезд нашей человеческой жизни движется много быстрее, чем природа, и вот почему получилось у меня, что, записывая мои наблюдения в природе, я записываю о жизни самого человека.

Так часто бывает, что сам едешь в поезде и из окна кажется, будто мчится природа. Когда же разберешься хорошенько, то оказывается — природа стоит, а мчимся мы сами в своем поезде.

И нет ли того у всех художников природы, что их про-

никновенный взгляд в природу, их интимный пейзаж есть не что иное, как попытка проникнуть глубоко в душу человека, в ее неудержимое движение, останавливая свой взгляд на природе.

Во всяком интимном пейзаже движется сам человек.

Люди окопов — это те, что в окопах сидят и думают, что они видят и знают больше других. А они-то как раз и не видят ничего.

Наставник должен знать, на что ему детей насгавлять, и он знает: «на хорошее». Но если «хорошее» само меняется?

Тогда наставнику надо самому участвовать в изменении и вести детей за собой.

СЛОВО — ЗВЕЗДА

В каждой душе слово живет, горит, светится, как звезда на небе, и, как звезда, погасает, когда оно, закончив свой жизненный путь, слетит с наших губ.

Тогда сила этого слова, как свет погасшей звезды, летит к человеку на его путях в пространстве и времени.

Бывает, погасшая для себя звезда, для нас, людей, на земле горит еще тысячи лет.

Человека того нет, а слово остается и летит из поколения в поколение, как свет угасшей звезды во вселенной.

ЗЕРКАЛО ЧЕЛОВЕКА

МОИ ЗЕМЛЯКИ

Все бранятся зверем, хуже нет, когда скажут «Вот настоящий зверь» А между тем у зверей этих хранится бездонный запас нежности.

МОИ ЗЕМЛЯКИ

Чем ближе к дереву, тем оно кажется выше, и так я прошел в тесноту огромных деревьев, стал среди гор зелени живой, стремящейся в голубую высоту.

Я стал в самом низу в глубине почти черной тени и видел, как мой брат, такой же маленький, как и я (земляк по общей жизни нашей с ним на земле), поднялся из тьмы и сверкнул в луче, пронизывающем зелень, мелькнул и опять сверкнул повыше, и я понял: комар поднимался вверх. Я следил долго за ним среди блистающих паутинок и трепещущих листиков осины.

Только редкий листик осины качался там наверху, но под каждой высокой осиной, обняв ее, поднималась темная елка вплотную к другой, и какая же у нас тут была

тишина, если и там, высоко, на свободе еле-еле шевелился иногда листик осины.

Как хотел, хотел, жаждал я сказать кому-нибудь о великом царстве света там, наверху! Вот почему, наверно, я не спускал глаз с маленького комарика и, запрокинув голову, следил и следил, как мой маленький брат поднимается выше и выше в царство свободы и света.

И не думал я о том, что, когда он туда долетит, он и там непременно будет кусаться.

УМ ЖИВОТНЫХ

Под окном Васька кричал, ему ответили, как всегда: «Васенька!» — и он прыгнул на подоконник, но неудачно: окно оказалось сзади него. Что делать? Если обернуться на узком месте, то непременно упадешь вниз; броситься вниз и еще раз прыгнуть? С узкого места неудобно приобернуться наперед и прыгнуть. Кто-то из нас, чтобы решить дело, позвал: «Васенька!» — и тогда, глядя на Васькин поступок, все на разные голоса воскликнули: «Вот так умница! Какой ум!»

А между тем если взять наш обычный человеческий ум, то что же особенно умного сделал кот? Он только, видя, что обернуться нельзя на узком месте, прыгать вниз — опасно, взял и подался задом и вошел в окно не головой вперед, а хвостом.

Диво какое! Хвостом вперед!

И вот как все мы ценим, как любим свой ум человеческий, что, заметив только признаки нашего ума у животного, кто-то из нас даже ахнул и сказал:

— Государственный ум!

Раз читал книгу, и когда оторвался от чтения, то увидел перед собой козу, привязанную за кол на траве возле картофеля. Натянула веревку — не рвется. Вернулась к колу — и бац в него лбом! Кол тронулся. Натянула веревку — стала поближе, еще раз — бац! Еще стала ближе, и так раз за разом вытянула кол. Наелась картофеля.

А дача стояла под огромной ветлой, и крыша дома с одной стороны, покрывая тоже сарай, спускалась до земли. Коза, когда наелась, залезла на крышу и под ветлой наверху легла.

Пришли хозяева — нет козы. Стали искать — нет нигде, стали ждать, и, как в сказке: нет козы с орехами,

нет козы с калеными! И когда уже спать ложились, слышат с крыши: «Мэ-мэ!»

У меня толкование: она виноватая спряталась, а когда люди стали жалеть, то явилась.

— Коза — известно, умное животное, — сказала Катя. — А вот кто поверит, что блоха умная, да еще какая умная! — Рассказала, как она выскивала блох у Васьки и заметила: он их выгрызал.

— Поверите ли, блохи стали жить у него на щеках и особенно близко к носу. Когда начну вычесывать их — найду на всем коте одну-две, а на щеках по десятку, и всегда кучкой, штук до пяти. Какие умные!

— Никакого ума у блохи: нос — это остров спасения, — ответил я.

А вст было у меня с гусем. Читаю очень скучную книгу. Читаю, больше листая. Это листанье услышал гусь, обошел меня, и как только я листану — он: «Га-га-га!»

Никогда я так резко не встречаюсь с природой, как если я читаю рассеянно: какой-нибудь паучок с булабочную головку — и как он интересен! Гусь же меня очень заинтересовал.

Я уже нарочно стал листать, и чем больше — гусь все ближе. Листану — а он: «Га-га-га!» Но мне надо было прочитать, я принудил себя и про гуся забыл. Листал я, листал — и вдруг: «Га-га-га!» И прямо из-под рук гусь вырвал целую страницу из скучной книги. Чем же не ум?

— Ум замечательный, — ответила Катя, — только дурно направленный.

КОТ

Когда я вижу из окна, как пробирается в сад Васька, я кричу ему самым нежным голосом:

— Ва-сень-ка!

И он в ответ, я знаю, тоже мне кричит, но я немного на ухо туг и не слышу, а только вижу, как после моего крика на его белой мордочке открывается розовый рот.

— Ва-сень-ка! — кричу ему.

И догадываюсь, — он кричит мне: «Сейчас я иду!»

И твердым прямым тигровым шагом направляется в дом.

Утром, когда свет из столовой через приоткрытую дверь виднеется еще только бледной щелкой, я знаю, что у самой двери в темноте сидит и дожидается меня кот

Васька. Он знает, что столовая без меня пуста, и боится: в другом месте он может продремать мой вход в столовую. Он давно сидит тут, и, как только я вношу чайник, с добрым криком он бросается ко мне.

Когда я сажусь за чай, он садится мне на левую коленку и следит за всем: как я колю сахар щипчиками, как режу хлеб, как намазываю масло. Мне известно, что соленое масло он не ест, а принимает только маленький кусочек хлеба, если ночью не поймал мышь.

Когда он уверится, что ничего вкусного нет на столе — корочки сыра или кусочка колбасы, — то он опускается на моей коленке, потопчется немного и засыпает.

После чая, когда встаю, он просыпается и отправляется на окно. Там он повертывается головой во все стороны, вверх и вниз, считая пролетающих в этот ранний утренний час плотными стаями галок и ворон. Из всего сложного мира жизни большого города он выбирает себе только птиц и устремляется весь целиком только к ним.

Днем — птицы, а ночью — мыши, и так весь мир у него: днем при свете черные узкие щелки его глаз, пересекающие мутный зеленый круг, видят только птиц, ночью открывается весь черный светящийся глаз и видит только мышей.

Сегодня радиаторы теплые, и оттого окно сильно запотело, и коту очень плохо стало галок считать. Так что же выдумал мой кот! Поднялся на задние лапы, передние на стекла, и ну протирать, ну протирать! Когда же протер и стало яснее, то опять спокойно уселся, как фарфоровый, и опять, считая галок, принялся головой водить вверх, и вниз, и в стороны.

Днем — птицы, ночью — мыши, и это весь Васькин мир.

КОТЕНОК

Котенок сидел на улице на верхней ступеньке входа в большой многоэтажный дом. Чье-то человеческое сердце сжалось при виде одиноко умирающего живого существа... принесли блюдечко с молоком. Но людям стало еще тяжелее: котенок смотрел на молоко и не ел.

— Почему так тяжело смотреть на котенка? — спросил я свою подругу.

— Мы на котенка смотрим и о себе думаем, — ответила она, — что, если и я так выпаду из человечества, останусь одна и буду смотреть, как где-то счастливые

люди друг за другом ухаживают и так спасаются вместе. — Она оглянулась еще раз на котенка и повторила: — Да, люди спасаются вместе, и оттого нам так тяжело смотреть на одинокого котенка.

ФИМА

Вчера принесли мне молодую тетерку, которую мы называли Фимой («фи-у, фи-у»). В течение трех недель эта Фима в крестьянской семье прошла суровую школу. Школа лесная — жизнь в лесу под крылом матери. Школа в крестьянской семье была для Фимы то же самое, как если бы человеческое дитя попало в школу природы.

Ее спасение было под печкой. Понос. Крохи, падающие со стола. В крестьянской семье и с детьми-то не церемонятся, а не то что с бесполезным едоком. Эта школа сверхчеловека, человеческое милосердие таится, как секрет, как милая слабость.

Тетерка все перенесла и перестала бояться человека, собак и всего внешнего: как бы вышла из себя. Если увидим бруснику, то вынимаем тетерку, пускаем ее, и она сейчас же начинает клевать.

ПТИЧЬИ ДЕЛА

По строгой прямой, часто махая крылышками, пролетел по своим семейным делам скворец.

Прилетел грач и, видимо, вдруг наткнулся на массу червей. Не для себя прилетала эта грачиха: слышно и здесь, как орут молодые грачата в ожидании матери. Но что делать: она не может взять сразу и унести всю россыпь червей.

Нечего делать — ей приходится клевать червей самой. И она клюет, слегка издавая тот самый звук, какой издают грачата в ожидании червя. Клюнет и крикнет, клюнет и крикнет. И отчего-то жалко становится грачей.

Мышью побежала птичка по лесу. Что это, поврежденная птичка? Поглядел, а внизу две кочки рядом, и на них сосновая ветка, а под веткой между кочками в темной глубине желтые рты открыты на наш шум.

Что же это, веточка сосны сама собой упала и прикрыла гнездышко, или птичка-самец и самка потрудились над нею, приволокли?

Но скорее всего птичкам выпало счастье, ветер сбил ветку с сосны и прикрыл.

Сижу, отдыхаю на пне. Надо мной плавно кружит хищник,— что это, он там добычу высматривает? А вот там, на высоте, от которой слезы глаза застилают, чуть темнеется в синеве темное пятнышко, и оно тоже на таких же кругах: это второй коршун.

Но на такой высоте и коршуну невозможно ничего усмотреть на земле. Значит, и этот кружится не за добычей.

БОГАТАЯ ВОРОНА

На дерево села ворона с большим куском чего-то в клюве. Немедленно налетело много ворон, преследующих эту богатую. Все сидели молча и неподвижно. Ворона с куском во рту была очень утомлена и тяжело дышала: она ведь не могла сразу же проглотить этот большой кусок. Она не могла тоже и слететь вниз и расклевать на земле постепенно свою добычу. Вороны бросятся, и начнется общая свалка. Ей оставалось сидеть и хранить кусок.

Но или дышать с куском было трудно, или раньше ее загоняли и утомили: она покачнулась и вдруг уронила кусок. Все вороны бросились, и в этой свалке одна, очень ловкая, сумела выхватить кусок и понеслась. Это была, конечно, другая ворона,— первая, загнанная, полетела, заметно отставая от всех.

Кончилось, что вторая ворона утомилась так же, как первая, и тоже села на дерево, и тоже уронила кусок, и опять свалка, и опять все вороны гонят счастливую...

Вот какое ужасное положение богатой вороны только потому, что она служит себе одной, и точно такое же положение всякого богатого хищника.

ПТИЧИЙ ЗАКОН

В нашей старой липе поселились скворцы, а пониже в маленькую дырочку юркнула птичка-зарянка, а еще пониже в следующей дырочке поселился поползень и стал бегать по дереву, как мышонок, не стесняясь, если придется бегать и вниз головой. Сегодня я видел, как сорока тоже вроде поползня бежала вверх по дереву и ткнула нос в гнездо поползня, потом в гнездо зарянки. Наверно, я думаю, она добиралась до яиц, но ни у поползня, ни у зарянки ей ничего не удалось. А когда ткнулась к скворцам, то они как вылетят, как возмутся тузить сороку-воровку! Пух летел из сороки в разные стороны, и долго они, уго-

няя, провожали ее. Находится вот сила у маленьких птиц против больших! Когда молодые выведутся, возмужают и станут на крыло, ловите их себе на пищу, сколько вам только хочется, но яйца из гнезда воровать запрещается, и на этот случай у маленькой птицы против большой хранится особый запас сил.

Я забыл еще сказать, что, когда скворцы вылетели из дырочек старой липы, поползень с зарянкой тоже вместе со скворцами погнались за сорокой, а по пути, наверно, по сочувствию, по особым птичьим законам защиты материнства, присоединилось множество раздраженных матерей и отцов.

НЕ ВСЕ КОТУ МАСЛЕНИЦА

Лесник рассказывал, как его кот охотился на белок и приносил их домой. И вот было однажды, наверно, так: кот стерег белку, а лиса кота. Ждали, ждали кота — не пришел. Случилось, во время обхода лесник напал на лисью нору. Против одного входа сидели два лисенка и не боялись человека. Лесник вплотную подошел — они все сидят, а как только поднял руку, чтобы схватить, — вмиг подались назад. И так пошло: опустит лесник руку — лисята подадутся вперед, а как поднимет — назад.

И так долго было, и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не пришла мать и по-своему не дала понять из-за спины лесника, чтобы убирались. Лисята убрались. Лесник ждал, ждал и не дождался. И ушел, вовсе не зная, что за спиной лиса приказала детям убираться и до ее разрешения не показываться на глаза леснику. Поймать оказалось невозможным.

На другой день лесник пришел с ребятами и стал раскапывать нору. Это была барсучья нора: лиса барсука выжила. Долго работали, и наконец в одном отнорке нашли двух лисят, а в другом нашли голову того самого кота, охотника на белок.

Узнав голову своего кота, лесник вздохнул и сказал вслух своим ребятам:

— Вот смотрите, ребята, и понимайте пословицу: «Не все коту масленица».

ПТИЧЬЯ ПАМЯТЬ

Вчера мы засиделись до сумерек у себя в саду на лавочке за столиком. Вдруг мы услышали бесчисленные птичьи голоса, и вскоре все небо покрылось птицами: это

грачи собираются к отлету и почему-то летают, как всегда, вместе с галками. Кажется, будто галки провожают грачей.

Много раз эта масса птиц, отлетов, возвращалась к нам, и мы поняли наконец, что им хотелось всем у нас ночевать. И уже начали было некоторые спускаться, как вдруг кто-то из них что-то узнал и что-то сказал, и птицы с ужасным криком резко бросились в сторону, за ними все бросились и улетели.

Я же в это время вспомнил, что позапрошлый год колония грачей устроилась у нас. Подняли они невозможный крик, такой, что работать стало невозможно.

Я хотел разорить гнезда, но было уже поздно: яйца были насижены. Когда же грачи выросли, я настрелял с десятков молодых грачей на пироги, с тем загадом, что в следующем году они вспомнят погром и не поселятся.

И оказалось, расчет был верен. Они вспомнили и поселились на той стороне деревни. Возможно, что теперь они стали забывать и согласились было здесь ночевать, но вдруг кто-то из них вспомнил и дал знать по-своему, и все улетели в ужасе.

ПАУК

Топил печку. Когда пламя охватило дрова, на темном срезе одного из поленьев показался паук. Обрадованный, а может быть, обеспокоенный теплом, он побежал по обреза на край, и его встретило море огня.

Всегда, если я вижу животное в трагическом положении, я ставлю себя на его место. И когда ставлю, не забываю перевести его относительный размер на свой. Площадь полена, в переводе на меня, была как дом, и для меня — как будто весь мой дом кругом загорелся. Паук бросился на другой край, там тоже море. И так, обежав кругом весь обрез полена, он остановился и замер. Ленъ было освободить паука, и не просто лень, а с каким-то вызовом кому-то: вот, мол, еще я буду вмешиваться в это дело, пусть! — мало нам своей беды у людей! Пусть пауки сами о себе заботятся.

Между тем пожар охватил полено; всерьезно, другое полено, опорное нашему, развалилось, и вдруг наше полено с пауком рухнуло в комнату и с силой ударилось обрезом своим, где пребывал паук, о пол, подбитый возле печи железом.

Мне подумалось, что при таком ударе от паука ничего не осталось, но, когда я поднял полено, паук живешенький

побежал по железному листу. Тут его увидала моя молодая собака и ткнула его носом и, как всегда у нее с насекомыми, выпустила целое море слюны. Среди этого озера чуть виднелся крошечный островок, и это было все, что осталось от паука. Но это не был конец.

Мало-помалу островок зашевелился и вышел из моря на сухос. Казалось, у него остались только две ноги, но потом стало три, четыре, и так слипшиеся ноги расправились, и паук побежал в темный угол.

Я приветствовал его, вспоминая один сложный случай в своей собственной жизни, когда тоже совсем без всякой помощи я уцелел на пожаре, а потом вспомнилось, как было на войне, как, тоже мокрый, вроде этого паука, выполз из моря, и чего-чего не было со мной...

Так что ничего на свете не нужно бояться и, во всяком случае, нельзя унывать в беде.

ДРУГ ЧЕЛОВЕКА

Обезьяна не тем нам дурна, что некрасива, а что судит о нас по себе и все, что нам дорого, отличающее человека от животного, принимает за свои обезьяньи естественные потребности.

Напротив, собака видит в нас высшее существо и старается заслужить нашу любовь и уважение.

Бывает, собака-щенок, играя с бумажкой, привязанной на ниточку, вдруг что-то заметит, может быть даже разгадает секрет игры, и глазами, как будто освещенными настоящим светом разума, заглянет в глаза самому человеку.

Если собака поглядела на меня человеческим взглядом, то, значит, был же человек на свете, передавший собаке этот свой человеческий глаз.

Я понимаю, если собака моя ложится на пол и прижмется непременно к моей ноге, это для того, чтобы во время ее сна я не ушел. Понимаю ее, как собаку. Но если ночью, когда идти некуда, она проснулась, ей стало не по себе почему-то, и она, взяв зубами свой тюфячок, подтащила к моей кровати на другой стороне комнаты, и уснула. и была довольна, что спала не с печкой, а рядом с человеком, — это у ней человеческое чувство одиночества и жажды близости, и это от человека у нее.

Вот и надо бы изучить так собаку, чтобы можно было

отделить от нее звериное основание, а в остальном, как в зеркале, увидеть человека чисто в человеческих чувствах, направляемых им веками к собаке.

Жулька засыпает на голом полу под кроватью. Ночью ей становится неудобно на жесткой постели. Тогда она встает и начинает драть пол когтями, и так сильно, так звучно, что все просыпаются.

Дерет же она пол, как драли ее древние предки землю, чтобы поудобней устроить спальню.

Наверно, во многом и мы тоже, как собаки, по-древнему ведем себя в культурных условиях.

Все собаки в народе разделяются на умных и глупых: умные собаки, злые, любят одного только хозяина, а других людей к себе не подпускают. Глупая собака любит всех людей, всем доверяет и предпочитает хозяина другим только потому, что она ему отдана, как Татьяна своему генералу.

Подбор таких собак, по-моему, происходит не случайно, а потому что я таких предпочитаю, как Цезарь предпочитал возле себя только воинов. И у меня есть основание, почему я предпочитаю собаку, любящую не одного меня, а всего человека: я сам точно так веду себя в отношении моих близких глупо и требую тоже от них, чтобы моя персона не заслоняла собой всего человека и они бы тоже не застилали мне свет солнца.

Мало того, только в таких отношениях я понимаю свободу, а эгоистов с их злыми собаками считаю убийцами духа.

Вот почему я бессознательно подбираю себе собак благороднейших, способных возвышаться над собачьими инстинктами, и не обращаю никакого внимания на то, что их считают шалавами. И наша дружба с такими собаками вообще является как следствие общего великого душевного переживания, радости не дома, а в полях и в лесах.

И потому всех собак я разделяю не на умных и глупых, а на домашних злых и чисто охотничьих, с раскрытой душой ко всему человеку.

ЖУЛЬКА И БАБОЧКА

Жулька, моя молодая мраморного цвета собака — сеттер, носится как угорелая за птичками, за бабочками, даже за крупными мухами до тех пор, пока горячее дыхание не выбросит из ее пасти язык. Но и это ее не останавливает.

Вот нынче была у всех у нас на виду такая история. Желтая бабочка-капустница привлекла внимание. Жизель бросилась за ней, подпрыгнула и промахнулась. Бабочка замотыляла дальше. Жулька за ней — хап! Бабочке хоть бы что: летит, мотыляет, как будто смеется.

Хап! — нет. Хап, хап — нет и нет.

Хап, хап! — и нет бабочки в воздухе.

Тогда среди наших детей началось волнение. «Ах, ах!» — только и слышалось.

Бабочки нет в воздухе, капустница исчезла. Сама Жизель стоит неподвижная, как восковая, повертывая удивленно голову то вверх, то вниз, то вбок.

В это время горячие пары стали нажимать внутри Жулькиной пасти, — у собак ведь нет потовых желез. Пасть открылась, язык вывалился, пар вырвался, и вместе с паром вылетела бабочка и, как будто совсем ничего с ней не было, замотыляла себе по-над лугом.

До того измаялась с этой бабочкой Жулька, до того, наверно, ей трудно было сдерживать дыхание с бабочкой во рту, что теперь, увидев бабочку, вдруг сдалась. Вывалив язык, длинный, розовый, она стояла, хахала и глядела на летящую бабочку узенькими и глупыми глазами.

Дети приставали к нам с вопросом:

— Ну, почему это нет у собаки потовых желез?

И другие им отвечали:

— Если бы у них были железы и не надо было бы им хахать, так они бы всех бабочек переловили и скушали.

НАТАСКА ЖУЛЬКИ

Ездил на болото с Жулькой, и она выдержала крещение водой и плеткой. Бекасы рвались из-под носа, молодые и вялые, но она их не чуяла, а глядела на плавающих в кустиках болотных овсянок. Злая тревога созвала их во множестве. Жулька дрожала, порываясь ринуться за ними, и не раз даже бросалась, но крепкий шнур возвращал ее под плеть.

В этот раз она поняла только, что она возле какого-то дела, что дело это серьезно и страшно.

Кустики на болоте были редкие и маленькие, и на каждом сидела желтая птичка и плакала. И вспомнил я то время, когда сам был, как Жулька, и тоже невидимый шнур был вокруг моей шеи, и чья-то рука держала его.

Жулька сейчас в том периоде роста сознания охотничьей собаки, когда впечатление «на глаз» сменяется пониманием через чутье. Впечатление «на глаз» производит мгновенное безумное стремление схватить. И все стойки ее сейчас делаются с «наглаза», переходящего в рывок. Напротив, если дичь схватывается чутьем, то является необходимость подкрадываться по невидимой дичи, выжидать пахучей струи воздуха. Результатом такого скрадывания является настоящая умная стойка.

Так делала сегодня Жулька по уткам. Бекасов по воздуху она еще не умеет схватить и все еще безумно рвется гонять птичек и кур.

Жулька по глазу бежит долго даже за стрижами. по слуху стоит: определяет, где это пищит. По перепелам определилось сегодня хорошее чутье: схватывает по ветру далеко и сейчас же нос в землю, не умеет чутьем измерить расстояние, раз пахнет, — значит, под носом.

Бегаёт за летающими в небе стрижами, задумывается от писка болотных овсянок, — такая затянувшаяся инфантильность.

ВТОРОЙ УРОК ЖУЛЬКИ НА БОЛОТЕ

На сосне высоко была засохшая веточка, от веточки отходил тончайший невидимый сучок, на сучке сидела и давала сигналы вниз маленькая тоненькая птичка — болотная овсянка. «Пи-пи!» — пищала желтая болотная канарейка. И со всего болота слетались такие же и отвечали: «Пи-пи!» — и рассаживались на маленьких кустиках, болотных деревцах, стараясь сесть как можно ближе к Жульке.

Это была настоящая атака болотных овсянок и всего животного мира. Непрерывно летая кругами, жалился чибис, спрашивая: «Чьи вы?» Бекас, вопреки всем привычкам, взгромоздился на верхушку ели и оттуда на Жульку кричал: «Ка-чу-ка-чу!»

Все это расстраивало Жульку, и она через это не пускала в ход свой нос. Но я терпеливо после каждого взлета бекаса заставлял ее нюхать теплое место. Мало-помалу она увлеклась, стала прихватывать носом и один раз на одно мгновение даже сделала стойку.

И так мой нынешний день слился со многими десятками лет моей охоты.

Жулька вдруг поняла меня как охотника и теперь не отходит от меня и глаз не спускает.

В этот раз птички своим пиканьем, чибисы и особенно кулик на дереве так развлекали ее, что она нос свой вовсе не обращала на внимание, нос не чуял, все внимание было из глаз и на слух. Я начинал терять терпение, как вдруг произошла катастрофа. Наверно, мы близко подошли к гнезду кулика, потому что черный кулик вдруг бросился к самому носу Жульки и сделал на мгновение так, будто лететь не может и падает. Жулька рванулась, стальное колечко лопнуло, и собака моя во всю мочь ринулась на кулика. Тот не спешил, а, равняясь в полете с бегом собаки, стал уводить ее от гнезда в глубь болота. Птички, болотные овсянки прислушивались к кулику, бекасы вырывались, и все манили мою Жизель вдаль.

Поняв, что гнездо его в опасности, кулик вернулся на свое сторожевое место на верху ели и передал вести какому-то бекасу. Вскоре тот передал другому, этот третьему, четвертому, пятому. Взлетела из-под самой лапы вялая водяная курочка, тряпкой пролетела несколько и вдруг упала в болото. Мало-мальски опытная собака тут пустила бы в дело нос и стала бы искать водяную курочку по следам. Но Жулька не могла перейти с глаз на чутье.

В это время единственная близкая птичка, совсем маленькая, тоненькая, как шильце, увидев близко ворону, сочла ее более опасной и бросилась на нее. Ворона от маленькой птички бросилась вверх, птичка за ней. Жулька проводила их и вдруг опомнилась: где же хозяин?

Я успел скрыться за куст можжевельника. Жулька бросилась на мой старый след. Долго в безумном страхе от потери хозяина носилось бедное животное по болоту с раскрытой от утомления и жары пастью, с розовым длинным языком, пока, наконец, не приблизилось к кусту можжевельника, и оттуда грянуло страшнее выстрела: «Лежать!»

Она упала, как застреленная, и я тихим коварным голосом сказал: «Поди сюда!» И она поползла. «Где ты была?» — спросил я, поднимая плеть. Молчит. «В раю была?» — Молчит. «Значит, — говорю я, — рай-то пуст без хозяина? — И отвечаю за нее: — Пуст!»

После того я опустил плеть и не стал бить несчастную собаку, обманутую, измученную, униженную райскими птицами.

У Жульки во рту была кость. Блоха так больно укусила Жульку, что та выпустила кость и, свернувшись кольцом, все на свете забыв, стала работать частыми зубами у основания хвоста.

Но Норка этого только и ждала: услышав падение кости, она бросилась со своего места, схватила кость и была такова.

Жулька не поймала блоху, но, хорошо почесав частыми белыми зубами укушенное место, встала на ноги и грустно посмотрела в ту сторону, куда Норка унесла кость. По собачьим неписаным законам кость теперь переходила в собственность Норки, и вина этого перехода была на самой Жулке: нельзя было ей из-за блохи забывать кость.

К счастью для Жульки, очень скоро после этого кто-то постучал в дверь. Как всегда, более отзывчивая на шум Норка первая подняла лай, бросилась в дверь, кость ее, падая, стукнула, и Жулька, смекнув, возвратила себе свою собственность.

ДОМБИ

Когда родились щенята у моей Жизели, мы перечитывали известный роман Диккенса «Домби и сын». Жизель — английский сеттер, и нам показалось неплохо называть одного из щенков в честь Диккенса — Домби.

Через месяц мы начали их раздавать, а последнего оставили себе. И так у нас остался самый важный, самый брыластый и смешной своей важностью, самый нахальный в борьбе за молоко матери и, казалось нам, настоящий портрет Домби-отца.

Кто забыл этот роман, мы напомним его. Диккенс в этом романе изображает эгоистического представителя старинного английского капиталистического общества. Ничто не могло сломить волю старинного представителя фирмы «Домби». На все, кроме своей фирмы, был слеп этот безумец. Слепо он женился и замучил жену невниманием. Слепо воспитывал своего сына-наследника Поля и замучил своего мальчика, а дочь его, чудесная девочка Флоренс, от него убежала.

Чтобы сломить собачий эгоизм капиталиста и показать его человеком, Диккенс женит его на красавице Эдит, похожей на великолепную кошку. Два эгоизма: собаки

и кошки — вступили в жестокую борьбу, в которой фирма «Домби и сын» погибает.

Домби все-таки человек, а не собака, и Эдит, во всяком случае, не кошка. Но жили они, как кошка с собакой.

Разоренного, больного, уничтоженного гордеца подбирает выгнанная дочь, и так, наконец, в этой жестокой борьбе кошки с собакой побеждает человек.

Нет никакого сомнения в том, что если бы в наше время... написали этот роман, то его бы поняли, как памфлет, направленный против американского эгоизма с улицы Уолл-стрита, а автор претерпел бы гонения, как коммунист.

Нет, конечно, не в честь самого капиталиста мы называли щенка Домби, а в честь славного автора Диккенса. Но, конечно, наш Домби, не зная наших намерений, начал свою жизнь, как несокрушимый эгоист: есть захочет — орет днем и ночью. Поест — пачкает полы где вздумается и когда захочет.

СОБАКА В ДЕЛАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

Жулька давно прислушивалась к бою часов, висящих у меня на стенке, и вот я их с вечера как завел, так и оставил с открытой задней крышкой на столе. А Жулька ночью вошла и услышала бой не на обычном месте.

Склонила голову на один бок, потом на другой и, пока часы били одиннадцать, определила место довольно точно и легла на диван против часов, как будто в ожидании, когда часы ударят двенадцать.

Вот они и ударили. Жулька нос в часы, языком разведала, нашла молоточек, лизнула и, еще бы немного — пустила в ход зубы и часы полетели бы. Но, слушая во сне бой часов, я вдруг вспомнил все. И, наверно, так на десятом ударе спас часы.

МЕЧТА ЖУЛЬКИ

Жулька сначала идет по следу, а когда потеряет, ведет по мечте. И все поле переходит в мечте.

Метель в поле страшная, наст, однако, в лесу от собаки не проваливается. Сквозь метель Жулька увидела летящую птичку и со всех ног во все тяжкие бросилась за ней по насту. Она догнала, схватила, но это не птичка, а ста-

рый сухой дубовый лист. Но ничего! Вот другой летит, и собака уже не бежит за ним.

Так и мы тоже за мечтой своей, как за птичкой, а потом научаемся тоже мечтой своей управлять и свою птичку не смешивать с каким-нибудь сухим листиком.

Я БОЛЕН

Встав поутру, напился кофею, и уж это самое последнее, если дошло у меня до того: с утра стал раскладывать пасьянс.

А Жулька ушла на балкон. Глядела, глядела Жулька через балюстраду, и, наверное, ей стало так же скучно, как мне. Она высунула голову ко мне в комнату, долго глядела и, поняв, что у меня еще хуже, чем там, вернулась на балкон.

ПОД ДОЖДЕМ

С трех утра шел окладной дождь, и пришло серое утро, и вот моросит дождь, хотя и не теплый. Жульке надо выйти до ветру, просится, стонет, очень надо! Выпускаю. Она стоит на пороге и не хочет спускаться, попадать под дождь.

Однако стоит она по двум причинам: и что дождь, и что видит ворону на огороде. Знаю, что стоять по вороне она будет, пока та не поднимется на крыло, а как поднимется — побежит, — по воронз бежать ей разрешается. Так чего же лучше! Я поднимаю ворону на крыло, и Жулька мчится теперь, на дождь не обращая никакого внимания: Жульке теперь не дождь, а самая хорошая погода.

А разве мы тоже не так? Все неловко, все не хочется, всего боишься, а как коснется души — так все это и забыл.

НОРКА И ЖУЛЬКА

Норка до того ревнует меня к Жульке, что когда я позову к себе Жульку — бежит с большой быстротой, а Жулька, само собой, ревнует Норку и тоже спешит, если я позову Норку.

Теперь у них так и пошло:

— Норка! — кричу я.

Появляется Жулька.

— Жулька!

Появляется Норка.

Утром рано я встаю и ухожу пить чай. Жулька встает вместе со мной и во время чая кладет голову мне на колени. Для нее отрезаю ломоть хлеба, делю на четыре кусочка и через промежуток времени даю ей по кусочку черного хлеба.

Сам я мажу свой хлеб маслом. И когда даю Жульке сухой хлеб, она отвертывается, и это у нее значит: «Помажь». Тогда сухим ножом с остатком запаха масла провожу по хлебу и говорю: «Ладно, помажу». После этого она ест очень охотно.

То же, если ей не помажешь, а прямо положишь на пол, через минуту она и так съест.

Понимаю, что она вовсе не отказывается, когда ей дашь сухой хлеб, а по-своему просит: «Помажь». И когда потрешь хлеб ножом с запахом масла — это не значит, что она обманывается, нет. Она просто хочет сказать: «Спасибо и за это, хозяин».

ВОЛШЕБНАЯ НИТЬ

Жулька в лесу бежит на невидимой нити, протянутой к хозяину — человеку. Чуть только теряет нить — ее охватывает безумный страх бесчеловечной пустыни. Нить волшебная все наполняет человеком в лесу: все от человека, все хозяйское. П. С. вышел из машины и уступил мне место.

— Давайте мне Жульку! — сказал он. — Я пойду пешком с собаками.

Он взял Жульку за ошейник, а я обошел машину и сел с другой стороны незаметно для Жульки. Машина укатила, и тут Жулька схватила меня. После П. С. рассказывал: она вырвалась и бросилась искать меня по всем местам нашей прогулки и, обнюхав все старые следы, неизменно возвращалась к последнему следу, где ее бог внезапно исчез и стал невидимым. А в этом-то, конечно, и есть вся радость собачья и все ее преимущества перед человеком, что бога она чувствует и видит.

Знаю, конечно, я не бог, но моя собака понимает меня как бога, и должен признаться, что мне это приятно, и я веду себя с нею совершенно так же, как если бы я был действительно бог всемогущий, всеведущий и всеведущий.

Она долго бегала и выла. Только после долгой борьбы она смирилась и пошла рядом с П. С. Но когда стали подходить к дому, она начала веселеть: видимо, она допускала, что это в божьей власти вдруг исчезнуть и вернуться домой. А может быть, ни о чем таком она не думала, а понимала просто, что не может быть дома без хозяина.

И оказалось, это правда: хозяин ее встретил на пороге.

ЖУЛЬКА И КОТ

Жулька не может отвыкнуть, чтобы при всем своем уважении к Ваське за ним не погоняться по комнатам. Он залезает на шкаф, а она замирает и часами глядит на него в положении стойки. Наконец она устает, глаза мутнеют и устремляются куда-нибудь на муху.

Вот тогда только Васька начинает оживать. Он много терпеливее и настойчивее собаки. Как только Жулька на муху, кот спускается пониже и, вытянув лапку, грациознейшим в мире и самым кокетливым образом дает своими бархатными пальчиками с острейшими коготками Жульке по морде.

После того он даже и не пытается бежать, а, обратив на себя внимание Жульки, делает перед носом у нее знаменитую фигуру: спина кренделем, глаза становятся мутно-злыми, уши заглажены, усы трясутся, изо рта шип.

Если же Жулька, не пугаясь страшным видом кота, все-таки сунется, то он дает ей лапой по-настоящему, сам же вдруг прыгнет через нее в коридор и пустится, а она за ним и настигает его на верху уже книжного шкафа, и тут начинается повторение той же игры.

РОБИК

Щенка называли Робик. Он уже начинает играть с хвостом матери — Жульки. Сегодня утром я дал Жульке кусок хлеба, а Робик был занят хвостом. Поняв, что мать не свободна, он принялся ее сосать. А когда насытился, то заинтересовался, чем это она занята и так долго? Когда же он приблизился к ее носу, она зарычала. И человеческий смысл ее рыка был такой: «Хочешь играть — играй с хвостом, сосать — соси! Но куска моего не смей трогать, ты не дорос».

Как-то не нравятся мне условия работы художников: прикованы в упор к модели и ходят в лесу непременно с ящиками. То ли дело у нас: в кармане только маленькая книжечка и огрызок карандаша, а душа свободно вертится во все стороны, собирается, набирается, улетает, все покидает, возвращается с удивлением: пока я блуждал — все стало по-другому!

Чудесно наше искусство слова, и нет ничего, по-моему, прекраснее, как работать в лесу, где-нибудь сидя на пне. Теперь у меня в лесу уже многие пни насижены, и собака моя Жулька, добежав впереди меня до знакомого пня, останавливается и ждет, и я ее понимаю: «Дальше пойдем, — спрашивает она меня, — или тут будем писать?»

— Будем писать! — сказал я в этот раз.

И устроился.

А Жулька ложится у моих ног и непременно так, чтобы чувствовать ногу мою, как делаем мы на вокзалах в ожидании поезда: чувствуем ногой чемодан, чтобы его не украли.

Над головой моей зяблик раскатывается. Когда я хочу передохнуть от работы или углубиться в чувство мысли своей, то кладу книжку в карман и смотрю на зяблика. Заметив, что я бросил писать, поднимаю голову и гляжу неподвижно на птицу, Жулька тоже встает и глядит на зяблика. Она по-своему думает, что я стойку делаю, и немедленно сама вытягивается, подбирается и замирает: хвост прямой, нога поджата.

По себе чувствую, что Жулька тоже поэт и тоже мечтает вместе со мной, а то зачем бы ей так долго стоять неподвижно и пристально глядеть на зяблика: он высоко на дереве, и все равно ей его не поймать. Значит, она мечтает точно так же, как и я, о том же самом зяблике. Только я мечтаю о том, как бы мне стать таким же свободным, как птичка. А Жулька, по своей необразованности, мечтает, как бы этого зяблика поймать, а может быть, даже и съесть.

КАК ПОССОРИЛИСЬ КОШКА С СОБАКОЙ

Был вот тоже такой день, как сейчас. В марте месяце свет обнял всю Москву, и у нас на полу в комнате тоже вот такое светлое горячее пятно.

Принесли к нам щенка спаниеля, величиной со среднюю крысу.

Домна Ивановна, кошка наша, на шкафу стала готовиться к прыжку. Ей, конечно, было немного непонятно: крыса настоящая, но люди около нее, и как будто от этого тоже и не крыса.

А мы посадили щенка на пол и стали думать, как бы его назвать: сидит и сидит на месте, неуклюжий такой...

— Давайте Мишкой назовем, — сказала жена. — Мишка, давай ходим!

Погладили его, и он встал на четыре ноги, наметился и прямо-прямо пошел. Домна Ивановна вся собралась на прыжке и повела глазом за ним.

— Смотри это у меня! — погрозил я ей.

— Смотри за кошкой, — сказала жена, — как бы она его не того!

— Ни его, ни того, — ответил я, — не знаешь ты спаниелей.

А Мишка дошел до светлого пятна на полу, осветил себе головушку, и в тепле остановился, и никуда не хотел больше идти.

Чтобы развлечь его, я принес из кухни кость и положил ему под нос. Мишка нос свой отвел от кости и еще поудобнее замер в тепле.

А Домна Ивановна, увидев кость, сообразила: «Какая же это крыса!» И, заметив, что Мишка отвел нос от кости, прыгнула со шкафа на пол и стала тихонько подбираться, чтобы стащить ненужную щенку кость. Она отчасти была и права: согласно собачьим и кошачьим законам, у них если есть собственность, то надо ее беречь, а если отвернулся, — значит, и право на нее потерял.

Но Мишка не от собственности отвернулся: он хорошо помнил про кость. Он отвернулся к этому чудесному свету мартовского солнца над Москвой. Может быть, Мишка был тоже немного по-своему поэтом и горячий луч солнца на носу ему был дороже, чем вкусная кость.

И, значит же, твердо держал он в душе свои права на кость, если в тот самый момент, когда Домна Ивановна подобралась к кости, он ринулся на нее с такой силой, с таким ревом, что успел еще нетвердыми и неострыми зубами вырвать клоч шерсти из хвоста. Домна Ивановна неслась от него из комнаты в комнату, перепрыгивая стулья, кресла, диваны, и в конце концов забралась

на высокий шкаф и оттуда рычала, а Мишка внизу лаял, высоко подняв кверху голову.

Наверно, с этого и началась когда-нибудь жизнь кошки с собакой: кошка убегает, собака догоняет. Тоже когда-нибудь вышел спор из-за собственности, и тоже так часто бывает, что мы, люди, у них это останавливаем. Теперь Домна Ивановна и Мишка в дружбе живут и, когда холодно, спят, прижавшись друг к другу, на одном коврике.

ПЕРВЫЙ УРОК

Два воробья сидели на чугунной решетке, отделяющей панель от воды. Когда цепь пешеходов на панели обрывалась, воробьи спускались на панель и что-то на ней для себя находили. Когда же человек очередной подступал, они взлетали и бросались вперед сквозь дырочки решетки. Облетев там над водой невидимо для пешехода, они садились на решетку и, если не было людей, спускались на панель. Так они и спустились против нас, когда мы с Джалей шли по панели.

Заметив их, Джали остановилась, вся вытянулась и медленно стала наступать по зрячему. К сожалению, идущий по панели в нашу сторону спугнул воробьев, и они, махнув через решетку, исчезли.

Джали подняла голову, обвела глазами все вокруг, бросилась мне на грудь с явным вопросом: «Где они?»

Я взял ее к себе и, придерживая одной рукой, показал другой на решетку подальше, где сидели два воробья в ожидании разрыва цепи пешеходов, чтобы самим спуститься. «Вот они!» — сказал я. И Джали увидела. Я спустил ее с рук. Воробьи подлетели к решетке, и Джали опять стала к ним осторожно подкрадываться.

И это был первый урок.

СОБАЧИЙ РАССКАЗ

Наверно, есть на свете такая изящная легкая птичка, что когда с веточки бросится, чтобы стать на крыло, то эта веточка и не шевельнется.

Но тут на длинной разлапистой еловой ветке сидела, наверно, тяжелая птица из куриных. Она услышала издали шорох моей молодой собаки и, чтобы стать на крыло, с такой силой ногами оттолкнулась от ветки под собой, что та во всю длину закачалась.

Джали молодая подает надежды на богатейшее чутье: и тут она учуяла след улетевшей птицы на ветке и сделала стойку, направляя нос точно на то место, где ветка качалась.

Но это было ей, наверно, очень странно — увидеть раскачивание ветки на том самом месте, где должна бы затаиться птица. Джали вопросительно перевела глаза в мою сторону и спросила меня: «Гам?»

Я думал, что скорей всего это мать тетерка, запрятав птенцов, села на елку, чтобы отманить на себя собаку от следа на молодых. Но как сказать это собаке?

А ветка все качалась, и Жалька опять нетерпеливо спросила меня: «Гам?»

«Что же делать?» — по-собачьи она меня спрашивает, а человеческого ответа моего не понимает. Делать нечего, и, чтобы не обижать ее своим гордым молчанием, я ответил ей по-собачьи, но утвердительно: «Гам!» И она успокоилась.

Чем же это тоже не язык и как его не понять, когда, например, как сегодня на прогулке, я остановился, прислонился к дереву, начал писать, а собака моя подбежала, поглядела — раз! Подбежала еще — два! Потом три, четыре, и, наконец, сказала по-своему: «Гам!»

Как не понять, что это значит: «Будет писать, хозяин, пойдем!»

А впрочем, если мы понимаем друг друга, нужно ли много слов?

СОБАКА-ИДЕАЛИСТ

В кашу Жалькину для аппетита у нас примешивают остатки мяса из щей, корочки сыра и всякую вкусную снедь. Мы стараемся зарыть эту снедь на самое дно, чтобы, учуяв их, собака ела и кашу. Так у нас всегда и выходит: вместе с вкусным, добираясь до него, собака попутно выедает и кашу.

Однажды у нас нечего было положить на дно вкусного, и предложили мы Жальке целую миску пустой пшенной каши. Ткнув нос в кашу, Жалька сразу учуяла, что вкусной еды в каше нет. Огорченная собака отошла в сторону, о чем-то подумала, вернулась и, ткнув носом, особенно сильно проткнула кашу до дна и не нашла идеал. Она опять отошла в сторону и долго стояла и смотрела на ка-

шу. Есть она, конечно, хотела и съела бы кашу, но есть, чтобы просто есть и без идеала, она не могла.

И вот, раздумывая об исчезнувшем идеале, она решила, и это уже верно, и из-за этого мы на этот случай и обратили внимание, — она решила, что идеал должен быть на самом низу, где-нибудь, может быть, даже под миской.

И вот, решив так, собака носом своим, как свинья, поддела под загнутый край миски, дернула, и миска подпрыгнула и упала вверх дном. Тогда Жалька медленно, как по дичи, вытянувшись, повела, подошла, обнюхала дно из края в край, и нет — идеала не оказалось под миской.

А между тем в поисках собака по-настоящему есть захотела, и как еще! Как бы она рада была теперь и сухую кашу поесть, но миска лежала вверх дном. Что делать? Жалька, не спуская глаз с миски, отошла в угол, задумалась, вернулась, попробовала по-прежнему носом поддеть. Нет! Край миски лежал плотно к полу: край опрокинутой миски невозможно носом поддеть. Только от толчка миска отъехала немного, и по следу ее осталось немного каши. Жалька тщательно собрала языком и, когда все вылизала, носом толкнула миску, и опять из-под нее осталась каша. И так Жалька гнала миску, пока не съела всю кашу.

С того разу мы и открыли способ кормить Жальку, когда невозможно бывает в нашем хозяйстве достать приманчивый идеал. Мы даем кашу, а когда барыня от нее презрительно нос воротит, опрокидываем миску с кашей. Тогда непременно начинается игра с миской, и каша скоро съедается. Да и с таким аппетитом съедается, что даже и пол от вылизывания чище становится.

Вскоре Жалька поняла, что, чем гонять миску и мыть пол языком, гораздо проще и легче есть кашу без приманок: и себе легче, и хозяевам не надо для обмана собаки создавать идеал из объедков.

УРОК ФИЗИКИ

На опушке солнышко еще греет, но земля, если палкой стукнешь, отстукивается, и лужи в колеях промерзли до земли, и собаке негде напиться. Сильно надо стукнуть тяжелой палкой, чтобы пробить лед...

И каждый раз, когда я пробиваю, собака, опустив нос, стоит и ждет, и когда пробьется — бросается пить воду:

значит, она уже понимает, что подо льдом должна быть вода. Ей еще только год, где же она познала такую премудрость, что подо льдом надо ожидать воду? Разве, может быть, она уже за лето познала, что после дождей вколеи собирается вода?

Однако ожидания Жальки напрасны: колеи или насквозь промерзли до земли, или под корочкой льда толщиной в палец до самой земли пустота. Раз, и два, и три мы так сделали, — и все нет воды.

В последний раз Жалька, понюхав землю подо льдом, взяла хорошую льдину в рот, чтобы с ней поиграть, и, подбросив вверх, сама скакнула, как за живой. Это было на южной опушке леса, где на солнышке бывает чудесно. Я сел на пенёк, а Жалька играла со льдинкой.

Вдруг ей что-то показалось, и она эту льдинку не подбросила, а лизнула, и, что-то поняв, осторожно взяла льдинку в рот, прилегла к моим ногам и стала лизать, лизать, отламывать кусочки, хрустеть.

Так молодая собака поняла, что вода бывает в жидком состоянии и в твердом. Поймет ли она когда-нибудь, что пар от весенней земли — есть третье, газообразное состояние той же воды? Скорее всего не поймет, и зачем ей это нужно, если паром нельзя напиться?

ТЕРМОМЕТР

Несколько раз за ночь я подхожу к окну, отодвигаю занавеску, гляжу на термометр и возвращаюсь в постель. Это заметила Жалька. Она трогательно привязана ко мне и в самом глубоком сне слышит меня, как слышит мать своего ребенка.

После меня непременно встанет, раздвинет носом гардины, лизнет термометр и возвратится на свой коврик возле печки.

КАДО

У всякой собаки есть своя особенная, только ей одной свойственная причуда. У Кадо, огромного пойнтера кобеля — броситься на звук пролетающего комара, мухи, осы, пчелы или шершня.

В особенности страшно бывает, когда в комнату залетит шершень, громадная оса, и Кадо хватает его. Но теперь —

хап! И, не успев укусить, шершень исчезает в животе у Кадо.

Слюна ли собаки действует на яд насекомого, или ужас парализует их способность жалить, но только случая не было, чтобы кто-нибудь из них его укусил.

Раз было, Кадо на охоте пропал, и я стал его искать в надежде, что застаю на стойке по тетеревам. Долго я искал и вдруг увидел его белую рубашку между темными елочками. Среди густой щетинистой заросли этих елок была старая елка, и внизу между ее нижними лапами была дырочка: Кадо стоял против дырочки и поджидал ос. Как только вылетит одна — он хап! и все кончено. Я даже весь вспотел в поисках Кадо — столько я бегал! И сколько же он за это время нахапал ос! И ничего ему потом от этого плохого не было.

Главное, что раздражает его, я заметил, — это звук крыльев насекомого. Было однажды со мной, напал на меня сильный кашель и так осложнился, что не переставая шипело и свистело в гортани: уснуть от этого звука было невозможно, и все-таки в конце концов научился я засыпать, и перед сном мне казалось, будто хриплю и свищу не я, а Кадо. И как только подумаешь, что Кадо, так является блаженное чувство спокойствия, и я засыпаю.

Однако, вероятно, в этих звуках моих было и подобие жужжанию насекомых, и тогда Кадо срывался и мчался к завешенному окну...

Раз я успел осветить комнату фонарем и увидел, что Кадо стоит против окна, где он ловит мух, в полном недоумении: слышит ясно — гудит и гудит, а где — не может понять.

Я же все понял: это у меня так в горле свистит. И еще понял я, что звук для Кадо является первой побудительной причиной лететь на врага. Второе, более глубокое побуждение у Кадо, я думаю, это удовлетворение, когда он достигнет цели и проглотит врага — так он счастлив, так хвостит, так облизывается!..

Приходит время осени. Все меньше и меньше насекомых и все больше и больше паучьих сетей. Чистота везде, прозрачность.

Кадо выходит на крыльцо довольный: ни одного комарика!

Он счастлив и горд: это он всех съел.

ЖИЗНЬ ДЕРЕВА

Деревья знают только о том, что было, но только человеческая душа борется за то, чего не было

ИСТОЧНИК ОТКРЫТИЙ

В лесу я нашел себе источник бесконечных открытий, и это, мне кажется, я уже сделал: я стал на путь нового изучения природы.

ВОЗМУЩЕНИЕ НА ХОЗЯИНА

Хорошо в лесу тому, кто только о себе думает, как бы ему тут подышать, отдохнуть, успокоить себя. Но если кто-нибудь выйдет из себя и примет к сердцу своему человеческому жизнь самих деревьев в лесу, сейчас же у него начинается в душе возмущение на хозяина и зачесется рука, чтобы вмешаться в это неразумное хозяйство.

И когда пройдет возмущение, и одумаешься, и вспомнишь, что нет тут хозяина, что все само складывается от ветра, влаги, земли и солнца, так еще хуже становится, и еще больше захочется вмешаться в дело природы и вывести всю эту лесную жизнь на человеческий путь.

Нет, нет! на что ни посмотришь в лесу, все живет не по нашим человеческим правилам. И в то же время все получает какие-то формы, в каком-то порядке, в каком-то месте и времени.

Значит, есть какие-то правила и нечеловеческие. Вот бы собрать все наши правила и их да посравнить, чем они отличаются.

Наши правила и «те» (в природе, в лесу) отличаются между собой прежде всего тем, что у них побеждает сильнейший, а у нас лучший, и еще, — что у нас есть милосердие...

МАТЬ-ЗЕМЛЯ

Ночью видел себя вырастающим из своей матери: она как земля, я как дерево. Вопрос об индивидуальности и личности продолжается:

1) понять дерево, как цельное живое существо;

2) понять человека точно так же в его естестве и провести между тем и другим параллель: лес наступает, человек наступает, борьба, и рождается *поле*.

Фокус исследования в том, чтобы выделить на фоне леса нечто специфически человеческое. Например, сравнение индивидуальности человеческой и особи лесной, и как и почему человек обращает лес в парк.

НЕБЫВАЛОЕ

Вопрос при изучении леса: что мы теряем при переходе из леса в парк и что приобретаем?

Создавая парк, мы плачем об утраченном лесе, и когда осенью нам кажется, будто все деревья плачут о чем-то, то это деревья от нас взяли свои слезы: плачут они о потерянном счастье дикого леса.

Но мы знаем, что если плачут и вправду они, то это мы их научили и что это от нас они взяли плакать о чем-то прекрасном и навсегда утраченном и весной радоваться в ожидании чего-то такого прекрасного, чего никогда на свете не было. Деревья знают только о том, что было, но только человеческая душа борется за то, чего не было.

В ГЛУБИНУ

Когдаходишь в лес на короткое время, и побудешь немного, и пойдешь поглубже, то тебя начнет затягивать в глубину.

Вот бы, кажется, надо сейчас и уйти от соблазна домой и вернуться к делам. Но впереди высокая ель протянула на тропинку мохнатую лапу и указывает в лесную черноту, и там сквозь черноту виднеется окошечко, и сквозь окошечко золотая полянка, и там березка торжествует в косых лучах.

Как не пойти туда на золотую полянку, а на полянке этой чего только нет!

До того затягивает лес в свою глубину, что кажется, будто кто-то идет впереди тебя и заманивает. Бывает, прямо в глазах перед тобой веточка внизу сама качается. Не может же быть, чтобы, правда, сама качалась от себя ветка в полном безветрии, и не ясно ли, что раз ветка все качается, то, значит, кто-то впереди тебя тоже идет...

Не потому ли нас всех заманивают к себе заповедные кондовые леса, что они сами выросли и мы на них не тратили своего труда? Всякий знает цену своего труда, сколько на что из себя убыло.

ОПУШКА

Опушка у леса вся на свету, как лицо у человека: лес опушкой движется вперед и занимает новые пространства.

ДВИЖЕНИЕ ЛЕСА

Кому в лесу жить хорошо, это тем высоким деревьям, какие господствуют и верхушками стоят на свету. Но каким деревьям лучше всего, кому жизнь — не жизнь, а сплошная масленица, — это тем, кто стоит на опушке.

У тех деревьев ветки всегда купаются в свете, и у них даже задние ветки повернулись сюда, протянулись к свету, как руки...

Это на свету стоят семенные деревья, и это их семенами лес движется у нас по земле.

ЛЕСНОЙ ГЛАЗ

Опушка леса — это фронт его наступления, территориального движения.

Опушка леса у поля и особенно у большой, как поле, лесной поляны, всегда мне показывается так, что лес передо мной движется в стремлении своем перейти эту поляну и соединиться с лесами дальними. Но я неосторожно взглянул, и от моего взгляда все остановилось, и я всех захватил в том порядке, как они шли.

Впереди по снегу остановилась семья можжевельников. Описание быстрого роста леса с человеческой точки зрения и описание человека с точки зрения леса. Человеческий глаз быстрее, а если лесным глазом поглядеть... Так можно создать сказку: «Находки лесного глаза».

Лес как организм в своем движении вверх к свету и вширь по земле...

Верхняя мутовка движется вверх, и кажется, веточка тоже стремится вверх. А семя *падает*, летит и падает. Семя круглое, а ствол прямой.

Из глубины леса, показалось мне, глядело на меня печальное лицо человека. Я стал вглядываться и понял, что это не лицо, а телесного цвета срез. Дерево срезано, и какие-то случайные пятна на срезе образовали лицо человека. Но мало того, лицо было с особенным выражением печали и смыслом. Казалось, что этому человеку никакого нет дела до всего, кроме как печально глядеть куда-то вдаль с верой в будущее и так пребывать.

У меня защемило в сердце от этого лица, и очень захотелось посмотреть вблизи, как это могло сложиться в лесу. На снегу был туда след человеческий, и мне показалось странным, зачем это среди зимы вздумалось кому-то лезть в чащу леса. След был двойной: человек вошел, поглядел и вышел обратно. Скоро, как это бывает, волнуемая форма лица в лесу исчезла, и я понял все.

Было срезано огромное дерево, ствол его, очищенный от сучьев, лежал на земле и был занесен снегом. А верхушка огромной ели держалась на сучьях, и срез ее своей формой лица человеческого приманил меня к себе, и я с таким же чувством печали, как смотрело из леса лицо, теперь смотрел на поваленное дерево.

След человека теперь мне был понятен. Человек еще с осени срезал потихоньку это дерево и ждал санного пути, чтобы ночью тайно увезти его. Теперь он приходил проверять, все ли в порядке, лежит ли на месте его дерево. Поглядел и ушел, — это по следу каждый поймет. Но ведь я-то, я-то! Ведь я тоже оставил след на снегу.

И вновь меня охватила печаль, и не оттого, что дерево погублено, а что чудесный, привлечший меня к себе лик человеческий исчез и что мой след к нему на снегу никто никогда не поймет.

ГОРБАТЫЙ ЛЕС

Трудно сказать, кто больше виноват в том, что лес вышел горбатый, ветер или поток.

Весной вниз к реке между холмами мчался поток, и он мог погнуть вперед березки, пустившие в землю цепкие корни. А летом, когда между холмами на месте потока выросли цветы, ветер, всегда продувающий ложиной, пригнул молодые березы вперед.

Трудно сказать — кто, ветер или поток, это сделал, но только сами светолюбивые березы, в стремлении своем

к свету, оказались сильнее воды и ветра, в конце концов они справились со стремящими силами, и — пусть горбатые! поднялись высоко вверх.

ПУТЬ В ОБЛАКА

Когда сам стоишь у подножья холма, и наверху дерево, и сам смотришь, запрокинув голову, на то дерево, то кажется, это все оно от низу и до облаков, все одно высокое дерево.

И кажется, так это просто залезть с сучка на сучок выше, и так добраться до верхушки, стать одной ногой на макушку, другой на облако.

ДВОЙНЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Есть во всех лесах огромные двойные деревья, похожие на то, будто злой дух, сброшенный с неба, упал и по самую развилку ног ушел в землю. Торчат эти ноги из огромного живота и растут, и растут все выше, выше поднимаются, чтобы там, наверху, за что-нибудь зацепиться и вытащить всего себя из земли.

Я спрашивал лесничего, отчего это бывает, и так часто всюду видишь такие деревья двойные. Бывает, выйдет из земли одно дерево, поднимется всего на какой-нибудь аршин, и сосна делается канделябром с двумя свечками, одна возле другой идут с тонким просветом.

А бывает, вспомнишь семейную жизнь, и кажется, будто это любящие муж и жена или две сестры. Вспомнишь знакомых и подумаешь, как, однако, много любящих людей на свете, и почему это любители драм столько примеров приводят со своей стороны, а мы знаем сколько хороших примеров и все молчим, как будто есть какой-то запрет на хорошее.

СТАРОЕ ДЕРЕВО

В лесу среднего возраста там и тут сохранились гнездами сосны-великаны лет по триста. Вокруг каждого старика в лесу тесные группы деревьев всех возрастов.

То дорогое в моей старости, что я называю «мыслью», содержит в себе в скрытом виде то же самое, что окружает в лесу каждое старое дерево.

ТРИ БЕРЕЗЫ

Три большие березы в самом низу срослись между собой и так втроем прожили большую жизнь. Теперь одна из этих старых берез, самая близкая к опушке, отяжелела, стала клониться к земле, к полю, и упала бы, но огромным суком, как рукой, уперлась в поле и удержалась.

Вот под этой аркой зимой проходят зайцы, и на снегу — многоследица...

Мы не знали, что эта береза сухая, даже когда соседние деревья начали чуть-чуть зеленеть. Но раз утром, когда солнце было позади нас на востоке, мы услышали шум пропеллера, и тень самолета, как тень от облака, перебежала по всему зеленеющему парку.

Тогда представилось, будто одно дерево, одна большая береза не вышла из тени, тень обожгла ее. Тут-то только мы поняли, что береза была сухая.

СТАРАЯ БЕРЕЗА

У деревьев смена поколений вся на стволе написана. Вон старая береза: внизу кора вся как плугом пропахана, разворочена, черная, берестинки белые разъехались друг от друга, и все черное и белое цвело бледно-зелеными лишаями. Дальше все чище, и наверху — чистенькая белая кора, как лицо человеческое.

ПРЕКРАСНОЕ МГНОВЕНИЕ

Все кустики одеваются, все ветки распускаются, а между ними там и тут елочки по-прежнему стоят на своем. Тут бывает разговор между ними, и нам легко его понять.

Листики молодые, показываясь, хотят нам сказать, что они все лучшее свое собрали в эти минуты и дела им нет до того, что станет потом: ведь оно *станет*, а им дорого мгновение, и оно больше стоящего бессмертия.

А елочки, не возражая прекрасному мгновению, скромно прячась и даже обновляясь по-своему, стоят на своем, утверждая необходимость мысли о вечности.

Молодые елочки маленькие дают прирост лапками светло-зелеными, в сравнении с основной темной зеленью ели почти белыми.

На эти белые лапки у совсем крошечных елок смешно смотреть, так же, как на лапищи маленьких щенят.

Ель, как дама в концертном платье до самой земли, а вокруг молоденькие елочки-голоножки.

Местами мелкие елочки-белолапки только выглянули, не выше земляники стоят, местами стоят в рост человека, а есть такие отдельные, что острием вершины своей пробивают осиновый материнский полог.

Нижняя огромная еловая ветвь в поисках света кругом обогнула ствол березы и, выглянув на ту сторону, нашла там маленькую ель-белолапку и накрыла ее от морозов и солнечных ожогов: она искала свет для себя, а вышло на пользу маленькой дочки.

Никто так не радуется, когда лес одевается, никто не жаждет так тени, как молодые тесно растущие щеткой елочки под березами.

Елка молодая пользуется каждой возможностью, чтобы укрыться в тени от мороза и горячих лучей солнца. Любая порода — береза, осина, сосна — лишь бы тень. Маленькая елочка не побрезгует даже кустом можжевельника и притрется к нему.

КАК РАСПУСКАЮТСЯ РАЗНЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Листики липы выходят сморщенные и висят, а над ними розовыми рожками торчат закрывавшие их створки почек.

Дуб сурово разворачивается, утверждая свой лист, пусть маленький, но и в самом младенчестве своем какой-то дубовый.

Осинка начинается не в зеленой краске, а в коричневой, и в самом младенчестве своем монетками, и качается.

Клен распускается желтый, ладонки листа сжатые, смущенно и крупно висят подарками.

Сосны открывают будущее тесно сжатыми смолисто-желтыми пальчиками. Когда пальчики разожмутся и вытянутся вверх, то станут совершенно как свечи.

Внизу на земле вся лиственная мелочь показывает, что и у нее такие же почки, как у больших, и в красоте своей они внизу ничуть не хуже, чем там, наверху, и что вся разница для них во времени: придет мое время — и я поднимусь.

Когда дерево распускается в лесу, тут-то и бывает видно все, как ему живется и что ему надо: там лист покраснел в затенении, там к веточке наверху сок не дошел, и она стоит голая...

ЕЛОВЫЙ БОБРИК

Ореховый куст внизу был окружен бобриком из маленьких елок, а над кустом стояла сосна.

До того хорош бобрик частых еловых самосево, что хочется его погладить ладонью, и даже в голову тут не приходит, что в этом столь мирном сожителстве родных елочек происходит война с изреживанием: процент изреживания в этой мирной жизни елочек во много раз больше, чем на войне у людей.

СТАРЫЙ ПЕНЬ

Это уже совсем близко к концу, когда на старом пне вырос кустик черники, и скорее всего это значит, что уже и не пень это, а муравейник, имеющий обличие пня.

ПОБЕДА

В лесу вода из одной приствольной чаши перебегае в другую, весной даже открыто. Так, складываясь, ручейки на опушке натекали в одну круглую яму, и два молодые деревья увидели себя в зеркале.

Росли они тесно рядом, и березка заметно уступала сосне: весь ствол ее, обнятый сосновыми сучьями, был голый. И видно было, что с приближением сосны березу подгоняло вверх, как и у людей бывает: кому не хочется драться, место свое уступит, а сам станет выше.

Уступив место сосне, береза погнала себя вверх и там на воле раскинулась над сосной во все стороны.

Так она победила сосну.

УГРЮМОЕ ДЕРЕВО

В золотистых оранжевых сорочках рождаются новые веточки елки, и когда они выходят, сороки летят и цепляются за невидимые паутинки, и тревожат напрасно всех лесных пауков.

Новорожденные ветки, светло-зеленые на темной старой зелени, частые, изменяли весь вид угрюмого дерева.

ДОБРАЯ ПОЧВА

Сосна поднимала свою крону из года в год все выше и выше, роняя на землю отживающие хвоинки. Она, конечно, не знала, что, поднимаясь, она готовит почву для деревьев, более требовательных к своему питанию, и является деревом-пионером, образующим лес.

Мало-помалу под сосной в небольшом кружке земли, отвечающем кроне, образовалась почва, достаточно готовая для укоренения елки. Мало того! На этом месте как раз приходилась тень от сосны, способная предохранить молодую елочку от мороза и ожогов прямых солнечных лучей.

Так дерево-пионер (сосна), а там подальше светолюбивая береза и осина тоже готовили почву.

И сколько сотен, а может быть, и тысяч семян елей должно было погибнуть, чтобы одно семечко попало на эту добрую почву, на тот самый тенистый кружок под пологом материнского дерева! Так получилось в лесу, что под каждым деревом-пионером, тесно прижавшись к нему, поселилась и начала подниматься маленькая елочка-светлолапка.

ТЕРПЕНИЕ ЕЛКИ

Каждый листик у березы трепещет. Но какая бы ни была буря, еловая иголка не пошевеливается. Каждая ветка березы хлещет по елке, стараясь ее забить. Это мучит елку, но теневыносливое дерево выносит и эту беду и ветру не отдается бездумно.

Ни одна иголочка не пошевелится от бури, и только ветки-крылья, покачиваясь, как будто спрашивают совета друг у друга: как же дальше нам быть?

ЕЛКА И ДУБ

Гнались они друг за другом, елка и дуб, вверх к свету, кто кого перегонит.

Не по радости, или жадности, или вольности, или гордости затеяли они этот гон, а по смертной нужде: кто раньше высунется в светлое окошко, тот собой и закроет его и сойдется вершиной кроны с другими деревьями, как победитель. И все, кто останется под пологом в полусвете, те и останутся чахнуть на всю жизнь свою.

Вот почему они и гнались, и тянулись вверх, елка и дуб, изо всех сил.

ЕЛКА

Чем выше поднимается дерево, тем и крылышки-ветки постепенно поднимаются, как будто собираясь по воздуху с силой ударить, вырвать дерево и унести его к солнцу.

А самые верхние крылышки совсем высоко поднимаются, и на самом верху пальчик елки показывает направление вверх...

ЗАБРОШЕННАЯ ПОЛЯНА

Вот поляна, где жил человек. Мы стали разбирать деревья, какие были еще до него и какие выросли после.

Вот этот дуб-великан поднялся высоко над лесом и давно вышел из всякой борьбы за свет, своими огромными сучьями он, казалось, распирал все вокруг себя. Его пять сыновей, конечно, росли тоже при человеке. Им по сто лет, а деревьям на месте жилища нет и полвека. Стена елок, казалось, вышла на борьбу с дубом и, раздумывая, остановилась. Осинки трепещущие смотрели на дуб, как на гору...

МОЛОДОЙ ДУБ

Играла кудрявая береза своими листиками, трепетала осина, и между ними дремал молодой дуб.

Невозможно нежные создания вырастают в лесу из какого-нибудь желудя, уроненного сойкой или белкой.

Нитки, не толще, чем бечевка, поднимаются от земли и расходятся тремя ниточками, такими тоненькими, что удивляешься, как это они держатся.

И каждая из этих трех ниточек, поднимаясь над травами, оканчивается огромным дубовым листом.

Дуб, если попадет на опушку на просеке, не поглядит на соседние елки, а вывернет свои державные суки прямо по ним к свету.

ЛИПА И ДУБ

Липа и дуб в наших подмосковных лесах часто встречаются вместе, как будто ищут друг друга. Весной липа первая зеленеет и как бы вызывает, чтоб и дуб с нею зелел. Но долго дуб не поддается, и даже когда начнет сам зеленеть, вокруг становится холодно.

Осенью же липа опадает первая, и, когда опадает, дуб, желтый уже, еще долго держится и потом, опадая, хоронит под своей листвой липовую.

ЛИПЫ

Липы подрастают под осинами и березами в их затенении неугнетенно и присоединяются, сходясь кронами, без спора.

Только если липа вмешивается в полог осиновых и березовых крон, внизу становится заметно темнее.

ОСИНА

Не утомляются трепетать осинки до осени, когда лист покраснеет, до последней бури, когда он оторвется и улетит.

СОСНА

Сосна осенью теряет не меньше своих двойных хвоинок, чем листьев своих теряет осина. Но сосна на зиму остается все-таки зеленая, а осина голая, сердитая, вся пропитанная своим горьким осиновым соком.

Сосна — святое дерево, ель — мудрое, дуб — могучий, береза — нежна и болтлива.

ВЕТВИ

Чем выше сук на елке, тем ему меньше работы и забот.

У нижних ветвей своя правда: свет для всех одинаков, и его хватит для всех, если так устроить, чтобы верхние ветки не захватывали все для себя и думали бы больше о нижних ветвях.

Считая от земли, на седьмой мутовке боковой сук не пошел со всеми другими, образующими форму елки, на сторону, а бросился прямо вверх догонять крестик вершинный. Сук пробил все боковые суки лежащих под ним мутовок, и через много лет мы увидели высокую елку с двумя рядами идущих вверх стволов.

ЛЕСНОЙ ШАТЕР

Ель почти всегда свои нижние крылья-ветки опускает к земле, и тогда под этими крыльями образуется непроницаемая для дождя палатка. Тут в ненастье, если сам замрешь, собирается Ноев ковчег. Тут и зяблик на ветке нахохлится, и ежик остановится, и кому придется, все пожалуйте! Но больше всего набирается комаров: сердишься, хлопаешь их, и от этого все разбегаются.

Наконец стало понятным, почему нижние ветки елок висят: эти ветки имеют тяжелое охвоение. А если сук засохнет и хвоинки опадут, то сухие ветки торчком поднимаются вверх. Наверху же ветки короче и легче, оттого они и живые поднимаются вверх, а у сосны все вверх, потому что сосна не выносит тени и нижние сучки сбрасывает.

ЕЛОВЫЙ ПОДРОСТ

В старом лиственном лесу между березами и осинами бывает такой бодрый, могучий и такой частый еловый подрост, что и заяц, встретив его на пути своем, кругом obeжит.

И чуть только в такой частоте станет пореже, так непременно осенью родятся тут волнушки или рыжики.

ПЛОДЫ

Бывает, елка стоит небольшая, чуть разве повыше человека, и уже спелая, и на ней даже шишки висят. Это значит, что елка эта не очень давно вышла из темного леса.

Там она долго, многие годы чахла, угнетенная господствующим деревом.

А когда дерево это срубили, она, испуганная светом, еще сколько-то лет не росла, и зато когда оправилась, то сразу же, спелая давно, хотя и совсем небольшая, зацвела и покрылась плодами.

У подножья ели лежали во множестве стерженьки расшелушенных клестами, дятлами, белками шишек, щитки, укрывающие семечки в шишках, и сами недоклеванные семечки, слетевшие на своих парашютиках.

Среди этих отбросов лежали и целые шишки, упавшие от грубых и неловких ударов клюва или угрыза зубов.

ПАПОРОТНИКИ

Папоротники окружили маленькую елку так плотно, что от нее осталась только головка крестиком, рыжая шейка и покатые плечи из двух веток, а потом кринолином донизу сошлись папоротники.

БЛЕСК И ТИШИНА

Бывает зыбь на море, и все трепещет в светотенях на стенах каюты; так в осиновом лесу в солнечный день от мелькания света и теней даже больно глазам.

Но какое неизменно мрачное спокойствие и тишина в еловом лесу!

ДОБРАЯ ПРИРОДА

Дерево поднимается, и под ним мало-помалу бугорками вокруг ствола нарастает подушечка: это из того, что падает сверху. И когда потом, долго спустя от дерева остается только пенёк на свету, всякие семена летят на сухой освещенный бугорок перегной. Каких тут только не бывает цветов, ягод, грибов!

Так в самой природе складывается, что на могилах умерших деревьев рождается новая жизнь. Так и хороший человек, чувствуя в себе ту же добрую природу, сажает цветы на могилах близких людей.

ПЕТЛЯ

Листик свет любит, а корешок сосет землю. Корень дерева, оползая поверхность, встретил закругленный камень и, поднявшись на него, возвратился к земле, чтоб

встретиться с другим встречным корнем того же дерева и схватиться с ним навсегда.

Много лет спустя корова споткнулась о камень под корнем, выбила его, и в воздухе на самой поверхности земли осталась крепкая петля из корня того дерева. (Так записываю, чтобы продолжение само собой выросло.)

МУМИИ

Как ни бились короеды с этим огромным деревом, у него на всех хватало сил, на каждый укус у него хватало капельки живицы, прозрачной клейкой смолки, обрабатывающей каждого червячка в неподвижную мумию.

ИЗЛУЧЕНИЕ ТЕПЛА

Подлежала завоеванию лесом территория, расположенная на юру, где с утра до ночи солнце и излучение тепла травам, где густая дернина светлюбивых трав и злаков,— там все преимущество за пионерами, они не боятся заморозка в пространстве с сильным излучением.

Своим быстрым ростом они скоро справятся с травами, своим обильным плодоношением и легкими семенами скоро покроют всю площадь.

СУХОВЕРХАЯ СОСНА

Роняя ветви, очищая ствол, выбивается сосна сверх полога леса, и кажется, как хорошо вершине высокого голого дерева оглянуться над лесом кругом! Только одно может смутить наверху: неподалеку тоже так одна сосна сухOVERХАЯ выбилась было, но корни не могли подавать соки земли на такую высоту, и вершина засохла, так и засохла вся целиком, а нижние сучья давно уже сброшены, и дерево сухостойное остановилось и умерло.

СИЛЬНЫЙ СУК

Нижняя ветка елки, выбиваясь к свету из-под верхней,гнулась вниз: там ей было или светлее, или сил не хватало подняться, и поднять верхний сук, и пробиться через него. Во мраке рассеянного света нижний сук, опускаясь ниже и ниже, терял свою хвою, и когда зеленая голова одна вы-

билась к свету, то взялась там расти, набрала такую силу, что и сама поднялась, и за собой весь сук подняла. И так мало-помалу все нижние суки стали подниматься, и вся елочка снизу доверху подняла свои сучья.

И только один, в самом низу, самый большой, тяжелый не только не мог сам подняться, а повлек за собой и свою зеленую метелочку, и она легла.

Сучья шатром ложились на землю под тяжестью хвои, и стоило зайцу испуганному по ним проскакать или ветру дунуть и тряхнуть, как они вспоминали свое начальное направление и чуть-чуть поднимались.

РАЗГОВОР ВЕТВЕЙ

У верхних был свой разговор, у нижних свой, и теперь вся елочка от ветра общую беседу вела. Будь это не ветки, а люди, то они бы знали, что не сами они склоняются и шепчутся друг с другом.

Но у деревьев, наверно, этого нет, как у нас, им все равно, сами или ветер, лишь бы перелетали птицы с одного дерева на другое, лишь бы совершалось перекрестное опыление, лишь бы вылетали на своих крылышках семена-партизаны на борьбу...

ВЕТЕР

Из окна глядеть на деревья — не чувствуешь ветра... видишь — наверху деревья ветками что-то шепчут друг другу. И подумаешь о себе: «Как часто нам кажется, будто мы сами куда-то бежим, что-то делаем, не подозревая того, что кто-то дует на нас, как на эти деревья».

Лучше всего это видно из окна, где сам не чувствуешь ветра.

Елка, начиная с половины, подняла уже все сучья свои вверх, а другая половина опускала сучья свои все шатром вниз. И когда приходил ветер и ветви, раскачиваясь сверху вниз, шептали по-своему что-то друг другу, то нижние ветви не могли ничего им ответить.

СОСНЫ СПОРИЛИ С ВЕТРОМ

Видел, как в лесу сосны спорили с ветром: спорили, советуясь друг с другом, как спорят гордые в правде люди с сильными мира сего, не сдаваясь силе, но стараясь ее убедить.

ДУША ДЕРЕВА

Если чувства наши создают образ дерева, то что остается от самого дерева? Что это, возбуждающее наши чувства, какое это дерево в своем независимом от человека существовании?

Деревья ничего не знают о себе, но мы, люди, знаем, что у всех деревьев душа одна — это ветер.

ШУМ ВЕЧНОСТИ

Сосны стояли у вечности, и поднимались туда, и там у неба шумели. А маленькие елки, каждая обнимая сосну, слушали.

СМЕШАННЫЙ ЛЕС

В сосновом бору только молиться, в березовом веселиться, в еловом трудиться. Но если не хочется ни молиться, ни веселиться, ни трудиться? Трудиться в еловом лесу — утомишься; значит, надо найти лес смешанный.

Это бывает, когда в еловом лесу человек какой-нибудь поработал топориком.

ФОРМА СОСНЫ

Редко сосны опускают книзу свои ветки-крылья. Вырастая, они сбрасывают с себя все, что остается в тени, и ветки, устремленные вверх, как будто уносят к небу и дерево.

И человеку, когда он входит в сосновый бор, поднимает вверх голову, ему кажется, будто какие-то невидимые силы стремят его к небу.

Прирост у елок как будто темная волна, а у сосен прирост с веток поднимается вверх канделябрами.

ДЕМЬЯНОВА УХА

Стоял отличный бор-черничник, и в нем изредка встречались березы, очевидно принятые соснами, как желанные гости. Светолюбивой березе, однако, неважно пришлось в гостях у светолюбивой сосны: береза любит

свет, как и сосна, но силенок у березы и возможностей роста меньше, чем у сосны. Сосна стремится вверх, роняя боковые сучья, и достигает полога леса, и пробивает его, голая с пучком верхних сучьев своих. И этого пучка ей довольно.

А береза в погоне за сосной тоже роняет сучья, и тоже голая из последних сил достигает полога, и вместе с сосной пробивает его.

Но там, наверно, под прямым светом ей, бедной, без сучков, наверно, приходится быть в гостях у сосны, как гостю на ухе у Демьяна: свету много, а сучьев нет, и если какие остались, то только в тени, и есть им там вовсе не хочется.

ЧЕРНЫЕ ТЕНИ

Конечно, в жаркий солнечный день даже и елки каким-то скрытым своим лицом радостно обращаются к человеку, и он, среди черных теней встречая яркими пятнами солнечные затишья, мечтает о какой-то своей чудесной жар-птице даже и в ельнике.

Но и в такие солнечные дни эти елки сохраняют свое непокорное наивному счастью лиственных деревьев достоинство.

ЖАЖДА СВЕТА

Среди густоты молодых елок, обсыпанных золотыми монетами березового листа, поднималась прямая белая береза с густым остатком наверху золотых листиков. На синем небе эти листики от ветра так играли, будто это не дерево, а женщина красивая, охваченная со всех сторон бедой, увидев меня, все-таки по привычке заиграла всеми своими улыбками.

Свету бы больше, и тогда все бы елки внутри леса, как на опушке, подняли бы вверх даже самые свои тяжелые нижние сучья.

«Свету бы!» — жалуется елка.

А светолюбивая сосна рядом с елкой живет и не жалуется: она просто сбрасывает все свои затененные сучья, и, пусть хоть одна только верхняя крона останется, она этой кроной поднимается вверх и не остается никогда без света, и все ветви ее всегда смотрят вверх.

СВЕТА НЕТ!

Как можно к свету подняться, если света нет?..

А то бывает, сук и не знает, в какую сторону свет, и пойдет расти, куда ему легче: вниз и вниз.

Сама елка пряталась в опушке и не могла сойти со своего корня, чтобы выйти на свет. Но она выслала к свету свой сук, и он пробивался долго между деревьями, теряя боковые сучки и хвою.

Когда же с помощью оставшейся хвои на кончике он пробился на вольный свет, то так быстро стал богатеть, так тяжела была ему нарастающая хвоя, что он склонился до самой земли, и пополз по земле, и дошел до моей дорожки. Я заметил его, хотел приподнять, но он лежа пустил корешки на дорожку.

СПАЙКА ПОКОЛЕНИЙ

В лесу, как в семье, происходит спайка поколений.

В лесу нас радует не самый лес, его матерые высокие стволы, а больше подлесок, молодежь, кусты, трава-подстил, кочки, грибы, ягоды. Нас радует лес, как огромная семья в составе нескольких поколений, а никак не одни старики. Но посмотрите на любой лес возле города...

Бывает, возле города, куда ходят за топливом, так обчистят все, что остаются только большие деревья — и нет тоскливей тогда этого опустошенного леса, похожего на сборище холостых стариков, как в домах инвалидов.

ЕЛОВЫЙ ЛЕС

Какая строгость в еловом лесу! С тех пор как густой щетинкой начали маленькие елочки между собою борьбу за свет, сколько их погибло в этой борьбе, как изредилась эта буйная щетина. Но по-прежнему все-таки не могло протиснуться между ними новое живое существо из растений. Сколько хвоинок свалилось вниз, чтобы прикрыть землю, сохранить под ней влагу, не дать вырасти ни одной лишней травинке.

Суровая строгость в еловом лесу. От колючих отмерших сучьев внутри леса почти невозможно ходить, и снаружи на опушках ели стерегущие, как монахи, спускают одежду свою темную до самой земли. Сомкнувшись настороже, не дали бы они проникнуть внутрь леса легкому

крылатому семечку березы или осины, и те, которым удалось бы сверху проникнуть, погибли бы все на сухой хвойной подстилке. Никому бы не дали елки подняться к свету между собой.

Долго бы стоять такому мрачному лесу в таежном безлюдье, пока бы молния не ударила и не зажгла бы. Пожаром, огнем обыкновенно кончается лес в таежном безлюдье.

Но к этому нашему лесу пришел человек, пошалил топориком, осветил мрачный лес, и, пока собрались старые елки, светолюбивые деревья, березы и осины, забросали все поляны сплошь своими легкими крылатыми семенами.

Тогда все, что копилось в земле под толстым слоем хвойной подстилки, открылось, и буйные светолюбивые травы пробились сквозь хвою, появилась ароматная ягода-земляника, белые грибы под березами. Каждая травинка, каждый грибок, каждый цветочек и молодое лиственное деревце своим появлением, и цветением, и ростом стали рассказывать дивные вещи о тайнах, заключенных в семени. В лесу началось возрождение — дело рук человека.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

За лесными материалами не стоит очень гоняться, а то неминуемо в них зароешься, и пойдет писание на многие годы. Надо, однако, помнить, что лицо природы только тогда покажется в поэме, если согласишься с ней показ души человека.

ВРЕМЕНА ГОДА

Многие любят природой, но немногие ее принимают к сердцу, и даже тем, кто к сердцу принимает, не часто удается так сойтись с природой, чтобы почувствовать в ней свою собственную душу

ЯНВАРЬ

ВЕСЕННЯЯ ДОРОГА

Вчера был солнечный день. Весна света началась на дороге. Солнечный луч грел, грел дорогу, прошел автомобиль, и колея заблестела. Еще нога скрипела на снегу,

еще палочка визжала на ходу, но земля на колее залысилась, и тут нога, обутая в валенок, поскользнулась.

Так на дороге началась весна света.

ЗОНТИКИ

Машины мешали мне на шоссе. Я перелез через канаву и пошел к лесу по снегу. Между полем и лесом был пустырь с болотными кочками и кустарником. В кочках стояли высокие серые сухие зонтики. В каждом зонтике непременно лежал внутри розетки белый комочек снега. На одном комочке сидел великолепный цветистый щегол, и так он устроился, что с комочка ему было как раз так, чтобы сверху выключнуть семечко из розетки: клюнет одно, а десять слетят вниз, темненькие на белый снег.

Щегол об упавших листиках не тужит: когда розетка опустеет — их много, — перелетит на другую, и что внизу насыпано, то не пропадет: синичкам достанется, а что снегом засыплет, тоже не пропадет: внешние воды унесут семечки в другое место, не всем же и зонтикам на одном месте сидеть.

ФЕВРАЛЬ

ПОСЛЕДНИЕ МОРОЗЫ

Бывает оттепель перед последними сретенскими морозами, птицы ее принимают за начало весны: рябчики пересвистываются и начинают предвесенние поиски пары.

Тетерев токует во весь дух и так, что человек, услышав это, тоже вовлекается в обман, и если еще молод и есть время — бог знает, что бормочет.

СНЕГ НА ВЕТВЯХ

Невидимые звезды снега теперь спустились сверху, возле нас в воздухе блещут спокойным дождем искр, и остаются на сучках деревьев, и от этого дерево сверкает все от верху до низу каждой веточкой, каждой зимней нераскрытой почкой.

Началась весна света, в лесу со всех сторон открылись голубые глаза. Тихо слетают снежинки, и хорошо за каждой следить, куда она сядет. А когда насмотришься, то спрашиваешь себя: отчего все фигурки, создаваемые падающими снежинками, имеют округлую форму?

Не оттого ли, что каждый сучок стремится вверх и каждая снежинка падает вниз, всякое движение в борьбе за низ и верх образует движение по кругу?

Только вот снежинка-то падает, а сучок хотя и стремится вверх, но медленно, и зимой он только показывает наверх, а сам стоит без движения.

Вот хотя бы этот квартальный столб, ровно спиленный кружком сверху, и на ровном кружке падающие снежинки образуют округлую шапочку.

В ГОРОДЕ

Сегодня солнечный день и с морозом. Когда солнце зайдет за тучу, мороз пишет на стекле веточки тропических растений и водоросли теплых морей. Когда же солнце опять появляется, мороз бросает мечту свою невозможную о тропиках, плачет и разбегается по стеклу каплями.

Эта игра солнца с морозом окончилась, когда все облака сбегали с неба и солнечные лучи не только высушили на стекле все капли, но даже и нагрели стекло. Морозу не за что было взяться на стекле, и когда солнце село и стало темно.

Тогда пришел к нам гость и, поглядев в чистое стекло с шестого этажа на серые коробки домов, сказал:

— Какой вид!

ДВОРЕЦ МОЕЙ ЮНОСТИ

Сегодня иду с утра лечиться утренним морозом.

С восьми утра солнце еще не выше домов, и лучи на Ордынке летят низко, образуя солнечную крышу над всеми домами. И от этого внизу, под солнечной крышей, оседает голубой сумрак, и в нем слышно, как надувается весенняя ворона и чирикает затаенный в стене вестник весны света — воробей.

А дома в голубом сумраке перспективой удаляются, все голубея и голубея. И еще дальше, там, где-то в большой глубине, впереди, голубея, высится дворец моей юности. Я тогда, глупый и недостойный, не мог войти в него, а теперь я иду к нему, и он все приближается, и сердце сжимается от радостной надежды, что, может быть, теперь там узнают, какой я стал.

Там не глядят на седые волосы, напротив, в заслугу поставят и больше не выгонят.

МАРТ

ВЕСНА

Замечаю, что весна в душах людей современных стала раньше наступать, чем в далекие времена, когда жизнь была спокойнее.

Тогда в феврале никто в городе не говорил о весне, а теперь со всех сторон слышишь: весна!

БОЛЬШОЕ ВРЕМЯ

Опять, как вчера, лучезарное утро с легким морозцем. Теперь уже все говорят, и стало уже общим местом, что климат меняется, хотя всего тому назад девять лет был зимний мороз в 40°.

Все происходит оттого, что климат лежит в большом времени, а люди в маленьком, а когда маленькие судят большое, то они судят его по себе.

СВЕРКАЮЩИЕ ДНИ

День за днем такие сверкают, что и во сне не приснится. Запрыгали девочки на веревочке. Свет в Москве обнимает человека и несет. Дома сверкают на свету и радуются тени: свет и тени — все хорошо!

ПРОГУЛКА

Солнечные дни, голубые утренники, и вечером робкие ручьи, и ночь и утро являются над сухими крышами.

Дом огромный обрывался на улице неотделанной кирпичной стеной, в ней там и тут были печурки: одни для

чего-то делались при кладке стены, другие сами сделались после выпадения кирпичей. Теперь в каждой такой печурке сидел невидимый для прохожих воробей и чирикал по-весеннему мерно, безостановочно, как часы.

Но эти воробьи, ликующие в темных печурках, были и вправду нерукотворными часами весны света. Некоторые из прохожих вынимали часы, взглянув, прибавляли шаг. Но другие, напротив — услышав эти весенние часы, останавливались, долго с улыбкой бродили глазами по стене, всматривались, и, наконец, открыв воробья, светлели лицом и, оглядевшись кругом, радовались голубому сумраку улицы под солнечной крышей.

ВЕСНА ЗВУКА

Мороз с утра небольшой, а днем солнце в Москве наделало луж, и к вечеру, когда чуть подмерзло, запахло во всей силе первой весной.

В это время в деревне глухие начинают лучше слышать, как это было и с нами: мы все немного глухнем зимой.

И вдруг услышишь по-иному голоса вдали или шелест падающих капель вблизи, и чье-то слово, как будто кто-то меня позвал.

Я это только недавно открыл и назвал весной звука.

А вчера была оттепель. Вечером возвращался домой под дождем, угадывая, где ступить, как бы не обдала машина, но на душе было хорошо: ведь не одна эта весна, а все вёсны шли со мной по улице, и я не впервые понимал пробуждение звука.

СВЕТЛОЕ УТРО

Вчера весь день летел снег, и за ночь у него все вылетело: пришло утро светлое-пресветлое, снега блестят чистотой, дымы радуются над каждой крышей.

ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ

Тепло и пасмурно. Потом голубые просветы, все шире и шире, и по голубому в серых парусах корабликами проходили обрывки, дымки и всякие остатки разорванного ночного одеяла.

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

Вижу везде на снегу грачей, и, видно, им голодно, нечего взять, все снегом закрыто, разгуливают суетно на длинных ногах, подпускают близко, не летят, а бегут, бегут. Вечером с их гнездовых мест уже слышен грай.

ВЕЧЕР ЗАЦВЕЛ

На всем небе кругом было только два маленьких белых минутных пятнышка. Вечер зацвел на закате голубыми снегами, розовым лесом, а небо кругом горело...

Вот уже три дня подряд солнечные, слегка морозные, снег все еще глубокий. И так долго будет медленно таять, до тех пор, пока не придет серый день с туманом и дождем. Тогда только и птицы явятся.

НЕЗАМЕТНАЯ ЖИЗНЬ

На пойме горячими полднями из-под снега набегают озерки, а ночью замерзают. Иногда такие промоинки пересекают тропу, идешь — все кругом тебя трещит. Те, кто ходит в любимой обуви — валенки с калошами из автомобильных шин — ходят теперь только по утрам через пойму.

А река все еще засыпана и не отделяется, и только на крутых берегах, обращенных на юг, протаяла щетина корзиночной ивы, и, наверное, в ней уже кипит незаметная жизнь насекомых.

МАРТОВСКОЕ СОЛНЦЕ

Как и вчера, к полудню, наверно, солнце выбьется. В Москве так чисто на главных улицах, так светло, и так опять хочется жить, и так чувствуешь себя поумневшим и душевно похорошевшим.

Раньше в этом мартовском солнце видел цветы на кофточках, а теперь вижу цветы в глазах у людей: при этом свете у многих зацвели глаза — и голубые, и синие, и темно-зеленые, и мне кажется, где-то мелькнули глаза лиловые.

КАПНУЛО С КРЫШИ

Сверху на Кузнецком мосту что-то капнуло мне на кончик носа. Я подумал — это золотая капель с крыши. Но вдруг оттуда чирикнул воробей, и это был первый воробей весны света в этом году. И я понял: это не золотая капель — это он мне капнул на нос.

Но я так радуюсь весне света в городе, что не придал никакого значения тому, что первый певец весны света в отношении меня был так невнимателен.

ЧУВСТВО ПРИРОДЫ

Вот река... вы подошли. И тут бывает по-разному: то захочется рыбу поудить, то искупаться, и мало ли чего! — погулять по берегу, покататься, даже задуматься; что-нибудь вспомнишь, по-иному что-то в твоей жизни переставится: все о себе, все для себя!

Но вот, когда застанет весна в Москве, увидишь текущие со двора реки грязи и вспомнишь настоящую реку, представишь себя на воле, тогда собираешь в душе воспоминания, и все для реки, и ничего для себя.

Так вот и все наше чувство природы возникает в городе.

Любовь к природе с тягой бродяжничества зарождается в городе (туда, туда!), в человеческой тесноте.

Из города тянет в одиночество, из пустыни — к людям.

РЕКА ОТДЕЛИЛАСЬ

Ночь морозная, день блистающий. За вчерашний день потемнела и отделилась от снега река, но по льду этому все еще ходят. В полях началась рябь проталин, пестрота, «сорочье царство».

ПОД СНЕГОМ

Под снегом вода уже, конечно, ходит своими незрими-ми путями и наливает все впадинки. И это видно, сверху везде снег лежит в мелких голубых рябинках — волнах, а там, где под снегом вода, наверху волны не голубые, а рыжие, и знаешь, что, может быть, уже завтра здесь обозначится мочежинка.

Вечер. Солнце должно опуститься в тучку, но до тучки ему еще далеко. По ту сторону и по эту на реке блестят две реки — это забереги. С нашего берега по заберегу лежат кладочки. По ним люди переходят на лед, по уцелевшей тропке направляются к другой стороне и там по вторым кладочкам осторожно перебираются на берег. На той стороне, против юга, темного много больше, чем белого. Наш берег, северный склон, завален чистым, нетронутым и глубоким снегом.

Белизна, чистота, свежесть, цветистость нежная так прекрасны, что чувствуешь в себе недостаток восторга, несоответствующую слабость своей благодарности.

Но вот солнце близко подходит к нижней тучке, скоро все переменится, надо спешить схватить себе этот вечер на память так, чтобы потом уже никогда его не забыть.

ДЕВУШКА С ВЕДРАМИ

Слышно — наверху хрустит лед и снег под чьей-то ногой. Сверху, откуда черной змейкой бежит рассекающий надвое белые снега ручей, спускается девушка с ведрами. Против солнца виден только ее черный гибкий силуэт. Так она спускается вниз, оставляет два ведра на берегу, а с третьим, балансируя, ловко идет по жердочке и опускает ведро в золотую полынью.

Так она одно за одним наполняет, танцуя по жердочке, все три ведра. После того она привязывает два ведра на коромысло и с усилием поднимает на плечо, а третье, осторожно наклонившись, берет в руку. Берег крутой, ей высоко подниматься, и она поднимается.

Игра на жердочке с ведрами кончилась. Девушка согнулась вперед, и чувствуешь, что все у нее теперь в спине, вся сила, вся жизнь ее теперь на хребте, и так далеко-далеко ей, так высоко-высоко ей. Бывает, молодая лошадка в нерешительности остановится под горой с возом, а когда стегнут ее, вдруг вся соберется как-то в спину, схватится и потянет вверх, и долго ей тянуть, и трудно, и так высоко-высоко...

А мне было так хорошо стоять над рекой на проталинке, и стоял бы, стоял, но солнце вошло в тучку, и воздух стал стынуть и снег леденеть.

Хорошо смотреть на тот прозрачный лед, где мороз не наделал цветов и не закрыл ими воду. Видно, как ручей под этим тончайшим льдом гонит огромное стадо пузырей, и выгоняет их из-под льда на открытую воду, и мчит их с большой быстротой, как будто они где-то ему очень нужны и надо успеть их всех согнать в одно место.

ЧУВСТВО ЗЕМЛИ

Не первый увиденный грач весной самое главное, не скворец, а главное — это чтобы нога твоя встретилась с землей: вот как только ступил своей ногой на то место, где показалась земля, — сразу и почувствуешь все, и все вёсны, какие были у тебя раньше, соединятся, и ты обрадуешься.

ВСЕ СЛЫШНО, ВСЕ ВИДНО!..

У нас местность холмистая. И зимой между холмами в логу проходит дорога — зимняк. Весной зимняк обращается в реку, она заливает всю луговую низину между лесными холмами, а летом, где весной бежала вода, по всему лугу рассыпаются цветы.

Вот хорошо начать свою весну, когда везде еще снег, а дорога стала ледяным руслом первого большого ручья, и почти что река. Каждый раз для этого праздника я отправляюсь на южную сторону двух лесистых холмов, между которыми гремит ручей по ледяной дорожке.

На северном холме снег еще вовсе не трогался, а здесь почти все сошло, и земля между деревьями греется, и пень черный стал уже таким теплым, что так и просит прохожего присесть на себя и послушать ручей.

Отсюда все слышно и все видно. Говор весеннего ручья — это все понимают, но, кроме говора, время от времени слышатся какие-то шарашки. И вы знаете, что это такое? Скорее всего вы знаете, если когда-нибудь слушали первый весенний ручей. Все это штуки старого мороза, все это ночью он натворил, а теперь ручей разрушает. За ночь мороз постарался закрыть ручей цветным одеялом, а теперь ручей его разбивает, и когда рушатся белые цветы мороза в воду, то и слышатся эти шарашки.

Солнце помогает ручью, но не думайте, что и сейчас нет мороза: он таится в тени, но даже и в горячий солнечный день бедокурит.

Вон там стоит большая раскидистая елка, и под ней, как раз в ее тени, ручей падает с уступа. Мельчайшие невидимые брызги летят от падения воды, и мороз, притаившись в тени, как охотник, схватывает эти брызги и громоздит из них свои чудеса.

Посмотрите, что сделал мороз с маленькими, в ладонь, густыми, как щетка, молодыми елочками! Он их так обледенил, такое нагромоздил на них, что только очень внимательный глаз узнает под сосульками и цветами мороза тесное стадо молодых елок.

Из какой-то прошлогодней соломы он успел, схватывая брызги ручья, наделать и дворцы, и хижины, и все это ведь среди солнечного дня, когда темный листик на снегу опускается в ямку, каждый темный прошлогодний стебелек стоит в снежном стаканчике.

В ЛЕСУ БЕЗ ПЕРЕМЕН

Вороны в бешенстве, стараются петь воробьи, но дни не обрываются, день за днем глядятся, как в зеркало. Нет лучше, нет чище и краше этих дней, но весна и душа требуют движения.

Движение пока только в поле, в «сорочьем царстве» становится все больше черного пера, но в лесу все без перемен.

СЕРЫЕ ДНИ

Село в тучку и теперь утром светит солнце невидимкой. Может быть, оно и покажется еще, но завтра скорее всего начнутся серые, сейчас необходимые дни.

После обеда с востока валила огромная, черная, казалось, дождевая туча. Но когда приблизилась, вдруг стала вся белая, и повалил снег и валил до вечера.

СХВАТКА

Полная тишина, безоблачное небо, ночной хороший мороз, и теперь днем в голубых тенях везде мороз. В лесных ручьях какая схватка! С солнечных полей мчится вода, и в тени схватывает ее мороз.

Мороз усилился, по насту можно ходить с утра.

Мой ручей замерз, и по гладкому чистому льду несется старый листик, согнувшийся корабликом. Пузыри, набившиеся белой пеной на сломе ручья, теперь обмерзли (из воды же они состояли) и лежат теперь рыжим мерзлым тестом.

ВЕСНА ВОДЫ

Не хочется забыть вчерашний дивный день. Накануне произошел переворот половодья, после обеда все закипело. А утром все было насыщено парами, и сквозь этот наш земной пар сверху солнце намеком радовало и утверждало в трепетной перелетной душе нашей радость.

Краем ручья я перебрался на свою любимую опушку и тут заметил сразу, что муравьи выползли наверх. Правда, не во всех муравейниках было одинаково: такие были муравейники, где уже все муравьи лежали на рыжем черной сплошной лепешкой, на других только начинали выбираться черными пятнышками, на третьих были еще кое-где отдельные разведчики.

Пашни вытаивают, не пройти бы полем, но, к счастью, на тропе держится лед-черепок, хрустит, и нога не проваливается.

НИЗКОЕ НЕБО

Ночью был дождь: налился целый ушат. Солнце в тучах то покажется, то спрячется. Река, забитая искорверканным льдом, стоит. Воздух тяжелый, сырой. Поле очистилось совсем.

В лесах еще снегу довольно. Огород внизу начинает чернеть, а к лесу бело.

Утром земля парила, и небо низкое своим туманом доставало дыхание земли. А место, где солнце, на небе было заметно. Река очистилась. Ваня принес свежей рыбки.

МОЯ 76-я ВЕСНА

Утро солнечное с переменами, то поярче, то потускней. Ослепительно блестят ледяные грядки оттаивающих огородов, из трубы капает — мороза нет.

По выходе из дома услышал зяблика, и только подумал было о чем-то прекрасном, связанном у меня в жизни с песней зяблика, вдруг увидел, что река всем льдом своим тесным, густым пошла...

Сегодня из-за большой воды я надел свои огромные сапоги, такие тяжелые, такие высокие, что чувствовал себя в них, как древний воин в тяжелом всоружении. Ступая по грязи, крушу ледяной черепок так звучно, что жаворонки по дороге мышками бегут от меня.

Мне кажется, сегодня тяжелая сырость начинает спадать, и как будто впервые после зимы, просыпаясь, слегка вздохнула земля. Жаворонок, я заметил, бегая в жнивьях, ищет свою пару, и когда находит ее, то они вместе поднимаются после того в брачный полет и потом падают, и он опять ее ищет, или же он поднимается вверх и поет свою знаменитую брачную песнь.

ЛЕД ИДЕТ

Не забыть бы вечер, проведенный мной у реки.

Знаете ли то молчанье, когда спор между льдинами закончен и все на реке делается как надо? Лед идет, и нас об этом — идти ему или не идти — не спрашивает. В молчании великом только время от времени слышится короткий шепот с осторожной поправкой, наверно, старшей льдины какой-нибудь: «Куда преш-ш-шь?» — и все шепотом, и все это как раз и усиливает молчание, чувствуешь, что молчат не по-мертвому, а живые собрались все в одном намерении приплыть, не растаявши, в море.

Перед закатом из тяжелого синего явилось красное пятно, предшествующее появлению солнца. На этом красном на холмике резко представилась тесная группа черных деревьев и поехала по красному влево. Ехала-ехала, и деревья стояли гордо, как в метро люди гордо стоят, а сами едут на эскалаторе. Ехали-ехали по красному и сошли на синий фон. А по красному поехали редкие деревья обыкновенного леса.

Подумал о том, что ведь это так плывет земля и что я тоже еду на ней, лечу, как блоха на журавле. Какой там... блоха! — не блоха, а какая-нибудь инфузория, видимая в тысячекратном увеличении.

На красном наконец-то «село» солнце, еще более красное, но не ослепляющее, и можно было продолжать провожать деревья, утверждающие наперекор всему су-

шествующему властную и решительную мысль в инфузории.

«И опять ты преш-ш-шь!» — шептались смиренно льдины.

— Не дамся, не дамся я вам, — шептал я проходящим по солнцу деревьям, — проходите, проходите, а я вот буду смотреть на вас, стоять и считать.

И вспомнил о первой группе гордо стоящих на холме, как в метро, деревьев, что они за это время на большой-большой кусок пронесли, такой большой, что стало понятно, с какой же огромной скоростью неслась Земля и сколько она пронеслась, пока я раздумывал о мыслящей инфузории.

«Потише, потише!» — шептали мне льдины.

И я им отвечал:

— Не дамся, не дамся!

А солнце между тем село, и путешествующие деревья остановились.

Однако солнечные лучи из-под тяжелого синего выбились на свободу чистого неба, и над головой моей горящий золотым и красным цветом раскинулся венец. Над моей головой!

«Потише, потише! Все на-ше, на-ше и на-ше», — шептали мне смиренно льдины.

СОЛНЦЕ СОГРЕЛО

Снег согнул осинку до самой земли, зайчики за зиму всю ее обглодали. Так она теперь весной уже и не встала.

Сегодня ветер северный не прилетел, и оттого солнце много больше согрело нас. Запели дрозды. Бабочки воскресли. Раз дрозд запел, надо бы и вальдшнепам быть, но движения сока в березе еще нет.

«Они все тут, — сказал бы дедок, — да еще не сказываются».

Мы вчера с Кадо роскошно ходили в лесах, и путь был, как в озерном крае, от озера в озеро, из проталины в проталину.

КОЛЕИ МОРОЗА

Везде в лесу, где проезжал на машине человек и в эти широкие колеи налилась вода, мороз прокатился на своей

машине, и от него остались на всем рыжем и черном двумя белыми полотнами, украшенными чудными цветами, его колеи.

БАБОЧКА

Ранним утром на земле еще оставался холстами мороз, но когда солнце разогрело землю, мороз обдался росой.

Под горячим лучом пробудилась жизнь в одной бабочке. Серая, цветом в осиновый ствол, бабочка небольшим треугольником лежала на траве и билась червяком, а крылья не слушались. Я взял ее на ладонь и рассмотрел: у бабочки голова была вроде как у совы с двумя длинными оранжевыми усиками — ночная бабочка. Она лежала на ладони, как мертвая, но, когда я подбросил ее, полетела, да еще как!

Сколько у нас тоже, у людей, есть таких спящих, а толкнешь — откуда что возьмется!

В ГЛУБИНУ

Когда утром солнце сияет, а тепло морит мороз и северный ветер идет против весны, тогда надо забраться в глубину леса, найти недоступную для ветра полянку и тут, затихнув, дожидаться событий.

ЗАВТРА БУДЕТ ТЯГА

Вчера в лесу на солнечной полянке я учуял перемену погоды: запел певчий дрозд и одновременно поднялась из весеннего рыжего праха желтая бабочка-лимонница. А когда я вышел из леса, нерешительно дунул ветер с запада и потом с севера, и так все колебалось до вечера. Ветердохнул последний раз теплом с запада и затих.

Солнце за полчаса до заката опустилось в широкую плотную и ровную синюю полосу. Вернувшись домой, я зарядил патроны на вальдшнепов: тяга начнется непременно вместе с движением сока в березах. Завтра из моих пробных порезов закапает.

Сегодня с утра начало все сбываться: ночь простояла без мороза, небо все ровно серое, дали сизые, и теперь все равно: дождик пойдет — хорошо, и солнце, если пробьется, — разовьет большое тепло.

Истлевают последний снег на моем огороде, в воздухе + 12, но земля промерзла глубоко бесснежной зимой, еще не оттаяла, не дает пара своего в воздух, и даже собака на солнечном угреве на сухой траве полежит, полежит и встанет.

НЕОДЕТЫЕ СТОЛЫ

Золотое утро было сегодня, и легкий морозец в полной тишине давал только хорошее: легкость движения и независимость мысли. Боже мой! как меня встретили липы на месте тяги!

По-своему они мне что-то сказали, и я знал что, но слов не находил. В них был уже сок, как и в березах, но листьев не было: стояли черные неодетые стволы, и они-то и говорили, что им надо все выше и выше...

Вон тем, дальше в лесу — все гуще, а им — все выше. Это они только и хотели сказать.

ГРАЧИ

По утрам множество грачей разгуливает по моему участку над рекой и даже к самому дому подходят, неустанно кланяясь на тонких своих ножках в густых и широких штанах.

Разгуливая в толпе, один такой щеголь, отливающий на черном цветами радуги, нечаянно встретился со своей щеголихой и сделал ей по-своему реверанс кругом, царапая землю кончиком опущенного крыла.

ПОСЛЕ ПОЛОВОДЬЯ

Солнечно и холодно, ветер. Я утром до завтрака проходил в лесу. Еще много снегу, и даже ходить тяжело. Но большая поляна, где тянут вальдшнепы, вся очищена от снега, и даже дубовые листья просохли, и ветер играет листьями.

На поляне этой могучие дубы. Дятлы напали на елку и раздолбили ее внизу со всех сторон. Северные опушки лесные — белые, южные — в голубой воде, поле чистое и мажется, а березы мокнут, капает березовый сок.

На реке за одни сутки от всей цепочки льдин остались

небольшие грязные бугры, ударить по ним ногой — и разбиваются на длинные кристаллы.

Кроты работают. Но трава даже на опушках под лужами еще не зеленеет. И нога на земле чувствует лед.

АПРЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Если по человеку судить, то этот весенний апрельский день похож на тот человеческий день, когда она говорит свое «да». В природе тоже так: «да!» — и после того она снова начинает зеленеть.

День такой в природе, как бывает у человека: полный огромных сил, способный землю перевернуть, если бы можно было за что-нибудь ухватиться.

Робкий трепещущий мальчик что-то спросил. Она ничего не ответила, а только низко склонила голову. Он еще раз и еще трепетнее спросил, и она еще ниже склонила голову. И когда, наконец, он, перемогая себя, положил ей руки на плечи, склонился сам к ней и что-то шепнул в третий раз, она подняла пылающее лицо и бросилась ему на шею.

Вот в этот миг апрельский стало уже зеленеть, и такой у нас сегодня был день: кому-то она бросилась на шею, и это было ее «да». Сегодня вся природа нам ответила «да!» — и все стало кругом везде зеленеть.

Не удивительно, что я так лично, как бы сквозь себя, понимаю природу: я так пережил, так было со мной самим. Мне только удивительно, что если я об этом скажу, то меня поймут и те, с кем этого не было.

И вот, оказывается, не во мне именно тут дело, а что на этом чем-то весь мир стоит и движется, и весь человек, как единое существо, торжествует, и я могу свидетельствовать об этом, как удивленный и обрадованный участник апрельского дня и невесты его — разубранной цветами в неодетом лесу ранней ивы.

ВОСПАРЕНИЕ ЗЕМЛИ

На том южном берегу реки чуть-чуть заметно позеленело, и эта зелень даже отразилась немного у края голубой реки.

Пар от земли наполняет воздух здоровым румянцем, и оттого хвойный зеленый лес за рекой стал голубым. Этот

знаменательный пар в народе, с малолетства слышу, называется *воспарением земли*.

Какое чудесное слово, отвечающее и восхищению, и возрождению, и воскресению, и восклицанию, и всякому весеннему восторгу и радости. Но почему это народное слово как-то еще не имеет законного входа в литературу? Разве начать с того в этом году нашу человеческую весну, что, вместе с целым великим строем утвержденных слов русского языка о весенней радости, утвердим, узаконим и это наше *воспарение* земли?

С утра этот теплый пар, как парное молоко, каплями возвращался, такой теплый, такой редкий, что одна капля упадет на тебя и не дождется другой: пока другая придет, она воспаряется. И час, и два, и три проходи в одной рубашке — и домой вернешься сухой.

Заработал трактор, и я легко нашел его в тускло-желтых полосах за рекой. Грачи слетались к трактору совершенно так же, как в былые времена слетались к сохе. Только прежде они не торопились и шли, важно переваливаясь, вслед за сохой. Мне кажется даже, что в прежнее время к пахарю они были даже чуть-чуть снисходительны. Теперь трактор скоро идет, и червей из-под него много больше, чем было из-под сохи. Надо грачам очень, очень спешить, чтобы черви не спрятались: грачи за трактором не идут, а подлетывают.

Важность свою грачи потеряли, зато пахарь теперь не плетется в борозде, не ругается поминутно на лошадь, а сидит и, может быть, даже поет.

ВСТРЕЧА СОЛНЦА С ЗЕМЛЕЙ

Сегодня день разгорелся и дошло до +20. Это первый день, когда земля с солнцем встретились без помехи.

К вечеру стало захмыливать. Солнце опустилось в теплую тучу. Встретил на тяге первого шмеля, и такая была тишина, что гудело на всю вырубку. Стали вылезать первые анемоны, фиолетовые цветочки. Наклюнулись почки черемухи, сирени. Лужи стали прорастать сильной зеленой и дружной травой. Обочины позеленели, и зелены стали яркими. Ночью пошел теплый росяной дождик и моросил до утра.

После обеда нахмурилось, обложилось кругом. Дождь обмывает почки.

Река в своих берегах. В лесу чуть зеленеют дорожки, везде, как глазки в полумраке вечера, глядят лужицы. В логу клок снега, как зайчик сидит: это мое сердце бьется, а мне кажется, будто зайчик водит ушами. Все глядят на меня упорно, и я всех чувствую, и мало того! повеет чем-то знакомым, и уже спешешь сказать себе: «Скорей понимай! А то другой раз того уже не будет».

И оттого каждый зеленоватый ствол осины мне пахнет сильно листвой под ногами. То же и белый зайчик мне говорит: «Гляди, замечай, а то скоро растаю, и больше зайчиков белых ты не увидишь: останутся в лесу одни только серые».

О том же самом поет мне и дрозд на исодетом дереве, в том смысле поет, что ведь это вечность проходит, а мне, человеку живому, надо успеть этой весной от нее захватить побольше себе и с таким богатством в руках выйти к добрым людям хозяином своего времени.

Вот такая великая мысль охватила меня, что время проходит, а я на перекрестке двух просек у лесного столба стою, как хозяин времени, и выбираю из него самое главное, и это остается со мной навсегда...

Но вот послышался знакомый звук от летящего на меня вальдшнепа. Я вскинул ружье, и все лужицы закрыли глаза, все зайчики ускакали, дрозд замолчал, все сундуки с моими загадками и богатствами захлопнулись... Не все же и вправду думать и думать!

Так, наверно, и каждый в творчестве, достигая совершенства, прощается со всеми ступеньками своего достижения и, достигая, в последнем движении отшвыривает от себя всю длинную лестницу мучительного приближения к счастью.

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ОХОТЫ

Когда я возвращался с тяги и переходил поле между двумя лесами, молодой царил на небе, и под ним на все пространство между лесами темная черта из облака делила небо надвое, повыше, где молодой, и до самого низу, где по рыхлой земле не видимые никому шли мы с моей собачкой.

Рыхлая, талая земля продолжалась в моем теле, и мне было так, что я сам для себя ничего не хочу, ничего не мо-

гу, дай бог только ноги передвигать, а если бы кому захотелось взять меня и со мной что-то делать — то я был бы и рад, как радуется теперь весеннему теплу и пару земля.

ПЕРВЫЕ ЦВЕТЫ

Когда и где они бывают — первые цветы, — это не важно, а то самое главное, как я их увидал и какими застал своим первым глазом в эту весну. Вчера начались те желтые цветочки, солнцеподобные, с густыми пучками лучей и на мохнатых толстых ножках. Сегодня высыпали лиловые соцветья маленьких львиных зевов.

После обеда пошел окладной мелкий, теплый дождь, от которого завтра все оживет.

ВСЕ ЗАЦВЕЛО

Цветущий орех и ольха уступили свое первое место в пейзаже ранней иве. Цветут анемоны, волчье лыко, фиалка.

На лесной дорожке сидела в задумчивости лягушка. Черемуха и сирень явно распускаются.

Лужайки, дорожки, пойма зеленеют, все, чему быть вспаханному, почернело, а там, где клевер зеленеющий стал показываться из прошлогоднего серого жнивья, стало похоже на поле ржи, когда сна, еще неспелая, начинает выглядывать в прозелени.

ЧЕРЕМУХА

Почему это у черемухи почки выходят острыми пиками? Мне кажется, черемуха зимой спала и во сне, вспоминая, как ломали ее, твердила про себя: «Не забыть, как ломали меня люди прошлой весной, не простить!»

Теперь весной даже птичка какая-то по-своему все твердит, все напоминает ей: «Не забыть. Не простить!»

Вот почему, может быть, просыпаясь от зимней спячки, черемуха взялась за дело и вострила и вострила миллионы злых пик на людей. После вчерашнего дождика пики позеленели.

«Пики-пики!» — предупреждала людей милая птичка.

Но пики белые, зеленея, мало-помалу становились

больше и больше тупыми. Дальше мы уже знаем по прошлому, как у чермухи из пик выйдут бутончики, из бутончиков ароматные цветы.

Ранняя птичка сядет на яйца, замолчит.

Потом прилетит соловей, запоеет. Вот из-за этого-то молодчика, наверно, чермуха забудет свое обещанье: «Не забыть, не простить». И за мягкое сердце опять ее будут ломать.

УТРЕННИК

Утро встало со всех сторон светлое, и дымки поднялись бодро кверху, а с той стороны подоконника из-за окна выглянула в мою комнату маленькая головка трясогузки, и скворцы поют на обломке липы, поползни, как мыши, бегают по стволам.

Это всех их оживляет самый легонький мороз-утренник.

БЕРЕЗЫ

Бывало, мальчишкой до того ждешь весну, до того не терпится, что все портишь и портишь березки: порежешь — и сухо.

А когда время приходит движению сока, то и так, без порезу, все ясно: если зашумела старая листва под ногой, если покраснелись веточки разные, если вербы развернулись, если заговорили деревья разных пород ароматом своей коры, то, значит, есть в березах движение сока, и нечего портить березу.

Но дело сделано, всюду теперь плачут порезанные березы.

СМУЩЕННОЕ СОЛНЦЕ

У солнца есть на каждый раз и в каждой земле разное выражение. Пусть небо и безоблачное, а солнце смущенное, или, бывает, холодное, не красное, а желтое и разное, и свет разный.

Сегодня солнце чем-то смущено, и до того, что даже петух об этом кричит.

ЗЕЛЕНЕЕТ ДОРОЖКА

Возле опушки южной слегка зеленеет дорожка, и кто бы ни пришел, тоже сразу заметит и скажет: «Зеленеет дорожка». Сколько рождается в этом, и как мала душа моя, чтобы вместить в себя всю радость...

Вот почему я выхожу из себя и записываю сегодня для всех: «Зеленеет дорожка, друзья мои!»

ИЗ-ПОД ТУЧИ

Из-под тучи вырвался ветер с солнечным светом, и полетели они в лес: свет открывает, ветер качает, лес шумит.

ПОЧКИ РАСКРЫВАЮТСЯ

Красота бывает красотой, когда она разворачивается перед людьми, как река в половодье. Но какая это красота и какое нам дело до такой красоты, если она прячется от нас.

Вчера открывались толстые почки бузины, а сегодня это не почки, а зеленая каша в темно-красных прилистниках. Острыми шильцами зелеными наклюнулась черемуха, и шоколадные издали березовые почки, наверно, уже с зелеными хвостиками.

Смотришь вверх, и до самого верху лиственного дерева, и смотришь вниз, и до самого низу подлеска, до самой земли все почки и почки раскрываются, посидишь на пне сколько-нибудь и видишь перемену.

ВЕСНА СПЕШИТ

Нет сомнения, что в природе приближается какая-то перемена: вчера с утра чуть заметно прошла заминка, а сегодня с утра небо покрылось неровными облаками и даже брызнул дождик такой редкий, что на открытом месте можно в книжку записывать.

Деревья разворачиваются так скоро, что если часа два пропустить и вернуться на то же место, непременно что-нибудь случится.

Река очень спешит, и в ней из-за спеха вьонками завиваются струи-быстрики, вертящие воду вокруг себя.

Но река величаво несет свою воду, и какое ей дело до этих вьюнков: крутятся, плывут они вместе с водой, как недавно плыли льдины.

ЯВЛЕНИЕ РАДОСТИ

Роскошное утро, везде блестит роса на траве. Окапывали малину, яблони, вырубали колья для малины, вычистил и привел в порядок гараж, инструменты.

Но ничего, даже весь цвет, вся радость весны не могут мне дать сами по себе удовлетворения, если я сам на все не отвечу записью своих образов или мыслей.

Как что-нибудь шевельнется такое во мне, так и радость является.

ПОД ЧИСТЫМ НЕБОМ

Вчера к вечеру снизилось до +12, а утром +6. Но зато небо все чистое, солнце бросилось на леса, роса бросилась на травы, и даже там, где никогда не бывает росы, теперь ярко заблестели капельки смолы, вытекающие из коры хвойного дерева.

Березы дымятся зелению, и так уже стало густо в кронах, что насквозь, как бывает, теперь уже не видно, и когда в зелень плюхается ворона, то не сразу даже и ее разглядишь.

ДУБ

С утра чуть-чуть захмылилось, и ветер шалит. Боялся за май, но все обошлось, день загорелся, все кругом зазеленело, и черный дальний хвойный лес от зелени белых берез поседел.

Орех распускается. Зеленые птички величиной в шляпку обойного гвоздика во множестве, но все-таки редковато расселись по тонким веточкам и остались с распростертыми крылышками.

«Летите, летите!» — беспокоит их ветер. Но листики еще не понимают тревоги, не знают забот: как сели, так и сидят, невинные и удивленные.

В березах девишник.

Дуб не верит цветам земным и небесным, зеленеющим дорожкам, золотым сережкам ореха и всему, что называется весной. Еще весной света на белом снегу он оставлял свою голубую тень. Теперь внизу вытяяла его старая

листва, и на ней лежала темная тень его корявого скелета. Да, он просто не верил весне.

И много еще совершится чудес в природе, пока зеленая трава и цветы выбьются из-под его старой листвы, и в цветах ликующей весны старик свою тень похоронит и начнет сам распускаться. Тогда в нашем климате природа труд распускания дуба берет на себя и от этого сама холодеет.

— Что-то холодно! — говорят наши друзья.

И другие им отвечают:

— Это дуб распускается!

ПРЕДМАЙСКОЕ УТРО

Великолепное предмайское утро. Все зеленеет, трава, деревья, на горизонте шоколадного цвета березы с такими густыми почками, что птица сядет и скроется. Так все идет правильно: март — свет, апрель — вода, май — цвет.

Лес не одет, пахнет корой и березовым соком. Чуть дымитесь первая зелень на ивах, оживают зелены, обозначаются дорожки лесные. Первая кукушка сегодня и первый жук прожундел.

Первый раз услышал кукушку, но уже не загадывал, сколько мне жить, успеть только работу кончить — вот мое желание.

Возвращаясь домой, среди темных деревьев нашел полянку, где сошлись белые березы, и я их застал.

Они еще совсем не одеты, но так полны сока, что пахнут, но не запах дает знать, что живые они, а не знаю что, — ну, вот смотришь на них и чувствуешь: живые!

ВСТРЕЧА ГОСТЕЙ

Праздник — это встреча гостей в каждом доме. Первое мая — это праздник гостей и особенно в природе: миллионы и миллионы гостей.

НА УГРЕВЕ

Ночью температура была под нулем. Топили печку. Небо как пахота на светлой земле, и у нас на пахоте бывают темные огрехи, а тут на светлой земле голубые просветы.

Вчера в лесу на солнечной просеке между стеной берез высоких и молодых было очень тихо от угрева. И очень странно было чувствовать себя в неподвижности, а они все на глазах у тебя движутся и растут.

На одном ароматном ярко-зеленом, смолисто-блестящем листике припал и замер маленький переливчато-синезеленый жучок. Я согнал его щелчком, а всю ветку протянул к себе, и припал к ней лицом своим, и вдыхал в себя аромат. Все было прекрасно, только я чего-то напугался и, стараясь не думать, поспешил вернуться домой.

УТРАТА И РАДОСТЬ

В этой весенней радости, когда я сидел на пне с опущенной головой, прилетела какая-то птица с белыми перьями, и в то же время души моей коснулась какая-то утрата, но так не больно, что и не вспомнилась.

Я все-таки делал усилие, чтобы определилась форма этого нелепого чувства, и в то же время все думал о птице с белыми перьями, перебирая всех известных мне птиц. Только уже дома, увидев в окно сороку, я понял, что птица с белыми перьями была сорока.

А какая утрата коснулась моей радости, я так и не узнал...

Ночью только +2. Утро царственное: ради таких утр с радостью терпел бы майские и всякие холода.

МАЙ

КАПЛЯ РОСЫ

На лесной дорожке на зеленой травинке, острым кончиком, как штыком, пробивающей себе среди прошлогодней суши и всякого желтого хлама путь к небу и солнцу, заметил на самом штыке каплю росы.

СИБИРСКИЙ ВЕТЕР

Вчера совсем уже собралось потеплеть, но подул сибирский ветер, среди яркого дня стало холодно, а ночь была на нуле.

Яблони еще не расцвели, и говорят, им не будет вреда от мороза, а черемухе все равно: не мороз, так люди сломают.

ГОЛУБОЕ ОКНО

Не очень жаркие, дивные майские дни, зеленеют липы на улице Горького, зеленеют веточки чего-нибудь возле каждой лачуги в переулках, и каждой веточке соответствует где-нибудь подобная вспышка в душе человеческой.

Воздух насыщен теплым паром, и небо закрыто, и только на востоке сквозь двойные-тройные завесы пробилось светлое окно голубое. В нашем доме и вокруг него все, как сказано о шестом дне творения, — что творец все оглядел вокруг себя и сказал:

— Молодец я, все хорошо!

ЗВУЧНЫЕ БОРОВИНЫ

Есть в звучных боровинах такая тишина, что слышно «ку-ку», как удары, и когда, слушая это, поднимаешь голову и поглядишь на стену хвойного леса, то на темной стене от каждого «ку-ку» показывается березка в такой прозрачно-зеленой одежде, что сквозь нее все видно в бору.

Раз «ку-ку» — и березка, второе «ку-ку» — вторая березка, а первая, само собой, остается. И тогда, считая «ку-ку» с загадом «сколько мне жить?», остановишься со счетом: считать нечего! Тут начинаешь считать волшебные березки, выступающие нежной зеленью из темного бора.

АРОМАТЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Вдыхая аромат цветов, коры, прошлогодних листьев, всегда волнуешься чем-то близким к воспоминанию. Но бывает, среди этих ароматов явится такое, что прямо требует вспомнить, как при встрече с тем, кого хорошо знаешь в существе, но не можешь назвать его по имени и определиться в отношениях с ним.

Вот все эти воспоминательные ароматы соединены с детством: это что-то там произошло при первой встрече с таким ароматом. Так, может быть, и все наше сознание

выросло из этого детского материала, оставаясь с тех пор, когда жил бессознательно?

Все, что я узнаю, все это было со всеми, новым является лишь то, что я сознаю бывшее и открываю его сознанию всех.

ОТКРЫТИЕ

Яркий луч попал в темный лес и открыл, что этой ночью паук с молодых верхних листиков от макушки маленькой рябины протянул к молодому дубу сверкающий путь.

Такое солнце, такие лучи пробili даже и густую темную зелень елок, и там в густоте блеснул, как зеркало, мокрый от сока пенек срезанной березы.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Стало много теплее, и пошел дождь. Весь день шел теплый, и мы думали, что вот теперь прошли холода и начнут петь соловьи. Но к вечеру после дождя обложилось все небо и стало опять холоднеть.

И все-таки воздух кругом пропитан ароматом смолистых листьев. Липа наконец подняла и расправила блестящие листья. Дуб расправляет листья еще коричневые. Черемуха облетает и пахнет медом.

КУКУШКА

Иногда попадаете в лесу на пути дерево, и на нем, задрав хвост, кукушка произносит свое обыкновенное «ку-ку». Но это не настоящая наша таинственная кукушка.

Та всегда кукует где-то вдаль, куда очень хочется самому, но знаешь всегда, что туда не дойти!

Когда яркий майский свет врывается в темный хвойный лес с липовым подлеском, тени чернеют, а в светах огромные светящиеся раскрытые, но не расправленные почки молодых лип, тогда непременно слышится «ку-ку».

И если в эту весну не прилетела кукушка и вся эта птица померла на перелете, — все равно! непременно своя же собственная душа обернется кукушкой и начнет куковать.

МАЙСКИЙ ЖУК

Поднимаясь по просеке, видишь, как впереди весь бугор между рядами деревьев дымится: это теплый грозовой дождь проник в глубину земли, и началось воспарение. И с утра этот теплый пар, как парное молоко, теплыми каплями возвращался обратно.

Все эти дни (дня три) по вечерам массой летел с реки майский жук. Где он был?

ЧЕРЕЗ КРАЙ

В старой липе с поломанной вершиной дятлы раздолбили дырочки: в верхней поселились скворцы, в средней поползень, а в нижней зарянка. Подрастают в гнездах грачи.

Сжатые пальчики сосновых побегов разжимаются и превращаются в подсвечник с тремя свечками.

Все цветет. Так все роскошно вокруг, и так много всего, что душа моя — глиняный кувшин, не вмещает, и все льется через край из моего кувшина.

ФИАЛКА

День за днем гроза, дождь, жара, блеск, разрастаются травы, появляются цветы, и уже ландыш в лесу и сирень в саду.

В бору, среди «вечной» зелени низеньких кустарников черники нашла себе место бледно-голубая фиалка.

СТАРАЯ ЛИСТВА

Смотрю на лесную дорожку, любуюсь, как зеленая щетка травы скрывает старую листву и заключает ее в себе как удобрение.

И так во мне самом, в моей душе, как в сосуде, радость вином поднимается, и разливается это мое вино по всему человеку, скрывая в себе всякое зло.

ЗА РУЛЕМ

Дождик вчера метнулся, и вырвалось солнце. За рулем обратил внимание на сосновый бор: по всей опушке расставились сплошным рядом цветущие черемухи.

Мне было так, будто кто-то тронул меня за локоть и прошептал: «Погляди!»

МАЙСКАЯ НЕВЕСТА

Между черных елок стоит майская невеста — черемуха, вся в белом и ароматная. Этой красавице везде место, и она ничего не жалеет и не бережет для себя.

— Ломайте, ломайте, — говорит она, — где наша не пропадала!

ЛАНДЫШ

Есть существа, способные так прямо, и верно, и открыто, и сияюще смотреть, что сами становятся похожи на солнце. Сколько есть таких светолюбивых растений с цветком-солнцем.

Но бывают цветы-мечтатели, они солнце, конечно, чувствуют, но никогда не видят, и форма цветов у них, как результат отношений света и тени. Посмотрите на ландыш...

СОЛОВЕЙ НА КАЛИТКЕ

Майские холода продолжают ночью, но при ветре с утренними лучами начинается такое торжество в природе, что таких дней, пожалуй, никогда не забыть. Один соловей до того разохотился, что сел на калитку и пробовал даже запеть.

ЗЕЛЕНЬ

Папоротники вышли из своих колечек зеленые, совершенно по-своему. Так солнце выходит каждый день: скажут, желтое, а приглядишься — все разное, и даже бывает красное.

Так и зелень у папоротников молодых, конечно, зелень, но какая!

ВСТРЕЧА

Бабочка с бабочкой встретятся, узнают друг друга и полетят, кружась, одна возле другой над цветами, и выше, и все выше и выше, пока не достигнут простора над лесами и востер не понесет их вместе неизвестно куда. Но так редко бывают такие встречи! Все больше как-то

не узнают друг друга лесные существа: сколько веток чужих между собою кивают, машут весь день, как хлещет береза ветвями молодую елочку.

Так точно и у нас, когда мы по лесу идем, ищем и про себя все ждем и ждем, когда наша душа встретится...

ЗАКАТ СОЛНЦА

Нарочно не спряталось совсем, а остался глазок,— солнце сказало себе: «Подожду, хоть одним глазком на все погляжу, как-то живете вы без меня».

УТРОМ

Утро рождалось опять в тумане и потом разгорелось во всем великолепии. Елки стоят обновленные, сосны поставили свечи.

Что-то тревожно вороны кричат,— не вылетели ли уж их дураки из гнезд? Сирень цветет, и ландыш в бутонах.

Кругом все спешат, радуются, перебивают друг друга и в споре, разлетаясь, наполняют лес, как в игре в свои соседи: «всеми недовольны».

ЛАПКИ СОБАЧЬИ

Это малюсенькие белые цветочки на зеленом мху под сосной, девять-десять, больше или меньше пальчиков в лапке, и множество лапок тесно вместе под белой березой на зеленом мху раскинулось, как белый платок.

ТРОПИНКИ

Полезная растениям пыль из-под ног человека ложится всегда по бокам тропинки, и вот отчего ранней весной, когда зеленые иголки не пробили даже и лужи, когда бодряя озимь еще не справилась с какой-то рыжей мочалкой и плесенью, по бокам тропинки, поддержанная пылью удобрительной из-под человеческих ног, ярко зеленеет первая травка.

ОДУВАНЧИКИ

Пока еще на лугах всюду желтеют во множестве цветы, но скоро, в июне, они превратятся в известные превосходные одуванчики, шарообразные сцепления темных семечек на белых крылышках.

Сколько тысяч и даже миллионов детей будут помогать ветру их раздувать, сколько стариков, глядя на них, будут вспоминать свое детство. А мне одуванчик напоминает, что вместе с ним появляются на болотах молодые бекасы, птичка не больше одуванчика с длинным странным носиком. И тут же начинается серьезная натаска собаки по молодым бекасам.

ИЮНЬ

ГРАЧИ

Молодые сейчас в таком положении, что могли бы вполне летать и сами кормиться, но еще опыта нет. И большие вполне грачи, только носы не белые, а черные, и сидят хорошо укрытые в глубине елки, а родители таскают им весь день пищу. Самое трудное время родителям!

МЕДУНИЦА И МОЖЖЕВЕЛЬНИК

Сквозь можжевельник, корявый и неопрятный, просла роскошная красавица медуница и на свету расцвела. Можно было подумать, что это сам можжевельник расцвел!

Иные прохожие так и думали, очень дивились, говорили: «Бывает же так: такой неопрятный, такой корявый, а в цветах лучше всех в это время. Бывает же так!»

«Бывает, бывает!» — отвечали басами шмели на медунице. Сам можжевельник, конечно, молчал.

БЕЗЫМЕННЫЕ ЦВЕТЫ

А то бывает, мельчайшие белые цветочки, чашечкой в пять лепестков, так расположены в соцветье, будто ювелир готовил гнезда, чтобы в каждое вставить бриллиант.

Но вместо бриллианта в летнее время в каждое гнездышко вставляется росинка, и в солнечных лучах она тоже переливается всеми цветами, как бриллиант.

ШИПОВНИК

Новоселы дачные сплошь да рядом борются с женами: мужья берегут лес, жены стремятся расширить площадь для ягод и овощей. Борьба эта почти у всех ведется с разным успехом.

У наших знакомых была борьба за большой куст шиповника, угнетенный большими тенистыми деревьями. Борьба за деревья началась в пользу женщин: деревья срубили. Вот тогда-то муж собрал силы, и стал бороться за шиповник, и победил. Тогда произошло на даче событие, похожее на чудо: куст шиповника, угнетенный, вышел на свет, и зацвел в сентябре, и цвел до морозов.

С тех пор прошло несколько лет, и когда часто просят хозяев показать им свой сад, хозяйева прежде всего показывают на разросшийся куст шиповника и рассказывают, как он, освобожденный от тени, бушевал в сентябре до морозов.

ТРЯСОГУЗКА

Новый квартальный столб в лесу, а рядом лежит старый поверженный, трухлявый, разъедаемый насекомыми. Новый столб в лесу утверджен в трех лицах: с тремя разными цифрами. На всех просеках животные, пересекающие их, столб сразу заметили, некоторые даже отпрыгнули, пока трясогузка не села на его макушку.

Когда увидели трясогузку, как она трясет хвостиком и капает на лысинку нового посланника от человеческого мира, то мало-помалу привыкли: стоит и стоит столб, — какое нам-то дело!

ПЕРЕД ДОЖДЕМ

В лесу перед самым дождем бывает такая тишина, такое напряжение в ожидании первых капель дождя! Каждый листик, каждая хвоинка показываются как в своем роде единственные. Смотришь и знаешь: нет такого другого листика, нет такой другой хвоинки, и в то же время они, единственные, делают то же, что все.

Заячья капуста, мелкая травка, чтобы лучше показаться, даже на пень взобралась!

Вот и я тоже вхожу к ним, и мне кажется, все они в своем выражении, как люди, лицами своими повернулись ко мне и просят дождя.

Как будто это от меня зависит!

— А ну-ка, старик, — сказал я на пробу дождю, — будет тебе нас томить, начинай!

Или дождик послушался, или, как говорят, все так сошлось: дождик пошел.

ЛЕСНАЯ ПОЛЯНА

Брошенная дорога через лесную поляну заросла дымящейся травкой, той самой, на какой мы в детстве гадали: что выйдет, если, сжав пальцы, проведешь по стебельку, — круглый венчик — курочка или венчик с хвостом — петушок. Теперь эта трава, стебелек к стебельку, собралась на брошенной дороге, отмечая собой на цветущей поляне путь человека, и далеко курилась розовым дымком.

А лучше всего была лесная гвоздичка, не красная, не малиновая, а пре-красная, с зубчиками, с мелкими, точно поставленными белыми крапинками.

Повилика выползла на песчаную дорожку, белая и розовая, пахнет по-прежнему чем-то далеким из детства, что ни за что не вспомнишь.

Не могу представить себе, как и чем пахнут цветы тому, у кого детства не было.

ЖИВОЕ ДЕРЕВО

Удалось роскошное влажное летнее утро. Знакомый зяблик распевает на елке. Скворцы летают уже семейными табунками. Молодые грачи вылетели в поля и там иногда такими дураками сидят на тонких веточках какой-нибудь ивы, где настоящие грачи нипочем не присядут.

У нас молодые грачи облюбовали одно дерево и стали орать. Прилетели старые с червяками, и когда грачиха садилась, ветка от тяжести опускалась, а когда улетала,

ветка поднималась, и грачонок качался, как в люльке.

И вся эта ель от множества невидимых птиц шевелила своими ветками, вся, как живая.

В СИНЕВЕ ВЫСОТЫ

Коршун набрал высоту, махая крыльями, как всякая птица, и, набрав, стал парить и царствовать там, в синеве высоты.

ИЮЛЬ

ДОЖДЬ

Опять утро пришло со свежими кадками дождя. На лугах ночевал туман. Целый день в лесу то плачет сквозь слезы, то смеется. Только к вечеру был толстый грозовой дождь.

СТОГА

Золотые деньки. Облака летние, крупные, круглые, солнца не заслоняют, но тени от них ложатся, и можно часами смотреть на пойму, как на море.

Тишина необычайная всего вчерашнего дня ночью разрешилась мелким дождем, и продолжается дождь утром. Молодые колхозники спасли за три сухих дня сено на той стороне и украсили луг двумя большими стогами.

БЕЛЫЙ ГРИБ

Бывает так, раззаришься на большие белые, и почувдится — там где-то далеко стоит великан, как пень. Вот такой огромный блестит в росе, что и не верится. Нет! Скорее напротив, слишком верится, а только боишься обмануться, и страхуешь себя, и говоришь себе:

— Да это же не гриб, это просто пень!

«Милый мой, — говорит лукавый голос, — если ты уверен, что это пень, то зачем же идти тебе в ту сторону?»

— Далеко ли идти, — отвечаешь ему. — Мне все равно туда надо.

Так идешь туда и уже не смотришь по сторонам куда-нибудь на сыроежки, стараешься даже и совсем забыть.

Но тут, видите ли, бывает с грибами подвох: показался гриб, а отвлекся зачем-нибудь в сторону, глянул оттуда — и нет ничего! А бывает и так, что совсем пропадет — ищешь, ищешь, ходишь кругом, топчешь траву, шевелишь кусты, папоротники — нет и нет.

«Смотри, уйдет!» — шепчет лукавый голос.

— А пусть уходит, — отвечаешь лукавому. — Я за грибами, а не за пнями хожу. — И чик! ножом сыроежку розовую по белой ножке.

«Да ну же, — говорит лукавый, — не будь малодушным, решайся и кончай: гляди правде в лицо».

— Вот это так! — отвечаешь лукавому, — давно бы так говорил. — И поднимаешь глаза...

Сколько ищешь в жизни напрасно чего-то, столько ждешь, и является совсем не то, чего желаешь. Но когда идешь в лес за грибами, то находишь именно то, чего желал, а если найдешь гриб белый, то он всегда бывает лучше того, что себе представлял, и жадными глазами вливаешься в него, стараясь выпить навсегда из него прелесть, и не выпьешь: новый гриб в следующий раз является опять таким, будто его никогда не видал.

МАТЕРИНСКИЕ ГОЛОСА

Мать-дроздиха трещала, мать-соловья пищала жалобно, мать-глухариха ко-ко-кала.

АРХИТЕКТУРА ГРИБОВ

Гриб в природе — это архитектурное творение, и есть такие грибы из поганок, что совсем как мечеть...

ЛИПЫ ЦВЕТУТ

Липы цветут, и пахнет липовым медом. Между липами в луче солнца стоит в воздухе на своих крылышках та знакомая с детства золотистая мушка. Найдешь ее, пройдешь, оглянешься — стоит в воздухе на прежнем месте.

Так этот вопрос и остается без ответа, и мушка забылась. А вот теперь опять вспомнилась, и ответ пришел в голову такой: всем бескрылым летать хочется, а у кого есть крылья, то, наверное, в праздник, когда липы цветут, хорошо и постоять.

Торжественный день вышел из густого тумана полным тишины и блеска орошенных туманом листьев, — летняя полнота природы.

Сегодня лучезарным утром в темном лесу была великая тишина, я почувствовал ее, углубился в себя, и когда из себя выглянул, то увидел, что в сиянии между деревьями вниз падают с веток светлые капли ночного дождя и от капель внизу дрожат крылья папоротников.

Так в тишине углубляешься и видишь все из себя, как в окошко, и совершенно свободно. А когда ветер, то всегда не сам, а кто-то мне нашептывает, наговаривает, трубит, воет. И если бы не знать, что это все ветер делает, то так бы думал, что не я тут, а кто-то другой пришел.

Но бывает, совсем тихий ветер неслышно играет листьями и ветвями деревьев. Тогда мне кажется, что я глухой и не слышу музыки от прикосновения невидимого существа к листьям. Я смотрю в это время на колебания листьев и веток и догадываюсь о музыке. Больше! — мне представляется тогда, что и мы, как листики: трепещем, и бьемся, и рвемся глухие, без понимания исходящей от нас музыки.

СРЕДИ ДУБОВ

В лесу много дубов, но каждый дуб окружен березками и осинками.

Любо смотреть, какой независимый и самостоятельный стоит дуб. Только липа не умалается и стоит рядом с ним женственная, как осина с березой, но независимая, ничем не уступающая дубу.

ДЫХАНЬЕ ЛЕСА

Бывает, тишина приходит в лес просто, и все смолкает, — и сам где-нибудь замрешь на пеньке. А бывает, деревья, кусты, травы, птицы как будто сговорятся друг с другом, скажут: «Будем молчать!» И все делают тишину, и сам глубоко задумаешься и по-новому смотришь на далекое старое.

Не шевельнется ни одна веточка, ни один листик не дрогнет, и только по форме крон знаешь: деревья стоят, как восковые; никто не может сделать из воска все так

неправильно, а в общем чтобы выходило из этого лучше правильного.

И вот чувствуешь щекой, будто кто-то из глубины леса дохнул на тебя. Или это так показалось? Нет! Вот тоненький, в вязальную спицу, и длинный, почти до груди человека, увенчанный цветущей метелкой стебелек пырея пошевелинулся, кивнул другому, и другой нагнулся и кивнул третьему. А дальше там папоротник на одном стебельке перешепнулся с другими, и все о том же, что чувствую я своей щекой: в полной тишине наверху лес дышит изнутри, как человек.

ДУША ПРЯЧЕТСЯ

Сплошное серое небо, как осенью, и мелкий дождь с утра моросит. Душа прячется к себе в дом и тихо радуется, что есть где укрыться от непогоды, и в тишине прийти в себя, и обождать, когда захочется выйти наружу и разбежаться во всем на полях и в лесах.

ДОЖДЬ

Вчера уснули под дождь и сегодня утром опять встретились с ним и вставали под гром. Но эта гроза была не сама по себе, проходящая, а как бы только для того, чтобы небо везде сдвинулось в сплошную серую шинель.

Дождь шпарит и шпарит, а лошади и коровы пасутся и пасутся себе на лугу.

ЛАСТОЧКА

Паводок, почти как весной, все лавы снесены давно, и некоторые береговые кусты корзиночной ивы стали островами. На одном таком островке ласточка усадила своих питомцев, чтобы никто не мешал их кормить. И люди вокруг стояли маленькие и большие.

Маленькие тужили, что никак их не достанешь, а старшие дивились уму ласточки: нашла же место — все видят, а тронуть не могут.

ЖАР-ПТИЦЫ

Когда утром, после ночного дождя, сверкает солнце в полях, то и в темный лес лучи солнца проникают и ложатся везде золотисто-огненными пятнами.

А черные тени становятся еще черней, и кажется тогда, как в «Коньке-горбунке», в лес прилетели и сели жар-птицы, и ты сам ждешь, чтобы одну такую райскую птицу поймать.

Целый день перемены: то яркое солнце, то проливной дождь. Под вечер после дождя вырвалось яркое солнце, поднялись комарики как толочь, а ветерок не унялся совсем, шевелил сосной, и падали яркие капли, частые, крупные, разделяя на части игру комариков.

Так и душа наша: радость жизни кипит где-то в глубине, неумная, пузырьками, комариками, поднимается, а навстречу радости частые капли чего-то неминуемого падают и опрокидывают всякие надежды на счастье, на волю...

Опять блистательное утро, но к вечеру радио обещает дождь. И пусть дождь, но утро мое. Пусть не будет даже и совсем никакого утра больше — это утро мое!

КОШАЧЬИ ХВОСТЫ

Когда подходит циклон, то дождевому времени на небе предшествуют облака, называемые кошачьими хвостами. Но то же бывает на небе, когда подходит антициклон: те же кошачьи хвосты говорят о хорошей погоде. Значит, не в самих хвостах дело и нельзя просто без других признаков судить о погоде по одним кошачьим хвостам.

А люди обыкновенно судят вообще и обо всем, как о погоде: раз хвосты — значит, дождь.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Утро, как счастье, пришло.

После грозы и дождя все дорожки в лесу, доступные солнечным лучам, курились.

Даже в темном ельнике лучи, пробиваясь сквозь полог косыми столбами, падали внутрь леса, и там в этих столбах показывалось наряженное, как к Новому году, деревце, сверкающее огнями всех цветов.

КОМАРИКИ МАК ТОЛКУТ

Вечером между елками в сквозных лучах комарики мак толкли. Птички, бабочки, шмели, и все, что ни пролетало сквозь эти лучи, на мгновение становилось серебряным.

Вдруг в самую середину серебряного упала большая серебряная капля, другая, третья. Каждая капля из множества толкущих что-нибудь уносила, но все другие, нисколько не смущаясь, все толкли и толкли.

Наконец капли дождем полились, и осталось совсем немного комаров. Какой уж тут мак под дождем! Но упрямые герои все толкли и толкли. И что же? Дождь перестал, поверженные воины обсохли, поднялись, и опять по-прежнему комарики мак толкут, а мы, ничего не понимая в героической игре, говорим:

— Наверно, к погоде!

ЛЕТАЮЩИЕ ЦВЕТЫ

Над цветущим картофелем всегда летают белые бабочки, как будто некоторые цветы довольно нацвелись, им захотелось полетать, и это теперь не бабочки, а тоже цветки летают над цветами картофеля.

АВГУСТ

ЧЕРНОБЫЛ

Прошел Ильин день, и уже рожь кое-где в копнах, а погода все та же сумрачная с короткими дождями. Чернобыл-трава стоит уже черная, и когда искоса нечаянно увидишь — будто человек стоит и смотрит на тебя со стороны.

СХЕМА ДНЯ

Туман *сел*. Из тумана зелень мокрая, сверкающая. Как туман *засел* в лесу и лучи его находили. Как туман *лег* на луга (сдался: делай что хочешь, лежу).

Описание всей росы в летний день, и конец: на осине две капли слились, одна на месте осохла и улетела.

КОНЕЦ ЛЕТА

Ласточки, молодые и старые, табунками кружатся над водой, и смелые из них на мгновение задерживают полет, касаются воды и на ней оставляют кружок.

Я сел у реки и вошел в тишину.

ПРИШЛО ВРЕМЯ

Всяких цветов листья насыпаны в лесу, и между ними ждешь увидеть грибы. И сколько их всяких покажется, сколько раз ошибешься, каждый раз забывая, что, если настоящий белый гриб встретится, не ошибешься.

Пришло время, когда грибам стало тесно, и они появились везде на лесных дорожках.

ВЫХОЖУ В ЛЕС

В такое-то туманное, грибное и охотничье утро выхожу в лес и жду, с чего начнется та параллельная жизнь природы, субъективная моя жизнь поэтическая, или философская, — не знаю, как ее вернее назвать.

Я знаю в самой природе какое-то мое личное зернышко, и если я найду его, подгляжу, то и начнется тогда моя внутренняя жизнь в полном соответствии с природой: тогда, на что бы я ни поглядел, все природное встает в моем духе. Но зерно это мое в природе, мелькнув, начав, само исчезает, и я никогда не в состоянии бываю сказать, с чего же мне все началось и какое это зерно. И надо усилие, чтобы желанное по моей воле повторилось.

Знаю, конечно, что надо прежде всего устроить свое внимание. И я начинаю.

Вот не эти ли папоротники ярко-желтые в темном лесу, такие характерные для начала осени? Не в них ли, в этом ярком свидетельстве движения жизни, содержится зерно мое? Попробовал, записал. И еще увидел: впервые за лето березки начали обсыпать золотыми монетками растущие под ними темные елочки. Так вот, по-видимому, все начинается с движения в природе, возбуждающего движение мысли.

А это что? Сосна-девочка, ростом мне только по грудь, обняла кругом елочку, как мать охватывает кругом ребенка от холода. Из-за позади дерева-матери торчит еловый пальчик верхней мутовки, да внизу из-под сосны-матери едва виднеются несколько веточек, более бледных, чем ее собственные.

Так начались открытия: начались сигналы движения жизни, пожелтелых папоротников и золотых листиков березы на елях. Эти признаки движения в природе обратили на себя мое внимание, и с этого все началось — с движения.

И я могу сказать сегодня: в начале всего было движение в природе, и оно вызвало в человеке внимание, и, раз вызванное в поисках материала, оно нашло себе маленькую светлюбивую сосну, обнявшую светлюбивую елку.

И так человек, разглядывая деревья, как в зеркале, узнал свою жизнь.

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

Ночью, вероятно, было прохладно, и окна отпотели, а звезды, если через отпотевшие стекла смотреть, — вспухли. И как раз против моего окна расположилась Большая Медведица. Не знаю, чем это объясняется, но Большую Медведицу начинаешь замечать почему-то с осени.

ОСЕННЕЕ

Начали слегка днем протапливать печи. Сегодня сквозь запотелые окна утром яркое солнце, и роса сплошная блестит не алмазными каплями, а прямо всем лопухом или всей грядкой свеклы.

На небе с утра барашки белые, кудрявые на голубом поле, и по радио обещают, что этот день пройдет без дождя. Сколько же сухих дней должно пройти, чтобы потребитель природы не ругал бы природу за дождливое лето?

ТУМАН

Светлый туман, когда глазами ничего не видно, а душа уверена, что из тумана скоро покажется солнце.

День поначалу совсем даже и летний, только от паров и туманов чуть-чуть с сединой, но благодаря дождям зелень по временам сохранилась удивительно.

И только в одной березовой роще, где каждую березу снизу охватывает десяток молодых елок и весь березник сидит в густоте, видно по елкам, сколько уже упало на них с березок золотых листиков.

Только к девяти утра берег на той стороне реки стал определяться и в себя приходить. Но люди, работающие там на овсяном поле, не были еще видны, и только долетали к нам из тумана их голоса.

Если бывает туман, то все деревья, особенно елки, кустарники и даже трава иногда бывают в паутине: на елках кажется, будто сверху и донизу тарелки висят.

Но я не могу сказать: пауки ли это любят в тумане работать, или сам туман, его капельки садятся на паутину жемчугом и делают нам заметной обычную работу пауков?

СЕНТЯБРЬ

ПОСЛЕДНЕЕ ТЕПЛО

Тихо, и синева повисла между еще зелеными деревьями. Сквозь туман и облака солнце с утра медленно пробивает себе путь.

Ночью было похолодание, и, может быть, на болотах на восходе, на невидимой солнцу северной стороне кочки побелели.

Вечером месяц из-за деревьев пожаром поднимался. Утро солнечное, залитое росой в густых синих тенях.

ЗЕМЛЯ И НЕБО

То дождик, то солнце обрадует: во дню сто перемен.

Когда все одожденное вспыхнет на солнце, то и маленькая сосна, вся убранная блестящими каплями, стоит, как девочка, и только не говорит: «Я — тоже большая!»

В таком большом дне с такими частыми переменами бывает какая-то минутка полного спокойствия: кажется, вот все шел, шел на гору и теперь дошел: отдохну минутку и буду спускаться в долину.

Так начинается осень.

КРАПИВА

Липовый подлесок пожелтел, и под ним уже ковер желтой листвы, и в лесу пахнет пряниками.

Листья земляники кровавого цвета. Крапива стоит выше человеческого роста, почернела, лист измельчал и в дырочках, старая-старая... Хотел пожалеть, тронул, а она, такая старая, кусается по-прежнему, как молодая!

ОПЕНКИ

За елками, если глянуть в глубину их между стволами, выдвинулась золотая стена рая — эта стена озолоченных осенью лип. В большом количестве высыпали опять.

И лесник доложил, что, если всмотреться на вырубке, все пни покрыты мелкими опятами: завтра, послезавтра будет их время.

Теплое пасмурное утро, и чуть-чуть моросит. Хорошо грибам! И мне тоже здесь, а не в Москве.

Чудесно охотился, пережидал дождь под елкой. Капельки падали, листья дрожали и некоторые падали.

Дрогнет листик под каплей и удержится, а другой упадет.

С утра мокро, на небе надежды на свет. День вытекает из почвы, как из темного леса река.

ВЕТЕР

Ветер, все ветер, он дует и дует осенью, как дул весной и летом, и он даже радуется, когда отрывает с дерева лист и с ним улетает.

Ветер не знает, что эти листья уже мертвые и не могут далеко с ним лететь.

ВЕТЕРОК

Бывает, стоит трава на горе густо-зеленая, и в тених междутравье при этом бывает почти что черно. Случается, ветерок пробежит, погладит свежий травостой, и вся обласканная ветром трава заблестит.

ВЕСЕЛАЯ ТЕНЬ

На рассвете сгущался туман, и капли падали на листики березы, и листики с каплями, тяжелея, отрывались и падали на землю.

Когда солнце взошло и туман рассеялся, капли перестали падать и утренний легкий ветер-забавник стал играть осиновыми листиками, а от листиков на сером стволе осины прыгали и скакали их тени.

Время от времени какой-нибудь листик отрывался и улетал, и с ним исчезала его веселая тень.

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Бывает утро, или день, или вечер идет, и ты идешь вслед своей походкой шаг в шаг. Трудно сказать, как надо вести себя, чтобы сошлось. Но только если на таком со-

гласном ходу ты будешь на что-нибудь обращать внимание, то оно становится тебе как человек, и если ты о нем что-нибудь напишешь, то оно будет так, будто ты о человеке писал.

Вот сейчас сижу на пне, и я вижу: лист потек и ветер понес, навалило чуть не по колено, и все-таки не могло засыпать листвою высокого голубого колокольчика, и он остался голубым цвести в конце сентября над желтой листвою.

Солнечный луч в темном лесу встретил его, ажурного на длинной соломинке, и он, не сгорая, светил.

Тишина была, и звенели где-то невидимые жуки, а казалось, будто это солнечные лучи, влетая в темный лес, в тишине так звенят.

ПЕРВЫЙ МОРОЗ

Мороз ночью, наверно, был. Утром после мороза солнце ожгло огуречные листья, они свернулись, почернели, и многие скрываемые ими зеленые огурчики открылись.

Опять звездная ночь, но утром мороза не было, а когда разогрело солнце, то лето вернулось, и только остались на памяти от мороза на огорожке черные листья огурцов, похожие на крылья летучих мышей.

ПЕРЕЛЕТ

Ветер несет аромат тлеющих листьев, но душа отчего-то при этом ветре бодрее, как будто там везде в природе готовится удобрение на будущее лето, а в своей душе поднимается озимь.

Желтые листья березы, как перелетные птички, расселись отдохнуть на елке, и так на всех елках листья. Но тоже и птички иногда настоящие садятся: им теперь перелет.

РЕКА

Каждый день хожу по берегу реки, и, чуть небо закроется — какая она холодная, страшная. А когда небо засветится — как она теперь отвечает радости.

Суровые облака — и река им отвечает: лежит холод-

ная, глядит загадочно, как кошка, когда ей ничего от человека не нужно. И ты на нее смотришь и узнаешь не по себе, а со стороны: кошка и кошка глядит!

В ПОЛЕ

В поле что-то лежит. Издали не видно, что именно, а волей-неволей все поглядываешь и поглядываешь в ту сторону и спрашиваешь себя: «Что это лежит?»

И как-то это не просто, бывает. «подозрительно» глядишь, а что-то держишь в уме, вроде того, не человек ли это лежит убитый?

Что это? Пусть даже камень, но раз он лежит, то уже и подозрительно: в поле как-то ничему лежать не положено.

ОКТЯБРЬ

ЗОЛОТЫЕ РОЩИ

День был очень тихий, в больших облаках с просветами солнца. И куда попадал луч — там открывалась чудесная картина с золотыми рощами, и земля в этом свете так вспыхивала бодро, по-своему, что если бы на картину, так никто и не поверил бы художнику.

ЦВЕТ И ЗВУК

Некоторые сорта винограда дают особое ощущение вкусового аромата. Так и то, что берется на глаз, иногда переходит на звук: я видел однажды в октябре морозным солнечным утренником золотую березку и слышал от нее звон золотых колокольчиков.

А весной на тяге свет, и цвет, и звук постоянно заступают места друг друга.

СИЛА ЖИЗНИ

Все разрушается, все падает, но ничто не умирает, и если даже умрет, тут же переходит в другое. Вот пень, сгнивая, оделся плющом зеленого моха. В пазухе старого пня, плотно одетого зеленым плющом, вырос красавец мухомор.

Среди знакомого леса теряешься, как будто все деревья и кусты скинули свою общую зеленую маску и каждое дерево стало особенным. И когда сам поднял голову, взглянул на них, они тоже на тебя поглядели, каждое по-своему.

ПОСЛЕДНИЕ ГРИБЫ

Ветер разлетелся, липа вздохнула и как будто выдохнула из себя миллион золотых листиков. Ветер еще разлетелся, рванул со всей силой — и тогда разом слетели все листья, и остались на старой липе, на черных ее ветвях только редкие золотые монетки.

Так поиграл ветер с липой, подобрался к туче, дунул, и брызнула туча и сразу вся разошлась дождем.

Другую тучу ветер нагнал и погнал, и вот из-под этой тучи вырвались яркие лучи, и мокрые леса и поля за-сверкали.

Рыжие листья засыпали рыжики, но я нашел немного и рыжиков, и подосинников, и подберезовиков.

Это и были последние грибы.

ОСЕННИЕ ПТИЦЫ

Наступило время, когда из мокрых, холодеющих лесов синицы приближаются к домам человеческим.

В кусту шевельнулся лист желтый — от капли он шевельнулся, или за листом птичка?

Вдруг с одного цветка мальвы на другой пониже капнуло, и соединенные капли упали на тяжелый жасминовый лист, и он, желтый, свалился.

Тогда открылось, что за листом была хохлатая головка, и мы по ней узнали синичку: это был королек, и это он тогда первый шевельнул листик жасмина, а капля добила, и листик упал.

Сегодня за день было два случая: два раза большая синица через форточку влетала в наш дом.

СВЕТИЛЬНИКИ ОСЕНИ

В этом сером осиннике весной, бывало, тянули вальдшнепы, а теперь желтые листья летят.

В темных лесах загорелись светильники, иной лист на темном фоне так ярко горит, что даже больно смотреть.

Липа стоит уже вся черная, но один яркий лист ее остался, висит, как фонарь, на невидимой нити и светит.

УТРО

Утро сырое, туманное, похоже на тяжело спящего человека: пробуждается не скоро, слышит, а глаз не хочет открыть.

Туман сгущается, и капли оседают на желтых листьях: скатится капелька на другой листик — станет там две, упадут, и листик не выдержит, падает вместе с каплями.

Листик за листиком падают с липы на крышу, какой листик летит парашютиком, какой мотыльком, какой винтиком. А между тем мало-помалу день открывает глаза, и ветер с крыши поднимает все листья, и летят они к реке куда-то вместе с перелетными птичками.

Тут стоишь себе на берегу, один, ладонь к сердцу приложишь и душой вместе с птичками и листьями куда-то летишь.

И так-то бывает грустно, и так хорошо, и шепчешь тихонько:

— Летите, летите!

Так долго день пробуждается, что, когда солнце выйдет, у нас уже и обед. Мы радуемся хорошему теплomu дню, но уже больше не ждем летящей паутинки бабьего лета: все разлетелось, и вот-вот журавли полетят, а там гуси, грачи — и все кончится.

ЗАЗИМОК

Сегодня хватил мороз — 8. Солнце открытое на все небо, и душа отвечает вся вполне великому торжеству. А началось это в прошлую ночь: со дня на ночь и всю ночь моросил мельчайший дождь, а к утру пошел снег — первый зазимок, и подмерзшие капли обращались в дождь, а на северной стороне ветерок сдувал снег: на юге шел дождь, на севере снег. Пауки, не ожидая мороза, везде развесили паутину свою на черных мух, а полетели белые и наполнили их тяжело, как гамаки.

В лесу торжественная тишина. Кусты под высокими деревьями — ольха, жимолость, рябина, черемуха — мало ли их! — друг перед другом выставляются, кто больше сохранил на себе золотых монеток.

На горе стоит лес, по-за лесом солнце восходит. И каждое черное дерево укладывает на белую от мороза землю голубую тень.

А в белые просветы между деревьями сюда врываются лучками светлые лучи, и последние золоченые листики лещины горят в них, как и вправду золотые.

На реке еще, даже у самого берега, нет ни стеклышка.

ПТИЦЫ И ЛИСТЬЯ

В лучах солнца, проникающих в лес осенний, не поймешь, где листья и где птицы летят.

А на большой лесной поляне и упавшие листья не находят покоя: одни, как мыши, перебегают поляну, другие хороводом кружатся, вихрятся, носятся и, когда попадают в течение ветра над лесом, опрометью мчатся под синими, почти черными тучами и между ними голубыми сияющими небесными полянками, и тут уже не поймешь, где листья мчатся, а где перелетные птички.

Папоротник еще совсем зеленый стоял, но его теперь доверху завалило листвой желтой, ароматной, шумящей под ногами.

КЛЕН

Елки всей своей густотой закрыли широколиственный клен, и он между ними осенью не блек, а цвел и светил... Когда же время пришло, он, как иной человек перед лицом смерти сложит руки на груди, так он сложил свои листья и стоит голый, но совершенно спокойный: больше взять с него нечего.

ПОПОЛЗНИ

Пока еще солнце разогреет, а насекомые замерзли, и в коре их не скоро найдешь. Вот почему, наверное, поползны по утрам теперь выбегают на дороги, и их, обычно бегающих по стволам вверх и вниз головой, сразу заметно среди других на дороге, как узнаешь моряка на сухом берегу.

ВОРОБЕЙ

В кусту что-то зашевелилось, я пригляделся и вдруг ужасно обрадовался — это был воробей, наш воробей! Он с нами живет, он свой, и никуда от нас не улетит.

ОБРАЗ МИРА

Тихо. Между деревьями синим столбом подымается прямой дым. С самого утра комарики мак толкут. Тепло, светло, и так прекрасно, спокойно и умно, как не бывает весной.

А воробьи, живущие над окном под наличниками, ведут себя оживленно по-весеннему, и у одного в носу был даже пух для гнезда. Нашли же они себе место: и им хорошо, и нам не мешают!

Да, вот именно такое утро сегодня, как будто каждое существо на земле нашло свое место, и никто никому не мешает: вот истинный образ мира во всем мире.

ОСЕНЬ УЛЫБАЕТСЯ

Такая чудесная погода, какая редко бывает и в апреле. Березки совсем было облетели и приготовились спать до весны, а тут теперь, кажется, готовятся, как в апреле, распускаться. И вороны кричат по-весеннему упорно и страстно. Забормотал тетерев, и кто-то в деревне запел на всю округу.

БУДУЩЕЕ

Листья опали с деревьев, но почки будущих листьев будущей жизни определились, и на каждой почке сверкает большая светлая капля.

ЧУВСТВО СВОБОДЫ

Давно заметил, что когда ветерок, проникающий в лес, качает ветви деревьев, то в этом есть особенная глубокая прелесть. Давно ищу средства это изобразить. Может быть, соединить это с листопадом? Буду наблюдать.

Монетки осени так промерзли или подсохли, что слышно, как в трепете друг о друга стучат.

Трепещущие листики бьются друг о друга, стараясь оторваться и улететь. Но когда оторвутся, падают, обра-

щаяся всей массой листвы в удобрение. Так листики, и много людей таких, но настоящий человек в чувстве свободы окрыляется и движется вперед и вперед.

РЯБЧИК

Шел по лесной опушке очень тихо, нога не стучала, не чвякала, и вижу, рябчик ходит по тропе и поклевывает. Я стал удерживать туловище точно в одном положении и очень плавно, равномерно переставлять ноги. Рябчик подпустил меня совсем близко и доставил мне собою удовольствие не меньшее, чем если бы со мной было ружье.

Мало того! Я объяснил себе свою охотничью страсть былым избытком сил и нехваткой воображения. Теперь силенок у меня стало мало, но зато, боже мой! Да разве на рябчиков может быть только охота!

НОЯБРЬ

СНЕГУРОЧКА В ЛЕСУ

Вчера видел Снегурочку в лесу: одна сережка у нее из золотого листика, а другая еще зеленая.

БЕЗ РУЖЬЯ

В лесу опять видел близко бегущего рябчика, и это надо заметить: поздней осенью, когда лист опал и землю подморозило, рябчики очень заметны и подпускают близко. Сегодня тоже белка со мной кокетничала. А еще много видел синиц всех вместе: большие, малые, гренадеры, гаечки.

Как хорошо, что я без ружья! Мне кажется, в конце концов можно добиться в себе этой тишины, и каждая точка в лесу будет началом такой жизни, что не будешь успевать все записывать.

Синица вниз головой выбивала клювом что-то себе из балясника веранды, два воробья, живущие постоянно за наличником окошка, это заметили, прилетели, прогнали синицу, сами все осмотрели, ничего не нашли и вернулись к окну.

ПАХНУЛО ЗИМОЙ

Сегодня разыгрался коронный день, какие бывают на сезон по одному. На солнце капают крыши, в тени мороз ляжет и весь день продержится. Ветка на солнце роняет капли, а в тени эта капля застывает, и снежная плюшка на верхней ветке обращается в сосульку на нижней.

На реке плывет сало, на вид неопрятное, но это так образуется лед из мельчайших искорок льда. У берега свой, белый, как сахар, и вышитый цветами лед. К этому льду притирается сало, и где быстрее течение, там сало только выравнивает забереги в прямую линию, а в заводях сало незаметно сбивается в тончайший полупрозрачный лед. Смелая ворона по такой планке льда уже не проваливается, и ей хорошо быть смелой, чуть что — и на крыло.

Оставалось только день-два, и тот берег, протянувшийся с замерзшей заводью до середины реки, и берег наш, где плывущее сало примерзло к берегу. — оба берега, вечно враждующие, сошлись было, поцеловались и замерзли бы на зиму до первой весны.

Но вдруг пришло тепло, и теперь берега враждуют по-прежнему: один берег вода размывает, другой намывает.

На реке тесная мозаика из льда, и, как будто прежде чем замерзнуть и стать, река изломала в злобе весь лед и остановилась.

Но, оказывается, присмирившая река еще не остановилась и чуть-чуть идет всем своим льдом вперед. Еще вот только чуточку-чуточку — и все кончится.

ЛЕСНОЕ ЗЕРКАЛО

В лесной луже на дороге более холодные частицы воды при остывании поднимались на поверхность, и мороз сколотил из них белую пленку и наугад на ней какие-то нам неведомые тропические цветы.

Разве поймешь, для чего у мороза цветы? А по себе если судить, так все понятно: мороз замечтался о далекой тропической стране, и, пока занимался узорами, теплая вода убежала под землю.

Так и осталась от всей лужи тонкая, белая хрусткая пленочка с узорами тропических водорослей.

Есть поздняя осень, когда ветер даже с елок снесет опавшие на них листья берез и осин. Но есть еще более

поздняя осень, когда на елках останутся вилочки сосновых хвоинок, сидящие верхом на сучках. Этих уже и ветер не снесет, и только весной, когда снег будет с веток сползать, он захватит с собой и сосновые вилочки.

ЗАМЕРЗАЕТ РЕКА

Вчера день прошел, как полносолнечный, и вечером встретился с полнолунием. Женщины спускались за водой и повторяли друг другу: «Речка наша замерзает».

С утра ледяные искорки, вспыхивая, складывались в тонкие льдинки, и потекло, как в ледоход, по реке сало.

Земля и вода больше не верят обещаниям солнца, и даже в самый яркий полносолнечный день в тени и на северных склонах белые пятна снега не проходят, и — подумать только! — при скольких-то градусах тепла и в ярких лучах плывут по реке, не переставая, тонкие прозрачные льдинки, образующие потом лед. Идет где-то человек в сапогах, и мерзлая сухая земля бунчит под его сапогами.

Замерзает земля!

А у мостика ледяным салом забились все пролеты, кроме одного на той стороне реки, и туда — в единственный — прет все сало.

Замерзает река!

ВСЕ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ

Скот выпустили на зеленя, как у нас всегда делают, если с осени зеленя сильно распустятся: бывает полезно с осени их немного подобрать. Казалось бы, скот должен был броситься на зеленя, а нет! Коровы и телята стоят неподвижно: до того им хорошо стоять и греться в последних солнечных лучах.

А по реке тоже лениво плывет сало в узком проходе между заберегами. Все останавливается перед зимой.

МУРАВЬИНОЕ ГОСУДАРСТВО

Громадный муравейник пристроился когда-то к громадному пню, и через много лет закрыл его, и совершенно поглотил. И еще через много лет муравьиное государство умерло и стало снизу покрываться травой, и грибами, и мохом.

Теперь пришло время, и частые елочки покрыли весь муравейник сверху и донизу.

Сегодня в лесу я разбивал застывшие лужи, и лед был так толст, что под ним было сухо: лед всю воду взял себе.

ФЕНОЛОГИЯ

Было —9, и река все бежала, и вода в ведре в холодном моем гараже не замерзала. Потом были совсем маленькие морозы, река все бежала и наращивала толстые забереги. О ведре в гараже я и не думал. Пришло, однако, время нешуточных морозов, и река сразу стала, а вода в гараже замерзла и выдавила дно из ведра. Так что не так бойся сильного внезапного мороза, как маленького длительного изо дня в день.

Так и зима поначалу нас только пугала снегами и морозами, а сама подходила незаметно, и вдруг чувствуешь: вот схватила, вот завладела, вот пришла зима настоящая!

ПОРОША

Легкий мороз, с утра на вчерашнюю крупу сыплется мелкий, ко всякому рельефу внимательный снег-пороша.

Вечерело, и показалось, будто белый заяц вышел из леса и стал. Но это не заяц был, а что-то неподвижное, хотя чем больше мы глядим, тем очевиднее оно изменяется. Но это все-таки не оно двигалось, а сердце человеческое толкало тело...

МЫСЛИ-ПТИЦЫ

Как толькоходишь в лес, мысли затейные, как стайки птиц, срываются с места, и все превращается в движение, а сам начинаешь ярко понимать, что все от себя, и до того от себя, что и деревья хочется поднять вместе с птицами-мыслями.

Но деревья не поднимаются, деревья стоят, и сами в себе: вот эта ель, вот сосна, вот береза. Деревья, несомненно, стоят, и вот в том-то и состоит вся прелесть лесная, что сам со своими мыслями поднимаешься и мчишься, сливаясь в зеленый шум, а деревья стоят.

ОСЕННИЕ ЗОРИ

Заря утренняя и заря вечерняя, желтая, как спелая антоновка.

К вечеру желтое небо этих дней сильно зарумянилось, и в связи с этим стало теплеть.

Желто-румяная заря была подчеркнута глухой синей полосой, за которой и скрывалось солнце.

Земля приморожена и слегка припорошена по северным склонам. Пью спокойный чай на темнотырьке. Солнце выходит золотой птицей с красными крыльями, над ним малиновые барашки.

ЛЕСНАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

Ночной снег отяжелил ветви деревьев, а теперь снег медленно расходился по веткам каплями, и они понемногу поднимались. Когда к вечеру стало холоднеть, то мороз прежде, конечно, заморозил все капли, а из-под снега на ветках они все еще выбегали, живая капля на замерзшую, и тут все сами замерзали, удлиняя сосульки. Мороз остановил тающий снег, когда все дерево успело покрыться маленькими звонкими сосульками.

Утром лесная поляна стала наполняться светом, в лучах солнца чудесными подарками засверкали елочки, и ветер-звонарь заиграл на своей лесной колокольне.

РЕКА СТАЛА

К вечеру потеплело в воздухе, земля мороженная, на воде что пришло, то и осталось: камень по намерзти пустить — зазвенит, но не пробьет, и больше сало уже не бежит.

Солнце садилось не как вчера в прозрачные, а в совершенно густые облака. Месяц поднимался красноватый, сердитый, но в воде отражался без своей географии и без всего: без бровей, без носа...

ПРИМЕТЫ ЗИМЫ

День пасмурный, а мороз не боится и днем держится, и к вечеру еще нарастает. И вот это-то и есть самый верный признак зимы: мороз и тучи создают благоприятные

условия нового снегопада, а ведь еще две-три таких пороши, как первая, и конец, все будет завалено и не растает, и все наши охоты с гончими кончатся.

До того похоже на март, что я долго искал каких-нибудь признаков в лесу, чтобы человеку, который очнулся бы после многих лет спанья, определиться в сезоне. И вот, наконец, на просеке, заваленной снегом, я увидел — с одного дерева вниз спустилась паутина, а на конце был шарик. «Не паук ли это замерз?» — подумалось о шарике. Я его разобрал, рассмотрел: это от большого тумана на той неделе собрались капельки и замерзли, а когда пошел снег, то несколько мельчайших шестигранных снежинок облепили застывшую капельку, и та обратилась в шарик.

Так вот и определился ноябрь, а не март: в марте не остается никаких следов паутинок.

ДЕКАБРЬ

ЖИВЫЕ КАПЛИ

Вчера здорово подсыпало снегу. И немного таяло, но большие капли вчерашние замерзли, и сегодня не холодно, но и не тает, и капли висят, как живые, блестят, и небо серое на весу — вот-вот полетит...

Я ошибся: капли на балконе — живые!

В ГОРОДЕ

Что сверху моросит и в воздухе хлябь, — на то уже не обращаешь внимания. Водная дрожь в электрическом свете, и на ней тени: человек идет по той стороне, а тень его здесь: голова проходит по водной дрожи.

За ночь, слава богу, выпал хороший снег, из окна в утренней темноте при свете фонарей видно, как у дворников с лопат славно сыплется снег, значит, еще не сырой.

Вчера среди дня лужи начали подмерзать, началась гололедица, и москвичи стали валиться.

ВЕСНА ТЕНЕЙ

Солнцеворот. Композитор Н. поздравил меня с «весной света». Нет сомнения в том, что так это и надолго пойдет от меня: весна света. Сам же я начинаю подумывать

о весне теней: только ведь благодаря теням остается жизнь на земле.

Свет и свет! Там не бывает времен года, солнце само по себе горит и горит, а это земля поворачивается, и это движение вокруг себя порождает тени, регулирующие свет, чтобы длилась жизнь на земле.

ЗЕРКАЛО ЧЕЛОВЕКА

Вся природа содержится в душе человека. Но в природе не весь человек. Какая-то ведущая часть человека, владеющая словом, вышла за пределы природы и теперь больше и дальше ее.

Только оглянувшись назад в свое прошлое, человек в зеркале своем видит свою собственную природу.

ВОПРОС

Юноша пришел с вопросом о девственной природе.

— Я люблю природу,— сказал он,— но не все ее любят, и оттого девственная природа разрушается. А некоторые говорят: «И пусть, мы закуем землю в асфальт!»

— Мало ли глупостей говорят,— ответил я,— и пусть уничтожают девственную природу. Пока человек будет чувствовать ее в глубине себя самого, как нечто «настоящее», как сокровенную реальность жизни, до тех пор сохранится девственная природа, потому что природа есть сам человек.

Девственная природа тем радость, что в ней себя ребенком чувствуешь и так по-ребячьи понимаешь, что все вокруг живет без хозяина, и сам это все получаешь даром, как родительский сад.

ИМЕНА

Человек делает машину по образу своему и подобию и части ее называет по-человечески: пальчики, спинка, головка, шейка. Но вот перед ним не машина, а природа,

где все само собой делалось и откуда вышел сам человек, какие имена давать существам природы? В природе нет слов, кроме слов человека, вот почему человек и природу называет своими словами: есть незабудка, есть даже анютины глазки.

Не один человек, но вся природа и в ней всякий род, даже род атомов, протонов и всяких еще более мелких частиц материи, таит в себе носителя лица. В материи нет ничего мертвого, в ней все живое.

ВОСПОМИНАНИЯ

Когда егерь натаскивает кровную собаку, у которой предки на протяжении столетий учились тому же самому, чему теперь учит егерь, то собака не вновь усваивает приемы охоты, а как бы вспоминает приемы своих предков. И егерь ничуть не удивляется, когда собака сама делает мертвую стойку, сама начинает искать челноком.

Егерь говорит: «Этому нечего собаку учить — это у нее врожденное».

А человек, приступающий к изучению природы или своего собственного прошлого, — разве человек в неизмеримо большей степени, чем собака, тоже не вспоминает себя самого в своих предках, животных, растениях, в стихии неподвижных скал, в стихии огня, воды, ветра? Поэты с древних времен поют нам о человеке, вмещающем в себя природу, о всем том, что он вспоминает в себе самом, когда с внутренним вниманием созерцает природу.

Сколько всего пережил человек, прежде чем мысль его облеклась в форму слова, и это слово стало до того характерным человеческим спутником, что потеряло всякую связь с физической природой.

Мало того! Мысль человека обернулась к природе, как ее господин, и мало-помалу стала ее переделывать: леса стали садами и парками, появилась домашняя птица, домашние животные; вода, ветер стали служить человеку. И наше изучение природы стало иметь определенную цель: мы изучаем природу с целью ее подчинения и служения человеку.

Вот такое изучение природы стало преобладать над тем сосредоточением своего внимания на собственной душе, вызывающей при созерцании природы воспоминания о себе, каким был сам.

Изучение природы стало опираться только на методы научные с простейшей целью, а всякое другое отношение к природе, скажем, материнского характера, природе, как матери нашей, перешло в область поэзии.

Но почему не может быть поэтического изучения природы с целью установления своего родства с ней, знакомства со своими родственниками, образующими наше общее всему человеку материнское начало?

СИЛА ВЕЩЕЙ

Нет, нет! Вещи существуют на свете, мы не все в них придумали. В них есть самостоятельная сила — это сила вещей. И есть люди, целиком подвластные этой силе, через этих людей мы узнали вещи.

Эти люди сильны самой силой вещей, так же, как мы слабы в сравнении с ними тем, что мы что-то в себе противопоставляем силе вещей, и через это вся жизнь изменяется.

ДВЕРИ ПРИРОДЫ

Радость до бессмертия, страдания до конца мира и отупение до бесчувствия, и все это нисходит на людей в той или другой мере, образуя характеры, создавая лица.

Послушайте ручей в лесу — там это все на стороне, послушайте себя в лесной тишине: это наше, и то, что там делается, все сходится в одно.

И когда это общее дело в себе и в природе коснется души, поглядите на что-нибудь, и все станет понятно в движении, в борьбе и жизни: птичка, шелестящая сухими листиками ранней весной и листик, выражающий жизнь свою особенным запахом, и песня зяблика, отвечающая песне ручья.

Я хотел сказать не то, что написалось, хотел я сказать, что этот чувственный мир в себе находится в острой борьбе, а там на стороне то же самое проходит для нас бесчувственно, но это все едино, и вот именно это мы и называем природой.

Но иногда нам кажется, будто *природа* — эта жизнь на стороне — когда-то была нашей личной жизнью и как-то вышла из нас, и что поэзия есть постижение былого единства.

Поэзия и есть мост между нашим первым человеческим миром в себе и тем вторым миром природы.

Наука, напротив, считает первым миром этот мир природы, а человеческий мир — вторым, происходящим из первого: там миллионы лет борются бесчувственно и бессмысленно для того, чтобы образовался мир в себе: человеческое сознание.

Так искусство и наука — будто двери из мира природы в мир человеческий: через дверь науки природа входит в мир человека, и через дверь искусства человек уходит в природу и тут себя сам узнает и называет природу своей матерью.

ДЕВСТВЕННАЯ ПРИРОДА

Надо наконец понять, что природа сама по себе не девственна, а эта девственность есть, во-первых, мечта, рожденная в городе: возвращение Фауста к молодости. Во-вторых, есть форма верования человека в себя самого: природа, как мы ее понимаем теперь, есть гармоническое воздействие человека на хаос.

Человек пришел в лес к Новому году за елкой, целый день искал правильную и не мог найти. Пришлось взять неправильную, длинные сучки подрубить, на пустых местах просверлить дырки и вставить новые.

Второй пример: когда глядишь на цветок в природе, то думаешь — не может такого живого прекрасного цветка создать человек. Когда глядишь на венецианскую люстру, то думаешь, не может природа создать такого бессмертно-прекрасного.

Значит, творчество природы и творчество человека различается отношением ко времени: природа создает настоящее, человек создает будущее.

Оттого мы стремимся к дикой, девственной и нерукотворной природе, что утомляемся от своего дела, оттого, что хочется выйти из-за кулис своего дела и сесть в публику.

Человек делает, как и природа: создает лучшее, но посмотреть на дела свои из публики не может, как смотрит он на дела природы.

Весь вопрос сводится к тому, чтобы получить настоящий выходной день от участия в человеческом деле и забраться в этот денек в такое место, где человеческое дело соединяется с делом природы, как неразрывное целое.

ЦАРЬ ПРИРОДЫ

Природа есть основное место борьбы за существование. Человек же сделал ее местом борьбы за первенство.

Тут в природе человек получил свое первенство, и вот почему его тянет в природу: там он царь.

Преобразование природы и управление ею начинается с себя: с малолетства нас учат управлять собой, и «умными» мы называем тех, кто научился управлять своей природой, своим талантом.

А если так, то почему же нам не управлять и внешней природой, не обращать ее в нашу собственность? Ее тоже надо изменять, воспитывать, как это делают хозяйственные люди с древних времен со своими домашними животными.

В ОТРЫВНОМ КАЛЕНДАРЕ

Вычитал в отрывном календаре: «В природе милости нет, человек должен от нее требовать не милости...» (Мичурин).

В природе нет милости к человеку: нечего ждать от нее милости. Человек должен бороться с ней, и быть милостивым, и охранять природу, раз он является ее царем-победителем (Пришвин).

НАЧАЛО СКАЗКИ

В природе рождается человек, и потому мы часто говорим: мать-природа. Из этого факта является у нас милость к природе. Но в природе человек умирает от нападения на него видимых и невидимых врагов. Он умирает в борьбе с этими врагами своими, включенными в природу. Природа является местом борьбы человека за существование. Значит, природа человеку и мать, и злая мачеха.

Из этого начались все наши сказки.

ГОЛУБИНАЯ КНИГА

Попробуйте записать песню соловья и посадить ее на иглу граммофона, как это сделал один немец. Получается глупый щебет и ничего от самого соловья, потому что сам соловей — не только он один со своей песней: соловью

помогает весь лес или весь сад. И даже если рукой человека посажен сад или парк, где поет соловей, все равно: человеком не все сделано, и человек не может сделать того, о чем поет сам соловей. Его можно дожидаться, он прилетит, можно создать место — сад. Он прилетит, но петь он будет сам, его не заведешь (природа неподражаема).

Так я думал, слушая певчих дроздов, разыгрывающих вечернюю зарю. Они пели все вместе, потом был перерыв, и после перерыва пели птицы поодиночке, как будто одному дрозду задавали вопрос, а другой, подумав, отвечал; как в «Голубиной книге», один спрашивает: «Отчего земля, свет, отчего солнце, отчего звезды?» А другой отвечает.

ЗАЯЧЬЯ КАПУСТА

С детства на зеленый росток нашего таланта, как сухие листья осени в осеннем лесу, наваливаются чужие мысли, и их мы должны усвоить, чтобы личный зеленый росток мог выше подняться. Но как трудно среди тлеющих мыслей других людей находить свою собственную!

Вот почему, наверное, когда я вхожу летом в лес, я так внимательно, так искательно смотрю вокруг себя и особенно вниз, на цветы и на травы. Нет еще ни грибов, ни ягод, и я еще сам не знаю, что ищу. Ищу и как будто где-то даже и знаю, вижу, чего я ищу, но только слов не нахожу, чтобы это назвать.

Вот я вижу сейчас, между огромными елями внизу, покрытую тесно стоящими самыми нежными травами заячью капусту.

На моих глазах солнечный луч пробивается узкой стрелой через темные ели и ложится в заячью капусту, и как только луч коснется заячьего трехлистника, все эти листики опускаются и капуста становится зонтиком.

Там, где-то высоко за елкой, движется солнце, луч переходит, и вся заячья капуста на свету обращается в заячьи зонтики.

И я счастлив, я радуюсь: я что-то видел, что-то нашел, и даже я знаю теперь, что я искал, что я нашел: я искал свою мысль и нашел ее в участии своем в деле солнца, и леса, и земли. Я участник всего, и в этом находится и радость моя и мысль!

НОВОЕ РУСЛО

Может быть, не разумом, главное, человек отличается от животного, а стыдом: человек начал стыдиться животного размножения...

Вот с тех пор именно, как человек почувствовал стыд, русло реки природы сместилось и осталось на старице, а человек в своем движении вырыл новое русло и потек, все прибывая, а природа течет по старице, все убывая.

На свои берега человек сам переносит и устраивает по-своему все, что когда-то он взял у старой природы.

ОТЕЧЕСТВО

Природа, как и жизнь, не поддается логическому определению, и спросите любого, что он понимает в слове «природа». Никто не даст всеохватывающего определения: одному это дрова и стройматериалы, другому — цветы и пенье птиц, третьему — небо, четвертому — воздух, и так без конца. В то же время каждый из этих потребителей знает, что это не все.

Недавно это нечто большее, чем свой личный интерес, мы почувствовали к природе во время войны, и как мы это почувствовали, общий интерес: это родина, дом наш.

Природа явилась нам как родина, и родина-мать обратилась в отечество.

Человек в обществе должен расти согласно своей природе, быть самим собой и единственным, как на дереве каждый лист отличается от другого. Но в каждом листике есть нечто общее с другими, и эта общность перебегает по сучкам, сосудам и образует мощь ствола и единство всего дерева...

Выходит, что природа есть все, но чем же отличается от нее человек?

Человек, как царь природы, есть ствол дерева. Человек задан в природе, как держава единая, его движение, его рост, его борьба за единство.

ПРИРОДА ПОПРАВИТ

Так много всего на лугах, на воде, на коре старого дерева, что не можешь увидеть, глядя в упор, в общем только чувствуешь. А вот когда книжку читает человек или сам

сочиняет и вдруг выглянет из себя, он может застать, захватить врасплох: вон коршун взмыл и парит над лугами, а падо мною паучки спустились и, пользуясь легким сквозняком, парят над письменным столом...

Надо оставить дома заботы, исполниться внутренним желанием радости, не торопясь идти, размышляя, внимать. Тогда все отвечает твоему вниманию — какой-то голубой колокольчик кивает, какая-то моховая подушка под сосной приглашает присесть, белка, заигрывая, пустит сверху, прямо в тебя словую шишку.

Нужно смотреть в природу внимательно и мыслить по-человечески. И вот когда в мыслях заблудишься, к тебе в поправку, в помощь показываются чудесные существа и, улыбаясь, сверкая росой и красками, радуясь, возвращают тебя на верный путь.

Я этому верю, я это знаю наверное, что так бывает, и потому позволяю себе думать о всем, что только захочется, и даже о всем недозволенном.

Я мыслю, как мне только захочется, уверенный в том, что природа поправит меня и покажет, как надо мыслить всему человеку.

«ХОЧЕТСЯ» И «НАДО»

Природа показывается в своем волшебном виде, когда сам чем-нибудь стиснут: книгу ли читаешь трудную и голова ломится, в машине скрюченный, или в постели, замученный кошмарным сном, — выглянешь из себя и страшно обрадуешься: такая там в природе волшебная жизнь! Хочется все бросить и бежать туда.

И что же? Брось все, но только помни, время твое с тобой пойдет, и чем лучше, чем волшебнее впереди там будет, тем труднее тебе будет нести свое «надо».

Для иных природа — это дрова, уголь, руда, или дача, или просто пейзаж. Для меня природа — это среда, из которой, как цветы, выросли все наши человеческие таланты.

Я думаю, каждый человек, способный войти в себя, в свою природу, может найти там свой талант, таящий в себе и назначение и поведение (свое «надо»).

И еще больше. Он может там найти оправдание своей воли, своего «хочется», отвечающее движению своего таланта, и это движение есть общее движение всех цветущих растений: вверх к солнцу.

БОРЬБА ЗА ПЕРВЕНСТВО

Есть в природе борьба за существование, где каждый борется за свою собственную жизнь, а у человека, сверх этой общей со всей природой борьбы, есть еще борьба за первенство. У нас мало того, чтобы самому выжить, нам хочется и людям помогать.

Мы это делаем невольно, как мучится невольно женщина, рождая нового человека, и ей кажется, будто этот новый человек у нее будет лучше всех. Так и мы в борьбе за первенство, за свое представительство в лучшем, получаем власть вести за собой людей и спасать их.

МЕРТВАЯ БАБОЧКА

У края дороги, среди лиловых колокольчиков, цвел кустик мяты. Я захотел сорвать цветок и понюхать, но небольшая бабочка, сложив крылышки, сидела на цветке. Не хотелось расстраивать бабочку из-за своего удовольствия, и я решил подождать немного и стал записывать, стоя у цветка, одну свою мысль в книжечку.

Вышло так, что я забыл о бабочке и долго писал, а когда кончил, опомнился — оказалось, что бабочка все сидела на цветке мяты в том же положении.

— Но так не бывает! — и чуть-чуть кончиком ноги я толкнул стебелек мяты. Бабочка сильно качнулась, но все-таки не слетела. Неужели она умерла на цветке?

Осторожно я взял бабочку за сложенные крылышки. Бабочка не рвалась, не билась в пальцах, не двигала усиками. Она была мертва.

А когда я стал ее тянуть с цветка, вместе с ней оттянулся скрытый в цветке светло-желтый паук с большим зеленоватым шариком. Он всеми своими ножками обнимал брюшко бабочки и высасывал ее.

А мимо проходили дачники и говорили: «Какая природа, какой день, какой воздух, какая гармония!»

Не ясно ли, что природа никак не гармонична, но в душе человека рождается чувство гармонии, радости, счастья.

Сила природы — множество. Сила человека — единство природы: личность. Вот это и есть те два камня, на которых стоит философия природы и человека.

В природе то, что у человека считается постыдным: борьба за существование, пол, бешеная злоба и все прочие прелести бытия — обнажены. Спрашивается: почему же мы, входя в природу, чувствуем радость?

Мы в природе соприкасаемся с творчеством жизни и соучаствуем в нем, присоединяя к природе прирожденное нам чувство гармонии. Все это какое-то чистое и единственное человеческое чувство или мысль, соприкасаясь с природой, вспыхивает, оживляется, сам человек встает весь — происходит какое-то восстановление нарушенной гармонии.

Итак, милые люди, усталые горожане и дачники, вы правы тем, что не хотите видеть в природе ту самую борьбу, от которой так устали в городе. Вы в природе восклицаете только, и самые наивные из вас начинают сажать деревья, цветы, парки.

Эти попытки дают картины достижений разумных существ, но это, конечно, только наивные попытки выразить то необъятное, что человек вносит в природу.

ДЕВСТВЕННЫЙ ЛАНДШАФТ

Можно, конечно, еще найти такой девственный ландшафт, что захочется шапку снять и постоять с непокрытой головой. Но скоро безлюдие станет томить, и захочется вернуться туда, где будут слушать рассказ об этом величественно-девственном ландшафте.

В большинстве же случаев в каждом обыкновенном ландшафте содержится упрек человеку в порче природы.

Дети. все дети, и вы, настоящие наши физические дети, и те взрослые, пожилые, и вовсе старики, кто сохраняет в душе себя самого, как своего ребенка!

Все мы когда-то вышли на свет из темной утробы нашей матери. Все мы вышли из тьмы, и все мы движемся к свету, вместе с нами совсем рядом из темной земли поднимаются к солнцу деревья, былинки, соломинки, цветы и вместе с нами живут.

Если бы было все благополучно в природе, то зачем бы жуку в его брачном полете быть пронзенным колючкой? Другой прилетающий жук не придает этому значения и летит, как бессмертный, но человек, проходящий по дороге, рассеянным взглядом попав на жука, вдруг остановился, задумался, осторожно и мягко его сжал двумя пальцами, снял с колючки, подбросил высоко в воздух и, когда жук полетел, улыбнулся.

Человек этот был бог и царь природы. Он вернул жуку назначение, и жук полетел опять, как бессмертный.

Мысли и слова человеческого нет в природе, но человек, обернувшись назад в природу, может понять каждую тварь в ее напряженном движении к слову; и когда всякая тварь займет свое место, человек радуется, понимая во всяком звуке природы свое же усилие на пути борьбы своей за слово.

ЗЕРКАЛО ЧЕЛОВЕКА

Чтобы понимать природу, надо быть очень близким к человеку, и тогда природа будет зеркалом, потому что человек содержит в себе всю природу.

Но если из природы прийти к человеку, то он предстанет, как бог, и ничего в нем не поймешь потому, что человек давно ушел от общего пути, и, оглянувшись, он видит природу в лицо, а природа видит его только в спину: он идет впереди.

Природа — это материал для хозяйства всего человека и зеркало пути каждого из нас к истине. Стоит только хорошо задуматься о своем пути и потом из себя поглядеть на природу, как там непременно увидишь переживание своих собственных мыслей и чувств.

Вот как просто, кажется, бегут, догоняя друг друга по проволоке, капельки воды дождевой: одна задержалась, другая нагнала ее, обе слились в одну и вместе упали на землю. Так просто! А если задуматься о себе, что переживают люди в одиночку, пока не найдут друг друга и не сольются, и с этими мыслями станешь исследовать капли в их слиянии, и окажется — у них тоже не так просто капли сливаются.

И если посвятить себя этому изучению, то откроется, как в зеркале, жизнь человека, и что вся природа есть зеркальный свидетель жизни всего человека-царя.

В природе вода лежит, и ее зеркало отражает небо, горы и лес. Человек мало того, что сам стал на ноги, он поднял вместе с собой зеркало, и увидел себя, и стал всматриваться в свое изображение.

Собака в зеркале видит в себе другую собаку, но не себя. Понять себя самого в зеркальном изображении скорее всего может только человек.

Вся история культуры и есть рассказ о том, что увидел человек в зеркале, и все будущее наше в том, что еще в этом зеркале он увидит.

БОРЬБА ЗА БЕССМЕРТИЕ

Природа старается бороться со смертью количеством своих семян: сколько-то выживет, — и так продолжается жизнь.

И когда от природы вернешься к себе, то представляется, что мы, люди, за свое бессмертие боремся не количеством, а качеством, и так стараемся создавать бессмертные вещи.

Отчасти мы и достигаем: есть произведения искусства очень древние, и все-таки они нас и сейчас восхищают.

РЫЧАГ

Природа нам разворачивается, как перспектива прошлого самого человека, но когда усилием воли постараешься войти в нее, то тут же и распадаешься на свое прошлое, то есть природу, и на себя, как человека. Значит, не будущее, а настоящее — это точка опоры рычага, отрывающего человека от природы и перебрасывающего в будущее.

ЧУВСТВО РОДИНЫ

Как встрепетается человек, услышав где-нибудь крик родной птицы, слышанной в детстве, или песенку, или запах цветка! Как Тургеневу запахло родной коноплей на полях Германии!

Но если это верно, что родина там, где родился, то почему же, когда попадешь куда-нибудь далеко от родины, с природой совсем незнакомой, где звуки иные, и воздух совсем другой, и земля пахнет иначе, тоже весь встрепнешься в узнавании. в понимании невиданного, неслыханного. И кажется: всю жизнь шел сюда, и наконец-то пришел, и теперь начинаешь дивиться всякому пустяку, что вот у нас вороны серые, а здесь черные, что сороки у нас черные, а здесь голубые.

Поймешь, что не вся та родина, где родился и вышел на свет из темной утробы, что и то есть родина, куда пришел, и что чувство родины есть движение к свету.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Каждый из нас, путешествуя, непременно что-нибудь открывает для себя вдали новое. И, вернувшись домой, открывает свои глаза на знакомое и тем самым обогащает и расширяет свою родину.

В юности я поехал на Кавказ и лето прожил среди снежных гор, похожих на облака. Когда я вернулся домой, то впервые увидел у себя на родине облака. Никакого внимания раньше на них я не обращал, но после снежных гор понял облака над равниной елецкого района с ее ржаными полями, васильками и ромашками. Так снежные горы в моем растущем поэтическом сознании превратились на родине в облака, и благодаря поездке на Кавказ я в душе своей стал поэтом родных облаков.

А то еще была у меня на Кавказе встреча с ледником на Эльбрусе. Передо мной была стена голубовато-зеленого льда, из-под которой неслась с шумом и ревом вода. Наверху на леднике лежала серая толстая грязь, покрытая большими и малыми камнями. Лучи солнца падали прямо на ледник, и он понемногу обтаивал, и камни, лежащие у края, с грохотом падали в воду. Невозможно было близко стоять, и я укрылся в пещерку и долго был в ней в ожидании падения новых и новых камней.

С тех пор прошло много времени. Нынешняя сиротская зима в Москве оказалась очень богатой сосульками. Громадные, блестящие, пилами они висели с крыш и почти до балкона, то уменьшаясь, то намерзая, росли. Я увлекся жизнью сосулек, разгадывая причину их нарастания, и вдруг открыл у себя на крыше ледник, по существу такой же, каким он был и на Эльбрусе. Из-под снега-лед-

ника на крыше текла вода даже тогда, когда к вечеру начинало морозить, и это капли воды замерзали, и сосулька росла и в толщину и в длину.

Так вот теперь я понимаю, что, несомненно, моя встреча с ледником на Кавказе в былые времена привела к открытию в настоящем подобного ледника у себя на крыше. Вернее, не ледник был открыт, а мои глаза открылись: я увидел у себя на крыше ледник.

И оно так есть во всем: вся природа у нас под рукой, но только, чтобы открылись глаза на нее, нужно удовлетворить свое стремление вдаль и потом вернуться домой.

Такие все наши устремления вдаль, и самое отдаленное путешествие кончается возвращением к близкому.

Так и нужно понимать, что наше чувство родины складывается из любви к тому месту, где родился, и устремлением вдаль, путешествием, расширяющим и обогащающим нашу родину.

Может быть, потому наша любимая наука, география, благодаря такому составу нашего чувства родины, разделяется на две области: большая география, представляющая себе земной шар в обстановке вселенной, и малая география, или микрогеография, открывающая нам жизнь вселенной в текущей жизни природы возле себя.

НАПУТСТВИЕ ПИОНЕРАМ

Вот сейчас, когда я пишу эти строки, в Москве царствует свет, началась весна света. Крыши еще белеют снегами, следы котов на снегу, и каждая тень, падая на белое, голубеет.

Никогда весна новая не приходит опять такой, как была, и лето, и осень, и зима новые придут не такими, как были.

Все это новое надо заметить и людям открыть. И мы с вами, пионеры, отправляясь в природу в новом году, будем смотреть не теми глазами и не то видеть, что в прошлом.

Вот бы нам не пропустить этого нового, вот бы заметить, вот бы об этом людям сказать и открыть этот новый мир!

Мы все это можем, если захотим и разумно возьмемся за дело наше, дело пионеров — открывать новый мир.

Пионеры! Мы хозяева нашей природы, и она для нас кладовая солнца с великими сокровищами жизни. Мало того, чтобы сокровища эти охранять, — их надо открывать и показывать.

Для рыбы нужна чистая вода — будем охранять наши водоемы. В лесах, степях, горах разные ценные животные — будем охранять наши леса, степи, горы.

Рыбе вода, птице воздух, зверю лес, степь, горы. А человеку нужна родина. И охранять природу — значит охранять родину.

ОХОТА

Если бы можно было, сохраняя свой человеческий ум и сердце, обернуться в голубя или ястреба, я бы выбрал себе ястреба и после того положил ум свой человеческий и сердце, чтобы всех охотников обернуть в ястребов. Так вот представьте себе, что это уже совершилось: мы, настоящие кровные охотники, представляем собою особое племя человекообразных ястребов.

Обыкновенный ястреб живет для своего гнезда — вот и все. Но человекообразный ястреб-охотник, сохраняя в себе страсть жить для себя, живет и для других, он является лучшим охранителем природы и защитником своей родины.

Спросят нас: однако что же будет с голубями, если все охотники обратятся в ястребов? Так спрашивают нас постоянно люди с добрым сердцем, но лишенные того сложного чувства природы, которым обладают в полной мере настоящие охотники.

— Не беспокойтесь, — отвечаем мы, — вспомните народное поверье, что в своем саду своих птиц ястреб не клюет. И это правда, в нашем саду мы, охотники, не убиваем и не ловим. Остается только раскрыть, что же это такое наш лес, где мы, будучи страстными охотниками, разводим живое и обогащаем повседневно наши леса, поля, реки, моря.

Для того чтобы увидеть этот наш чудесный лес, где ястребы не клюют голубей, нам стоит только назвать для примера несколько имен самых страстных охотников: в науке — Миклухо-Маклай, Пржевальский, в поэзии — Тургенев, Некрасов, Лев Толстой. И это выбраны только немногие из всех вершин нашей страны, не говоря уже

о богатых долинах, где все прячутся от глаза в высокой траве.

В том-то и дело, оказывается, что ястребы, обогащенные человеческим сердцем и разумом, не разоряют, а обогащают уголья нашей родины. Вот и ответ на вопрос мягких сердцем людей, и нам остается раскрыть перед начинающими охотниками, пионерами, комсомольцами, как это могли известные и неизвестные замечательные охотники свой любимый охотничий спорт сделать средством и познания и возвеличения своей родины. Трудно это, а надо! Каждый разумный человек-охотник, если едumается в свою жизнь, в свой опыт, может и должен ответить на этот вопрос.

Так вот и я тоже сейчас силюсь раскрыться, чтобы моим путем шли молодые охотники. И вот замечательно, как только я выйду на свою охоту, так все мне становится ясным, понятным. Вот рассказ, как это было со мной всего только час тому назад.

ОХОТА НА БОЛЬШОЙ ОРДЫНКЕ

Придет весна воды, и, конечно, я, как все охотники, отпраздную ее на местах, но весной света я всегда охочусь в большом городе и не знаю ничего прекраснее такой охоты мысли за солнечным лучом, внезапно пересекающим переулочек, за блестящим строем стрел сосулечек, за следами весеннего кота на свежезапорошенной крыше. И особенно чудесно бывает остановиться в виду намороженной водяной колонки. Придет человек с ломом, пробьет для ведра ямку, нальет воды и удалится. А на ближайшем дереве сидит воробей, сидит и ждет. Вот человек удалился. Вода в ямке еще не замерзла. Воробей слетает в нее, купается, и брызги летят от него и радужно сверкают, а воробей торжествует.

И вдруг слышу: зовут меня... Остановился в стороне, чтобы не мешать прохожим. Передо мной кирпичная стена высокого дома, как это бывает, когда один дом построили, а другой не успели к нему прислонить. В такой стене везде бывают печурки величиной в один кирпич: одни для чего-то, наверно. делают, другие и сами собой образуются, когда выпадает кирпич.

И слышу я, воробей там, в одной из таких печурок, невидимый, неустанно чирикает, как живые часы, повторяя одно и то же: «Здравствуйте, здравствуйте!» Подума-

лось — до чего же у охотника обострено внимание к жизни природы, что на улице в толпе людей я услышал голос певца весны света, и так услышал, что как будто кто меня позвал в свою голубую дверцу. И только-только я определил печурку, откуда исходил неустанный зов, как смотрю, уже и другой человек стоит рядом со мной, слушает и улыбается и показывает мне пальцем:

— Вот он где, шельмец!

— Ошибаетесь! — отвечаю.

Поспорив, мы согласились. И мы уже знакомы.

Мне осталось только записать, о чем щебетал воробей в Москве весной света. Он отвечал нам просто на трудный вопрос, как сделать охотничий и любой спорт средством познания и возвеличения нашей родины.

Первое — это хранить радость жизни, заключенную в чувстве охоты. Второе — надо воспитать в себе то внимание, каким я мог на улице открыть воробья. И третье — о дружбе. Не нужно заботиться, она сама собой явится, как на охоте за воробьем явился мне другой такой же охотник, когда я обрадовался зову и обратил внимание на воробья. Радостью жизни, сосредоточением внимания и дружбой питали наши великие предки живущее в нас чувство родины.

ЖИВЫЕ ЧАСЫ

Наши часы на столе только тикают, и мы, бывает, совсем даже не слушаем их и даже забываем завести, а между тем вся природа не забывает свои часы, все там живет по своим солнечным часам, строго, не уклоняясь в стороны: и если мы хотим ее наблюдать, понимать, то мы тоже должны слушать ход этих солнечных живых часов.

Удивляюсь всегда на петуха, как он в темноте слышит полночь и приближение света. Но и у человека есть особенное внимание или чувство природы, благодаря которому он может, как в лесах и полях, на море, на горах, и в деревне, и в городе чувствовать движение жизни в природе по своим живым часам. Я не знаю, как назвать у человека способность вникать в жизнь природы. Если ее назвать вниманием, то ведь и в шахматной игре надо уметь сосредоточить внимание. Что, если назвать это внимание к живым часам природы родственным вниманием?

В природе всюду беспорядок, и каждый человек приходит в природу, с тем чтобы хоть мысленно расставить предметы на места, как ему хочется. И вот почему фабричная вещь не доставляет мне радости: в ней все в законченном порядке, и делать тут больше нечего.

Даже лишь созерцающий природу мысленно вносит в нее свой порядок. Вот в том-то и дело, что человек, в большинстве сам того не зная, переделывает природу с каждым шагом своим, и сама сущность его революционна. Обижаться на человека нельзя, потому что наша мера жизни коротка. Мера берется на веру.

ДЕРЖАВА СТВОЛА

Деревья стоят, ветер перебирает листики, и они болтают между собой, а ветви согласно кивают друг другу. И уже конечно, и ветви кивать и листики болтать могут только потому, что крепко держит их всех вместе могучий ствол.

Не было у них никогда разладу, как у людей, когда надо и между собой поболтать, и надо что-то отдать на питание древесной державе. Листики, все до единого отличные друг от друга, все согласны между собой в необходимости отдавать часть себя на державу. Так они понимают эту необходимость служить каждому всем.

ОБЛАКА

Мы узнали в облаках лица из жизни, из истории показывается. Александр Македонский, из литературы Дон Кихот, и всякий видит свое. А как подумаешь о составе облака — вдруг неприятно станет и что-то обрежет душу: там, в облаке, нет ничего, и все эти образы делаю я сам.

ЛИЦО ПРИРОДЫ

Все эти солнца и звезды, поверхности вод и земли подозрительны тем, что их прекрасное лицо всегда обращено к лицу человека, и, восторгаясь лицом природы, спрашиваешь себя: «Не любишься ли ты лицом самого человека, отраженным в этих водах и звездах, в огне и цветах?»

Почему так ужасны и отвратительны недра природы, к которым человек не стоит лицом, эти недра воды, где движутся холодные и с неподвижными глазами рыбы, и раки, и гады?

И так все: с лица — это наше лицо, а с черного хода зайдешь — и видишь нечеловеческое и страшное.

Тут важно, однако, не то, что в природе мы видим отраженное лицо человека, а что сам человек только в зеркале природы может увидеть свое настоящее лицо.

Человек, любующийся природой, не нарцисс, а «гадкий утенок», впервые, благодаря природе, понимающий в себе лебедя.

МОЯ АСТРОНОМИЯ

Прочитал популярную астрономию Спенсера Джонса. Книга представляет нам вселенную во всем ее бездушии и жизнь как случайность. Автор отвечает на вопрос о том, есть ли жизнь в других мирах, сомнением: слишком для этого много должно сойтись случайностей. В особенности у него страшна одна огромная планета с ядовитой атмосферой, исключающей всякую жизнь, и покрытая огромной толщины льдом. Раздумывая об этом, в ужасе прижимаешься к образу человека с его звездами — ангельскими душками — и ясно видишь происхождение космической гармонии в душе человека («на воздушном океане хоры стройные светил»).

Купался и встретился первым глазом с незабудкой. Не знаю, что и думать, я ли на нее обратил внимание, или она сама заставила меня обратить на себя внимание после чтения страшной книги о бездушии вселенной?

В этой незабудке, с ее желтеньким солнцем внутри и с небом голубым о пяти лепестках, я встретил живую вселенную, побеждающую существом своим внутреннее бессмыслие ее вертящихся органов.

И пусть нет звездочек на небе, как ангельских душек, зато есть на земле незабудки. Так что ангелы вполне заменимы цветами, и нечего особенно горевать об утраченных образах неба.

Чем больше астрономия открывает на небе мертвых миров, раскаленных солнц и планет, покрытых льдом толщиной в тысячи километров, окруженных отравленной

атмосферой, тем ярче разгораются в нашей душе на нашем собственном человеческом небе глазки ангелов, глядевших в детстве оттуда на нас.

Придет время, когда мы на эти свои огоньки на нашем собственном человеческом небе будем смотреть, не пугаясь бездушного вращения и бега горячих и холодных астрономических тел.

Мало того! У нас есть надежда, что когда-нибудь мы им поможем: горячие отведем, холодные подведем к горячим, чтобы у них началась наша жизнь. Какое тогда откроется над мертвой вселенной одухотворенное человеческое небо!

Но когда еще это будет, а пока каждый из нас должен стать между своим небом и астрономическими телами и должен выбрать для себя такое место, чтобы видно было и свое небо, и то, подлежащее изменению.

Просто говоря, каждый из нас должен найти собственное полезное место в общем творчестве мира и потом держаться его.

Мир, с которым в душе мы приходим, в миллион раз прекрасней того, что мы потом узнаем о нем из книг. Разве можно чудеса звездного неба в какой-нибудь мере сравнить с тем, что открывает нам астрономия. Но знание тем хорошо, что открывает нам силу человека, не такого отдельного, как я и мои знакомые, а всего соединенного законами жизни человека.

После нашей луны, как являлась она нам среди деревьев в аромате лугов и садов, что скажут нам открытые на ней мертвые бесчеловечные пустыни? Этот глаз соединенного знанием человека, пронзающий пространства, и этот ум одного великого человека, переходящий по наследству к другому, нарастающий в культуре, как лавина в ужасающей силе, и просторы возможностей в будущем...

Когда же, наконец, педагоги начнут нашим детям рассказывать о знании, не обманывая их в открытиях чем-то лучшим, а открывая им перспективу нарастающей мощи восходящего в единстве своем человека, способного в будущем повелевать вселенной!

ЧЕЛОВЕК В ПРИРОДЕ

Самосев осинки есть процесс обращения количества (множество семян) в качество (новорожденная особь осинки).

Не так ли происходит и самосев природы в образовании человека: множество видов животных образовало единство всех в личности человека.

Человек все взял себе у природы, все собрал в себе, все сохраняет, движется вперед, за все отвечает.

ТВОРЧЕСКИЙ РАЗУМ

Берег возвышается, вода снижается, но всегда берег водой бывает размыт, и всегда от этой борьбы образуется плодородие почвы, и на ней вырастают дети вечной борьбы воды с камнем: зеленые деревья, травы, цветы.

Но самое главное в этом, что люди, вникая в дело природы, почему-то находят в нем понимание дела своей собственной жизни, и всегда кажется нам, что законы и образы человеческой жизни вышли из природы и в своей правде пребывают над нами.

Реже приходит в голову человеку, что законы и образы природы и соответствующее им поведение вышли из самого человека, и он, сам глядя в природу, привлекает их туда и объявляет существующими вне человека.

Говорят, из моря вышло все на земле живущее и море всем нам мать. Люблю море, но плавать по морю мне скучно: вечно тот же круг горизонта, обнимающий голубое.

Да, я вышел когда-то из моря и обратно туда не хочу. Но с берега я все люблю на море — и бурю и тишину. Люблю на камне сидеть на берегу и думать, глядя на море, о жизни на земле.

Помню, Блок, прочитав какую-то мою книгу о природе, сказал мне:

— Вы достигаете понимания природы, слияния с ней. Но как вы можете туда броситься?

— Зачем бросаться, — ответил я, — бросаться можно лишь вниз, а то, что я люблю в природе, то выше меня: я не бросаюсь, а поднимаюсь.

Все живое в природе поднимается от земли к солнцу: травы, деревья, животные — все растут. Так точно и человек, сливаясь с природой, тоже возвышается и растет.

В движении сезонов горько нам бывает расставаться с весной и летом, но когда наступит слякоть осени, а потом возьмутся злые морозы, то мы утешаемся неминуемым движением нашей планеты: прошло хорошее, но ведь и эта гадость пройдет.

К этому утешению самым фактом движения вскоре присоединяется трепетно-радостное ожидание новой весны.

Так движется наша земля, и так вырастает наша вера в добро, перемогающее зло, и в то, что вместе с планетой мы движемся к чему-то хорошему.

Никакой пессимист не станет против этой веры, и если в самом себе у него ее нет — на себя и вину возьмет: нет и нет у себя, а люди как жили, и так и жить будут в этом: помирать собирайся — рожь сей!

ПУЛЬС

Даже если и совсем-совсем прямую линию проведет рука художника, пульс человеческой крови скажется на ней, и, понимая движение собственной крови, мы узнаем в этой совершенно прямой дело рук живого человека. Но стоит художнику уничтожить пульс, применив к начертанию прямую линейку, как человек для нас исчезает, и в таких прямых мы не можем узнать, какую линию делал человек, какую делала совсем без человека машина.

Казалось бы, и работа линейкой и всякой машиной должна бы нам представляться тоже делом живого существа, тем более что мы знаем: это делали мы сами.

Скорей всего в такого рода вещах, сделанных нами при помощи машин, сам не можешь видеть себя, как вообще не можешь видеть себя без зеркала. Мы заслоняемся сами собою от вещи к вещи.

Наша задача человеческая — создать зеркало нашего собственного поведения.

Тварь живет без призора, человек тем человек, что, поднимаясь с земли, поднял вместе с собою зеркало, видит себя и говорит: «Это я!»

МОЯ БОТАНИКА

Наберут люди знаний, а силенок своих не хватает, чтобы обороть их и включить в круг своей личности, так они и торчат, как упаковочная солома из тары, а самой

вещи-то и нет. Этим путем создавались учебники для школ по естествознанию.

Вечером я нашел свой пенёк в лесу над рекой. Этот пенёк еще не развалился, хотя уже сверху на нем часто засела заячья капуста, все больше и больше исчезающая под давлением моего тела. Радостно было увидеть на лугу два стога сена, вырванные нашими людьми у непогоды: говорят, здесь уже дня три не было дождя. Солнце садилось чистое, день догорал свободно.

Я думал о маленькой гвоздичке, определившейся на лугу по образу солнца, и понимал ее существо, как рассказ о солнце, исполненный выразительной силы, и через нее вернулся внутрь того круга, каким обведена природа моего тела и освоена моей личностью.

Мне казалось, что из этого круга заключенной природы можно выглянуть, как выглянула гвоздичка, и всю природу со всеми ее вселенными понять, как свою собственную, и что вот такая ботаника, такая зоология, и геология, и физика, и химия, такая «природа» должна лечь в основу воспитания наших детей.

ИСТОЧНИК РАДОСТИ

Какая буря поднимается в душе, когда оглянешься вокруг в природе и почувствуешь себя в ней, как все, обреченным на всеобщую пользу стать частицей гумуса. Когда же буря проходит, начинаешь свой разбросанный хлам приводить в порядок, и эта работа над порядком делается источником радости, и мало-помалу являются силы для охоты за порядком вне себя: так строил человек из века в век свои небеса.

И так, может быть, в миллионы лет борьбы за вечность и бессмертие, из этой необходимости спастись стремлением к порядку создались идеи пространства и времени.

НА НЕИЗМЕРИМОЙ ВЫСОТЕ

Подвижное равновесие в природе рассчитано на здоровых, и остальные все, старые, малые, больные, представлены себе самим или на попечение сильным, как их «ближние». Итак, в природе все рассчитано на подвижное равновесие жизни; как будто все деревья, сороки, кошки, слоны, люди находятся в состоянии первой возмужалости и плодоношения. Так называемое «язычество»

и было такой религией природы, и смерть принималась, как необходимость замены слабеющих — лучшими.

Сущность человеческого прихода в мир природы является восстанием на метод природы, или, просто сказать, возмущением смертью как способом такого движения.

А помнишь, Михаил, ты стоял на тяге среди молодых неодетых березок над опавшими листьями? И ты думал тогда, что эти прошлогодние листья, как удобрение, переходят теперь в новую жизнь. Человек же не удовлетворяется положением удобрения. Вот даже я — писатель, — какой уж там в сравнении с Пушкиным, и то на неизмеримой высоте стою в сравнении со своим телом как материалом для удобрения полей будущего человека.

И, конечно, надо быть полубогом, чтобы стать на такую высоту, и знаю, что Пушкин, прочитав какой-нибудь мой рассказ для детей, будь он живой, обнял бы меня, узнавая во мне действие того же бессмертного духа, как и в себе.

ДУША И ТЕЛО

Человек, организуясь в веках, захватывает в состав своего тела всю природу во всем ее составе, как вселенную, и так, что части, более близкие к животным и растениям, называются *телом*, а части, более близкие к самому человеку или к тому, чего нет в природе остальной и присущее только ему, называются *душой*.

Многие силы природы, обращаясь у человека в его душу, неузнаваемо преобразуются. Так, например, ветер, способствующий перенесению пыльцы с мужского пестика на женское рыльце, называют половой страстью, в телесном определении, а в душевном — любовью.

Во свидетельство такого преобразования любви поэты с незапамятных времен говорят о любовных бурях.

ОБРАЗ И ЗАКОН

Люди в своих переживаниях бывают похожи на нас самих, и так мы их познаем *по себе*, а если не похожи, то познаем опять по себе с другой стороны, в том смысле, что я так, а ты вот этак, по-своему.

Так и природу мы постигаем по себе, или как «равнодушную» и чуждую нам: мы так, а она этак, по-своему.

Эти два рода познания, субъективное и объективное в отношении природы, представляются нам, как поэтическое или художественное и научное. На одной стороне образ, на другой закон.

ПУЗЫРИ

Знакомый поток вошел в тесный лес и заговорил: в той стороне заговорил, и в другой, изогнувшись, говорил, и в третьей бубнил, и весь этот говор в лесу отдавался и соединялся.

Я нашел место, где поток падал и бубнил, сел тут на пеню и дивился тому, какое множество пузырей нес поток, и спрашивал себя, что если все целесообразно в природе, то зачем образуется рядом с таким серьезнейшим делом, как распространение потоком семян, образование рек и т. п., рождение такого множества пузырей.

Падая вместе с потоком, пузыри отходили в сторону по заводи, и тут скоплялись они, теснились, сжимались, сбивались в огромный белый клуб пены, такой плотный, что ее можно было бы взять в руки, как хлопок.

И вот когда я вдумчиво смотрел в поток с вопросом: «Зачем пузыри?», мысль моя, подчиняясь каким-то своим законам или беззакониям, перекинулась в мир человеческий, и в нем тоже плыли все пузыри, пузыри, и я спрашивал себя и тут то же самое: «Зачем текущий человеческий поток тоже несет на себе такое множество совершенно пустых пузырей?»

ЛЮБОВЬ

Нет нам, людям, в природе дороже и ближе примера весной, когда слышно, как лопаются набухшие почки. Тогда мы думаем о себе: «Мы-то, люди, каждый в отдельности, разве не похожи на почку, в то время как она надувается, на эту чешуйку, заключающую в себе будущее дерево? Разве не чувствуем мы ее в себе, как тело, отделяющее нас от всего великого мира природы?»

Чувством собственности разделено наше тело от мира природы, и мы стремимся так закрепить его, всю жизнь мы тратим на то, чтобы наша почка не лопнула. Но как ни бьются люди над собой, чтобы заморить заключенную в себе жизнь, приходит весна, почки лопаются, зеленое

содержимое выходит на свет, и мы же, заскоруждые собственники заключенной природы, называемой телом, приходим в восторг и это великое чувство свободной жизни называем любовью.

НЕЧТО

В природе нам все заменимо. Дерево заменяется деревом, курица курицей, свинья свиньей, собака собакой. Но бывает, находится незаменимое дерево, незаменимые собаки, лошадь; у Дурова была незаменимая свинья.

Вот эта незаменимость единственного и есть человеческая сущность, и раз это [можно] заметить в животном, в растении, то оно значит, что милостью человека в низших существах зародилась человеческая жизнь.

ДЕТСКАЯ РАДОСТЬ

Шел в сосновом бору свежим утром, и вдруг запахло мне чем-то чудесным, и, поймав раз, и два, и три аромат, я понял, что пахло мне той самой детской лошадкой, какие возили нам в детстве в подарок от Троицы. Вскоре оказалось, что вблизи находился завод металлистов в лесу, и пахло от него каким-то эфирным маслом, применяемым в производстве.

Как бы там ни было, но аромат детской игрушки мне показался милее, чем запах бора, и что главное: первое его в моей душе пахла детская игрушка, и уж позднее я научился понимать запах бора.

Да так, наверно, и все любимое, что мы называем «природой», происходит у нас не от самой природы, а от каких-то бесчисленных древних предков, обживавших собою природу первоначальную и наделявших ее своими чувствами, как наделял я сегодня какое-то вонючее масло ароматом детской радости.

ЧТО РАНЬШЕ?

Надо узнать где-нибудь, что раньше человеку пришло — телескоп или микроскоп. Мне кажется или помнится, что сначала был телескоп, что человек сначала представил себе вселенную, а потом уже ее увидел в движении атомов.

Так человек вообще вырастает: до каких-то лет обогащается внешним опытом, а потом все это находит в себе

и, наконец, получает право мудрости: то же солнце, те же звезды, планеты, леса, моря, массы людей понимать и судить по себе.

СКАЗОЧНАЯ КРАСАВИЦА

Все вдвойне: человек и зверь, день и ночь, любовь и ненависть, растение и животное, лес и поле, рука и нога, и так все, но солнце не имеет своего антипода, и на что уж ночные светила, кажется, годятся к этому, но как подумаешь — тоже нет: солнце, месяц и звезды сходятся вместе, украшая сказочную красавицу.

СВЕТ И ТЕНЬ

Подражание солнцу в природе на цветах для всех очевидное: на каждом лугу есть золотые цветы с золотым солнечным кружком в сердце венчика, с золотыми лучами вокруг во все стороны. И если цветы, если деревья поднимаются всюду на свет, то и человек с этой же биологической точки зрения особенно стремится ввысь, к свету, и, конечно, он это самое движение свое ввысь, к свету, называет прогрессом.

Вместе с этим движением ввысь, особенно заметным у растений, существует еще движение вширь. И пусть даже растения индивидуально прикреплены к одному месту, семена их, часто снабженные крыльями, перелетают и распространяют свой вид на огромные пространства...

И если мы свой прогресс, как движение к солнцу ввысь, можем наблюдать в каждом маленьком цветочке и относить его к действию солнца, то где найти нам первопричины своего расширения? Кто нам это указывает, где и в чем первообраз нашего движения вширь?..

Свет приходит от солнца, тень от земли, и жизнь, порожденная светом и тенью, проходит в вечной борьбе двух этих начал: света и тени.

Красота — это свет правды, а тень красоты — это ложь.

Солнце, вставая и уходя, приближаясь и удаляясь, определяет на земле наш порядок: наше время и наше место. И вся красота на земле, распределение света и тени,

линий и красок, звука, очертаний неба и горизонта — все, все есть явления этого порядка. Но где границы солнечного порядка и человеческого?

Леса, поля, вода своими парами и вся жизнь на земле стремится к свету, но если бы не было тени, не могло бы и жизни быть на земле: на солнечном свету все бы сгорело. Мы живем благодаря теням, но тени мы не благодарим и все дурное называем теневой стороной жизни, а все лучшее: разум, добро, красоту — стороной светлой.

Мы все родимся у границ безграничного, все видим черту горизонта, все чувствуем границу своего собственного тела, за ним, как за горизонтом, чувствуем и даже видим безграничность природы с ее океанами, атмосферами и звездными вселенными.

Порядок начался с солнца и коснулся даже самого малейшего из живущих существ: солнце появляется — жучок шевелит усиками, солнце скрывается — жучок замирает. Так у жучка установилось время. И сколько времени длится день — за все это время жучок оползет или облетит какое-то пространство и вернется ночевать в свою щелку. Охваченное за день пространство, ареал, является второй категорией порядка жучка.

Все стремится к свету, но если бы всем сразу свет, жизни бы не было: облака облегают тенью своей солнечный свет, так и люди прикрывают друг друга тенью своей, она от нас самих, мы ею защищаем детей своих от непосильного света.

Тепло нам или холодно — какое дело солнцу до нас, оно жарит и жарит, не считаясь с жизнью нашей ни-сколько. Это земля поворачивается к солнцу той и другой стороной, укрывая нас своими тенями... Тени, тени земной мы обязаны жизнью, но так устроена жизнь, что все живое тянется к свету.

КОММЕНТАРИИ

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ЛН — «Литературное наследство».

Собр. соч. 1956—1957 — М. М. Пришвин. Собр. соч., в 6-ти томах. М., Гослитиздат, 1956—1957.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва.

НАТАСКА РОМКИ

Из дневника охоты 1926—1927

В настоящий том вошли дневники писателя. Первый из них, «Натаска Ромки» («Из дневника охоты») — так Пришвин назвал одну из тетрадей записок об охоте 1927 года. Как сообщила В. Д. Пришвина «Впоследствии, перечитав эти дневники, Михаил Михайлович собирался сделать из них книгу, назвав ее «Натаска Ромки» Но жизнь перебила это намерение, и оно было забыто» (Новый мир, 1973, № 2, с. 206).

В архиве Пришвина сохранился план предполагаемой книги. План неполный, но дающий возможность понять в сопоставлении с дневниковыми записями композицию повести о собаке: 1) Рождение 2) Стойка 3) У окна зимой 4) Совершеннолетие 5) Кость 6) Человек собаку съел 7) Первый урок 8) Маралово 9) Пойма 10) Бой с котом 11) Долгоносики 12) Белая радуга 13) Журавлиная радость 14) Натаска» (*ЦГАЛИ*) В дневнике остались разметки Пришвина, следы подготовки дневниковых записей к изданию, некоторым рассказам о Ромке даны заголовки. В тетрадях 1927 года есть продолжение записок о Ромке, которые можно было бы условно назвать «Охота с Ромкой».

Есть родство между произведениями Пришвина «Календарь природы», «Натаска Ромки», «Лесная капель», «Глаза земли», — все они рождены из дневников, как собрание систематических, почти ежедневных записей, представляющих в итоге целостное художественное произведение.

Исследователями творчества Пришвина верно замечено, что борьба за реалистическое, «земное мироощущение» вызвала его обращение в 20-е годы к дневниковому жанру как особому виду творчества. В это время была поставлена Пришвиным философско-художественная задача — сказать обо всем «от души, от себя самого и полным голосом».

«Чем дальше пишу (роман «Кашеева цепь» — *А М*), тем все ненавистней становится классическая форма романа. Сколько условностей! Сколько хитростей, чтобы умолчать о пустоте своего собственного сегод-

ияшнего дня, и сколько цветистой придумки для выражения своей обыкновенной радости. Я хочу, чтобы мой сегодняшний день, от которого я исхожу, нашел непременно свое почетное место в романе, и с отвращением отбрасываю старую условность скрывать от читателя свое авторское бытие». Этой концепции творчества Пришвин не изменил до самой смерти.

В 1926 году вышла первая из его дневниковых книг — «Родники Берендея» (первая часть фенологических записок «Календарь природы»). Некоторые рассказы этой книги записаны в тех же тетрадах, где и рассказы о Ромке, а ведь Пришвин утверждал позже в «Моем очерке» (1933), что свой метод он нашел в «Родниках Берендея», а затем и все так стал писать. Следовательно, в поисках нового художественного метода такой же творческой лабораторией явилась и «Натаска Ромки».

Важно и то, что Пришвин начал записывать в дневнике результаты натаски Ромки как бы набело, то есть сразу как рассказы будущей книги. Если сравнить окончательный журнальный вариант таких художественно безупречных рассказов о Ромке, как «Первая стойка» или «Игра с Ромкой», с их первоначальным вариантом в дневниках, то можно заметить, что переменял Пришвин в журнальном варианте не больше десяти слов и всгавил не больше двух-трех фраз. Так же были напечатаны и «Родники Берендея» — «почти без всякой последующей обработки», как говорил Пришвин. Эта особенность явилась в результате родственного внимания к природе: «Во всяком случае, понимание природы, о котором я говорю, есть чувство самого тела, сказать так: телом сливаюсь с природой и это описываю. А то можно описывать или догадку, или отражение в голове» (29 марта 1927 г.). Чуть позже среди записей о натаске Ромки он повторит: «Я до такой степени приблизился посредством охоты к жизни природы, что меня удивляет, зачем это писатели, не будучи даже поверхностно знакомы с жизнью природы, считают своей обязанностью описывать погоду, леса, реки, моря» (29 мая 1927 г.). В конце своей жизни Пришвин заметит, что больше всего ему нравятся рассказы, которые пишутся им быстро, и «пока пишешь, не успеешь надумать от себя чего-нибудь лишнего и неверного» («Кащеева цепь», 1953).

Повесть о натаске Ромки написана просто, без пышных метафор, без экспрессии — и в то же время глубоко эмоционально. Это проза «знатока духа языка нашего» (Горький). Именно в это время вырабатывается его новый художественный метод («пишу как живу, и живу как пишу»), который должен приблизить «человека к вещам и к человеку действительному» (3 января 1927 г.). Каждодневные записи, скрупулезно фиксировавшие действия собаки и человека, для иного егеря могут стать методическим руководством по натаске собак. И вместе с тем — это художественная психологическая повесть. Так же, как и в других охотничьих рассказах, писателя интересует прежде всего «собачья душа». Сделать ее родственной и таким образом сотворить себе друга — вот практическая цель «егеря». А у писателя есть и сверхзадача: в животном высшей поро-

ды, в его поведении и характере разгадать мир первобытного человека. Пришвин ищет разумную связь между животным и человеком, пытается ее объяснить или ставит читателя перед новой загадкой живой природы.

В поле нашего зрения постоянно находятся человек и собака, процесс натаски должен сблизить их или разделить: то ли егеря в своем деле «съест собаку», то ли она его «съест» — тогда выстрел оборвет ее жизнь. Таковы жесткие условия жизни в природе, и такова интрига книги о натаске.

Вот первый урок, и уже: «Два больших сомнения овладевают мной: первое — есть ли чутье у собаки <...> второе — в его огромном теле, в безумно загорающихся глазах таится сдерживаемая дикая воля — удастся ли мне повернуть этого волка себе на службу?» (10 июля 1927 г.). В этой борьбе будут достижения и у человека и у собаки. Достижения, которые Пришвин называет творчеством.

Не раз в дневнике Пришвин говорит о своем «пантеизме». Есть у него и прямое рассуждение об этом. Прочитав отзыв Горького о «Родниках Берендея», он записывает: «Горький < .> в своих статьях без всякой натяжки свидетельствует о моем пантеизме, посредством которого природа очеловечивается, и человек, перешагнув границы своей личности, расширяется, как природа <...> ключ к этому надо искать в личности автора» (8 ноября 1926 г.). Дневник — исповедальная форма прозы, здесь личность автора прямо открыта читателю. Поэтому в «Натаске Ромки» его личность явилась тем идейно-эмоциональным центром, вокруг которого расположился и весь остальной материал. И в этом центре главным мотивом оказалась проблема «сотворения» друга: то она эмоционально грустная, то радостная, то является трагической — и в этом сотворчестве как раз и происходит расширение личности творца: «Может быть, от перехода к одиночеству и от книги (Пришвин закончил первую часть «Кашеевой цепи». — А. М.) к единственному делу — «натаске Ромки» — является с такой отчетливостью сознание отсутствия в моей жизни близкого понимающего меня друга <...> Только теперь надо бы найти образ этому другу», — отмечает он в дневнике 16 июля 1927 года.

Есть в «Натаске Ромки» вставная новелла, которая называется «Сюжет для рассказа». В ней говорится о трагедии охотника: «все положил на собаку, а не знает, выйдет или не выйдет». И если ученая собака не вышла — егеря убьет ее. Этот драматический сюжет Пришвин дополняет мотивом спасения собаки, ставя помету: «Моя идея». В этом гуманистическом отношении к природе и происходит расширение личности автора. «Нет, други мои, той собаки нет уже в моем Ромке, ту собаку я съел, а Ромка теперь уже не просто собака, собака в нем преображена моим творчеством, она — друг человека». Одновременно с ней явилась книга, обогащающая мир жизненным опытом писателя — опытом согласования своего творческого поведения с творчеством природы, самой жизни.

Пришвин опубликовал только два рассказа из цикла записанных в дневниках рассказов о Ромке: «Первая стойка» (Красная нива, 1926.

№ 46) и «Школа в кустах» (Охотничья газета, 1928, № 13). В извлечениях из дневника рассказы о натаске Ромки печатались в журп. «Огонек» (1963, № 6), «Наука и жизнь» (1963, № 3), «Новый мир» (1973, № 2).

В настоящем издании текст печатается по автографу.

Стр. 9. В журнале «Краеведение» ...изругали «Родники Берендея». — Краеведение, 1927, т. 4, № 1. Н. Анциферов в статье «Беллетристики-краеведы (Вопрос о связи краеведения с художественной литературой)», отметив художественные достоинства книги, писал, что Пришвин не смог отчетливо сформулировать свои мысли по поводу метода краеведения: «В положениях М. М. Пришвина проглядывает ясно выраженная недооценка момента научности в работе краеведа {...} Можно только пожалеть, что М. М. Пришвин своим художественным чутьем не проверил характеристики края и его населения, сделанной переславльскими краеведами и в особенности М. М. Смирновым» (с. 41—45).

влияние Смирнова. — См. наст. изд., т. 3, «Календарь природы».

годится для анализа Алпатова. — Алпатов — герой романа «Кашеева цепь».

Стр. 10. . рассказ «Служба Пана». — Напечатан в журнале «Красная нива» (№ 33). См. наст. изд., т. 3.

...выкинуть из головы «Кашееву цепь»... — В это время Пришвин закончил работу над шестым звеном романа, первые пять звеньев были уже напечатаны.

Стр. 11. ...бекасы в крепях... — в «крепких» местах, до которых трудно добраться. В тексте «Натаски Ромки» встречаются различные названия болотных и луговых птиц. Бекасом называют несколько видов птиц этого рода: собственно бекас — длинноногая болотная птица (долгоносик); вальдшнеп — лесная птица (кулик, березовик); дупель — большая болотная птица (молчанка); гаршнеп — самая маленькая болотная птица (подкопытник), уместающаяся в ямке от копыта пасущихся на болотах коров, кроншнеп — самая крупная длинноногая болотная птица (кулик); коростель и курочка (самка коростеля) — болотные водяные птицы; лугового коростеля называют дергачом.

Стр. 13. Кочкарник — моховое болото в кочках.

Стр. 15. ...подшаркал гнездо — разрыл лапами.

Стр. 16. Парфорс — колющий ошейник.

Наброд — следы птицы на земле.

Спирея — розовоцветное растение, кустарник с белыми цветами в зонтиковидных соцветиях.

Погремушник (правильное название — погремушки) — хлопущие или дикие огурцы.

Стр. 17. Жилить — жалить.

Стр. 18. Потыкушки — болотный гнус.

Тубо — стой, не тронь (от фр. tout beau).

Стр. 19. *Желна* — черный дятел длиной до 50 см.

Поточина — полувysохший проток, заполняющийся водой в половодье.

Стр. 21. ...шьет машинкой — то есть как «челнок» в швейной машинке.

Стр. 23. *Стурил* — согнал.

Стр. 25. *Отава* — трава, выросшая после косьбы

Стр. 31. ...к анонсу по Зворыкину... — Имеется в виду книга Н. А. Зворыкина «Обучение легавой» (Свердловск, «Уральский охотник», 1927)

Стр. 32. *Шашель* — древесный червь

...обращение к другу («Зеленая дверь»)... — «Зеленая дверь» — шестое звено романа «Кашеева цепь» (см. наст. изд., т. 2).

Стр. 36. ...вязать на сворку — на прицепку.

Стр. 48. *Бекасиная еланка* — прогалина в болотных зарослях

Стр. 52. *Дормез* — большая дорожная карета, приспособленная для сна.

Стр. 53. *Сергиев* — ныне город Загорск.

Стр. 54. ...приближался ко мне галсом «на ветер». — Идти против ветра.

Стр. 56. ...одну из «Египетских казней», когда будто бы падал дождь из гадюк. — Указание неточно, оно соединяет библейские рассказы о наведении на землю египетскую жабу и о выпадении смертоносного града

Стр. 57. *Турухтан* — кулик белого, рыжего или черно-зеленого цвета, весной у самцов развивается пышный воротничок.

Стр. 78. .. «разрушь храм сей, и я его в три дня воздвигну». — В библейской мифологии Христос уподобляет разрушенный храм телу умершего человека, которого он может воскресить из мертвых через три дня.

А. Макаров

ГЛАЗА ЗЕМЛИ

Мысль о создании новой книги поэтических миниатюр на основе дневниковых записей появилась у Пришвина вскоре после опубликования «Лесной капли» (1943). Уже в последние годы Великой Отечественной войны он начал работать над дневниками, «очищая их от случайных, личных записей», с 1946 года на полях дневников начинает появляться карандашная пометка: буквой «К» он обозначает материалы, которые отбирает в новую книгу, условно называемую «Капелью».

Работе над дневниками Пришвин придавал особое значение. Он не приостанавливал ее ни в напряженнейшее для него время завершения романа «Осударева дорога» в конце 40-х годов, ни в последние годы жизни, когда спешил закончить повесть «Корабельная чаща» Паустовский вспомнил, как однажды Пришвин признался, что все напечатанное считает сущими пустяками по сравнению с дневниками «Эти записи он глав-

ным образом и хотел сохранить для потомства» (Паустовский К. Повесть о жизни, т. 2 М., Советская Россия, 1967, с. 592—593).

С осени 1948 года Пришвин ежедневно работает с дневниками, считая это «выполнением большого дела». Однако в это время характер новой книги ему представляется еще неясным: «Работа над дневниками, конечно, приведет меня к чему-то большому, будет ли это своеобразная биография М. Пришвина, или новый роман, или трактат вроде «искусство как образ поведения», — записывает он 21 сентября 1948 года (ЦГАЛИ).

В начале 1950 года он решает создать книгу на материале дневниковых записей последних лет, с 1946 по 1950 год. Он обдумывает круг ее главных тем и уже летом, живя в Дунине, с увлечением работает над «Новой каплей», пробует читать отдельные фрагменты друзьям, прислушивается к их отзывам. 13 февраля 1951 года он пишет в дневнике, что его главная задача в новой книге — раскрыть читателю глубокий смысл настоящего человеческого мира, который советский народ-победитель отстоял в Великой Отечественной войне, мира, открывшегося ему самому в многолетнем жизненном и творческом опыте. «Мое дело должно стать понятным людям не как путь личного успокоения в природе, а как настоящий мир, как утверждение в творчестве радости жизни, доступной каждому.

Мир как венец победителя. Таким образом, я должен представить свое творчество как дело мира и сомкнуть его с нашей политической и военной борьбой за мир». (Собр. соч. 1956—1957, т. 6, с. 360).

В 1952 году он начинает систематизировать отобранные из дневников материалы, распределяя их по трем основным разделам:

1 «Дорога к другу», где собираются лирические записи биографического характера, анализируются важнейшие события и переживания собственной жизни, оказавшие влияние на формирование его личности.

2 «Раздумья», содержащие размышления автора преимущественно по вопросам общественной жизни, литературы, искусства, раскрывающие его понимание искусства как творческого поведения.

3 «Зеркало человека», в который включаются: 1) короткие новеллы о животных; 2) миниатюры о лесе, написанные во время работы над «Корабельной чащей»; 3) поэтические наблюдения в природе по временам года; 4) философские записи о человеке и природе.

Записи, отобранные для книги, проходили серьезную авторскую обработку, или, по терминологии Пришвина, «шлифовку»; но даже на полях записей, прошедших шлифовку, в рукописи можно встретить авторские пометки: «доработать», «не так написалось», «изобразить очень кратко», «изложить по-другому». Пришвин действительно «выделял» «Капель» (разрядка наша — В. К.), добиваясь предельной выразительности и точности в передаче мысли, кристаллизации ее формы.

В начале работы Пришвин располагал материал внутри разделов в хронологической последовательности, но в дальнейшем он все больше склонялся к построению книги по тематическому принципу. Подразделе-

ния по годам были оставлены им лишь в двух первых разделах, но и в них он часто нарушал хронологию, группируя записи разных лет, развивающие одну и ту же мысль или близкие по теме. Таковы, например, объединенные одной мыслью и получившие общее название записи «Альдонса и Дульсинея», «При чтении «Фауста», «Моя астрономия». Таковы и тематические подборки «Грибники», «Дневник шофера», «Ум животных».

Пришвин готовил к книге общее предисловие, которое помогло бы читателю уяснить его замысел: через дневники, говоря как будто бы о себе, «оставить завещание о душе своей для будущих поколений...» (*Собр. соч. 1956—1957*, т. 5, с. 727—728).

Название новой книге было дано Пришвиным не сразу. «Капель», «Новая капель», «Дорога к другу» — так называл он ее, пока в 1953 году не остановился на заглавии «Глаза земли». Оно было взято им из его книги «Календарь природы», — в одной из новелл автор объяснял, что в народных поверьях глазами земли называют озера, незамутненные воды которых особенно чутки к свету. Теперь это название приобретает более широкий смысл, становится поэтическим символом, или, по любимому выражению Пришвина, «указующим перстом», помогающим ему ввести читателя в философские глубины его книги о жизни, вникнуть в «поэтическое изучение природы с целью установления своего родства с ней».

Художник, обладающий способностью «вживаться в природу» (эту способность Пришвин определял как ключ к своему творчеству), предлагает читателю «всмотреться в нее, как в зеркало», в котором человек может увидеть свое настоящее лицо.

Пришвин видит человека в единстве с природой, пишет об их родственном взаимодействии, где руководящая роль принадлежит человеку, царю природы, творящему в ней свое «небывалое». Степень духовной зрелости человека он определяет его готовностью к содружеству с природой, к сотворчеству с ней. Мысль Пришвина обращена к человеку будущего. Автор открывает перед ним безграничные просторы возможностей, он провидит их в «перспективе нарастающей мощи восходящего в единстве своем человека, способного в будущем повелевать вселенной».

Эту основную мысль автор проводит через все разделы своей книги, она придает ей единство и законченность. Книга звучит гимном человеческому разуму. Пришвин восхищается способностью человека создавать бессмертные творения, оставляя их для будущих поколений; он верит, что «каждый из нас должен найти собственное полезное место в общем творчестве мира» (наст. изд., т. 7, с. 450).

В сентябре 1951 года публикуется тематическая подборка из книги «Глаза земли» — «Последние грибы» (Огонек, № 39), в апреле 1952 года — часть из ее подраздела — «Времена года» (Комсомольская правда, 1952, 30 апреля).

Первые публикации вызвали одобрительные отзывы читателей. Пришвин записывает в дневнике: «Итак, «Весенние рассказы» удались

и открывают мне возможность за лето поднести юношеству «Капель» в большом количестве» (*Собр. соч. 1956—1957*, т. 6, с. 574). В конце 1952 года он публикует еще одну часть «Времен года» — тематическую подборку «Поздняя осень» (Смена, 1952, № 23).

В 1953 году при составлении проспекта нового собрания сочинений, готовившегося к изданию Гослитиздатом, Пришвин включил в пятый том книгу «Глаза земли», указав ориентировочно ее объем в пятнадцать листов. В примечании к проспекту пятого тома он писал:

«В книгу входят поэтические произведения, иногда близкие к стихотворениям в прозе Тургенева, но часто более эпические, чем лирические. Этот особый жанр поэзии требует от автора большой зоркости и мгновенных решений при внутренней свободе. В наш скорый век этот жанр, подвижной и переменчивый, легко может находить себе место в повседневной печати и в то же время быть школой художника слова.

Вот почему том с этими произведениями требует особого внимания в художественном оформлении. Каждая вещьца, как стихотворение, должна быть отделана заставками и концовками» (*архив В. Д. Пришвиной*).

Увидеть свою книгу напечатанной Пришвину не пришлось. Она была подготовлена к печати В. Д. Пришвиной и опубликована посмертно в 1957 году в пятом томе Собрания сочинений 1956—1957 годов и отдельной книгой в издательстве «Советский писатель». В том же году избранные места из книги были напечатаны в сборнике произведений Пришвина «Дорога к другу», изданном «Молодой гвардией».

Появление книги «Глаза земли» нашло отклик у писателей К. Федина, В. Инбер, Э. Казакевича, А. Яшина и многих других. В письме к В. Д. Пришвиной в 1957 году Б. Пастернак писал: «Я стал их читать и поражаюсь, насколько афоризм или выдержка, превращенные в изречение, могут много выразить, почти заменяя целые книги» (П р и ш в и н а В. Д. Круг жизни. М., Художественная литература, 1981, с. 191). Глубина и емкость авторской мысли были отмечены К. Паустовским, который увидел в книге «Глаза земли» «труд, поразительный и огромный, полный поэтической мысли и неожиданных коротких наблюдений» (П а у с т о в с к и й К. Повесть о жизни, т. 2. М., Советская Россия, 1967, с. 593).

Рецензенты в статьях, появившихся в журналах и газетах, расценивали «Глаза земли» как итоговую книгу Пришвина (Г о р е л о в Ал. Время не властно. — Нева, 1957, № 12), обращали внимание на ее глубокую современность (Х м е л ь н и ц к а я Т. Раздумья художника. — Литературная газета, 1956, 20 декабря), подчеркивали глубину и ценность размышлений Пришвина о жизни и искусстве (М о т я ш о в И. Кладовая творчества. — Новый мир, 1958, № 1).

За годы, прошедшие после ее первого издания, книга получила признание у читателей и высокую оценку исследователей. Идея сотворчества человека и природы, «динамического чувства Родины» как нравственной основы поведения человека, понимание творчества как способно-

сти раскрывать красоту, «делая ее солнцем добра», — все это позволяет считать книгу глубоко современной.

В настоящем издании «Глаза земли» печатаются по тексту *Собр соч. 1956—1957*, т. 5, сверенному с машинописным автографом, хранящимся в ЦГАЛИ.

Стр 85. *Примером возьму Ж.-Ж. Руссо.* — Работая над книгой «Глаза земли», Пришвин перечитывал «Исповедь» Жан-Жака Руссо (1712—1778), которого причислял «к самым большим людям» (дневник от 30 августа 1948 г., ЦГАЛИ).

Стр. 86. *Завтра отправляемся в Поречье.* — В подмосковном санатории Поречье Пришвин отдыхал весной 1946 г.

Стр. 88 *На деревьях в Дуцине...* — Дуцино — деревушка вблизи санатория Поречье, где Пришвин приобрел дом, в котором провел последние годы жизни (1946—1954). Ныне дом является Музеем М. М. Пришвина, филиалом Государственного литературного музея.

Стр 90. *Что-то вроде свадьбы Подколесина!* — Пришвин сравнивает себя с героем комедии Гоголя «Женитьба» (1842).

Я подарил Критской книгу — Книга «Жень-шень» была подарена Пришвиным Н. А. Лебедевой-Критской, прежней владелице дома в Дуцине, в день покупки дома

Стр. 91. *...вдруг вспомнилось Хрущево.* — В Хрущеве Елецкого уезда Орловской губернии (ныне Липецкой области) Пришвин родился и провел свое детство

Стр. 93. *Работа нависла.* — Имеется в виду работа над романом «Осударева дорога»

Стр 95 *Есть в осени первоначальной хрустальный день.* — Пришвин перефразирует строки стихотворения Ф. И. Тютчева (1803—1873) «Есть в осени первоначальной. » (1857). В дневнике от 1 апреля 1942 г. Пришвин записал: «И еще читал Тютчева Проследил, что в первых стихотворениях у него был параллелизм: природа и вслед за тем человеческая душа, а в последних совершенно природа и человек соединяются в единство. Я тоже так шел, достигнув совершенства в детских рассказах Но это единство не есть уступка природе, а сознание своего родства и высшего руководящего значения в мировом творчестве

Второе близкое мне в Тютчеве — это борьба с метафизикой за поэтическую свободу, за цельность, родственное внимание к миру» (Пришвин М. Из дневников 1941—1943 гг. — В сб.: «Повесть нашего времени». Ярославль, 1957, с. 254—255).

Стр. 96. *.. время жизни моей на хуторе Бобринского в 1902 году...* — Вернувшись на родину после окончания Лейпцигского университета, Пришвин работал агрономом на хуторе Бобринского в Богородицком уезде Тульской губернии.

Стр. 108 *«Идеи, идеи», — сказала мне... тетюшка моя Ксения..* —

О тетушке Ксении Пришвин вспоминает и в романе «Кашеева цепь», где она названа Калисой Никаноровной (см. наст. изд., т. 2, с. 153).

Прочитав мою статью «Школа радости»...— Пришвин называет так свою статью «Источник радости» (Смена, 1940, № 11). В предисловии к очерку О. Серовой «Пробуждение озера» Пришвин писал, что в 40-е годы работа с молодыми авторами была для него «Школой радости» (Смена, 1946, № 3—4).

...мать моя, купеческая дочь, во дворянском имении...— Пришвин вспоминает жизнь матери Марии Ивановны Пришвиной в усадьбе Хрущево. См. о ней в романе «Кашеева цепь» (наст. изд., т. 2) и в дневниках ранних лет (в сб.: «Пришвин и современность» М., 1978, с. 206—290).

Стр. 110. *Женщины-художницы Лариса...* (Раиса Николаевна Зелинская-Платё); *Елена* (Елена Оскаровна Лещинская) — художницы, которые в 1947 г. работали над портретами Пришвина.

Стр. 112. *«Альдонса и Дульсиня»*.— Под этим названием Пришвинным объединены записи, в которых он анализирует факты своей жизни, способствовавшие формированию его творческой личности, обращаясь к образам любимого им романа Сервантеса (1547—1616) «Дон Кихот» (1605). Альдонсой, возлюбленной Дон Кихота, превращенной его воображением в прекрасную Дульсиню Тобосскую, Пришвин называет В. П. Измакову, юношеская любовь к которой оставила глубокий след в его жизни и творчестве.

Стр. 113. *...Инна мне необходима была...*— Подразумевается В. П. Измакова, получившая в романе «Кашеева цепь» имя Инны Ростовцевой.

Фацелия — встреча и жизнь с ней.— Пришвин пишет о встрече в 1940 г. с Валерией Дмитриевной Лебедевой, ставшей верным спутником его жизни, другом и единомышленником. Отвечая читательнице поэмы «Фацелия» В. В. Горловенко 5 февраля 1946 г., Пришвин определяет значение для него этой встречи как жизненное воплощение идеала, казавшегося недоступным. Он называет приход к нему друга чудом, в которое никто не может поверить: «Для себя я это открыл, это чудо совершилось: на 68-м году жизни» (ЦГАЛИ).

Стр. 121. *Да, женщину, женщину («Жениха») надо писать.*— Повесть «Жених» была задумана Пришвинным в 1946 г., в дневниках 1946—1948 гг. встречаются записи о начале работы над ней, но замысел остался неосуществленным. В архиве писателя хранятся материалы к повести «Кончаю повесть».— Имеется в виду роман «Осударева дорога».

Стр. 123. *Л. читала вчера вслух...*— Л.— Ляля, имя жены Пришвина Валерии Дмитриевны.

Стр. 126. *Когда я приходил в деревню в 1919 году.*— Пришвин вспоминает годы своей работы в школе села Алексина Смоленской губернии.

Стр. 130. *Рассматривал иллюстрации Рачёва.*— Имеются в виду иллюстрации известного советского художника Е. М. Рачёва (род. в 1906 г.) к книгам Пришвина «Кладовая солнца» и «Золотой луг» (Детгиз, 1947).

Стр. 131 . . . *трудно дать гармонию человеческого образа с природой (мне удалось в «Кладовой солнца», а художнику нет).*— Мнение Пришвина, что иллюстрации не удались, разделял и сам художник, который, как пишет В. Толстой, «и сам внутренне сознавал, что идет по неверному пути, когда пытался выискать для своих иллюстраций к «Кладовой солнца» острые сюжетные положения, драматические эпизоды, что, конечно, не является главным как для этой книги, так и вообще для прозы Пришвина» (Т о л с т о й В. Евгений Михайлович Рачёв. М., Советский художник, 1960, с. 40). В. Толстой объясняет причину неудачи художника принципиально разным подходом писателя и художника к природе.

...я отвечал себе образом Надвоицкого водопада...— Образ Надвоицкого водопада впервые встречается у Пришвина в книге «В краю непуганых птиц» (1907) (наст. изд., т. 1) При ее переиздании в 1934 г. Пришвин писал: «Тут, у Надвоицкого водопада, я когда-то, силясь понять его жизнь, нечаянно взгляделся в судьбу отдельных его частей — и вдруг через это взглядывание в жизнь мелочей понял и все падение воды как органически творческий процесс природы. . До этой встречи с водопадом в Надвоицах я не смел быть писателем .. и вот оказалось, что если жизнь понимать как творческий процесс органического целого, то в существе своем значимость или качество заключается не в большом или малом, а только в согласованности той или иной части с целым, значит, малое должно узнать себя в целом, и тогда оно исчезает как малость и вступает в равное общение со всеми частями» (*Собр. соч. 1956—1957*, т. 6, с. 810—811)

Стр. 135. *Профессор из Тимирязевки прислал поздравление.*— В. О. Витт, член-корреспондент ВАСХНИЛ поздравлял Пришвина с семидесятилетием.

Стр. 136. *Предложили выступить на вечере Арсеньева.*— С путешественником и ученым В. К. Арсеньевым (1872—1930) Пришвин встречался в 1928 г., он восторженно отзывался о его книгах «Дерсу Узала» и «В дебрях Уссурийского края» (см. наст. изд., т. 3, с. 65; там же коммент. на с. 529).

У Толстого дядя Ерошка...— Имеется в виду герой повести Л. Н. Толстого «Казачья» (1863).

«Колобок» — книга «За волшебным колобком» (1908).

Мне вспомнилось, как Рязановский доказывал мне — Рязановский И. А — этнограф, с которым Пришвин познакомился в 1907 г и переписывался в течение многих лет (см. письма М. Пришвина к И. Рязановскому в архиве Государственного литературного музея)

Стр. 138. *...сказал Микитову.*— Советский писатель И. С. Соколов-Микитов (1892—1975) находился в товарищеских отношениях с Пришвиным в течение многих лет. Он оставил воспоминания о Пришвине (см.: Соколов-Микитов И. С. Собр. соч. в 4-х томах, т. 4. М., Художественная литература, 1966, с. 493—496).

Стр. 139. *Старый художник Г. С. Верейский хорошо нарисовал*

меня.— Портрет Пришвина, выполненный в 1948 г. Г. С. Верейским (1886—1962), помещен в первом томе настоящего издания.

«Юбилейный вечер» — вечер, посвященный семидесятипятилетию Пришвина, 5 февраля 1948 г.

Особенно выразительно сказал Семашко. — Семашко Н. А. (1874—1949), советский государственный деятель, первый нарком здравоохранения, товарищ Пришвина по гимназии и работе в марксистских кружках (см.: Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., Политиздат, 1960)

Стр. 140. *Так я еще мальчишкой разрядился... на Розанова.* — См. эпизод с В. Розановым в романе «Кашеева цепь» (наст. изд., т. 2, с. 96—98 и коммент. на с. 649—651).

Стр. 141. *...начал писать своего «Царя».* — Так в дневниках Пришвин называл свой роман «Осударева дорога».

...напечатал первый свой рассказик «Дедок». — Имеется в виду рассказ, опубликованный в журнале «Родник» (1906, № 11—12) под названием «Сашок» (наст. изд., т. 1, с. 568—572).

У редактора Альмедингена... — Альмединген А. Н. — издатель детского журнала «Родник»; см. письма Пришвина к нему в архиве Альмедингена в Институте русской литературы в Ленинграде.

Стр. 142. *Очерк не пошел.* — Имеется в виду очерк «Охота и родина», опубликованный посмертно в кн.: «Охотничьи просторы», 1956, № 6.

Стр. 143. *...мои почитатели, видящие во мне Великого Пана...* — Речь идет о критике Ивипове-Разумнике Р. В. (1878—1946), опубликовавшем статью о Пришвине «Великий Пан» (Речь, 1911, № 23).

Стр. 147. *П. С.* — Оршанко П. С., друг Пришвина. См. о нем в кн.: Пришвина В. Д. Наш дом, изд. 2-е. М., 1980, с. 97—103.

Стр. 148. *Лина Михайловна По* (Горенштейн П. М.; 1899—1948) — балерина, в 1934 г. после потери зрения стала скульптором. В дневнике от 12 июня 1948 г. Пришвин записал: «Рассказ о Лине По возбуждает чувство благодарности за жизнь (моя жизненная тема). Шевельнулась в душе героиня моей будущей повести о Третьяковской галерее» Замысел осуществлен не был. 21 сентября 1951 г. — новая запись о ней: «Она была борцом за достойную жизнь человека здесь, на земле. Она сделала для этого все, и что может быть больше того, чтобы слепая давала свет людям» (ЦГАЛИ).

Стр. 152. *...начал читать дневник — начало выполнения большого дела.* — В 1948 г. Пришвин приступает к работе над книгой «Глаза земли».

Стр. 155. *...дирижер Н.* — Мравинский Е. А. (род. в 1903 г.), советский дирижер, пародный артист СССР; о его дружбе с Пришвиным см.: Пришвина В. Д. Наш дом, изд. 2-е. М., 1980, с. 263—265.

Стр. 158—159. *...в Париже... влюбился в призрак...* — Пришвин вспоминает свою любовь к Измалковой В. П., с которой он встречался в Париже в 1902 г.; см. также коммент. к с. 112.

Стр. 159. *Помню, у Горького за столом был разговор...* — Имеется

в виду встреча с Горьким на его даче в Финляндии в сентябре 1915 г. (см. Семеновский Д. А. М. Горький Письма и встречи. — В сб. «М. Горький в воспоминаниях современников» Гослитиздат, 1955, с. 392—393). Многолетние отношения Горького и Пришвина получили отражение в их переписке («Горький и советские писатели» — ЛН, т. 70, с. 319—362).

Стр. 161. *«Пьер и Люс»*. — Повесть Р. Роллана (1866—1944) «Пьер и Люс» (1920) о любви двух юных парижан, встречающихся в Люксембургском саду, напоминает Пришвину его юношеский роман с В. П. Измалковой.

В 1928 г. Пришвин по совету Горького послал Роллану свои книги. В ответном письме Р. Роллан писал: «Для меня не было неожиданностью тот мир высоких идей, которые Вы выражаете в Вашем искусстве... Я успел познакомиться с Вашими новеллами, о красоте которых мне рассказал мой русский друг, прочитавший их» (сб.: «Пришвин и современность» М., 1978, с. 128).

Стр. 162 *сбори из листков этих букет и книжечку назови. «Незабудки»*. — Запись обращена к В. Д. Пришвиной, которая, выполняя это завещание, опубликовала сборник: Пришвин М. Незабудки (Отрывки из дневниковых записей (1914—1954 гг.) Вологда, 1960, изд. 2-е — М., Художественная литература, 1969).

Стр. 163. *Р. Н. Зелинская*. — См. о ней коммент. к с. 110.

Стр. 167 *М. В.* — Рыбина Мария Васильевна, домашняя работница Пришвиных, ставшая за долгие годы членом их семьи.

Стр. 169. *Вчера был «Иван постный»*... — 14 сентября по н. ст.

Стр. 172 *«О первый ландыш! Из-под снега//Ты просишь солнечных лучей...»* — Начальные строки стихотворения А. А. Фета (1820—1892) «Первый ландыш» (1854).

Стр. 173. *Вчера ездил в Иславское*... — Деревня недалеко от Дунина.

Уложил желанный мазок для своей лесной повести... — Имеется в виду повесть «Корабельная чаща».

Стр. 174. *..я недаром отдал юность свою Вагнеру*. — Пришвин вспоминает свое увлечение музыкой Вагнера в годы учебы в Лейпцигском университете (1900—1902).

Стр. 177. *Сказочка о св. Франциске*. — Запись навеяна чтением книги о Франциске Ассизском В. Конради («Книга о святом Франциске». СПб., 1912) и вызвана стремлением Пришвина объяснить свое творчество тем критикам, которые рассматривали его обращение к природе как уход от общественной борьбы.

«Ненициллин» — первоначальное название рассказа «Золотая рука».

Стр. 180 *Рассматривал негатив Ключева*... — С поэтом Ключевым Н. А. (1887—1937) Пришвин встречался в Петербурге в 1908—1909 гг.

Стр. 195. *Рассказ «Арина»*. — Первоначальное название рассказа «Молодой колхозник».

Стр. 198. *Были... на концерте Юдиной*. — Запись сделана после

концерта пианистки М. В. Юдиной (1899—1970), которая исполняла произведения Шуберта и Бетховена.

Стр. 199. *«Мед»*.— Имеется в виду рассказ «Заполярный мед»

Стр. 201 *...был обрадован рукописью В. Смирнова..* — Речь идет о первой части романа В. А. Смирнова (1905—1979) «Открытие мира» (1947).

Стр. 203. *Н.— это биографист.*— Имеется в виду Перовская О. В. (1902—1961), автор рассказов и повестей о животных.

Стр 210 *В «Идеальном муже» Уайльда* — Запись сделана под впечатлением спектакля МХАТа «Идеальный муж» по пьесе английского драматурга О. Уайльда (1854—1900). В дневнике 11 октября 1951 г. Пришвин пишет «Читаю О. Уайльда. Через него начинаю понимать декадентов как попытку личности стать дальше своего времени, преодолеть свое время. Сознательно-рационально этого сделать нельзя» (ЦГАЛИ)

Стр. 211. *Когда я прочитал свой сценарий...*— Имеется в виду сценарий по повести «Кладовая солнца» под названием «Серый помещик» (1947). Фильм поставлен не был. Сценарий опубликован в сб.: Пришвин и М. Повесть нашего времени. Ярославль, 1957, с. 149—202

Стр. 212 *.. Гёте скачет через Филимона и Бавкиду, Пушкин — через Евгения.*— Пришвин имеет в виду героев драмы Гёте «Фауст» Филимона и Бавкиду, которые погибают по вине Фауста; Евгений — герой поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник».

Размышляя над одной из главных проблем своего творчества — проблемой личности и общества, Пришвин в дневнике от 25 июня 1952 г. пишет: «Тема нашего времени — это... как любить всех, чтобы сохранить внимание к каждому?» (Собр. соч. 1956—1957, т. 6, с. 599).

Стр 216. *Как Бунин любил крик перепела! Он восхищался всегда моим рассказом о перепелах.*— Русский писатель Бунин И. А. (1870—1953), как и Пришвин, уроженец Орловщины, восхищался рассказами Пришвина, навеянными воспоминаниями детства, особенно рассказом об охотнике за перепелами Гуське («У горелого пня». — Аполлон, 1910, № 7). Позднее рассказ вошел в роман «Кашеева цепь» (наст. изд., т. 2, с. 23—28). Пришвин встречался с Буниным до революции в Петербурге.

Ремизов... начинал разговор перепелиным сигналом.— Знакомство Пришвина с русским писателем Ремизовым А. М. (1877—1957) состоялось в Петербурге в 1907 г.

Шалапин... улыбался, когда я рассказывал о перепелах, и Максим Горький...— Речь идет о встрече Пришвиным Нового года (1915) в обществе М. Горького, Ф. Шалапина. См. об этом: Пришвин М. «Кашеева цепь» (наст. изд., т. 2, с. 459—461); а также. «Летопись жизни и творчества А. М. Горького», вып. 2, 1908—1916. М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 467. В письме к Горькому от 8 мая 1915 г. Пришвин писал: «Часто вспоминаю вас с Шалапиным, — очень, очень радостно мне было с вами обоими встретиться...» (ЛН, т. 70, с. 322).

Ф. Шалапин восторженно отзывался о рассказах Пришвина в письме

к Горькому от 30 марта 1912 г.: «А Пришвин-то?.. Как написано «Озеро Крутоярое», а? — захлебывался я! Чудесно!» («Федор Иванович Шалыпин»). Сборник в 2-х томах, т. 1. М., Искусство, 1960, с. 352).

В дневнике от 6 августа 1946 г. Пришвин размышляет о своей близости к Горькому и Шалыпину, называя их своими братьями: «Они были мне близки по чувству родины и разрешению этого чувства в природе, в детстве и вытекающему отсюда таланту» (ЦГАЛИ).

Стр. 220. «Лирика». — В первой редакции запись имела конец: «Моя сущность есть лирика. Лирика в географии. География, принятая к сердцу» (ЦГАЛИ).

Стр. 220—221. ...самое прочное произведение у Горького — «Детство». — См. такую же оценку «Детства» М. Горького в письме Пришвина к Горькому от 4 июня 1915 г. (ЛН, т. 70, с. 323) и в воспоминаниях Пришвина о Горьком (см. коммент. к наст. изд., т. 2, с. 460).

Стр. 233. *Соловьиная поэма Блока*... — Имеется в виду поэма А. Блока (1880—1921) «Соловьиный сад» (1915).

Анциферов Н. П. (1889—1958) — советский литературовед, автор работ о Пушкине, Тургеневе, Достоевском.

Стр. 235. *Как мы мечтали... о женщине будущего по Бебелю!* — Пришвин вспоминает свое увлечение в молодости книгой А. Бебеля (1840—1913) «Женщина и социализм» (1879). В дневнике от 20 декабря 1908 г. Пришвин писал: «Мы принимали крещение от Августа Бебеля за благоговейным чтением его книги «Женщина и социализм». ...Мной овладели две идеи этой книги: первая, что близко время мировой катастрофы, и вторая, что женщина после этого, «женщина будущего» явится такой, как я желал в сокровенной глубине детства своего» (ЦГАЛИ).

Стр. 241. *Дорого в такой книге то, что она является звеном культурной традиции писателей русских натуралистов*... — Речь идет о книге А. А. Носимовича «Записки натуралиста» (1948), о которой в дневнике от 12 апреля 1948 г. Пришвин писал: «Читая Носимовича, мы вспоминаем подобные хорошие книги А. Формозова, Б. Житкова, С. Турова и многих других» (ЦГАЛИ).

Стр. 248. *Гёте где-то сказал, что простой человек в своем неясном устремлении всегда прав*. — Очевидно, Пришвин имеет в виду строки из «Фауста» Гёте:

Добрый человек в своем стремлении темном
Найти сумеет настоящий путь.

(Перевод А. Фета)

Стр. 249. *Паустовский написал повесть «Преодоление времени»*... — Повесть К. Г. Паустовского (1892—1968) «Преодоление времени» (1948) в последующих изданиях получила название «Повесть о лесах».

Стр. 252. *Вспомнив Декарта «Я мыслю, значит, я существую»*... — Пришвин цитирует известное положение, высказанное Декартом в его труде «Начала философии» (1644).

Стр. 254. ...землетрясение в Ашхабаде.— Речь идет о землетрясении 1948 г.

Стр. 256. *У художников школы Чистякова...*— Русский живописец-реалист П. П. Чистяков (1832—1919) — учитель И. Репина, В. Сурикова, В. Серова. Пришвин называл его «патриархом русского реализма».

Стр. 259. ...сказано, что если кто имеет этой веры в горчичное зерно и скажет горе подойти к нему, то гора подойдет.— Пришвин неточно пересказывает притчу из Евангелия.

Стр. 261. ...таков был Вересаев со своим поведением, противопоставленным поэзии Пушкина.— Речь идет о книге советского писателя В. В. Вересаева (1867—1945) «Пушкин в жизни» (1927).

Разговор начался с того, что... «снег выпал только в январе на третье в ночь».— Пришвин имеет в виду разговор с известным исследователем творчества Пушкина С. М. Бонди. «Снег выпал только в январе ..» — строка из романа Пушкина «Евгений Онегин» (гл. 5).

Стр. 262. *«Начало романа».*— Запись представляет собой набросок начатого Пришвиным романа о художнике. В дневнике от 28 апреля 1949 г. он пишет: «Если «Новый свет» (роман «Осударева дорога». — В. К.) будет напечатан... то я немедленно берусь за роман, имеющий темой «искусство, как поведение художника» и обнимающий время от 1914 г. до 1917 г.» (ЦГАЛИ). Герой романа Кузьмин после четырехлетнего пребывания за границей возвращается на родину в канун войны 1914 г. Роман о художнике Пришвиным написан не был.

Стр. 266. *Еще я думал. . о бедном N* — Речь идет о писателе Ильенкове В. П. (1897—1967), авторе романа «Большая дорога» (1949).

Стр. 267. *Ляшко Н. Н.* (1884—1953) — советский писатель.

Стр. 269. ...спросил Виктора Ивановича...— Филиппов В. И. (1857—1906) — энтомолог, лесовод, у которого Пришвин работал секретарем в первые годы своей жизни в Петербурге.

Я приехал... на могилу.— В 1910 г. после смерти Л. Н. Толстого Пришвин приезжал в Ясную Поляну вместе со своей матерью. См. об этом: Пришвина В. Д. М. М. Пришвин о Л. Н. Толстом — В сб. «Творчество Л. Н. Толстого». М., Гослитиздат, 1959, с. 459—501.

Стр. 272. ...лесник Доронин Н. Т.— один из прототипов героя повести «Корабельная чаща» Василия Веселкина. См. о Доронине в кн.: Пришвина В. Д. Наш дом, изд. 2-е, с. 135—137.

Стр. 277. *«Пишу, как и живу: свободно и свободно».*— См. коммент. в наст. изд., т. 2, на с. 663

Стр. 279. *«Мой герой».*— Речь идет о П. С. Оршанко, одном из прототипов Васи Веселкина, героя повести «Корабельная чаща» (см. коммент. к с. 147)

Стр. 282. *Есть в ...странице К. Леонтьева десять строк в защиту войны.*— К. Н. Леонтьев (1831—1891) — русский писатель и критик, представитель позднего русского славянофильства, сторонник монархиз-

ма. Пришвин имеет в виду строки из его статьи «Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л. Н. Толстого».

Стр. 284. *«Книга о Толстом...»* — Имеется в виду «Летопись Государственного литературного музея», кн XII, т 2 М., 1948 Под ред и с предисл. В. Д. Бонч-Бруевича.

С. А. — Софья Андреевна Толстая, жена Л. Н. Толстого.

Стр. 286 *Сарра Лебедева начала лепить с меня голову.* — Скульптор С. Д. Лебедева (1892—1967) в 1945 г. работала над бюстом Пришвина.

Стр. 288. *«За мир!»* — Запись сделана после подписи под Стокгольмским воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира (1950).

Стр. 292. *Слова Белинского, что Россия скажет миру новое слово...* — Имеются в виду слова Белинского из статьи «Взгляд на русскую литературу 1846 года» «...мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль, но какое это слово, какая мысль — об этом пока еще рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряженного разгадывания, потому что это слово, эта мысль будет сказана ими» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т 10 М., Изд-во АН СССР, 1956, с 21). См. в повести «Корабельная чаща» (наст. изд., т 6, гл 8, с 252).

Стр. 293. *П.* — Пелевин В. И., старый знакомый семьи Пришвиных.

Стр. 294. *Профессор Н...* — Половинкин А. А. (1887—1955), географ, член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР.

Стр. 295. *Стэнли Холл* (1846—1924) — американский психолог.

Трехлетний мальчик Витя... — Имеется в виду Савосин В. И., житель деревни Дунино, в детстве бывавший в доме Пришвиных.

Стр. 298. *Когда моя подруга на свиданье с Калининым...* — В 1944 г. Пришвин был в Кремле на приеме у Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина вместе со своей женой, В. Д. Пришвиной.

Стр. 300. *...Брюсов... неожиданно нежно о птичке сказал.* — Можно предположить, что Пришвин имеет в виду строки из стихотворения В. Я. Брюсова (1873—1924) «Явь» (1923).

...Но, быть может, писк муромской иволги

Кровью каплет в египетский Нил

Стр. 305. *Читаю глубоким чтением Аксакова...* — К чтению биографических повестей С. Т. Аксакова (1791—1859) Пришвин обращался, неизменно ценя в них простоту и гармонию. В дневнике 11 февраля 1951 г. он писал «Приближаюсь понемногу к Аксакову, но у него дается простота его правдой, а у меня искусством» (Собр. соч. 1956—1957, т 6, с 357).

Стр. 307. *...Гамсун в своем демоническом бродяжничестве устарел.* — К такому заключению Пришвин пришел, перечитав в 1950 г. роман норвежского писателя К. Гамсуна (1859—1952) «Пан» (1894).

В дневнике от 24 июня 1942 г. Пришвин вспоминает свой разговор о Гамсуне с Мережковским и Блоком в 1912 г.: «Помню, Мережковскому

я сказал, что «Пан» Гамсуна — превосходная поэма. «Раз три прочел, — ответил М., — и не мог понять, чем увлекаются, если герой — дурак». — «Я тоже читал, — ответил Блок, — там чудесная природа, но так... я тоже не нахожу ничего» — «Но это же не мало, дать природу, как Гамсун». — «Я не знаю, — сказал М., — какой интерес заниматься природой после Гёте о пантеизме все сказано, все пережито, все старо»

Совершенная правда была в словах М., но она тогда не могла меня тронуть, потому что я сам должен был пережить пантеизм по-своему» (ЦГАЛИ) Об эволюции отношения Пришвина к Гамсуну см. Круглеевская В. В. Пришвин и К. Гамсун — В сб. «Проблемы литературы и эстетики» Орджоникидзе, 1979, с. 126—136

Наташа Р — Наташа Ростова, героиня романа Л. Н. Толстого «Война и мир» (1869).

Стр 311. *З сказала*.. — Барютина З. Н. (1893—1979), друг семьи Пришвиных.

Разрешалась в этот день охота. — 2 августа, в Ильин день

Стр 314. *...мой дядя Ив. Ив.* — Игнатов Иван Иванович; см. о нем в романе «Кашеева цепь», где он назван Иваном Астаховым (см. наст. изд., т. 2, коммент. на с. 649)

Стр 317 *Родионов К. С.* — пчеловод, см. о нем в рассказе «Заполарный мед» (наст. изд., т. 5).

Стр 331. *Бахметьев В. М.* (1885—1963) — советский писатель.

Стр 333. *«Слово-звезда»*. — В архиве Пришвина сохранился и другой вариант этой записи, опубликованный в альманахе «Наш современник», 1956, кн. 1

«Бывает, иная звезда для себя погасает на небе, а для нас на земле свет от нее остается еще на тысячи лет, и наши поколения, сменяясь одно за другим, все видят эту звезду.

Так иное слово человеческое слетит и останется в веках между людьми — нет того человека, а слово летит из поколения в поколение, как свет угасшей звезды во вселенной.

И я был в этом свете и часто писал..»

Стр 389 *сказал бы дедок* — Имеется в виду птицелов, по прозвищу Дедок; см. о нем рассказ Пришвина «Сашок» (наст. изд., т. 1, с. 568).

Стр. 393. *...называется воспарением земли.* — В дневнике, обращая внимание на слово «воспарение», Пришвин пишет «Какие чудесные выразительные русские слова. Начнем же их выводить в люди» (ЦГАЛИ)

Стр 430 *Композитор Н* — Речь идет о Мравинском Е. А. см. коммент. к с. 155 наст. тома.

Стр 435. *«В природе милости нет...»* — Пришвин перефразирует советского биолога и селекционера И. В. Мичурина (1855—1935): «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача».

Голубиная книга. — См. коммент. к наст. изд., т. 1, с. 429.

Стр 442. *Как Тургеневу запахло родной коноплей на полях Герма-*

нии! — Имеются в виду слова героя из повести Тургенева «Ася»: «Я оставился и увидел возле дороги небольшую грядку конопли. Ее степной запах мгновенно напомнил мне родину и возбудил в душе страстную тоску по ней».

Стр. 443. *В юности я поехал на Кавказ...* — Первая поездка Пришвина на Кавказ состоялась в 1894 г.

А то еще была у меня на Кавказе встреча с ледником на Эльбрусе. — Речь идет о второй поездке Пришвина на Кавказ в 1936 г., когда он был в горных районах Кабардино-Балкарии. См. об этом Пришвина В. Д. М. М. Пришвин в Кабардино-Балкарии (Охотничьи просторы, М., 1967, № 25, с. 73—81).

Стр. 444. *«Напутствие пионерам».* — Из выступления на слете пионеров 7 января 1948 г.

Стр. 445. *«Охота».* — Запись сделана во время работы над очерком «Охота и родина» (1948).

Стр. 449. *Прочитал популярную астрономию Спенсера Джонса.* — Книгу английского астронома Джонса С.-Х. (1890—1960) «Жизнь в других мирах» Пришвин хранил в своей библиотеке.

«...на воздушном океане хоры стройные светил» — Пришвин приводит строки из поэмы Лермонтова «Демон» (1838).

Стр. 451. *Помню, Блок, прочитав какую-то мою книгу о природе, сказал мне...* — Речь идет об отзыве Блока на книгу Пришвина «За волшебным колобком» (1908). Разговор с Блоком см. в «Моем очерке» (наст. изд., т. 3, с. 6); см. также коммент. к наст. изд., т. 1, с. 801.

К этому разговору с Блоком Пришвин возвращается в дневниковой записи от 23 ноября 1952 г.: «То, о чем спрашивал меня Блок, прочитав «Колобок»: «Вы сливаетесь с природой во время путешествий, скажите, как это возможно человеку и сливаться: ведь это же нельзя?» Ответ на этот вопрос был бы близким к правде, если бы я жизнь свою взял в одну большую скобку и назвал бы это смирением...» (Собр. соч. 1956—1957, т. 6, с. 651). Он продолжает размышлять об этом и в 1953 г.: «...я гасил себя в соприкосновении с самой землей, стараясь захватить из нее хоть что-нибудь на память, хоть что-нибудь на показ людям во свидетельство великой, радостной, цельной жизни» (ЦГАЛИ).

Стр. 456. *...пахло мне... детской лошадкой, какие возили нам в детстве в подарок от Троицы.* — Пришвин вспоминает детские игрушки, которыми издавна славился город Сергиев (ныне Загорск Московской области). Об этих игрушках, живо напоминающих ему детство, Пришвин пишет и в дневнике от 29 января 1953 г.: «...я никогда не забуду запах детских лошадок, какие привозили нам, бывало, от Троицы. Вот, может быть, под конец доставят мне, глубокому старику, такую лошадку, и я ей улыбнусь...» (Собр. соч. 1956—1957, т. 6, с. 352).

СОДЕРЖАНИЕ

НАТАСКА РОМКИ Из дневника охоты 1926—1927	6
ГЛАЗА ЗЕМЛИ	
Дорога к другу	86
Раздумья	200
Зеркало человека	334
Комментарии	460

Пришвин М. М.

П77 Собрание сочинений. В 8-ми т. Т. 7. Натаска Ромки; Глаза земли/Подгот. текста и коммент. В. Круглеевской и А. Макарова; Худож. Ф. Домогацкий.— М.: Худож. лит., 1984.— 479 с., ил.

В седьмой том Собрания сочинений М. М. Пришвина вошли произведения, созданные писателем по материалам его дневников,— «Натаска Ромки» (Из дневника охоты 1926—1927) и «Глаза земли»

П 4702010200-232
028(01)-84 подписное

ББК 84Р7
Р2

Михаил Михайлович

П р и ш в и н

Собрание сочинений.
том 7

Редактор Л. Платонова

Художественный редактор Г. Масляненко

Технический редактор О. Ярославцева

Корректоры Д. Эткина и А. Юрьева

ИБ № 3352

Сдано в набор 18.10.83 Подписано к печати 25.06.84 Формат
84×108¹/₃₂ Бумага типограф № 1. Гарнитура «Обыкновенная
новая» Печать высокая Усл. печ. л. 25,2 Усл. кр.-отт. 25,2
Уч.-изд. л. 24,37 Тираж 150 000 экз. Изд. № 11—1543 Заказ 1123
Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература» 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

Фотонабор и верстка выполнены системой АККОРД, разработанной в УНИИПП г. Львов, внедренной в ЛПТО «Печатный Двор»

